

ИЗВЕСТИЯ

Архитектурно-этнографического
музея «Тальцы»

Выпуск 9

Иркутск, 2017

УДК 050+39(571.53)
ББК 63.3(2Рос-4Ирк)я43
И 33

Издается по решению Ученого совета
Архитектурно-этнографического музея «Тальцы»

Редакционная коллегия: канд. культурологии Е. Ю. Колганова, канд. ист. наук Т. А. Крючкова, канд. ист. наук Ю. П. Лыхин, канд. культурологии В. В. Тихонов, канд. ист. наук А. И. Шинковой

Ответственный редактор Ю. П. Лыхин

И 33 Известия Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» / отв. ред. Ю. П. Лыхин. Иркутск, 2017. Вып. 9. 278 с.

ISBN 978-5-91345-268-9

NEWS

of Architectural and Ethnographic Museum «Talci»

Issue 9

Edition by permission of Scientific Council
of Architectural and Ethnographic Museum «Talci»

Editorial board: Candidate of Culturology E. Yu. Kolganova, Candidate of History
T. A. Kryuchkova, Candidate of History Yu. P. Lykhin, Candidate of Culturology
V. V. Tikhonov, Candidate of History A. I. Shinkovoy

Editor-in-Charge Yu. P. Lykhin

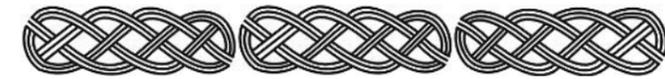
News of Architectural and Ethnographic Museum «Talci». Irkutsk, 2017. Iss. 9. 278 p.

ISBN 978-5-91345-268-9

И С Т О Р И Я

Г. Б. Красноштанов

**ВНОВЬ ОБНАРУЖЕННЫЕ ДОКУМЕНТЫ О ЕРОФЕЕ ХАБАРОВЕ
И ЕГО РОДСТВЕННИКАХ, ЗАГАДКИ И ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ**

Едва ли можно назвать другого человека, жившего в XVII в. и занявшего яркое место в российской истории, о котором в архивах отложилось бы такое огромное количество документов, кроме Ерофея Павлова Хабарова. Его биографией интересовались историки в XVIII и XIX вв. Но в XX в. в основном все свелось к переписыванию уже известных документов и их изложению. Когда я приступал к поиску документов о нем, ничего не было известно о месте его рождения, о его родителях (кроме имени отца), братьях (кроме Никифора), племянниках (кроме Артемия Петриловского), жене (кроме ее имени), не имелось подробностей о детях и других родственниках. Ни у кого из них не указывался ни год рождения, ни смерти, ни возраст на время составления документа. До сих пор есть много и других загадок, о которых пойдет речь в данной статье.

I. Документы к родословной Ерофея Хабарова

Среди многочисленных документов о Ерофее Хабарове нет таких, в которых бы записывалась вся его семья по состоянию на какой-либо год, нет этого даже в переписных книгах. Они какие-то неполные. И лишь иногда, как бы случайно, встречаются упоминания о его родственниках. Исключение составляют его брат Никифор и племянник Артемий Филиппов Петриловский. Поэтому есть необходимость упорядочить все случайные упоминания.

Самым ранним документом, в котором упоминается отец Ерофея Хабарова, является обнаруженная нами купчая на деревню Выставок Ленивцев Сольвычегодского уезда, датированная 22 марта 1626 г. Она была найдена уже после издания книги «Ерофей Павлович Хабаров» [1] и опубликована полностью в статье «В поисках родины Хабарова» в сборнике «Двинская земля» [2] и в «Известиях Архитектурно-этнографического музея "Тальцы"» [3]. А здесь мы приведем ее начало.

«Се аз, Наталья Аникиева дочь Гусева, да со своими детьми, яз Родион да Логин, да Иван, да Улита, Антонида да Устинья Петровы дети, Ваганского Алексинского стану продали есми Павлу, а по прозвищу Меньшику, Иванову сыну Хабарову Устюжского уезда Вотложемские волости, в Усольском уезде в Олексинском стану в Удимской волости Ленивской жар, чистую землю орамую и под лесом, и з двором, и з дворищем» [4].

Эта запись содержит ценные сведения. До этого не были известны отчество Павла Хабарова и его прозвище. Отчество Павла Хабарова позволило установить имя деда Ерофея Хабарова — Иван.

В упомянутой статье допущена ошибка в годе. Во фразе «с посеяною рожью, что сияна ко 135 (к 1 сентября 1625) году», 135 г. следует исправить на 133. А «1 сентября 1625 года» — верно. Сама купчая в целом датирована 22 марта 7134 (1626) г.

Самая ранняя писцовая книга по Устюгу Великому имеется в фонде 1209 (Поместный приказ, кн. 506). В «Описании документов и бумаг Московского архива Министерства юстиции», книга 1 (с. 280), эта писцовая книга датирована приблизительно: около 7134 (1625–1626) г.

Там Павел (Меньшичко) Иванов Хабаров записан в деревне Дмитровой: «Волость Вотложемская на реке на Двине» [5].

И далее:

«Деревня **Дмитрова** на реке на Двине, а в ней крестьян:

Двор — Микитка Меньшиков Хабаров.

Да троецкого церковного дьячка Ортюшки Микитина двор — Сенка Елисеев. Да в том же дворе тоё же волости крестьянина Онички Новоселцова половник Васка Другов. <...>

Пустошь, что была деревня **Святица** на реке на Двине, а дворы и треть ее поле[й] сметало рекою Двиною.

Пашут наездом тоё же волости крестьяне из деревни **Часовницкие** Васка Хабаров да из деревни **Наумовской** Федосейко Васильев, да из деревни **Дмитрова** Меньшичко Хабаров» [6].

Из этой записи следует, что Меньшичко [Павел] Хабаров в деревне Дмитровой после наводнения своего двора не имел, а жил у сына Микитки.

А чей сын Васька Хабаров, не поясняется. Больше о других Хабаровых в Вотложемской волости, в том числе о Ерофее и Никифоре Павловых, почему-то не упоминается.

В этой же книге есть запись, из которой выясняется, что Меньшичко Хабаров раньше имел мельницу совместно с другим крестьянином.

«С мельницы, что была на оброке за Логинком Верещагиным да за Меньшичком Хабаровым, а ныне на оброке за Офонькою Верещагиным, старого оброку восемь алтын две деньги да новые наддачи десять денег. И обоего, по десяти алтын на год» [7].

Мельница, видимо, была продана.

В упомянутой книге 506 по Устюгу Великому за 7134 (1625–1626) г. несколько раз говорится о более ранней приправочной книге Юрия Стромиллова с товарищи 128 [1619–1620] г. В ней должны были быть записаны Хабаровы, когда они жили в деревне Святице, до злополучного наводнения. Но в описи фонда 1209 (Поместный приказ) ее нет. Видимо, утрачена.

За 1625 г. имеется также писцовая книга Соли Вычегодской. Там записано: «Деревня Выставок Ленивцев, а в ней крестьяне:

Двор — Родька да Логинко Петровы дети Судницына.

Двор — Пронька Игнатъев сын Дерягин з братьею, с Лучкою, с Сенькою. А Родька да Логинко владеют по купчей 125 [1616–1617] году» [8].

Из купчей известно, что Родька да Логинко Петровы дети Судницына — сыновья Натальи Аникиевой Гусевой. А муж Натальи Аникиевой, Петр Судницын, видимо, умер.

Так было до продажи деревни Выставок Ленивцев Павлу Хабарову.

В фонде 141 (Приказные дела старых лет) имеется небольшой документ, содержащий очень ценные сведения. Его я заказывал еще в 2005 г., но мне его не выдали по причине «ветхости». Повторно заказал и на этот раз получил его я в 2017 г.

Из этого документа следует, что вопреки писцовой книге Павла (Меньшичка) Хабарова в 1626 г. уже не было в живых.

«Список с подписные челобитные, 141 [1632] году, ноября в 20 день.

По государеву [титул] указу Вотложемские волости земскому судейке Илейке Буйнову с товарищи.

По сей челобитной взять у вдовы, у Домницы, да у сына ее, у Никитки, житнишной ключ, да взяв с собою сторонних добрых людей, да с теми сторонними людьми тоё житницу отомкнуть.

Да что в той житнице вдовы Домницы да сына ее Микитки живого хлеба, или какие подворные рухляди есть, и тое рухлядь всеё отдать вдове Домнице да сыну ее Микитке. А очистя тоё житницу, и ключ отдать Дениску Гаврилову Рогова.

А государевы подати с тоё полдеревни на вдове, на Домнице, до Ильина дни (20 июля. — Г. К.) нынешнего 133 [1625] году против купчей, что муж ее, Меньшичко Хабаров, продал тому Дениску Рогову.

А у подлинные подписные челобитные — печать да припись: Подьячей Агейка Федоров руку приложил.

К сему списку поп Иван Яковлев руку приложил.

К сему подлинному списку Подосиновской диячек Васка Осипов Задарев руку приложил» [9].

Что следует из этого документа? Хотя он назван списком с челобитной, текста челобитной здесь нет, а описываются меры, принятые по той челобитной. Год в первой строке документа исправлен, причем так, что нельзя ручаться, что это 141. Это не год написания челобитной, а год написания **списка**. Год написания челобитной указан ниже, он без исправлений — 133. Важнее другое. Появляется возможность установить год смерти отца Ерофея Хабарова — Павла (Меньшичка) Хабарова. По состоянию на 20 июля 133 [1625] г. его жена Домница названа вдовой. И живет она в деревне Дмитрове со своим сыном Никиткой. О Ерофее и Никифоре не упомянуто.

Но тут возникает вопрос о датировании купчей [10] на деревню Выставок Ленивцев 22 марта 1626 г. Это не дата составления купчей, а дата составления **списка** с купчей. В документе, в котором содержится данная купчая, указано, что это список. А дата составления подлинника не указана. Создается видимость, что Павел Хабаров в это время был жив.

А сведения о Хабаровых, которые имеются в писцовой книге Устюга Великого [11], нужно датировать по крайней мере не ранее июля 1625 г.

В той же единице хранения, в которой содержится документ о вдове Домнице, есть челобитная Никифора Хабарова, имеющая прямое отношение к этому документу. Из нее становится ясным, почему вдова Домница обязана была освободить житницу и отдать ключ Денису Данилову Рогову.

«Царю [титул] бьет челом сирота твой, Усольского уезда Олексинского стану Микифорко Павлов Хабаров.

В нынешнем, государь, во 148 [1639–1640] году, бил челом государю я, сирота твой, Устюжского уезда Вотложемские волости на Дениска Рогова в

закладной в полудеревни Дмитрова в пятидесяти рублях, что ему заложил отец мой Павел.

И то, государь, дело ныне на Устюге Великом в Съезжей избе.

<...> Вели, государь, то наше дело земляное взять перед твоим государевым дозорщиком, перед воеводу, перед Михаила Ивановича Спешнева да перед Павла Давыдова для подлинной справки» [12].

На обороте: «Послать память».

Упомянутое дело не обнаружено. А в памяти написано:

«Лета 7148 [1639], декабря в ... день.

По государеву [титул] указу воеводе Михайлу Ивановичю Спешневу да Орефе Башмакову.

В нынешнем 148 [1639] году бил челом государю [титул] Усольского уезда Олексинского стану крестьянин Микифорко Хабаров.

А в челобитной ево написано: бил челом государю, подал челобитную Устюжского уезда Вотложемские волости на крестьянина, на Дениска Рогова, в закладной полудеревне, что заложил отец ево, Микифорков, Павел Хабаров половину деревни Дмитрова. И то де их земляное дело ране вершено. И за кем та половина деревни Дмитриевы — в дозорные книги записать — про то ведать не по чему.

И по государеву [титул] указу воеводе Михайлу Ивановичю Спешневу да Орефе Башмакову то земляное дело по челобитью Микифорка Хабарова Устюжского уезда Вотложемские волости с крестьянином, з Дениском Роговым, в закладной половине деревни Дмитриевы дозорнова дела к подьячему, к Павлу Давыдову, для земляные росправы и для ведома, за кем та половина деревни Дмитриевы доведетца, в дозорные книги записать.

Такова память послана...» (не окончено) [13].

Этот документ не согласуется с писцовой книгой. Там у Павла Хабарова в деревне Дмитровой даже двора не записано. А здесь сообщается, что Павел Хабаров заложил половину деревни Дмитровой.

Действительно, после покупки деревни Выставок Ленивцев и заклада полдеревни Дмитровой никаких изменений в писцовые книги внесено не было. В РГАДА есть фонд 137 (Боярские и городские книги). Там имеется Список с сотной Шемогорской и Вотложемской волостей Устюжского уезда письма и меры Вышеславцева и подьячего А. Федорова. В нем есть запись о Хабаровых [14].

Она дословно повторяет приведенные выше записи из писцовой книги. Там Павел Хабаров числится в живых, о закладе половины деревни Дмитровой не упоминается, несмотря на то что список датирован 1631 г.

Что же касается Никифора Хабарова, то он постоянно не жил в Усольском уезде, а бывал наездами. До подачи этой челобитной он упоминался в Енисейске в сентябре 1637 г. [15].

Еще более поздняя и более краткая запись о брате Ерофея Хабарова Микитке Хабарове содержится также в книге фонда 137 за 1646 г.:

«Деревня Дмитрово на реке на Двине. А в ней крестьян:

Двор — Микитка Меньшиков Хабаров.

Двор — половник Сенька Елисеев да Васка Другов» [16].

И здесь о закладе половины деревни Дмитровой не упомянуто.

Хотя следующая по времени книга Устюга Великого в фонде 1209 (Поместного приказа) за 1658 г. названа подлинной переписной книгой дворов,

по сути таковой она не является. В ней переписаны только крестьяне, взятые в солдаты. Там упоминается о сыне и внуке Васьки Хабарова:

«Деревни Часовина

Двор — Емельян Васильев сын Хабаров, сын его Петр» [17].

Писцовых книг в фонде 1209 (Поместного приказа) за промежуток времени с 1626 по 1645 г. нет. А сведения о том, где жили или числились Ерофей и Никифор Хабаровы после покупки деревни Выставок Ленивцев, содержатся в документах фонда 141 (Приказные дела старых лет). В книге «Ерофей Павлович Хабаров» на с. 24 описан расспрос торговых и промышленных людей о местах жительства Ерофея и Никифора Хабаровых. Наиболее полные сведения сообщил торговый человек Шестой Савельев Белобород:

«Торговой человек Шестой Савельев Белобород, Соли Вычегодские посадской человек, сказал по государеву крестному целованью:

Слышил де я на Устюге от отца их, Ярофеева и Микифорова, от Павла, что оне, Микифорко и Ярофейко, в делу [т. е. отдельно]. А живет де он, Ярофейко, в Устюжском уезде на Вотложемском стану в деревне в Дмитриеве, а Микифорко с отцом своим, с Павлом, в Усольском уезде в деревне на Ленивице».

Когда Ерофей Хабаров стал числиться в деревне Выставок Ленивцев, точно неизвестно, но в Енисейской таможенной книге 1635 г. есть такая запись:

«Того ж дни [4 сентября 1635 года] у промышленного человека, у Ярофейка Павлова Хабарова **Усоля Вычегоцкого**, с перекупных со шти сороков з дватцати соболей взято дватцать шесть соболей с хвосты» [18].

Но в проезжей грамоте, выданной Ерофею Хабарову в Енисейске 25 мая 1638 г., написано:

«По государеву [титул] указу отпущен из Енисейского острогу промышленной человек Ярофейко Павлов Хабаров **устюжанин**» [19].

В купчей от 14 июля 1639 г. снова он назван устюжанином.

«Се аз, Федор Микифоров Балагур, красноярской казак, продал есми в Ленском остроге торговому человеку Ярафею Павлову Хабарову **устюжанину** ясырь свой» [20].

А 10 февраля 1641 г. в челобитной Ерофея Хабарова написано:

«Царю [титул] бьет челом твой государев сирота, торговой человек **Устюга Великого** Ярофейка Павлов Хабаров» [21].

Архивные документы, в которых интересующие нас Хабаровы упоминаются раньше 1625 г., обнаружить не удалось. Но все же удалось найти загадочный, давно опубликованный, документ **о пожаре в Устюжно-Николаевском Прилуцком монастыре в 1597 г.**, в котором упоминается житель Устюжского уезда Вотложемской волости Иван Артемьев сын Хабаров.

«1597. Явочная челобитная Устюжно-Николаевского Прилуцкого монастыря игумена Авраама с братьею о пожаре в монастыре и прочем.

Царю, государю и великому князю Федору Ивановичю всеа Руси быют челом и являют Николы Чюдотворца Прилуцкого монастыря с Двины реки, Устюжского уезда Ярокурского стану нищие твои государевы богомольцы, игумен Авраамнище яже о Христе с братьею.

В нынешнем, государь, во 105 [1597] году, мая в 30 день, грех ради наших, пришло, государь, Божие посещение: в монастыре оба храма погорели с образы и с книгами, и со всею церковною утварью. Да и кельи, государь, все погорели, да дворцы, государь, кои были около монастыря, все погорело».

Далее перечисляются многочисленные крепости, купчие, грамоты, которые сгорели. А затем:

«И в те поры, государь, многие люди съехались. Устюжского уезда Вотложемской волости Иван Григорьев сын Сабуров да **Иван Артемьев сын Хабаров** с родом и с племенем своим, и заговоры, и с ними, государь, иные многие незнаемые люди, кои на пожаре были, и меня, игумена Авраамьища, связали и хотели в огонь кинути. Да и всю братию хотели, государь, в огонь пометати для своей корысти, что мы им говорили о грабежу.

И как, государь, меня, игумена Авраамьища, связали, и в те поры, государь, казенной анбар россекли ж.

И в те поры, государь, казенной анбар россекли, и ржаной, государь, анбар россекли ж, и казну, и рожь по себе рознесли тот Иван Сабуров да Иван Хабаров, да Якуня, да Ивашко Зубцовы со своим родом и заговором с незнаемыми людьми, кроме иных крестьян, волостных людей, кои были тут на пожаре.

А казенного, государь, платья, старческого и всяково, и сукон черных и серых рознесли грабежом на пятнатцать рублей и на десять алтын и на два алтына и на две деньги.

Да обуви, государь, сапогов и улядей, и моршен, и кож дубленных на пять рублей с полтиною.

Да конские, государь, всякие снасти: обротей и хомутов, и попон, и дуг на рубль с гривною.

Да два седла, государь, — дватцать пять алтын две деньги.

Да медные порядни и судов всяких рознесли, и железные снасти всякие на три рубли на дватцать на один алтын с деньгою.

Да ржи, государь, рознесли те ж крестьяне, Иван Сабуров да Иван Хабаров, да Якуня, да Ивашка Зубцовы с своим родом и заговором, дватцать четыре четверти с осминою. А в те поры, государь, у нас сево лета купили по десяти алтын четверть.

Да ячмени, государь, рознесли тритцать с одною четверть. А ячень, государь, у нас сево лета купили по осмии алтын четверть.

Да овса, государь, рознесли тритцать семь четвертей. А овес, государь, купили в ту пору сего лета по шти алтын четверть.

И всего, государь, хлеба грабежного всяково, и всяково платья, и обуи всякие, и кож, и конские всякие снасти, и медные и железные порядни, и всяких судов, те люди, кои в сей явке имяны писаны, и с родом, и с племенем, и с своими заговоры на сорок на семь рублей на сорок на семь алтын с деньгою.

Да моего, государь, особного, игумена Аврамьища, рознесли грабежом платья и книг тот Иван с товарищи на восемь рублей с полтиною.

Да и впредь, государь, те люди угрожают боем и грабежом, и пожегом, и всяким лихим делом хвалятся везде.

Милостивый государь, царь и великий князь Федор Иванович всеа Руси! Вели наше челобитье и явку подписати Соли Вычегодские таможенным целовальником Гаврилу Иванову сыну Звягину с товарищи» [22].

Имя деда Ерофея Хабарова — Иван установлено без каких-либо сомнений. Не он ли Иван Артемьев? Если это так, то прадеда Ерофея Хабарова звали **Артемий**.

И еще одно существенное обстоятельство: в челобитной Иван Артемьев сын Хабаров упоминается не один, а с родом и племенем своим.

Выписка о Хабаровых из писцовой книги 1625–1626 г. приведена выше.

А Сабуровы и Зубцовы в этой писцовой книге в Вотложемской волости уже не упоминаются, видимо, выбыли.

Примечания:

Заговор — тайное согласие многих действовать против власти.

Мортни — обувь из бычьей сырой кожи, обмотанной вокруг ноги; привязываются веревками.

Порядни — снаряд, сбруя или снасть.

Уляди — тупоносые катаные коты, обранченные кожей с ушками; привязываются веревками.

О Прилуцком Николаевском монастыре в описании Амвросия имеются скудные сведения, относящиеся к более позднему, XVII веку. Из его описания выпишем только сведения о том, где он находился.

«Прилуцкий Николаевский заштатный монастырь, бывшей Устюжской, а ныне Вологодской епархии, находится в Устюжском уезде, от города Устюга к северу в 40 верстах, на заливе из Двины реки, в левой берег далеко углубившемся, и, вероятно, бывшем некогда логовищем самой Двины.

Когда и кем сей монастырь построен, за сгорением всех монастырских бумаг, осталось известно только, что в писцовых книгах близлежащего города Сольвычегодска он упоминается 7133, или 1625, года уже существовавшим, и писан с угодьями поземельными» [23].

Таким образом, в писцовых книгах о монастыре упоминается на 28 лет позже пожара.

В конце описания у Амвросия добавлено:

«Монастырь сей имеет положение свое к югу на высоком берегу Двинского займища, и потому весьма далеко со всей южной стороны по Двине виден. С севера близ его лежит погост Прилуцкой, и чрез него большая Архангелогородская дорога» [24].

Видимо, там, где на современной карте обозначен населенный пункт Березник.

После покупки деревни Выставок Ленивцев Ерофей и Никифор Хабаровы оба записаны в писцовой книге Соли Вычегодской за 1645 г.

«Деревня **Выставок Ленивцов**, а в ней крестьяне:

двор — **Микифорко Павлов Хабаров з братом с Ерофейком**, да с ними половники Куземка Терентьев да Васка Иванов, владеют по купчей Натальицы Аникиевы дочери Гусева 134 [1625] году» [25].

Но жили они в это время на Лене.

Затем их стали записывать поодиночке.

Следующая книга по Сольвычегодскому уезду от 25 марта 1646 г. за номером 15058. И хотя прошел всего лишь один год, запись в ней в корне отличается от предыдущей.

«Деревня **Выставок Ленивцов**.

Двор — крестьянин Никифорко Хабаров с племянником с Васкою Яковлевым шти лет.

На том же дворе в другой избе его ж половник Коземка Терентьев з детьми с Ъвашком да з Давыдком, да с Якушкой шти лет.

В той же избе другой половник Васька Малышев сыном с Пашкою пяти лет» [26].

Получается, что Васька Яковлев родился в 1640 г. Его не следует путать с Васькой Хабаровым, который упоминается в писцовой книге 506 на с. 338 об. в деревне Часовницкой (отчество которого не названо).

В книге 15058 от 25 марта 1646 г. Ерофей Хабаров не записан.

В переписной книге Соли Вычегодской 12 сентября 1647 г. записан Ерофей Хабаров, несмотря на то что он был на Лене.

«Деревня Выставок Ленивцов, а в нем:

Двор — крестьянин Ярофейко Павлов сын, прозвище Хабаров, с племянником, с Васкою Яковлевым.

Да у него ж половник Спиридонко Емельянов сын, прозвище Заплатин, з братом сродным с Васкою» [27].

Хозяйство, видимо, вел половник.

Здесь уже не записан Никифор Хабаров.

Подробные выписки о Хабаровых из переписных книг Устюга Великого и Соли Вычегодской приводятся на с. 60–65 нашей книги «Ерофей Павлович Хабаров». А потом их там перестали писать.

В документах о Ерофее Хабарове упоминается много различных родственников, но их родственные связи часто не описаны или описаны неопределенно.

За 1640 г. есть не совсем понятный документ, в котором Ерофей Хабаров упоминает своего брата:

«148 [1640] году, июня в 6 день, в Ленском острожке в Съезжей избе принес служилой человек Якунька Щербак короб. А в коробу тритцать полосмы [37,5] дюжины карт. А сказал: оставил де мне в прошлом году, 147-м [1638–1639] году, торговой человек Ярафейко Хабаров. И те карты взяты в государеву казну в Съезжей избе. Да снята его, Яркова, печать с короба, тут же в короб положена» [28].

А далее приводится грамотка (письмо) Хабарова Осипу Галкину, который тогда был приказным человеком в Ленском остроге:

«Господину моему Осипу Семеновичю Ярофейко Павлов челом бьет.

Как тебя господь сохраняет, а про меня поход ведать. И я жив, февраля 27 день.

Да умилосердись, Осип (написано: Яков. — Г. К.) Семенович. Были мои карты оставлены у Якова Щербака. И ты ему поговори, чем бы ему пожаловать, отдать брату моему Тимошки Сергеев[у]. А за тем челобитьем...» (конца нет) [29].

На обороте письма помечено:

«148 [1640] году, июня в 6 день, взята грамотка у промышленного человека, у Тимошки Сергеева устьцылемца.

Дана ся грамотка в Якутах Якову Данилову сыну Щербаку».

Дана как расписка за переданные карты. Сохранившаяся же часть письма является копией с письма Хабарова, поэтому и ошибка в имени Галкина. Видимо, карты в то время еще не были запрещенным товаром, как в более позднее время. Торговля ими приносила немалый доход.

Судя по отчету, Тимошка Сергеев не родной брат Ерофея, а двоюродный.

Тимошка Сергеев устьцылемец занимался торговлей хлебом и «промышленным заводом». Об этом есть запись в таможенной книге Якутского острога 1639–1640 г.:

«Да у промышленного человека, у Тимошки Сергеева усть-цылемца, с хлебного запаса и с промышленного заводу, по таможенной оценке и[с] ста со шестидесят рублей одиннатцати алтын четырех денег [деньга = ½ коп.], пе-

чатных пошлин, с рубля по деньги, итого дватцать шесть алтын полпяты [4,5] деньги» [30].

Этот Тимошка Сергеев задолжал Ерофею 240 руб.

«Царю [титул] бьет челом сирота твой государев, торговой человек Ярофейко Павлов Хабаров.

В прошлом, государь, во 149 [1641] году бил я челом тебе, государю, а подавал челобитную в Съезжей избе стольникам и воеводам, Петру Петровичю Головину с товарищи, по кабале на промышленного человека на Тимофея Сергеева усьцелемца в двухстах в сорока рублях.

И та челобитная подписана была и послана на низ с яшашным зборщиком, служилым человеком, с Курбатом Ивановым. И по той челобитной Курбат тово промышленного человека Тимофея Сергеева за порукою в Ленском остроге поставил в Съезжую избу перед стольника и воеводу Петра Петровича Головина с товарищом.

И по той кабале до меня, сироты твоего, от него, Тимофея, денги все дошли. И по той кабале мне до него, Тимофея, дела нет.

Вели, государь, порушную запись на него, Тимофея, выдать» [31].

На обороте: «К сей челобитной вместо Ярафейка Павлова по его велению ленской стрелец Ивашко Микитин руку приложил».

На обороте также помечено:

«150 [1642], июля в 17 день, подал челобитную торговой человек Ярко Павлов. А сказал: помирился с Тимошкою усьцелемцом, и исцом де по той кабале не стояти. И по Тимошке была в Жиганех взята поручная запись. И та запись велено отдать. И отдана порушная».

Об упомянутом здесь брате Хабарова Тимошке Сергееве устьцылемце ничего не известно. Судя по отчету и по месту рождения, это, видимо, двоюродный брат. Если он двоюродный брат, то в этом случае могут быть два варианта.

Первый: у отца Ерофея, Павла Иванова, был брат Сергей Иванов, а у него сын Тимошка Сергеев. Но этот вариант мало вероятен, так как обычно братья селятся рядом и Сергей Иванов в писцовой книге Вотложемской волости в 1625 г. упоминался бы, а он не упоминается. К тому же Усть-Цильма находится сравнительно далеко от родной деревни Ерофея — Святицы.

Второй: у отца Ерофея, Павла Иванова, или же у его матери, Домницы, была сестра (тетка Ерофея), у нее муж Сергей, а у них сын Тимошка. Этот вариант более вероятен.

О семье Ерофея Хабарова полной ясности нет.

О привозе жены на Лену он подавал челобитную в 1650 г., когда приезжал с Амура в Якутский острог за подкреплением. Эту челобитную с отпиской воевода Дмитрий Францбеков и дьяк Осип Степанов послали в Москву. В отписке сообщалось:

«В нынешнем, государь, во 158 [1650] году бил челом государю [титул], а нам, холопом твоим, подал челобитную Ярко Хабаров. И мы, холопи твои, тоёво челобитную под сею отпискою послали к тебе, государю к Москве» [32].

На обороте отписки отметка о подаче: «159 [1651] году, генваря в 26 день, подал ленской пятидесятник Иван Кожин».

А в челобитной Хабарова написано:

«Жил я, холоп твой, в твоей государеве отчине в сибирской уkraine на великой реке Лене с 140 [1632] году. <...>

И живу я, холоп твой, на великой реке Лене лет з дватцать. А женишко, государь, моя Василиска з дочеришкою моею с Наташкою и со внуком, и с племянницею живут на Устюге бес приюту. <...>

Вели, государь, ту мою женишку Василиску и з дочеришкою моею с Наташкою и со внуком, и с племянником, и с племянницею отпустить с Устюга ко мне, холопу твоему, в Якутской острог и подводы указать, чтоб, государь, моя женишко и з детишками без меня, живучи на Устюге без приюту, вконец не погибла» [33].

Челобитье, видимо, было удовлетворено, так как на обороте отписки Францбекова — помета, правда, не очень разборчивая: «Приказал боярин князь Алексей Иванович Трубецкой послать память в Устюжскую четь. Велеть жену и дочь, и племянницу [?], и внука из Устюга [?] отпустить» [34].

Неизвестно, кто был мужем Наташки и как звали внука Ерофея Хабарова. О них больше никаких упоминаний нет.

В челобитной записаны племянник и племянница, а в помете боярина Трубецкого — только племянница. Имя племянницы тоже неизвестно. А имя племянника названо в переписных книгах Соли Вычегодской за 1646 и 1647 гг. — Васька Яковлев. Выписки из них приведены выше.

Возникает вопрос, кто такой племянник Васька Яковлев? Племянник — это сын брата или сестры. У Ерофея брата по имени Яков не было. Значит, Васька Яковлев мог быть сыном какой-то неизвестной сестры Ерофея. Но тогда надо искать подтверждение о существовании этой сестры. Дело безнадежное, так как в писцовых книгах того времени записывали лиц мужского пола. Из лиц женского пола записывали только вдов, которые после смерти мужа вели хозяйство.

Не лучше ли сделать предположение, что Васька Яковлев не племянник Ерофея Хабарова, а его шурин, т. е. брат его жены Василисы? И при этом вспомнить, что на Лене были Панфилко Яковлев, его братья Федька Яковлев, Гришка Яковлев. Тогда будет понятно, почему, уходя в амурский поход, Ерофей Хабаров отдал свою деревню и мельницу на речке Тихтилячихе во временное пользование Панфилку Яковлеву, а мельницу на речке, которая позже стала называться Бобошиной, Федьке Яковлеву. Почему именно им? Потому что все они были братьями его жены, которую звали Василиса Яковлева. А фамилия неизвестна.

Поэтому стоит вспомнить, что известно об этих братьях.

Панфил Яковлев появился на Лене еще до образования Якутского воеводства. Записи о нем встречаются в таможенных книгах как о промышленном человеке. Так, в книге за 143 и 144 гг. (с 1 сентября 1634 по 31 августа 1636 г.), которая озаглавлена: «Да збору Енисейского острогу стрелецково головы Богдана Балкацы, да целовальника Игнашки Осипова, что збирали на Лене реке с торговых и промышленных, и [с] служилых, и со всяких людей государевы десятой пошлыны мяхкой рухляди» [35], есть запись:

«У промышленово человека, у Панфила Яковлева вымитина, с промышленных з дву сороков з дватцати соболей взято десятой десятой соболей с пупки и с хвосты.

У него ж с перекупных з десяти соболей взято десятой соболей с хвостом» [36].

Есть также записи, относящиеся к 1639 г.

«Того ж дни [27 мая 1639 г.] у промышленово человека у Панфила Яковлева важенина с перекупных с трех сороков з дватцати соболей десяты пошлыны взято четьрнатцать соболей с хвосты.

У него ж с осми соболей, по оценке с осми рублев и за восьмь гривен, взят соболей с хвостом» [37].

Через три дня новая запись.

«Того ж дни [30 мая 1639 г.] у промышленово человека у Панфилка Яковлева важенина с перекупных с пятидесят хвостов соболей десяты пошлыны взято пять хвостов.

У него ж с перекупных з дватцати пупков десяты пошлыны взято два пупка.

У него ж лоскутишка мелково соболя, по оценке с пятинатцати алтын и за девять денег, взят хвост соболей» [38].

В таможенной книге Олёмминского острожка имеется запись о взятии с Панфила Яковлева десятой пошлыны:

«Того ж дни [конец мая 1640 г.] у промышленово человека, у Панфилка Яковлева устюжанина, с промышленных со шти сороков з дватцати соболей десяты пошлыны взято дватцать шесть соболей с пупки и с хвосты.

У него ж со шти соболей, по оценке з двух рублев и за две гривны, взято шесть пупков» [39].

Его здесь называют то вымитином, то важенином, а позже устюжанином. К сожалению, выяснить, где родина Панфила Яковлева, невозможно. В писцовой книге Устюжского уезда 1625–1626 г. Панфил Яковлев не упоминается. Значит, он не устюжанин.

Вымитин жил на р. Выми, которая впадает в Вычегду, на территории нынешней Республики Коми, а важенин жил по р. Ваге, которая протекает по территории нынешних Вологодской и Архангельской областей и впадает в Северную Двину. Там были отдельные уезды, по которым писцовых книг не сохранилось. В писцовой книге Устюжского уезда ни одной деревни на реках Ваге и Выми не упоминается.

С приездом ленских воевод начинается новая полоса в жизни Панфила Яковлева, он становится пашенным крестьянином. Причем самым первым, устроенным в пашню официально еще раньше Ерофея Хабарова.

Об устройстве Панфила Яковлева в пашню воевода Петр Головин с товарищами сообщили в Москву:

«Да генваря, государь, в 27 день [1641 г.] бил челом тебе, государю [титул], промышленной человек Пантелейко Яковлев устюженин, чтоб ему быть в пашенных крестьянх на Лене реке на Тунгуском волоку, где переходят с Лены реки на Турухань.

И мы, государь, холопы твои, ему, Пантелейку, велели быть на Тунгуском волоке в пашенных крестьянх» [40].

Чуть позже здесь же построили ясачное зимовье, а в 1670 г. Чечуйский острог.

О Панфиле Яковлеве имеется множество документов. Везде он записан без фамилии и лишь в одном документе упоминается с прозвищем Плотник. Этот документ касается перехода Ерофея Хабарова на новую пашню в устье Киренги.

«149 [1641], февраля в 4 день, в Съезжей избе стольники и воеводы Петр Петрович Головин да Матвей Богданович Глебов, да диак Еуфимей Филатов торговому человеку Ярофейку Павлову говорили, что де ты по челобитью своему паши пашню на Киренги, а на год ему льготы. И Ярофейко сказал, что де он так пахать не умеет.

Да ему ж сказано, что он сеел в прошлом во 148 [1639] году на Куте реке рожь, и с тоё ржи довелось было взять на государя по опыту ево десятой сто тридцать пуд, и тот ему десятой ныне хлеб отдать. И он бы на Киренги пахал нынешней год, и на государя с первого году пахал и сеел десятину. А семена на десятину государевы иматъ по вся годы.

И ему, Ярофейку, говорили, чтоб он сел на Киренги и пахал на государя, и взял б ссуды, против промышленного человека Пантелейка Плотника, тридцать рублей на лошадь и на сошники, и на серп, и на косу не в отдачу, да тридцать рублей займы на два годы» [41].

Есть еще один такой же документ [42]. В нем добавлен еще один абзац, а слово «Плотник» убрано.

Первые годы деятельности Панфила Яковлева описаны в книге «Ерофей Павлович Хабаров» на с. 115–124.

В 7 км выше устья р. Киренги на правой стороне Лены была заимка Ерофея Хабарова. О ней в ужинной книге 1647 г. записано:

«Да на усть Киренги у Ярофейка Павлова сына Хабарова в ево, Ерофейкове, деревне...» [43].

В ужинной книге 1648 г. другая запись:

«Да у Панфилка Яковлева на закладной пашне на усть Киренги реки, что заложил ему, Панфилку, торговой человек Ярофейко Павлов Хабаров в ево закладной деревне, выделена на государя...» [44].

Эта запись вызывает несколько вопросов. Первый вопрос: когда заложил? Книга эта, хотя и названа приходной хлебной 157 [1648–1649] г., но по своему содержанию представляет ужинную и умолотную книгу и составлялась, видимо, осенью 1648 г. после умолота.

Второй вопрос: почему заложил? В 1664 г. в челобитной Е. Хабарова так объяснял причину заклада заимки:

«В прошлых де годах был он, Ярафей, великого государя на службе в Даурской земле, и после себя приказывал он, Ярафей, деревни свои и мельницы, и пашенные земли, и сенные покосы пашенному крестьянину Панфилу Яковлеву» [45].

Такое соглашение обязательно должно было быть заключено не на словах, а письменно, так как у Хабарова были обязанности по отношению к казне по обработке государевой пашни и сдаче урожая, о чем в книге 1648 г. сказано прямо: «в его закладной деревне выделена на государя». Но никакого документа о закладе не сохранилось.

На заимке у Панфила Яковлева жили два его брата, Федька и Гришка, которых до образования Илимского уезда редко упоминали. После образования Илимского воеводства братья оказались в разных уездах.

Спустя много лет Федька Яковлев так описывал в челобитной свое здесь поселение:

«В прошлых, великие государи, годах селился я, сирота, з братьею своею, с Панфилом да з Григорьем, в вашу великих государей пашню на Чечуйском волоку на пустое лесопорослое место.

А из вашей великих государей казны в тое пашенную селидбу на помог[у] денег и хлеба ничего не имал, и подмогу и льготы мне, сироте, не было. А с того пашенного поселения я, сирота, з братьею своею почал на вас, великих государей, пашни пахать на год по десятине ржи да по десятине ярового.

И в прошлых же годах та моя братья с пахотною землею отделены к Ылимскому уезду в пашню. А я, сирота ваш, и по се число пашу те две десятины сполна один» [46].

Федьке Яковлеву действительно никакой подмоги не давали, но давали ее Панфилу Яковлеву. Об этом сообщается в выписке Якутской приказной избы:

«В прошлом во 149 [1641] году при прежних стольниках и воеводах, при Петре Головине с товарищи, устюженину Панфилку Яковлеву велено быть в пашенных крестьянех на великой реке Лене блиско Тунгусково и Мангазейсково волока. И пахать ему на государя пашня от своей пашни от десяти десятин десяты десятины по вся годы в пол[е], а в дву по тому ж. А семена ему на те государевы десятины давать по вся годы государевы.

А подмоги тому Панфилку по приговору и по уговорной ево записи из государевы казны на лошадь и на сошники, на косу и на серп денег дано 30 рублей. И те ему деньги даны не в отдачу. Да ему ж, Панфилку, дано в ссуду денег ж 30 рублей на два года» [47].

Тунгусским и Мангазейским волоком здесь назван Чечуйский волок.

В книге пятидесятника Ивана Григорьева Щукина (он же Кожин) и подьячего Ивана Синицына, составленной в 1652 г., написано:

«Заимка ниже Чичюйского волоку пашенного Федки Яковлева. А тот Федка поселен на той заимке при стольнике и воеводе при Петре Головине с товарищи. <...>

Да у него ж, Федки, к той ж заимке мельница болшая, одно жерновы, на речке, что вытекла с Чичюйского Тунгусского волоку. А оброку с тоё мельницы государева никакова не положено» [48].

Речка, на которой стояла мельница, сейчас называется Бобошиной. А принадлежала она Ерофею Хабарову. Первую мельницу построил здесь Ерофей Хабаров еще до амурского похода. Построил, видимо, без разрешения воеводы. Поэтому никаких документов о ее постройке нет. Лишь один раз о ней мельком упоминается в челобитной промышленного человека:

«В нынешнем, государь, во 168 [1660] году, на Чечуйском Тунгусском волоку, на мельнице Ярофея Хабарова...» [49].

Уходя в амурский поход, Хабаров передал ее во временное пользование Федьке Яковлеву. Кроме своего зерна Федька Яковлев молот на этой мельнице за плату зерно пашенных крестьян, а также за плату же и государевы хлебные запасы, отправляемые в Якутск. В 1652 г. якутский воевода М. С. Лодыженский писал:

«Да на Чичюйском же, государь, волоку у пашенного крестьянина у Федьки Яковлева на речке, что вытекла ис Тунгусского Чичюйского волоку, поставлена мельница болшая. И владеет, государь, тою мельницею тот Федька безоброчно, и твоих государевых запасов даром не мелет» [50].

Раз безоброчно, значит, была поставлена та мельница самовольно, без челобитья.

Федьку Яковлева в ленских документах записывали по прозвищу Пашенной.

Гришка Яковлев был родным братом Панфила Яковлева и Федьки Яковлева. В 1649 г. он был устроен отдельно от Панфила Яковлева на верхнем конце заимки Ерофея Хабарова.

Воевода Т. Шушерин сообщал в Москву, что устроил в пашню «промышленного человека Гришку Яковлева на великой реке Лене на усть Киренги» [51].

В росписи заимок, составленной якутским воеводой Михаилом Лодыженским в 1652 г., ниже заимки Гришки Васильева (Кривошапкина) записана «Заимка Гришки Яковлева» [52].

Более полно о заимке Гришки Яковлева записано в окладной книге 1656 г.: «На том же Киренском лугу на низ по Лене — пашенной Гришка Яковлев» [53]. Эта заимка впоследствии вошла в состав деревни Хабаровой.

Затем должна следовать заимка Ерофея Хабарова, а в росписи заимок записано:

«Заимка пашенного Панфилка Яковлева» [54].

О ней в окладной книге 1656 г. написано:

«На том же Киренском лугу на низ по Лене пашенной Панфилко Яковлев...» [55].

Это заимка Ерофея Хабарова, но там уже пашет Панфил Яковлев. В ужинной книге 1649 г. записано:

«Да у Панфилка Яковлева на закладной пашне на усть Киренги реки, что заложил ему, Панфилку, торговой человек Ярофейко Павлов Хабаров, в ево закладной деревне выделена...» [56].

Заложил перед отправкой в амурский поход.

В окладной книге 180 г. написано:

«Гришка Яковлев. <...> Во 180 [1671–1672] году Гришка умер, а на ево пашню в то ж тягло построены сын ево Фочка да ис промышленных людей Васка Данилов сын Сухой» [57].

В 1675 г. эта деревня была передана ими Киренскому монастырю и вошла в состав деревни Хабаровой.

Ввиду тесных хозяйственных связей Ерофея Хабарова с Панфилом Яковлевым и его братьями можно выдвинуть предположение, что они были братьями жены Ерофея Хабарова, иными словами, приходились Ерофею Хабарову шуринами.

Поиски памяти об отпуске Василисы и документов о поездке ее на Лену успеха не принесли. Сведения о ее поездке на Лену логично было бы искать в таможенных книгах. Но таможенные книги за 1650 и 1651 гг. по Верхотурью, Тобольску, Енисейску и Илимску не сохранились. О пребывании жены Хабарова на Лене документов тоже не обнаружено. А возможности привезти семью у Ерофея были, так как он приезжал в Москву неоднократно. Путь лежал через Устюг Великий и Соль Вычегодскую.

Ф. Г. Сафронов почему-то считал, что семья Хабарова так и не приехала на Лену: «Таким образом, вероятнее всего, что Ерофей Павлович в Усть-Киренской волости жил один, без семьи» [58].

И далее: «От него остался сын Андрей <...> мы не знаем, законный ли это сын Ерофея Павловича. Вполне возможно, что он был прижит вне брака и в последующем усыновлен» [59].

Но это только слишком смелое предположение, ничем не подтвержденное. У Хабарова был еще сын Максим. Тоже прижит? Андрей и Максим в устюжских и сольвычегодских документах не упоминаются, значит, родились на Лене. Нет документов, в которых их называют незаконными. Значит, жена все-таки была привезена.

Теперь порассуждаем о сестрах Ерофея Хабарова. Чтобы выяснить, была ли у Ерофея Хабарова сестра, придется начать издалека. В книге «Ерофей Павлович Хабаров» многократно упоминается его племянник Артемий Филиппов Петриловский. Что он действительно племянник, можно подтвердить хотя бы выдержкой из челобитной.

«Царю [титул] бьют челом сироты твои, Соли Вычегоцкой уезда Лальского погоста торговые люди Матюшка Яковлев сын Ворыпаев да Стенька Семенов сын Самойлов.

Жалоба, государь, нам, сиротам твоим, на устюжанина на Ярофея Павлова сына Хабарова да на племянника ево, на Ортемья Петриловского» [60].

А на с. 697–704 книги «Ерофей Павлович Хабаров» подробно описаны обстоятельства его смерти. Оттуда мы извлечем только самое необходимое.

Артемий Петриловский умер в декабре 1669 г. Умер в Верхотурье во время поездки в Москву с государевой соболиной казною. Об обстоятельствах этой смерти есть весьма обширный документ, в некоторых местах поврежденный, недостает листов, к тому же листы пронумерованы не по порядку.

«178 [1670] году, февраля в 8 день, бил челом великому государю [титул] Соли Вычегоцкой Алексинского стану крестьянин Ефимко Петриловской, а в Сибирском приказе окольничему Родиону Матвеевичю Стрешневу да дьяком Григорью Порошину, да Лву Ермолаеву подал челобитную. А в челобитной пишет:

Царю [титул] бьет челом твой государев сирота, Соли Вычегоцкой уезда Алексинского стану крестьянин Евфимко Филипов Петриловской.

Жалоба, государь, мне, сироте твоему, Сибирской земли Якутцкого острогу на служилого человека на Завьяла Калинина.

По твоему великого государя указу шел брат мой родной атаман казачей Артемей Филипов Петриловской за твоею великого государя якуткою казною к Москве с ним, Завьялом. И идучи, государь, дорогою, заложил брат мой ему, Завьялу, свою кабалу в десяти рублех в вере. А та, государь, кабала на московского жильца во сте пятидесяти рублех. И тот Завьял брата моего кабалою владеет. А мне, сироте твоему, не отдает.

<...> Вели, государь, тому Завьялу закладную кабалу брата моего покойного отдать мне, сироте твоему, на выкуп» [61].

На обороте челобитной помечено:

«178 [1670], февраля в 18 день. Допросить против челобитья и взять сказка за руками».

Для нас здесь важно, что Ефимко Петриловский указал свое местожительство — Алексинский стан. Но не указал название деревни. Алексинский стан находился в Сольвычегодском уезде. К счастью, сохранилась писцовая книга Соли Вычегодской за 1678 г. А там записано:

«Деревня Петрилово.

Двор — Ивашко Филипов сын Кривошапкин да Гришка Микифоров Кривошапкин же.

Двор — Левка Микитин сын Кривошапкин. У него половник Ивашко Григорьев.

Двор — Ивашко Семенов сын Кривошапкин. У него братья: Андрюшка двенадцати годов, Спирька шти годов.

Двор — **Елфимко Филипов сын Кривошапкин**. У него детей: Анисимко тринадцати годов, Алешка шти годов, Фетька четырех годов» [62].

Получается, что настоящая фамилия Елфимки Филиппова не Петриловский, а Кривошапкин. Значит, Артемий Филиппов тоже не Петриловский, а Кривошапкин.

У Ерофея Хабарова ведь тоже писали фамилию по его деревне Святице — Святицкий.

Если пойти вглубь веков, то сохранились еще пять книг, в которых переписаны жившие в этой деревне крестьяне. Это книги за 1647, 1646, 1645, 1625 и 1620 гг. Поэтому полезно проследить, как изменялась там обстановка.

В писцовой книге 1647 г. Сольвычегодского уезда записаны отец Артемия Петриловского и имена других родственников Хабарова.

«Деревня Петрилова, а в ней крестьяне:

Двор — Филька Родионов сын, прозвище Кривошапкин. У него детей: Мишка да Максимко, да Елька (Елфимко. — Г. К.), да Ивашко трех лет. А у Мишки сын Ивашко дву лет.

Двор — Тараско Родионов сын Кривошапкин. У него детей: Фетька осми лет, да Гришка трех лет.

Двор — Микитка Родионов сын Кривошапкин. У него детей: Сенька да Левка, году» [63].

Филька Родионов Кривошапкин — отец Артемия Филиппова Петриловского. Так как Артемий Петриловский был племянником Ерофея Хабарова, необходимо, чтобы его отец был братом Ерофея или же его мать была сестрой Ерофея. Отец не подходит, подходит мать. Получается, что *Филька Родионов Кривошапкин был женат на сестре Ерофея Хабарова*, имя которой неизвестно. А Тараско Родионов и Микитка Родионов — братья отца Артемия Петриловского. Дети Фильки Родионова Кривошапкина: Артемий, Мишка, Максимко, Елфимко, Ивашко — все племянники Ерофея Хабарова.

В писцовой книге Сольвычегодского уезда от 25 марта 1646 г. записано:

«Деревня Петрилово, а в ней крестьяне:

Двор — Филька Родионов з детьми: с Никиткою, с Максимком да с Евдокимком (Елфимком. — Г. К.) осми лет. Да на том же дворе в другой избе — брат ево Тараско с сыном с Фетькою семи лет.

Двор — Микитка Родионов с сыном Семейкой осми лет. Да у него половник Фетька Протасов» [64].

В писцовой книге Соли Вычегодской за 153 [1645] г. записано:

«Деревня Петрилово, а в ней крестьяне:

Двор — Филька Родивонов з детьми с Мишкою да с Максимком, да з братом с Тараском,

двор — Микитка Родивонов с сыном с Сенькою.

Владеют оба по писцовым книгам 133 [1625] году» [65].

А Евфимко Филиппов, видимо, еще не родился. Наблюдается некоторая нестыковка в возрастах. Только по совокупности нескольких документов удастся иногда добыть нужные сведения.

Ни в одной из этих книг Артемий Филиппов Петриловский не записан. Значит, можно полагать, что по крайней мере в 1645 г. он уже был на Лене.

В писцовой книге 1625 г. записано:

«Деревня Петрилово, а в ней:

Двор — Родька Омелянов сын Кривошапкин з детьми с Мишкою да с Тараском. Владеют по купчей 77 [1569] года по данной, по мирской, 92 [1592] году.

Двор — вдова Маланьца, Петровская жена Кривошапкина, с сыном Осипком» [66].

Таким образом, мы добрались до деда Артемия Петриловского — Родьки Омелянова сына Кривошапкина. Упомянутый здесь Петр Кривошапкин, вероятно, был его братом. А имя прадеда Артемия Петриловского было Омелян.

Наконец, в самой ранней из сохранившихся книг, 1620 г., также есть запись о крестьянах деревни Петрилово. И хотя она мало нового добавляет к книге 1625 г., все-таки приведем ее:

«Деревня Петрилово, а в ней:

Двор — Родька Омелянов сын Кривошапкин.

Двор — вдова Маланьца, Петровская жена Кривошапкина» [67].

После издания книги «Ерофей Павлович Хабаров» были обнаружены две купчие Кривошапкиных в фонде 159 (Приказные дела новой разборки).

За 1621 г. — список с купчей Емельяна Родионова Кривошапкина на четверть деревни:

«Список с купчие.

Се яз, Родион Емельянов сын Кривошапкин, купил есми у Федосьи Матфеевы дочери Башарина, у Савинские жены Синецына, да у сына ее, у Федора Савина сына Синецына, четверть деревни Илейдина з двором и з дворцем.

А во дворе хором: изба и против избы сенник с подклетом, и со всеми хоромы, и з гумном, и з гумеником, чистую землю орамую, и с лесом, и с поконе чети с проезжима улицы, куда топор и соха ходила, по старым межам, чем есми мы сами владели по своим купчим грамотам, и в колодезе четверть. А продали есми со всеми угоды и с путики, и с притеребы, и с ловищи, и с за[ймо]вищи, чем мы сами владели.

А взяли есми яз, Федосья, с сыном своим с Федором, на той четверте деревни Илейцына и на всех угодых у Родиона Емельянова [пол]третья [2,5] рубля денег московских ходячих и попольнок в той же цене. А деньги ему яз, Федосья, с сыном своим взяли у Родиона, у купчие, все сполна.

А где та четверть деревни будет, в закладе иль в закупе, иль в каких крепостех ни будь, и выкупать и очищать мне, Федосье, с сыном своим Федором своими деньгами. И выкупа, и очистя, отдать Родиону с чиста пути безденежно.

А продали есми и с рожью, что сияна ко 130-му [к 1 сентября 1621] году. А ржи сияно две меры.

А государевы подати платить с сякова дни, как купчая залегла, ноября в 23 с числа, мне, Родиону, в Олексинской стан, что ни розрубят, по розрубным спискам. А старые невыплаты, что розрублено прошлых целовальников в Олексинском стану, и то платить мне, Федосье, с сыном своим Федором. А убытка нам и Родиону в том не привести ни которого.

Да старые купчие яз, Федосья, отдала, по которым сами владели, Родиону для очищенья.

На то послух Ждан Васильев сын Башарин да Иван Васильев сына Первого. Письма купчая Онички Игнатьева сына Арягинского.

Лета 7130 [1621], ноября 23 день.

К сему списку с купчие Коземка Шарапов вместо Родиона Емельянова сына Кривошапкина руку приложил» [68].

Примечания:

Гуменик — место вокруг гумна.

Гумно — площадка для молотбы.

Двор — место под избой и хозяйственными постройками, обнесенное оградой.

Дворище — место вокруг двора.

Займовище — место, занятое под распашку, расчистку.

Земля орамая — пахотная.

Крепость (писменная) — юридический документ о принадлежности предмета владельцу.

Очистить — расплатиться с долгами.

Подклет — нижний ярус избы, иногда жилой, иногда нежилой.

Пополнок — придача к плате за попку.

Послух — свидетель.

Разрубить — разделить.

Сенник — сарай для хранения сена.

И еще есть один список с купчей отца Родиона Емельянова Кривошапкина, Емельяна Игнатьева Кривошапкина, относящийся к 1569 г. Это уже прапрадед Артемия Филиппова Петриловского.

«Список с купчие.

Се яз, Емельян Игнатьев сын Кривошапкин, купил есми у Никиты у Дмитриева сына у Митюкова четверть земли Петриловские без двора и без дворища.

А в поскотине тот жеребей, а под дворы земля вопчая, куда топор и коса, и соха ходила, чем Никита сам владел по отцову благословенью и по духовной, без вывода.

А дал есми на той земле и на всем без вывода, что в сей купчей писано, рубль денег московских ходячих. А попольнок — в той же цене.

А у кого та земля в купчих или в закладных, ино мне, Никите, очищать и выкупом своим, и деньгами. А земля у нас — складники и не в делу за межами.

А дань и проторь и оброк государевы, и всякая подать волостная сего году платить Никите. А после оброку государева Никите не платить ничего и дела нет ни до каких мытарсов Никите. А что розромлено в Олексинском стану и не плачено иной, то платить Никите.

На то послуши Яков Пантелиев сын Якова да Семен Созонтиев сын Хромцев, да Иван Михайлов сын Чернцев.

Купчая письма Федора Петрова сына Попова.

Лета 7077 [1569] году, августа в 29 день» [69].

Примечания:

Без вывода — без исключения.

Духовная — по завещанию.

Жеребий — участок, выделенный крестьянину из общего крестьянского надела.

Мытарсы — мытарства.

Не в делу — нераздельная.

Послуши — свидетели.

Проторь — расход

Розромлено — ?

В фонде 137 (Боярские и городские книги) (оп. 3, ед. хр. 260) (вторая половина XVII в.) имеется записная книга приема денежных платежей с крестьян деревни Петриловой (отрывок) на одном листе. Заказывал несколько раз. Ее не выдают — ветхая.

В документах о взыскании долга с Ерофея Хабарова за амурский поход упоминается еще один его племянник.

Летом 1661 г. Хабаров подавал челобитную Федору Пущину о выдаче ему займы железа:

«Велите, государи, дать пуд железа займы. А цену тому железу, что ты укажешь» [70].

Даты на челобитной нет, и не сам Хабаров ее подписывал.

«К сей челобитной вместо Ярафея Хабарова по его велению промышленной Афонька Тютрин руку приложил».

Отпись за получение этого железа дал племянник Хабарова, и на отписи есть дата.

«Се яз, Киренские волости пашенной крестьянин Ивашко Иванов Кляпиков, принял есми из государевы казны на Чечуйском волоку у сына боярского, у Федора Пущина, по приказу **дяди своего Ярофея Хабарова**, железа кричного пуд против ево, Ярофеева, к великому государю челобитью, какову он, Ярофей, за своею рукою подал челобитную об том железе ему, Федору Пущину.

А приемную отпись писал Лучка Лвов.

7169 [1661] году, июля в 23 день» [71].

Ивашко Иванов Кляпиков (Клепиков) — это уже второй после Артемия Петриловского племянник Хабарова на р. Лене. К сожалению, о нем мало что известно. Впервые он упомянут в 1658 г. как пашенный крестьянин в деревне Таюре, на правом берегу Лены, в 80 км ниже Усть-Кута. В 1659 г. о нем сказано, что «Ивашко переведен в Усть-Киренскую волость на выбылое место». О нем писал в Москву воевода П. Бунаков:

«Да на выморное, государи, место призвал я, холоп ваш, промышленово человека Ивашка Иванова и на вдове, пашенново крестьянина жене, женил и в пашню построил» [72].

Почему-то воевода назвал его промышленным человеком, может быть потому, что в Таюре он пробыл в пашенных крестьянах совсем немного. При сличении крестьянских книг получается, что он был переведен в ныне исчезнувшую деревню Горбову, на правом берегу Лены, в 10 км выше Чечуйска. А выбыл из этой деревни пашенный крестьянин Игнашка Тимофеев Подставка, ссыльный черкашенин. Видимо, на его вдове и женился Ивашко Клепиков. Так как Ивашко Клепиков жил рядом с Чечуйском, ему и поручил получить железо Хабаров.

У Ивашки Клепикова был сын Якунька. О нем упомянуто в книге «Ерофей Павлович Хабаров» на с. 642. Он тоже назван племянником, хотя он не племянник, а сын племянника. А больше никаких сведений нет. Фамилия Клепиков и сейчас встречается на Лене.

Как видим, не особенно заботились, чтобы записать истинное родство. Но Ивашко Иванов Клепиков называет Ерофея Хабарова своим дядей. С этим надо считаться. А если Ивашко Иванов Клепиков был истинным племянником Ерофея Хабарова, то у Ерофея была вторая сестра, которая была матерью Ивашки Иванова Клепикова. Одну сестру мы уже упомянули — это мать Артемия Филиппова Петриловского.

II. Дополнительные документы к биографии Ерофея Хабарова

О выплате Ерофею Хабарову денег за взятый у него струг

Этот документ дает возможность установить дату возвращения Ерофея Хабарова в устье Куты из поездки в Якутск летом 1639 г. Во время этой поездки Хабаров купил двух якутских «женок». Купчая датирована 14 июля 1639 г. [73].

«Лета 7149 [1640], сентября в 18 день, по государеву цареву и великого князя Михайла Федоровича всеа Руси указу, память таможенным целовальником Роспутке Степанову да Некрасу Жаркову.

В нынешнем, во 149 году, сентября в 18 день, бил челом государю царю и великому князю Михайлу Федоровичю всеа Руси торговой человек Ярофейко Павлов Хабаров, а в Съезжей избе стольником и воеводам Петру Петровичю Головину, Матвею Богдановичю Глебову да дьяку Еуфимью Филатьеву подал челобитную.

А в челобитной ево написано: в прошлом де, во 148 [1639] году, сентября в 13 день, по государеву де указу енисейской казачей атаман Осип Галкин взял у него, Ярофея, на усть Муки реки струг для государевы ленские службы. И тот де его струг оценен в десять рублей. Ценовная де память ныне у целовальников в таможене.

И по государеву цареву и великого князя Михайла Федоровича всеа Руси указу, целовальником Роспуте Степанову да Некрасу Жаркову, будет у торгового человека, у Ярофейка Павлова Хабарова, атаман Осип Галкин для государевы службы струг взял...» [74].

Окончание на следующем листе, а лист этот не выдали. Дело получил с третьего раза, до этого не выдавали, писали, что ветхое. Все листы как новые. Может быть, невыданный лист оказался ветхим.

Дополнительный документ о последней поездке Ерофея Хабарова в Москву

В книге «Ерофей Павлович Хабаров» в главе «Последние годы жизни Ерофея Хабарова» описана последняя его поездка в Москву с городничим Савой Брагой и целовальником Ганькой Ивановым Шмыгиным. На с. 664–665 приведены документы о выдаче им государева жалованья за сибирский проезд. После издания книги в фонде Оружейной палаты обнаружен еще один документ.

«Лета 7176 [1668], марта в 6 день.

По государеву [титул] указу казначею Афонасью Самойловичю Нарбекову да дьяку Якову Петелину.

Указал великий государь [титул] дати своего государева жалованья за сибирской проезд сибирским илимским служилым людем, сыну боярскому Ерофею Хабарову да городничему Саве Браге, да целовальнику Ганке Шмыгину, ис Казенного приказу по сукну, по доброму. А присланы они к великому государю, к Москве, с отписки и з государевою соболиною казною по государеву [титул] указу.

Казначею Афонасью Самойловичю Нарбекову да дьяку Якову Петелину учинить о том по указу великого государя.

Диака Григорей...» [75].

На обороте:

«176 [1668], марта в 6 день, велеть ему сукна по указу выдать.

По сей памяти государеву жалованье сын боярской Ерофей Хабаров да Сава Брага сукна взяли. По их челобитью Мишка Фомин руку приложил.

По сей памяти государеву жалованья целовальник Ганька Иванов взял. Справил Мишка Фиторов».

Предпринятые поиски документов об обратной поездке Ерофея Хабарова и приезде на Лену положительного результата не дали.

О поездке Никифора Хабарова из Енисейска на Лену летом 1648 г.

Этот документ лежит на поверхности, упомянут в описи. В хорошем состоянии, без изъянов. Но его долгое время не выдавали, так как в деле, в котором он содержится, начальные листы были ветхие. После многочисленных безуспешных попыток получить его удалось упросить выдать мне только эти листы.

«По государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси указу отпущен из Енисейского острогу, ис таможенной избы, к Ленскому волоку и на великую реку Лену в Якуцкой острог промышленной человек Микифорко Павлов сын Хабаров.

А с ним товару енисейские покупки:

Сто аршин сукон белых сермяжных

Триста аршин холста гладково

Десять рубах ярославских

Сто сажень сетей неводных

Пятьдесят камысов лосиных

Полпуда меди красные в котлах

Сто аршин портишных

Пять рубах женских

Сто аршин холсту толстово

Два пуда хмелю.

А по енисейской таможенной оценке того у него товару енисейские покупки на девяносто на семь рублей с полтиною.

И с того у него товару в Енисейском остроге государевы десятой пошлины не взято, потому что взята у него, Микифорка, государева десятая пошлина на Ленском волоку с мяхкие рухляди в прошлом во 155 [1647] и в нынешнем во 156 [1648] годех.

А тот он русской товар купил в Енисейском остроге на те рухлядные деньги, с которые рухляди на Ленском волоку государева десятая пошлина взята.

Да с ним же отпущен якутцкой новокрещен Ивашко.

Отъезжей пошлины с товару с рубля, и с Микифорка, и с новокрещеново малово, с человека по четыре деньги.

А с печатных пошлин с товару, с рубля по деньге.

А с новокрещеново малово печатново, с него по гривне. И на нынешней на 156 [1648] год с новокрещеново восемь алтын две деньги в Енисейском остроге в государеву казну взято сполна.

А с Микифорка восемь алтын две деньги на нынешней на 156 [1648] год взято на Ленском волоку.

К сей проезжей государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси печать Енисейского острогу таможенную приложил таможенной голова Василей Бухряков.

Лета 7156 [1648], мая в 22 день» [76].

Со всем привезенным товаром Никифор Хабаров поехал в Якутский острог.

«По государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси указу отпущен с Ленского волоку из Ылимского острожку, ис таможи, в Якутцкой острог промышленной человек Микифорко Павлов Хабаров.

А у него на Ленском волоку из енисейской проезжей грамоты никакова товару не убыло.

Отъезжей пошлины с него алтын. Да печатных пошлин, три алтына две деньги, в государеву казну в таможене взято сполна.

К сей проезжей государеву, цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси, печать Ленского волоку таможенную приложил таможенной целовальник Василей Выломаев.

Лета 7156 [1648], июня в 19 день» [77].

Этот материал следует добавить к концу главы «Канун амурского похода» книги «Ерофей Павлович Хабаров».

Об исчезновении Никифора Хабарова

Последние сведения о Никифоре Хабарове относятся к 1655 г. В 1654 г. с Амура от Онофрия Степанова Кузнеца были посланы в Якутск служилые люди с мягкой рухлядью, которую нужно было потом доставить в Москву. С ними приехал также Никифор Хабаров, служивший в Тугирском острожке. Еще в начале марта 1655 г. была сделана запись в таможенной книге о взятии с него десятой пошлины:

«Марта в 4 день [1655 г.] у служилого человека у Микифорка Павлова Хабарова с погромной ево з даурской с мяжкой рухляди, з девяти шубенок иноземских собольих да с восьми малахаишков хвостовых собольих, по оценке всего з дватцати с пяти рублей, десятой два рубли с полтиной взято» [78].

Свою мягкую рухлядь они сдали на хранение в съезжую избу. В сентябре, перед отъездом в Москву, они получили ее. Получил свою мягкую рухлядь и Никифор Хабаров. В таможенной книге Якутского острога за 163 [1654–1655] г. записано:

«Микифорку Павлову сыну Хабарову выдано десять шубенок иноземских собольих пластинных да восемь малахаишков хвостовых собольих. Десятую платил марта в 4 день» [79].

Перед отъездом Никифор Хабаров подал челобитную, в которой описал свою службу в Тугирском острожке, закончив просьбой:

«Вели, государь, меня из Якутцкого острогу отпустить своему государеву стольнику и воеводе Михаилу Семеновичю Лодыженскому да дьяку Федору Тонково к тебе, государю, к Москве. И вели, государь, сю мою челобитную под отпискою послать к тебе, государю, к Москве» [80].

В феврале 1656 г. амурские служилые люди прибыли в Москву. Об этом имеется запись в делах Сибирского приказа, в которой поименно перечислены все приехавшие. Но Никифора Хабарова в списке нет.

Подробные документы приведены в книге «Ерофей Павлович Хабаров» на с. 533–536.

После этого ни в каких документах упоминаний о Никифоре Хабарове нет. Исчез бесследно.

Документы об Андрее Хабарове за 1684–1706 гг.

Первое упоминание об Андрее Хабарове в книге «Ерофей Павлович Хабаров» в главе «Сыновья Хабарова» относится к 1684 г. в связи с расследованием убийства крестьянином Иваном Анисимовым Бренёвым своего брата Алешки Евфимова. А далее там следуют документы, относящиеся к 1687 г.

После издания книги удалось найти документы, в которых описывается деятельность Андрея Хабарова с 1684 по 1687 г. В описях они содержатся в неявном виде, записаны в таможенных книгах. Приводим их.

О поездке Андрея Хабарова в даурские острожки

«Книга приходная великих государей, царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья России са-

модержцев, великие реки Лены, Якутцкого острогу таможенного денежного збору нынешняго 192 [1683–1684] году таможенного и заставного головы Петра Лобашкова с товарищи, что збирали с торговых и с промышленных людей с отпусков отъезжих пошлин по алтыну с человека, а [с] сорока соболей и з денег с рубля по четыре деньги.

И с торговых и с промышленных людей, которые русскими товары и хлебными запасы торговали на гостине дворе:

Полавочного — по осми денег на неделю с человека.

Печатных пошлин с русских товаров и с хлебных запасов, и с мяжкой рухляди, и з денег — с рубля по деньге [½ коп.].

А с бестоварных — по гривне с человека.

А с кого имяны и которого числа каких пошлин взято, и то писано в сей книге имянно порознь» [81].

Об Андрее Хабарове запись гласит:

«Того ж числа [августа в 28 день 1683 г.] отпущен из Якуцкого острогу ис таможи вверх по великой реке Лене в даурские острожки Усть-Киренского монастыря вкладчик Андрюшка Хабаров.

А с ним отпущено перекупной мяжкие рухляди пять сороков [200] горностаев, дватцать песцов белых.

А Якуцкого острогу по таможенной оценке торговых людей — на восемь рублей.

А великих государей десятая пошлина с той рухляди взята в Якуцкой в таможе по оценке деньгами сполна.

Отъезжего с него один алтын — взято.

Печатного гривна — взято» [82].

Поездка Андрея Хабарова в Енисейск

С полученными от продажи мягкой рухляди деньгами Андрей Хабаров совершил поездку в Енисейск в 194 [1685–1686] г.

В таможенной ценовной книге Илимского острога за этот год есть запись о его возвращении в Илимск.

В заглавии книги написано:

«Книга великих государей, царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя, и Белья России самодержцев, Ленского волоку Илимского острогу таможенные избы ценовная, руским привозным всяким товаром и хмелю по енисейским проезжим, что пришло из Енисейска к Ленскому волоку в нынешнем во 194 [1685–1686] году русских всяких товаров и хмелю, и денег по досмотру Илимского острогу таможенного и заставного головы Семена Пелевина да целовальника Григорья Исаиева, что объявилось у торговых и у промышленных людей по енисейским проезжим, а по илимскому таможенному досмотру и по оценке всяких товаров и хмелев.

И которому товару какова цена, и то писано в сей ценовной книге ниже сего порознь, статьями» [83].

Запись об Андрее Хабарове гласит:

«Того ж дни [7 декабря 1685 г.] по енисейской проезжей, а по илимскому таможенному досмотру и по оценке, Усть-Киренского Троицкого монастыря у вкладчика, у Андрея Хабарова, енисейской покупки русского товару, ево привозу сто аршин холста-хрящу, по два алтына по четыре деньги аршин. Итого, шесть рублей дватцать осмь алтын две деньги.

А тот товар купил он в Енисейском на соболиные свои деньги, которые деньги у него вышли в Енисейску из соболиной продажи в прошлом 193 [1684–1685] году, с которых ево соболей плачена десятая пошлина в Киренском и в Чечуйском острожке в прошлом 193 году» [84].

Есть еще таможенная явчая книга Илимского острога за 194 г.

В заглавии книги записано:

«Книга великих государей, царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя, и Белья России самодержцев, таможенному пошлинному денежному збору Ленского волоку Илимского острога 194 [1685–1686] году, что собрано в Ылимском остроге и на усть реки Куты в таможене с торговых и с промышленных людей, и посадских явчего, по алтыну по две деньги» [85].

Об Андрее Хабаровов там записано:

«Того ж дни [2 декабря 1685 г.] явился Усть-Киренского Троицкого монастыря вкладчик Андрей Ярафеев сын Хабаров. Явчего с него алтын взято.

А указные пошлины на нынешней, на 194, год взяты с него в Ылимском наперед сего в прошлом 193 [1684–1685] году.

Он же отпущен с Ленского волоку, из Ылимского острогу, ис таможен, на великую реку Лену в Якутцкой острог. А с ним отпущено из енисейской проезжей русского ево привозного товару по илимской таможенной оценке на восемнатцать рублей на дватцать на пять алтын.

А с того ево русского товару в Ылимском взята великих государей проезжая пошлина. Проезжая пошлина с русского товару с оценки с рубля, и отъезжего с него, Андрея, по четыре деньги, да печатного с него гривна.

Итого, проезжих и отъезжих и печатных пошлин шеснатцать алтын три деньги взято» [86].

Затем Андрей Хабаров прибыл в Якутск. В книге Якутской таможен за 194 [1686] г. записаны оценка привезенных товаров и размер пошлины.

«Того же числа [27 мая] приплыл с верху Лены реки Усть-Киренского Троецкого монастыря вкладчик **Андрей Ярофеев сын Хабаров.**

А у него по илимской таможенной проезжей русского товару:

сто аршин холста-хряща; цена пятнатцать рублей
 пятьдесят аршин холста среднего; цена десять рублей
 десять гривенок [4 кг] воску; цена восемь рублей
 мелочи лавочной на рубль.

А по илимской таможенной оценке того у него русского товару на осмнатцать рублей на дватцать на пять алтын.

А с того де ево русского товару в Ылимском в таможене взято великих государей десятая пошлина в нынешнем во 194 [1686] году по оценке деньгами.

А Якутцкого острогу по таможенной оценке того у него товару на тритцать на четыре рубля, в том числе весчегу товару десять гривенок.

И в нынешнем во 194 году тот товар вышел у него, Андрея, весь в продажу.

А великих государей десятая с приценки и весчие пошлины с весчегу товару взято в Якутском, в таможене, деньгами, сполна» [87].

А дальше в этой же книге опять записана пошлина с проданного товара:

«Того ж числа [22 июля] Усть-Киренского Троецкого монастыря вкладчика у Андрея Ярафеева сына Хабарова с продажного его русского товару привозу нынешняго 194 году с приценки, с пятнатцати рублей с восьми алтын з дву денег, десятые рубль семнатцать алтын три деньги взято.

А по илимской таможенной оценке с того ж товару, с восемнатцати рублей з дватцати с пяти алтын, десятая взята в Ылимском, в таможене, в нынешнем же во 194 году деньгами» [88].

В книге явчей Якутской таможен за 194 [1685–1686] г. записано:

«Того же числа [20 июля] приплыли с верху Лены реки: <...>

Усть-Киренского Троецкого монастыря вкладчик Андрей Ярофеев сын Хабаров [всего торговых вместе с лавочными сидельцами 35 человек] <...>.

А на нынешней, на 194 [1685–1686] год, указные пошлины взяты с них в Енисейском и Якутском, и в Ылимском, и в Ыркутском, и в Селенгинском, и в Киренском, и в Верхоленском, и в Чечуйском» [89].

После этого в другой книге за этот же 194 год следует запись о поездке Андрея Хабарова на «заморские» реки, но не со своим товаром:

«Августа в 4 день отпущен из Якутцкого острогу, из таможен, через гору на заморские реки гостя Остафья Филатьева, прикащика ево Елфима Новосельцова, лавочной ево сиделец Андрей Ярафеев сын Хабаров.

А с ним отпущено хозяина ево Елфима Новосельцова русского товару из ево приезжей:

двести аршин холста-хряща
 сто аршин холста среднего
 два портища крашенины
 два безмена воску [примерно 2 кг]
 четыре рукавицы-вареги.

Всего Якутцкого острогу по таможенной оценке на шездесят на один рубль на шесть алтын на четыре деньги.

А великих государей десятой пошлины с того русского товару в Якутском, в таможене, не взято, для того, как он, Андрей, исторгуетца тем товаром на мяхкую рухлядь, и с него возъметца десятая с мяхкой рухляди мяхкою ж рухлядью на Колыме или в Якутском, в таможене ж.

Отъезжего с него алтын взято.

Печатного с оценки десять алтын две деньги взято» [90].

О поездке Андрея Хабарова на Колыму и в Анадырь

После этого Андрей Хабаров совершил поездку на Колыму и в Анадырь. В заголовке таможенной книги Колымского зимовья записано:

«Книга великих государей, царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья России самодержцев, Колымы реки таможенного целовальника Федора Тонкого збору на нынешней 195 [1686–1687] году десятинная соболям и лисицам, и пупком соболям, и всякой мяхкой рухледи, и кости рыбьей моржеваго зуба, что збирал [с] служилых и с торговых, и с промышленных людей.

А с кого что взято великих государей десятой пошлины, и то писано в сей книге порознь статьями» [91].

Вторая по порядку в ней запись об Андрее Хабарове:

«Того ж числа [2 марта], торговой человек Андрей Хабаров — с перекупных с пяти сороков пупков великих государей десятой дватцать пупков взято.

Того ж числа, у него ж, Андрея, с перекупных рыбы кости моржеваго зуба с семерной, с четырех пуд, великих государей десятой три кости, весом шеснатцать фунтов, взято.

Того ж числа, у него ж, Андрея Хабарова, с перекупных с пети сороков горносталей, по таможенной оценке с трех рублей, великих государей десятой алтын взято.

Того ж числа, у него же, Андрея Хабарова, с перекупных, с петидесяти пудов [видимо, кости], по таможенной оценке с трех рублей, великих государей десятой десять алтын взято» [92].

Слово *семерной* означает какой-то параметр, размер или вес.

При возвращении в Якутск:

«Книга явчая таможенная, соболиная, великия реки Лены, Якутцкого острогу, служилым и торговым, и промышленным людем нынешняго 195 [1686–1687] году, которые служилые люди приходили из ясачных зимовей, а торговые и промышленные люди с соболиных промыслов и из заморских рек с своею промышленною и перекупною мяхкою рухлядью и костью моржевого зуба, и явились в таможенной избе в нынешнем во 195 году таможенному и заставочному голове Лазарю Шапошнику с товарищи» [93].

Запись, в которой упоминается Андрей Хабаров, гласит:

«Гостя Остафья Филатьева, прикащика ево Евфима Новосельцова, лавочного ево сидельца у Андрея Хабарова, по ковымской выписи: мяхкой рухляди четыре сорока дватцать пупков собольих, пять сороков горностаев, пятьдесят песцов белых, три пуда дватцать четыре фунта кости моржеваго зуба.

Десятая плачена с мяхкой рухляди и с кости на Ковыме реке в таможене» [94].

Даты здесь почему-то нет, но она определяется из другой книги, которая названа:

«Книга приходная великих государей, царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев, великие реки Лены, Якутцкого острогу таможенной денежной казне нынешняго 195 [1686–1687] году, при таможенном и заставном голове, при Лазаре Шапошнике с товарищи, что збирали с торговых и с промышленных людей, которые приезжали из Ылимского и из Енисейского, и с Лены с пашенных заимок, в Якутцкой острогу, и явились в таможенной избе» [95].

Среди прочих записей есть запись и об Андрее Хабарове.

«Июня в ... день [1687 г.], пришли з заморских рек горою через камень торговые люди: Андрей Матвеев сын Ворыпаев, Иван Федоров Ворыпаев, Андрей Хабаров, Петрушка Антонов, Тихонко Андреев, всего пять человек.

И взято с них пять алтын. Взято заставного Василья Вани...

А на нынешней, на 195 год указные пошлины взяты с них на Ковыме и на Анандыре, и в Якуцком» [96].

Во время пребывания в Якутском остроге Андрей Хабаров «отметился» в поручной записи. Обычно поруку давали по кому-либо в чем-нибудь провинившемуся из «своей братии», иногда даже незнакомому.

«Се аз гостиной сотни Ивана Иванова сына Ушакова прикащик ево Иван Сидоров. Да яз торговые люди:

Данило Иванов сын Елезов

Дмитрей Иванов сын Тюшев

Григорей Никитин сын Бурдуковской

Андрей Ярофеев сын Хабаров

Кирило Стефанов сын Шапошник

Стефан Пироговской,

поручилися есми в Якутцком остроге Приказные избы приставу Саве Крохину торгового человека Любима Губкина по лавочном ево сидельце, по Дмитрее Семенове, да по промышленном человеке, по Семене Аникиеве, в том, что будучи

им, Дмитрею и Семену, за нашею порукою, впредь в Якутцкой острогу вина и табаку сверху не привозити, и не торговати.

А будет оне, Дмитрей и Семен, впредь будучи за нашею порукою, впредь учнут вино и табак привозити и торговати, — и нас, на порутчиках, великих государей пеня. А пеню, что оне, великие государи, укажут по сей поручной записи.

На то послух казак Иван Алексеев.

Поручную писал площадной Микишка Безносой.

195 [1687], августа в ... день.

К сей порушной вместо поручика Андрея Хабарова по его велению и за себя Стенька Пироговской руку приложил» [97].

Примерно через полтора месяца Андрей Хабаров пошел из Якутского острога в Селенгинский острог. В этой же книге записано:

«Того ж числа [10 августа] отпущен из Якутцкого острогу, ис таможни, вверх по великой реке Лене, мимо Усть-Киренской и Верхоленьской, и Иркутцкой остроги, и за Байкаловское море в Селенгинской острогу Илимского острогу посацкой человек Андрей Ярафеев сын Хабаров.

А с ним отпущено ис ковымской выписки три пуда дватцать четыре гривенки кости моржевого зуба, полпята сорока [180] пупков собольих, пять сороков [200] горностаев, пятьдесят песьцей белых.

А Якутцкого острогу по таможенной оценке тое мяхкия рухляди и кости — на пятьдесят на три рубли.

А великих государей десятая пошлина с тое мяхкия рухляди и с кости взята на Ковыме реке, с кости — костью, а с пупков — пупками, а з горностаев и с песцов по оценке — деньгами, в нынешнем же 195 [1686] году сполна.

Отъезжего с него алтын взято.

Печатного с оценки восемь алтын пять денег [26,5 коп.] взято» [98].

Здесь указано сословие Андрея Хабарова: посадский человек.

В сметной книге Илимского острога за 201 г. есть запись об Андрее Хабарове.

«Да сверх же пометы с прежнего посадцкова, с Андрюшки Хабарова, которой был верстан в Ылимском в дети боярские на 201 [1692–1693] год, против прежнего верстания взято десять алтын» [99].

В 1703 г. Андрей Хабаров был послан из Якутска в Москву провожатым с соболиною казною. В книге годового посадского оброка Илимского острога о нем сделана запись:

«Выписано в доклад:

В Ылимском в Приказной избе в оброчной денежной окладной книге с 207 [1698] году, сентября с 22 числа, с приезде в Ылимской воеводы Федора Родионовича (Качанова. — Г. К.) <...>

Да в оброчной же книге зборщика Ивана Кокшарова 1702 году написано:

На посадцком человеке на Андрее Хабарове довелось взять на 1700 и на 1701, и на 1702 годы оброку по 10 алтын на год. И того оброку на нем не взято, потому что бежал он из Ылимска в Якуцкой.

И в нынешнем в 1703 году, марта в ... день, Андрей Хабаров в Ылимской явился. И в допросе сказал: сошел де он в Якутцкой от хлебной скудости и поверстан де в Якутцком в службу. И послан за якуцкою казною к Москве в провожатых.

И на прошлые де годы посацкой оброк он, Андрей, в Ылимском заплатил.

Маия в 4 день из доимки на прошлые, на 1700 и на 1701, и на 1702, и на нынешней на 1703, годы посацково годового оброку на посацком человеке на Ондрее Хабарове взято по 10 алтын на год. Итого 1 рубль 6 алтын 4 деньги. И записаны те денги в приходной книге казенного целовальника Ивана Назарова имянно» [100].

В 1705 г. Андрей Хабаров вернулся из Москвы в Якутск. В приходно-расходной книге Якутской таможенной избы за 1705 г. записано:

«Того ж числа (какого — неизвестно, книга без начала. — Г. К.) приплыл с верху Лены реки в Якутцкой город якуцкой служилой человек Андрей Хабаров. А у него по верхотурской выписи русских ево привозных товаров:

девятнадцать концов холсту среднего
двести аршин пестряди нижегородской
пищаль глаткая
два пуда (воску)
... конца крашенины синей
полпуда пороху
четвертина оловянная
пять юфтей сафьянов
косяк пестряди теверитской большой руки
два зипуна сермяжных.

А по верхотурской таможенной оценке того у него товару на пятьдесят на восемь рублей на тридцать алтын. И с того у него товару, с цены, с тридцати с восьми рублей с тридцати алтын, десятая пошлина, с рубля по гривне, взято на Верхотурье в таможе, а з дватцати рублей по указу великого государя и по новоуказным статьям прошлого 207 [1698–1699] году пошлин на Верхотурье в таможе не взято, для того что он послан с Москвы в Якутцкой с казною великого государя.

И в нынешнем 1705 году из сей выписи отпущено с ним, Андреем, из Якутцка на заморские реки привозного ево русково товару:

два пуда воску
осмнатцать концов холста среднего
двести аршин пестряди нижегородской
двести аршин крашенины синей» [101].

Заморские реки — это реки, впадающие в Северный Ледовитый океан. О возвращении в Якутск неизвестно, так как таможенных книг после 1705 г. нет.

Несмотря на то что Андрей Хабаров был служилым человеком Якутского острога, в Илимском воеводстве его продолжали числить посадским человеком Илимского острога. Вот этот документ:

«Книга великого государя [титул] оброчная имянная Ленского волоку Илимского острогу посацким людем, хто что платит годового оброку 704 году, генваря с 1 числа генваря ж по 1 число 705 году, которые верстаны в посацкое тягло в прошлых годех и оброком изоброчены, и которые посацкие люди были по выборам в Ылимском и в острогах, и слободах у дел великого государя в целовальниках.

И то писано в сей оброчной книге ниже сего» [102].

Из этой книги выпишем только записи о Максиме Хабарове и Андрее Хабарове.

«Максим Ярофеев сын Хабаров платит оброку десять алтын» [103].

«Андрей Ярофеев сын Хабаров платит оброку десять алтын» [104].

И лишь в следующем 1706 году Андрей Хабаров числится в списке семи беглых посадских людей Илимского воеводства [105].

Документы о Максиме Хабарове

О Максиме Хабарове после издания книги «Ерофей Павлович Хабаров» также были найдены дополнительные документы. Приводим их здесь.

В оброчной книге Илимского острога за 201 [1692–1693] г. записано:

«Максимко Ярофеев сын Хабаров. Оброку десять алтын.

В 201 году по выбору служил в Ылимском в Таможенной избе у пошлинного збору в целовальниках» [106].

Следующий документ, где упомянут Максим Хабаров: «Книга окладная <...> Ленского волоку всего Илимского уезду десятинной пашне имянная тяглым пашенным крестьяном и крестьянским детем, и обротчиком 1706 году при воеводе, при Федоре Родионовиче Качанове» [107].

Среди крестьян Нижне-Киренской слободы записан:

«Максим Хабаров за четверть десятины ржаные, яровые тож, платит две чети полторы осмины ржи» [108].

За этот же год имеется «Роспись илимским посацким оброкам, на ком сколько оброку на нынешней 706 год и на прошлые годы взять доведетца. <...>

На Максиме Ярофееве сыне Хабарове 10 алтын» [109].

В 1708 г. о Максиме Хабарове снова упоминается как о казенном целовальнике. Илимский воевода Лаврентий Романович Ракитин послал якутским воеводам Юрию Федоровичу и его сыну Михаилу Юрьевичу Шишкиным память. С нее в делах Илимской воеводской канцелярии оставлен отпуск (второй экземпляр).

«Господам Юрию Федоровичю, Михаилу Юрьевичю Лаврентей Ракитин челом бьет.

В нынешнем, господа, в 708 году, марта в 22 день, по скаске казенного целовальника **Максима Хабарова** в Ылимском де, в казенном онбаре великого государя бумаги писчей нет, и впредь приказных дел писать не на чем. И продажной де бумаги в Ылимску ни у кого нет же. И за тем всякие великого государя приказные дела стали.

А по московской подорожной явились в Ылимску у якуцких казенных провожатых, у Василья Софроньева с товарищи, посланной в Якутцкой государевы [бумаги] писчей тридцать стоп.

И с того числа взята в Ылимску великого государя в казну на всякие приказные дела по самой нуже у него, Василья Софроньева с товарищи, из посланной в Якуцкой десять стоп бумаги писчей с роспиской. И они, Василей с товарищи, з достальною бумагой отпущены в Якутцкой» [110].

На памяти же дописано другим почерком:

«На всякие илимские приказные дела и книги у него, Василья Софронеева с товарищи, ис посланной с ними в Якуцкой бумаги десять стоп с роспискою [взято]. И з достальною бумагою, и великого государя с товарною казною отпущены они в Якутцкой.

Такову белую отпись Василей Софронеев принял и росписался».

Кроме этого была написана память якутским провожатым.

«Марта в 29 день [1708 г.] послана память в Ылимском казенным провожатым, сотнику казачью Василью Софроньеву, пятидесятинику казачью Миките Жданову с товарищи, по скаске казенного целовальника Максима Хабарова.

Велено им отдать в Ылимском в государеву казну, в прием казенному целовальнику Максиму Хабарову, для письма всяких великого государя приказных дел, из посланной в Якутцкой бумаги десять стоп бумаги писчей с роспискою.

А о приеме у них той бумаги к великому государю, к Москве, и в Якутцкой к стольникам и воеводам Юрию Федоровичю, Михайлу Юрьевичю Шишкиным и к подьячему Ивану Татаринину писано будет по сей записке» [111].

В конце памяти: «Василей Софроньев, Никита Жданов память приняли. В том я, Никита, росписался».

За 1708 г. имеется «Книга великого государя [титул] посацких и мельничных, и банных, и с рыбных ловель оброчным, и с дворов поворотным деньгам збору» [112].

Там среди прочих упоминается Максим Хабаров.

«С посацких.

На Максиме Хабарове з бани оброку пять алтын» [113].

О банном оброке посадские люди подали челобитную.

«Державнейший царь, государь всемилостивейший.

По твоему, великого государя, указу велено с нас, киренских жителей, с посадских людей, на нынешней, на 708 год, взять в твою, государеву, казну банных денег по пяти алтын з бани.

А по твоему ж, великого государя, указу и по грамоте, и против челобитья илимских сына боярского Семена Зубова, Семена Кокшарова велено с нас, рабов твоих, банные деньги, которые на нас положены и взяты, зачесть нам в пред идущие годы.

Всемилоостивейший государь, просим Вашего Величества: вели, государь, в тех банных деньгах свой, великого государя, указ учинить, по своему, великого государя, и по грамоте Вашего Величества.

Нижайшие рабы, киренские жители, илимские посадские люди:

Яков Антонов Полосков

Аника Афонасьев Карманов

Андрей Васильев Колашников

Федор Власов Уваровской

Семен Афонасьев Карманов

Иван Ефремов Трестин

Максим Ярофеев Хабаров

Тарас Кондратьев Лапин

Июня в 12 день 1708 году.

К сей челобитной вместо Якова Полоскова, Семена Карманова, Федора Власова, **Максима Хабарова** по их велению и за себя Аника Карманов руку приложил.

Вместо Тараса Кондратьева по его велению Ондрей Калашников и за себя руку приложил.

Вместо Ивана Ефремова по его велению сын ево, Михаил Иванов Трестин, руку приложил.

Вместо Якова Котельника по его велению Кирило Николаев руку приложил» [114].

О выборе целовальника к винному курению.

Целовальников выбирали посадские из своей среды.

«Лета 708, августа в 1 день, по указу великого государя [титул] и по указной памяти илимские посацкие люди:

Дмитрий Михайлов

Федор Жданов

Максим Хабаров

Евсейев Симонов

Михайло Серебренников

Перфилей Щедрин

Ульян Осипов

Мирон Кадашевец

Алексей Путилов

и все илимские посацкие люди, выбрали есмы из своей братьи, ис посацких людей, к илимскому винному курению в целовальники человека добра, душею пряма и животом прожиточна, и не пьяницу Анику Афанасьева сына Карманова.

И будучи ему, Анике, у винного куренья в целовальниках, в винном куренья великому государю радеть и прибыли искать. А вина и хлебных запасов, и хмелю себе не имать и не корыстоватьца.

А буде он, Аника, будучи за нашим выбором у винного куренья в целовальниках, в винном куренья великому государю радеть и прибыли искать не учнет, а учнет вином и хлебными запасы, и хмелем корыстоватьца — и на нас, на выборщиках, великого государя пеня, а пени — что великий государь укажет, и истеряное вино, и хлебные запасы, и хмель на нас же, выборщиках, на всех илимских посацких людях.

В том сей и выбор подали.

А выбор писал Илимской приказной избы подьячей Степан Березовской.

К сему выбору вместо Дмитрея Михайлова, Федора Жданова, Максима Хабарова, Василья Сахаровского по их велению Гаврило Воронцов руку приложил.

К сему выбору Андрей Ядрихинских руку приложил.

К сему выбору вместо Евсея Симонова, Ульяна Осипова, Михайла Серебренникова, Алексея Путилова, Назара Кипрянова, Мирона Кадашевца по их велению и за себя Перфилей Щедрин руку приложил» [115].

В начальном списке трое из приложивших руку не записаны.

Аника Афонасьев Карманов жил в Киренске. Его фамилия осталась на географической карте. Одна протока из Киренги в Лену названа Карманихой.

Следующий документ о сдаче Максимом Хабаровым должности целовальника:

«Лета 1708, ноября в 9 день, по указу великого государя [титул] и по указной памяти илимские посацкие люди:

Дмитрей Михайлов

Дмитрей Оглоблин

Федор Жданов с товарищи,

выбрали есмы в Ылимском к делам великого государя впредь к 709 году, генваря к 1 числу, в целовальники из своей братьи, ис посацких людей, в Ылимском в Приказную избу к приему и роздаче великого государя денежные и товарные, и ясачные казны, и соли, и в Ылимску ж таможно, и на кружечной двор, и в Усолъе, и в Киренской, и в Чичюйской, в Усть-Куцкой, в Ылгинской,

в Яндинской и в Брацкой остроги, в Бирюльскую и в Новоудинскую слободы, и в посылку с вином для продажи в остроги и слободы, для збору великого государя в казну денежные казны и в таможенях всяких таможенных пошлин, и в винокурню для приему на винное куренье хлеба и хмелю, и на роздачу на всякие винокурные издержки денег, и для приему вина горячего:

[Далее перечислено 15 человек.]

На перемену целовальникам:

Федору Афонасьеву

Максиму Хабарову

[Далее перечислено еще 17 человек.]

И будучи им за нашим выбором, служить им, целовальникам, у вышеписанных великого государя дел, во всяких зборе[х] великому государю радеть и прибыли искать, и великого государя зборные казны не истерять, хитрости и порухи не учинить, и допьяна не упиватьца, и никоим воровством не воровать, зерню и карты не играть.

А буде они, целовальники, будучи за нашим выбором, учнут каким воровством воровать и великого государя казну нераденыем своим или оплошкою потеряют, или покорыстуютца, и на нас, выборщиках, на всех илимских посацких людях, великого государя в казну — пеня, а пени, что великий государь укажет, и истеряная великого государя казна на нас же, выборщиках, вся сполна, безрозвытно.

В том сей и выбор подали.

А выбор писал в Ылимском в Приказной избе подъячей Степан Березовской ноября вышеписанного числа» [116].

В 1709 г. собирали деньги на строительство воеводского двора. В книге сбора денег среди ниже-киренских крестьян записано:

«С Максима Хабарова, с четверти десятины, четыре алтына з деньгой взято» [117].

Последнее упоминание о Максиме Хабарове относится к 1721 г. В книге окладной оброчного провианта за этот год записано в Нижне-Киренской волости:

«Вместо Максима Хабарова Иван Вяткин с чети десятины платит две чети бес полдесятины ржи» [118].

Умер ли Максим Хабаров или просто сдал пашню, неизвестно.

Об Онофрии Степанове Кузнеце

До издания книги «Ерофей Павлович Хабаров» в биографии Онофрия Степанова Кузнецца было много неясных вопросов. Все оставалось на том уровне, о котором еще в середине XIX в. писал Н. С. Щукин:

«Командующим на Амуре сделан Онофрей Степанов, о происхождении и звании этого человека молчат тогдашние деловые бумаги. <...> Был ли Степанов стрелец, или просто охочий, пришел ли он с Зиновьевым или с Хабаровым, только имя этого человека достойно памяти. Он был герой, не уступавший ни в чем предшественнику своему Хабарову» [119].

Однако оказалось, что не молчат тогдашние деловые бумаги о происхождении и звании Онофрия Кузнецца. Только сведения эти не лежат на поверхности, и просто поиском их никто не занимался.

В книге «Ерофей Павлович Хабаров» наряду с неопубликованными и опубликованными в различных изданиях документами об участии Онофрия

Степанова в амурском походе приведены также неизвестные ранее сведения о нем до амурского похода: о месте рождения, о его братьях, о поверстании их из промышленных людей в службу, их семейное положение, участие Онофрия Степанова в походе на «братских людей», переезд с усть-кутской соляной варницы в Якутск и о его отъезде на Амур.

Здесь мы добавим еще документы о его родной слободке.

Онофрий Степанов Кузнец был из Мезенского уезда. Его малой родиной с большой вероятностью можно считать слободку Кузнецову. Она описана в переписной книге Мезенского уезда Фустова за 1646 г. Более ранних книг нет. Онофрий Степанов Кузнец в это время был уже на Лене. Поэтому в списке крестьян он не упоминается.

«Слободка Кузнецова, что была деревня Борцова, а преж сего была починок Красная Слюдка. Да к ней же припущен починок Кочев на красной щельи.

А в них крестьян...» (следует перечисление) [120].

«Всего в Окладникове да в Кузнецове слободках, да в починке сорок три двора крестьянских, а людей в них шездесят три человека.

Да в тех слоботках и в починке девяносто девять дворов пустых. <...>

Вышли те крестьяне и ис тех слободок в государевы розные города з женами и з детьми, и дворы свои покинули пусты во 150 [1641–1642] и во 151 [1642–1643] и во 152 [1643–1644] годех от хлебного недороду, з голоду [это зачеркнуто]» [121].

О начале его службы в усть-кутской соляной варнице есть две памяти — приказчика Илимского острожка Алексея Семенова Бедарёва и целовальников усть-кутскому приказчику Гаврилу Григорьеву.

Л. 12. «Господину Гаврилу Григорьеву сын боярской [А]лексея Семенов сын Бедарёв, целовальники Григорей Прокофьев, Иван Стефанов челом бьют.

В нынешнем, во 153 [1644] году, ноября в 4 день, по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу и по наказной памяти стольника и воеводы Петра Петровича Головина указано на усть Куты соль варить.

И прислано из Якутцково острогу полтора ста полиц цыренных. Ковано из якутцково железа доброво. А весом в тех полицах шеснатцать пуд.

А велено ис тех полиц зделать церен, во все стороны по четыре аршина. А опушечной доски и порубки велено делать из досталово цыренного железа старово цырена, что на усть Куты у тебя и что ты принял у таможенных довольно.

Поставить варница пашенным усть-кутцким, Исачку Максимову с товарищи. Да им же велено старые соляные анбары поставить накрепко на столбы, чтоб государеве соли от вешние воды порухи не было ж».

[Далее следует зачеркнутое: «А ныне к тебе посланы для цыренного дела Ивашка Зяблоу, Аксенко Михайлов, Пятулька Осипов для цыренного дела. Да присланы из Якутцково два кузнецца: Онофрейка [Кузнец] з братом, что привезли цыренные полицы.

Да из Якутцково же острогу пришел кузнец Кондрашка Осипов. И буде он, Кондрашка, есть у вас на усть Куты, и ты б велел им, кузнецом, всем готовить на цыренное дело уголье. А как они уголья изготовят, и велеть им ис старого цырена ковать порубни».]

[Вставка на обороте: «А для цыренного дела присланы из Якутцково служилые люди, кузнецы. А велено цырен делать кузнецом, Онофрейке з братом. Да с ним[и] велено делать кузнецом Ивашку Зяблому, Кондрашке Осипову.

Да которые кузнецы для цыренного дела: кузнец Ивашко Зяблой, Аксенко Михайлов, Пятулька Осипов. А Кондрашка Осипов сошел из Якутцково и с усть Куты на дело не бывал.

И как те кузнецы с волоку к тебе придут, а Кондрашка с усть Куты на волок не сошел, и тебе б велено им, кузнецом, Онофрейку з братом, Ивашку Зяблому с товарищи и Кондрашке готовить целовальников Осипа Елезова якори и сошники».]

Л. 13. А как кузнецы уголье изготовят, и тебе б велеть им, кузнецом, делать церенное гвоздье и опошечные (на л. 12 написано: опушечные. — Г. К.) и порубни ис старово цыренцу.

И что ты принял у таможенных целовальников железа в якорях и ральниках, и тебе то железо в сошниках и в ральниках взвесить, и отписать нам на волок. И давать то железо кузнецом весом, на что пригодитца: на гвоздье и опушечные доски, и на порубни.

А что дашь кузнецом железа, и то писать у себя в книги.

А над кузнецами надсматривать, чтоб уголье готовили и церен делали без мешкоты, и гвоздем ушивали гораздо.

А с коево числа станут кузнецы уголье готовить, церен делать, и тебе б числа записать порознь.

А пашенным, Исачку Максиму с товарищи, велеть им лес добыть на варнишной, какой велеть соловарни, сколь велику, кузнецу и варницу поставить.

Да им же, пашенным, [велеть] и камень под место добыть.

Да им же, пашенным, велеть соляные старые анбары поставить на крепкие столбы, чтоб государеве соли от вешние воды порухи не было.

А лес им варнишной велеть добывать и онбары — тотчас, без мешкоты.

А кузнецом, Онофрейке з братом Якунькою, давать бы тебе государевы ржы в оклады их помесячно. Да и соловару Тимошке давать государевы ржи в ево наем, всего 18 пуд. Болши не давать. А что им дашь ржы, и тебе бы писать в книги.

А Ивашку Зяблому, да Оксенке и Пятульке дать государевы ржы взаймы, сколько им надобно, по коих мест они церен государев делают.

[*Вставка на обороте:* «А в якорях железо указано на весну прислать в Якутцкой».]

А которые тунгусские есть у вас, на усть Куты стоят юртами, и тебе им сказать, чтоб они сошли на лес и уходили. А по ясак де будут служилые люди с Ылиму тотчас.

А о том им заказу учинить, чтоб они соболей и лисиц черных, и бобров не продавали, и ни с кем не торговали.

И государевым делом промышлять неоплошно на кузнецах, и уголье готовить, и над ними смотреть, чтоб напрасно не гуляли, и пашенные варнишными бревнами и камнем, и анбаром промышляли неоплошно.

А бумаги к тебе послано полдести с кузнецом Якунькою».

[*Вторая вставка на обороте:* «с коево числа станешь гвоздье и церен шивать, и с того числа указано кузнецы корм давать»] [122].

Упомянутый здесь кузнец Якунька — брат Онофрия Степанова Кузнеца.

Далее следует еще одна память усть-кутскому приказчику Гаврилу Григорьеву.

«Господину Гаврилу Григорьеву сын боярской Алексей Бедарёв, целовальники Григорей Саватиевых, Иван Мурошкин челом бьют.

В нынешнем, во 153 [1644] году, ноября в 21 день, посланы к тебе промышленные люди, наемщики, для государевы соляные вари в подварки Евдокимко Дементьев, а для дровяной рубки Федотко Парфенов, Ивашко Ильин.

И как они на усть Куты придут к тебе, и велеть тем промышленным Евдокимку, а дву цырены велеть кузнецом вместе и ему, Евдокимку, цыренное дело за обычей, и порушная по нем взята, что ему быть в подварках, и церен починить дать кузнецом.

А дровосекам, Федотку и Ивашку, велеть дрова рубить без мешкоты. А что государевых дров саженных издержат, и тебе то записывать у себя. А те дрова после году им нарубить и отвести столько же.

А лошадь им, дровосекам, дана им государева, и на тоё лошадь корму взять, сена, у ково есть во близе, у пашенных или у служилых, или у промышленных.

А взять сена зеленого, чтоб есть было на зиму. А за сено денги дадут из казны.

Да им же дать, промышленным, наемного хлеба, ржы, из государевы казны, Евдокимку 28 пуд ржы, Федотку Парфенову 28 пуд ржы, Ивашку Ильину 25 пуд ржы.

А что им государевы ржы дашь, и то писать у себя в книги.

А служилым людям, кузнецом:

Онофрейку Стефанову, оклад его 5 чети, добавить ему на нынешней, на 153 [1644] год, 17 пуд з безмен.

Якуньку Стефанову Кузнецу, оклад его 5 чети 3 пуда з безмен, добавить 17 пуд з безмен.

А указано тебе давать им, кузнецом, дву, в прежней отпуск, помесячно. И тебе б против их окладов давать недо[да]ча против прежнего отпуску, помесячно.

Да ты же писал, что указано тебе по государеву указу на них, пашенных, пятину хлеба взять. И ты о том пишешь, что пашенные хотят бить челом о той пятине государю.

А мы тебе указали взять на них пятину, пашенных, по ево государеву указу. И ты на них пятинны не емлешь, наровишь им, пашенным.

А буде на них, пашенных, ныне пятинны не возьмешь, а рожь де им дашь недоимочно, хлеб доправят на тебе.

А как станут дровосеки дрова рубить, топоры у них буде попортятся, и тебе б велеть у них топоры починить дать кузнецу Онофрейку. А сани попортятся или хомуты, и то велеть поделывать пашенным» [123].

В книге расхода железа за 153 [1644] г. сделана запись:

«Декабря в 7 день на усть Куты реки к государеве соляной варнице для цыренного всякого варничного железного дела кузнечной снасти, что куплено было для государева ленского кузнечного дела в Енисейском остроге, наковально и мехи, молот большой, молот малой, пятеро клещи, клюка, обушник. Посланы та кузнечная снасть с служилым человеком с Онофрейком Степановым.

А в остатке той снасти: веретно точильное» [124].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Красноштанов Г. Б. Ерофей Павлович Хабаров. Хабаровск: Приамурское географическое общество, изд-во «РИОТИП» краевой типографии, 2008. 762 с.

2. Красноштанов Г. Б. В поисках родины Хабарова // Двинская земля. Котлас, 2010. Вып. 6. С. 12–27.

3. Красноштанов Г. Б. В поисках родины Ерофея Хабарова // Известия Архитектурно-этнографического музея «Тальцы». Иркутск, 2013. Вып. 6. С. 7–22.

4. Там же. С. 15.
5. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 506. Л. 381.
6. Там же. Л. 388–388 об.
7. Там же. Л. 393.
8. РГАДА. Ф. 1209. Кн. 449. Л. 223.
9. РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Ед. хр. 61. Л. 3–3 об.
10. РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. № 99, 1645 г. Л. 35.
11. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 506. Л. 381.
12. Там же. Л. 13.
13. Там же. Л. 14–15.
14. РГАДА. Ф. 137. Оп. 2. Ед. хр. 6. Л. 33–33 об., 42 об.
15. РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Ч. I. Ед. хр. 12. Л. 9.
16. РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Устюг Великий. Ед. хр. 214. Л. 116 об.
17. РГАДА. Ф. 1209. Кн. 15040. Л. 465 об.
18. РГАДА. Ф. 214. Кн. 71. Л. 85.
19. См.: Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. СПб., 1847. Т. 27, № 105. С. 54.
20. РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Ед. хр. 28. Л. 5.
21. Сафронов Ф. Г. Ерофей Хабаров. Хабаровск, 1983. С. 86.
22. Летопись занятий Археографической комиссии. Вып. 3. II. Материалы. Вологодские акты 1500–1684 гг. СПб., 1864. С. 6–8.
23. Амвросий (Орнатский). История российской иерархии. М., 1813. Ч. 5. С. 646–647.
24. Там же. С. 647–648.
25. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 541. Л. 250–250 об.
26. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Соль Вычегодская. Кн. 449. Л. 236–236 об.
27. РГАДА. Ф. 1209. Кн. 15052. Л. 248 об.
28. РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Ч. I. Ед. хр. 79. Л. 655.
29. Там же. Л. 656.
30. РГАДА. Ф. 1177. Оп. 4. Ед. хр. 350. Л. 3 об.
31. РГАДА. Ф. 1177. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 41.
32. РГАДА. Ф. 214. Ст. 381. Л. 96 об.
33. Там же. Л. 92.
34. Там же. Л. 96 об.
35. РГАДА. Ф. 214. Кн. 95. Л. 813.
36. Там же. Л. 823–823 об.
37. РГАДА. Ф. 214. Кн. 127. Л. 358 об.
38. Там же. Л. 374–374 об.
39. РГАДА. Ф. 1177. Оп. 4. Ед. хр. 9. Л. 66.
40. РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Ед. хр. 43. Л. 21.
41. РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Ч. I. Ед. хр. 174. Л. 1.
42. РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Ч. I. Ед. хр. 83. Л. 4–5.
43. РГАДА. Ф. 1177. Оп. 4. Ед. хр. 171. Л. 6.
44. РГАДА. Ф. 1177. Оп. 4. Ед. хр. 310. Л. 8.
45. РГАДА. Ф. 494. Оп. 1. Ч. I. Ед. хр. 2690. Л. 23.
46. РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Ч. V. Ед. хр. 3231. Л. 1–2.
47. РГАДА. Ф. 160. Оп. 1. Ед. хр. 288. Л. 3.
48. РГАДА. Ф. 214. Ст. 319. Л. 148 об.–149.
49. РГАДА. Ф. 1177. Оп. 2. Ед. хр. 46. Л. 26.
50. РГАДА. Ф. 214. Ст. 344. Л. 205.
51. РГАДА. Ф. 214. Ст. 360. Л. 507.
52. РГАДА. Ф. 214. Ст. 344. Л. 209.
53. РГАДА. Ф. 214. Кн. 306. Л. 507.
54. РГАДА. Ф. 214. Ст. 344. Л. 209.
55. РГАДА. Ф. 214. Кн. 306. Л. 507.
56. РГАДА. Ф. 1177. Оп. 4. Ед. хр. 310. Л. 8.
57. РГАДА. Ф. 214. Кн. 577. Л. 73 об.
58. Сафронов Ф. Г. Ерофей Хабаров. С. 79.

59. Там же. С. 80.
60. РГАДА. Ф. 214. Ст. 344. Ч. I. Л. 82–83.
61. РГАДА. Ф. 214. Ст. 348. Л. 308–309.
62. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Соль Вычегодская. Кн. 15053. Л. 100 об.–101.
63. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Соль Вычегодская. Кн. 15052. Л. 277.
64. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Соль Вычегодская. Кн. 15058. Л. 56.
65. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Соль Вычегодская. Кн. 451. Л. 265.
66. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Соль Вычегодская. Кн. 449. Л. 236–236 об.
67. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Соль Вычегодская. Кн. 15039. Л. 178.
68. РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. Ед. хр. 530. 1624 г. Л. 292.
69. Там же.
70. РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Ч. II. Ед. хр. 1393. Л. 35.
71. Там же. Л. 36.
72. РГАДА. Ф. 214. Ст. 470. Л. 367.
73. Красноштанов Г. Б. На ленских пашнях в XVII веке: Документальное повествование. М.: Древлехранилище, 2012. Ч. 1. С. 16–17.
74. РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Ч. I. Ед. хр. 181. Л. 1.
75. РГАДА. Ф. 396. Оп. 9. Ед. хр. 11750. Л. 8.
76. РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Ч. I. Ед. хр. 767. Л. 117–118.
77. Там же. Л. 119.
78. РГАДА. Ф. 1177. Оп. 4. Ед. хр. 531. Л. 82.
79. РГАДА. Ф. 1177. Оп. 4. Ед. хр. 525. Л. 2 об.
80. ДАИ. СПб., 1851. Т. 4. Док. 11. С. 34–35.
81. РГАДА. Ф. 1177. Оп. 4. Ед. хр. 1343. Л. 86.
82. Там же. Л. 112 об.–113.
83. РГАДА. Ф. 214. Кн. 835. Л. 140.
84. Там же. Л. 150–150 об.
85. РГАДА. Ф. 214. Кн. 835. Л. 1а.
86. Там же. Л. 15 об.–16.
87. РГАДА. Ф. 1177. Оп. 4. Ед. хр. 1401. Л. 55 об.–57.
88. Там же. Л. 126.
89. РГАДА. Ф. 1177. Оп. 4. Ед. хр. 1400. Л. 5 об.–7.
90. РГАДА. Ф. 1177. Оп. 4. Ед. хр. 1401. Л. 162 об.–163.
91. РГАДА. Ф. 1177. Оп. 4. Ед. хр. 1317. Л. 27.
92. Там же. Л. 28.
93. РГАДА. Ф. 1177. Оп. 4. Ед. хр. 1428. Л. 1.
94. Там же. Л. 9.
95. РГАДА. Ф. 1177. Оп. 4. Ед. хр. 1430.
96. Там же. Л. 8.
97. РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Ч. IV. Ед. хр. 2476. Л. 302–302 об.
98. Там же. Л. 33–33 об.
99. РГАДА. Ф. 214. Кн. 1042. Л. 96.
100. РГАДА. Ф. 494. Оп. 1. Ч. I. Ед. хр. 61. Л. 12, 14.
101. РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Ед. хр. 808. Л. 7–7 об.
102. РГАДА. Ф. 494. Оп. 1. Ч. I. Ед. хр. 72. Л. 35.
103. Там же. Л. 38.
104. Там же. Л. 39.
105. РГАДА. Ф. 494. Оп. 1. Ч. I. Ед. хр. 79. Л. 10 об.
106. РГАДА. Ф. 214. Кн. 1042. Л. 50 об.
107. РГАДА. Ф. 494. Оп. 1. Ч. I. Ед. хр. 78. Л. 77 об.
108. Там же. Л. 127 об.
109. РГАДА. Ф. 494. Оп. 1. Ч. I. Ед. хр. 80. Л. 139 об., 141.
110. РГАДА. Ф. 494. Оп. 1. Ч. I. Ед. хр. 87. Л. 209 об.–208 об., нумерация не по порядку.
111. Там же. Л. 208.
112. Там же. Л. 40.
113. Там же. Л. 42.
114. Там же. Л. 176 об.

115. Там же. Л. 116 об.

116. Там же. Л. 121 об.–122 об.

117. РГАДА. Ф. 494. Оп. 1. Ч. I. Ед. хр. 94. Л. 20 об.

118. РГАДА. Ф. 494. Оп. 1. Ч. I. Ед. хр. 137. Л. 203.

119. Щукин Н. С. Подвиги русских на реке Амуре в XVII столетии, описанные на основании подлинных бумаг Якутского и Нерчинского архивов // Сын отечества. М., 1848. Т. 5, кн. 9. С. 22.

120. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. II. Ед. хр. 15054. Л. 173 об.

121. Там же. Л. 175.

122. РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Ч. I. Ед. хр. 646. Л. 12–13.

123. Там же. Л. 19–19 об.

124. РГАДА. Ф. 1177. Оп. 4. Ед. хр. 165. Л. 2.

Ю. И. Чивтаев

А. И. ЛОСЕВ О КИРЕНСКОМ УЕЗДЕ: ПО МАТЕРИАЛАМ РУКОПИСИ «ГЕОГРАФИЧЕСКО-СТАТИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ...»

Имя Антона Ивановича Лосева (1764/?–1829) хорошо известно сибирской научной общественности. Обладающий незаурядным умом и разносторонними знаниями, удивительной трудоспособностью, он прошел путь от ученика Иркутской навигационной школы и геодезиста до иркутского губернского архитектора, а затем губернского землемера, дослужился до чина статского советника и награждения орденами Св. Анны 2-й степени и Св. Владимира 4-й степени. Он внес заметный вклад в становление Иркутска как центра культурной жизни Сибири в конце XVIII — первой четверти XIX в., стал первым иркутским краеведом [1].

Картографические материалы, составленные им или при его участии, описания Иркутской губернии хозяйственные, топографические, географо-статистические, большая часть которых не была опубликована, статьи в «Казанских известиях», «Северной пчеле», «Трудах Вольного экономического общества» — это творческое наследие неутомимого патриота Сибири в той или иной мере использовалось еще его современниками, являющимися одними из первых представителей сибирской творческой и научной мысли, такими, как писатель Г. С. Батеньков, историки Г. И. Спасский и П. А. Словцов, краевед и писатель Н. С. Щукин и др.

Иркутский вице-губернатор Н. В. Семивский уже после отъезда из Иркутска лестно отзывался о Лосеве: «Дело свое знает совершенно; по трудолюбию же своему и точности в исполнении разных, делаемых ему от Начальства, поручений есть там единственный и примерный» [2]. О заметной роли Лосева в культурной жизни Иркутска свидетельствует тот факт, что скорбная дата его кончины зафиксирована в летописи [3]. Известный публицист и историк, деятель ВСОИРГО В. И. Вагин, обобщая воспоминания людей, лично знавших Лосева, писал в 1872 г., что он «настолько же возвышался перед своими современниками, насколько был выше их по уму и познаниям» [4].

К деятельности Лосева проявляют значительный интерес исследователи последних десятилетий.

Лосев как архитектор представлен в работах В. И. Кочеданова и В. Т. Щербина [5]. Н. М. Полунина детально описала градостроительные планы и панорамный проспект Иркутска, выполненные Лосевым к картам Иркутска [6]. Н. Г. Суховой дан обзор физико-географических исследований Лосева, исследована его роль в изучении Восточной Сибири с анализом массива его творческого наследия [7]. Известный сибирский историк Д. Я. Резун рассмотрел деятельность Лосева как историка, формировавшего и характеризовавшего новую для того времени историческую категорию «городской образ жизни», сообщавшего ценные сведения о состоянии торговли и промышленности в мелких уездных и даже в заштатных городах и острогах, чего почти не было в официальной статистике [8]. В. П. Шахеров ввел в научный оборот две важнейшие работы Лосева: «Обозрение разных происшествий, до истории и древностей касающихся, в Иркутской губернии и в сопредельной оной странах бывших...» [9], а также значительный фрагмент «Географическо-статистического описания...» [10] — и дал комментарии к ним. А. Н. Кешикова выявила и опубликовала

архивные материалы, дополняющие биографические данные о Лосеве, его семье, быте, а также о повседневной работе [11]. Она же (став Чикишевой) ввела в научный оборот сохранившиеся в копиях записанные Лосевым документы 1793 г., относящиеся к установлению торгово-экономических связей с Японией, а также содержащие описания островов Курильской гряды, что подтверждает тщательность, с какой подходил Лосев к сохранению сведений, представляющих интерес для него как летописца [12]. На контрольно-организационную функцию Лосева — губернского архитектора обратил внимание А. Н. Гаращенко [13].

Приведенный обзор литературы не является исчерпывающим, но отражает достигнутый уровень в изучении творческого наследия Лосева.

Тем не менее остается еще много белых пятен, и вызвано это в немалой степени слабым изучением архивов, в том числе и из-за практической недоступности для восточносибирских исследователей центральных хранилищ.

О дате рождения Лосева существуют разные суждения. Н. Г. Сухова в 1964 г. называла 1765 г., а в работе 1983 г. сообщала, что он из «навигационных детей», и о дате рождения высказалась осторожнее — «в середине 60-х годов». При этом она ссылалась на формулярный список 1821 г., в котором сказано, что Антону Ивановичу тогда было 56 лет [14]. А. Н. Гаращенко дату рождения оставляет под вопросом: «13 янв. 1765(?)» [15]. В. П. Шахеров называл 1765 г. [16]. А. Н. Кешикова, используя архивный документ ГАИО, изложила его содержание, обратив внимание на то, что жене Антона Ивановича Елене (Михалевой в девичестве) в 1801 г. было 33 года и она на четыре года моложе мужа. Это данные из посемейного списка жителей Иркутска, составленного в 1801 г. (у автора ссылка дается на ГАИО. Ф. 70. Оп. 10. Д. 11. Л. 294 об.–295) [17], но сейчас нумерация в этом фонде иная.

В посемейном списке записан «титularной советник губернский архитектор Антон Иванов сын Лосев — 37 лет», сообщается, что он женат на дочери умершего священника Михаила Михалева Елене, которой 33 года [18]. Раз к моменту составления списка (а дата его составления нам неизвестна) в 1801 г. Антону Ивановичу уже исполнилось 37 лет, это исключает 1765-й г. как предполагаемый год его рождения, но оставляет возможным предполагать рождение его в 1763 или в 1764 г. Однако по формулярному списку (дата записи нам также неизвестна; делались списки со слов вносимых в них лиц) в 1821 г. ему 56 лет. Значит, 1763-й тоже исключается как предполагаемый год его рождения, но остается 1764 или 1765 г.

Следовательно, по имеющимся данным, 1764 г. можно назвать наиболее возможным годом рождения Антона Ивановича, хотя окончательно этот вопрос может быть разрешен, если обнаружится церковная запись о рождении.

Что касается возраста жены Антона Ивановича, то поскольку ей в 1801 г. было 33 года, она родилась либо в 1767-м, либо в 1768 г., т. е. была моложе мужа на три или на четыре года. Сын Лосева Иван, которому в 1801 г. было 18 лет, родился либо в 1782-м, либо в 1783 г., т. е. мать родила его в своем 14-летнем или в 15-летнем возрасте, а отцу его Антону Ивановичу было 18 или 19 лет. Возраст матери не должен удивлять, так как и по гражданскому, и по церковному закону в то время минимальный возраст брака для женщин установлен в 13 лет, для мужчин — в 15 лет.

Ничего не было известно об отце Антона Ивановича. Поскольку Антон из «навигационных детей», В. П. Шахеров высказывал предположение, что его отец мог принимать участие в работах Великой Камчатской экспедиции 1733–1743 гг., а Антон пошел по стопам отца [19]. Мы не знаем о Камчатской

экспедиции, но по стопам отца Антон Иванович действительно пошел, и нам посчастливилось установить, кто на самом деле был его отцом.

В 1765–1766 гг. в Илимском уезде работали землемеры из навигацких учеников. В РГАДА сохранилась «Книга расположения...», заполненная землемером Иваном Лосевым, который находился на Лене в период с мая по июнь 1765 г. «для измерения пахотной земли и сенокосов» крестьянам Чечуйской, Киренской, Кривоуцкой и Усть-Кутской волостей [20]. В следующем году те же землемеры продолжали работать на Лене, Илеме и Ангаре, но отвод приостановился в связи со смертью Ивана Лосева, умершего 22 сентября 1766 г. в д. Шаманской Карапчанской волости, жена которого Анисья Савина дочь просила выплатить ей жалованье мужа, и об этом есть сведения у Шерстобоева [21]. Других подробностей нет, а они оказались важнейшими для нас.

Оказалось, что Иван Лосев, который отводил здесь землю вместе с другим навигацким учеником Иваном Михалевым и с сыном боярским Василием Литвинцевым, «сентября с 15 дня находился болен в горячке, а сего 22 дня умре» [22].

19 октября 1766 г. илимский воевода Шарыгин направляет об этом сообщение в Иркутскую губернскую канцелярию [23].

6 ноября 1766 г. в Илимскую воеводскую канцелярию обращается с челобитьем жена Ивана Лосева Анисья Савина дочь Лосева. Ввиду важности этого документа для нашей работы приведем его полностью.

«Всепресветлейшая державнейшая великая государыня императрица Екатерина Алексеевна самодержица всероссийская государыня всемилостивейшая.

Бьет челом бывшего Иркутской навигацкой школы ученика Ивана Лосева жена ево вдова Анисья Савина дочь, а о чем мое челобитье, тому следуют пункты. 1-е.

По указу Вашего Императорского Величества из Иркутской губернской канцелярии находился означенной муж мой у измерения Илимского ведомства в острогах и слободах пахотных земель и сенокосов, в том числе Карапчанского ведомства в Шамановской деревне, которой сентября 22 дня сего 766 году волею божиею умре, а определенного ему по силе Вашего Императорского Величества из Иркутской губернской канцелярии указу денежного жалованья за минувшую нынешнего 766 году майскую треть, також и сентября с 1-го по 22 по день смерти, то есть на дватцать на один день, ис казны Вашего Императорского Величества в даче не было, а имею я, раба ваша, оставшаго от того мужа моего малолетного сына Антона и о пропитании себя и того малолетного сына, також и для проезду до города Иркутска в дом свой на платеж прогонных денег имею крайнюю нужду.

И дабы высочайшим Вашего Императорского Величества указом повелено было мне, рабе вашей, заслуженное мужем моим за минувшую сего 766 году майскую треть, також и по день смерти сентября с 1 по 22 число, то есть на дватцать на один день, по окладом ево денежное жалованье по крайней моей скудости и чтоб я, раба ваша, с малолетным сыном ко объявлению ево Главной команде до города Иркутска вскоре прибыть могла и ис казны Вашего Императорского Величества из Илимской воеводской канцелярии выдать и о даче на одну уездную подводку за собственные мои прогонные денги дать подорожную.

Всемилолюбивейшая государыня, прошу Вашего Императорского Величества о сем моем прошении решение учинить.

Ноября 6 дня 1766 году. К поданию надлежит в Илимскую воеводскую канцелярию. Челобитну писал Илимской воеводской канцелярии копеист Петр Курбатов.

К сему прозбою Анисии Савиной дочери Лосевой копейист Федор Ураков руку приложил» [24].

Жалованье мужа по его окладу 10 руб. 57 коп. с деньгой вдова получила за вычетом по копейке с рубля за медикаменты. Деньги выданы из кабацкого прибыльного сбора. Для возвращения из Илимска в Иркутск велено давать в пути следования одну уездную подводку с проводником, взимая прогонные деньги по 1 копейке за версту.

Итак, найдены и отец, и мать Антона Ивановича Лосева. Отец — иркутский землемер Иван Лосев, мать — иркутская жительница Анисья Савина дочь Лосева.

Вот так — с безотцовщины — началась жизнь известного в Сибири человека. Может быть, именно потому, что Антон Иванович потерял отца в младенчестве, ни он сам, ни его современники о происхождении не упоминали. Думается, что, бывая на Ангаре и Илеме, Антон Иванович навещал могилу отца. Любопытно и то, что женой Антона через 16–17 лет стала Елена в девичестве Михалева. Такая же фамилия сотоварища Ивана Лосева землемера Ивана Михалева. Не родственник ли он священнику Михаилу Михалеву, тестю Антона Ивановича?

Архивные поиски, не связанные с Лосевым, случайно дали сведения о его карьере. О дате назначения Лосева губернским архитектором существует несколько мнений. Сухова — с 1790 г. он прикомандировывается в должность губернского архитектора, в 1792 г. происходит его назначение губернским архитектором [25]; Гаращенко — в мае 1781 г. он становится старшим геодезистом и помощником губернского архитектора, с 10 января 1790 г. прикомандировывается в должность губернского архитектора, 7 марта 1799 г. происходит его назначение губернским архитектором [26].

А вот как сам Лосев писал о своей должности в это время. В сентябре 1794 г. он составлял план и смету на строительство соляных магазейнов в г. Верхнеудинске и на этом плане расписался: «За архитектора землемер прапорщик Антон Лосев» [27], а 20 июля 1795 г. на смете Олёкминского соляного магазейна расписался уже иначе: «В должности архитектора землемер прапорщик Антон Лосев» [28]. Землемеры относились к служащим межевого ведомства и поэтому имели военные чины, а губернский архитектор к ведомствам, служащие которых имели военные чины, не относился, он являлся членом губернского гражданского правления. Видимо, Лосев, числясь в межевом ведомстве в 1794–1795 гг., замещал архитектора или исполнял его обязанность при составлении планов и смет во время командировок в эти города как помощник архитектора. Значит, все-таки он назначен губернским архитектором не в 1792 г., а позже.

«Географическо-статистическое описание Иркутской губернии, подающее сведения... о городах с их уездами с приложением чертежей и рисунков, сочиненное землемером надворным советником Лосевым в Иркутске в 1819 году» (далее — «Географическо-статистическое описание...») является самым фундаментальным трудом Лосева. В нем собраны известные к тому времени сведения о Восточной Сибири из разных областей знания. Сибирский историк Д. Я. Резун отметил, что эта работа носит «сугубо официальный характер и создана по прямому заказу начальства» [29], является «вершиной творчества Лосева как историка» [30]. Очевидно, не случайно экземпляр рукописи Антона Ивановича находился у сибирского генерал-губернатора М. М. Сперанского, который в том же году прибыл с ревизией, и конечно, такое многоплановое исследование дало выдающемуся юристу и реформатору полезные сведения о

Восточной Сибири. Экземпляр, принадлежавший Лосеву, хранится в секции Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук и состоит из двух частей (Ф. 115. Оп. 1. Д. 367, 367а).

Далее в круглых скобках указываются листы этой рукописи, фрагмент которой публикуется впервые (см. Приложение).

Описание уезда Лосев начинает с описания местоположения Киренска и герба города, указывает его координаты [31]. Тогда там было всего пять улиц, названия которых — Набережная, Ямская, Казачья, Разночинная, Троицкая (л. 313 об.). Лосев кратко рассказал о древнем Троицком монастыре и церквях города.

Лосев часто «старит» города, остроги, события. Нельзя не учитывать, что во время написания им работы еще не были исследованы многие архивные документы, не были известны и сопоставлены между собой различные факты и события периода раннего освоения Восточной Сибири. Но, по мнению Резуна, «удлинение возраста» — это «была сознательно выстроенная, логически обоснованная концепция, утверждавшая более раннее народное освоение Восточной Сибири, чем в официальной историографии» [32].

Так, основание Якутска Лосев относит к 1621 г., хотя был знаком с работой И. Е. Фишера 1774 г. «Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием» и действительной датой основания этого острога в 1632 г. сотником П. Бекетовым, установленной еще Г. Ф. Миллером. В том же году, по мнению Лосева, возникла и Витимская слобода (л. 318 об.). Но теперь известно, что первые сведения о витимских крестьянах встречаются с 1667 г. [33]. Датой строительства Троицкого монастыря он называет 1625 г. (л. 314), хотя монастырь был основан в 1663 г. [34]. Дату основания Киренска Лосев не назвал.

В работе Лосева перечислены все главные реки уезда, указаны длина, максимальные глубины и ширина, описаны характер течения и берега рек, названы рыбы, обитающие в них, указаны полезные ископаемые, обнаруженные у этих рек (л. 317 об.–321 об.).

Деятельность Лосева всегда была тесно связана с картографией, и в работе с данной рукописью он верен себе. Параграф 217 «Смежество и пространство уезда», написанный в 1819 г., Антон Иванович через восемь лет основательно переработал, так как «межа Киренскаго округа на карте Иркутской губернии Его Императорским Величеством утверждена 1827 года сентября в 15 день» (л. 317). Если при написании рукописи в 1819 г. Лосев указал лишь направления, по которым проходила межа с соседними Киренскому уезду территориями — Томской губернией на западе, Якутской областью на востоке, Верхнеудинским уездом, Иркутским округом и Нижнеудинским уездом на юге, то теперь он подробнейшим образом указывает не только направления границ (с 1822 г. восточная часть Томской губернии стала самостоятельной Енисейской губернией), но и пограничные реки, протяженность в верстах от одного объекта на межах до другого, и все это вписывает карандашом убористым почерком между строк первоначального текста (л. 317). Ясно, что Лосев обновляет свою работу с учетом свежих данных. К сожалению, карту Лосев не назвал, и поэтому сопоставить его описание с самой картой невозможно. Однако при просмотре известных нам карт выясняется, что и до 1827 г., и позже очерченная императором северная межа не стала официальной междугубернской границей (см. примеч. 5 к тексту рукописи).

На Лене внимание Лосева привлекли ключи минеральной известковой воды, бьющие из горы, состоящей из известкового камня. По его мнению, эта вода содержит растворившиеся колчеданы и известь. Он даже рассказывает, как самому сделать такую воду, полезную для здоровья (л. 320–322 об.).

Ценным историческим источником является содержание параграфа 224 «По Якутскому тракту станции и лошади», где перечислены 38 станций от границы Иркутского уезда до границы с Якутской областью, указаны расстояния между станциями и количество содержащихся на них пар лошадей отдельно для почтовой и для уездной гоньбы (л. 322–324). Кроме того, в первой части рукописи на листе 219 есть сведения о графике движения почт.

Кратко, но содержательно рассказано об Илимске (л. 324 об.–327), ставшем к тому времени комиссарством, управляющим Орленскою слободою и находящемся в ведении Киренска. «Ни осажден, ни разорен и ни покорен ни от кого не был», — пишет Лосев, — «был славен породами, к покорению при реке Лене кочующих народов» (л. 325). Есть и о занятиях илимчан: «Торгов не бывает, кроме приезжающих звания людей и торгующих малым числом русскими и Китайскими товарами. У жителей ремесло: чеканное, портное, кирпичное, кожевенное, мыльное и плотнишное» (л. 325 об.). А о киренчанах он написал так: «Купцы и мещане ведут жизнь, соображаясь своему достатку с умеренностию» (л. 316). Любопытное наблюдение Лосева, который бывал в самом Илимске не раз: «Из насекомых мошки, против прочих мест великое множество; потому тамошний скот весьма сух» (л. 326).

В параграфе 225 Лосев упоминает бывший медеплавильный завод купца Савельева в связи с описанием пород глинистого сланца, встречающегося возле Лены [35]. При этом он употребляет латинские названия этих глини (л. 324–324 об.), что подтверждает изучение в навигацкой школе латыни как научного языка XVIII в.

Есть сведения и о месторождениях слюды по Витиму, Чу и Чае (л. 318 об., 320), железной руды по Нижней Тунгуске (л. 320).

Описана хозяйственная жизнь населения уезда: пашенное дело, покосы, звероловство, рыбный промысел (л. 327–329 об.). Отмечены трудности хлебопашества: из-за погодных условий «неурожайных годов случается здесь более нежели плодородных» (л. 328).

Отдельный параграф 229 посвящен Усть-Кутскому сользаводу, на котором «соль вываривается удобно во всякое время года; но приготовление оной производится таким количеством, в каком когда настает надобность», а содержит его купец Сычев (л. 330–331 об.).

В первой части Лосевым составлена статистическая таблица о числе жителей губернии. Нами приводится выписка из таблицы по Киренскому уезду.

Публикацией материалов Лосева продолжается введение в научный оборот новых источников по истории Приленья, предпринятое ранее мизерными тиражами [36].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Шахеров В. П. Первый краевед Иркутска // Весь Иркутск: информационно-рекламный ежегодник-календарь на 1992 г. Иркутск, 1992. С. 228–230.

2. Новейшие любопытные и достоверные повествования о Восточной Сибири, из чего многое доньше не было всем известно Н. В. Семивского. СПб., 1817. С. 145.

3. Кротов В. А. Летопись города Иркутска. 1652–1856 гг. / вступ. ст., публ., подгот. текста, коммент. Н. В. Куликаускаене. Иркутск, 2013. С. 148.

4. Цит. по: Кешикова А. Н. Иркутский краевед, историк и архитектор Антон Иванович Лосев // Сибирский город XVIII — начала XX веков. Иркутск, 2005. Вып. 5. С. 169.

5. Кочедамов В. И. Антон Лосев — иркутский архитектор конца XVIII — начала XIX века // Архитектурное наследие. М., 1972. Вып. 19. С. 102–106; Щербин В. Т. Обзор архитектурного наследия Иркутска // Памятники истории и культуры Иркутска. Иркутск, 1993. С. 280–307.

6. Полунина Н. М. Обзор картографической коллекции дореволюционного Иркутска // Источниковедение городов Сибири конца XVI — начала XX в. Новосибирск, 1983. С. 104–106.

7. Сухова Н. Г. Труды А. И. Лосева // Физико-географические исследования Восточной Сибири в XIX в. Л., 1964. С. 19–21; Она же. А. И. Лосев и его роль в изучении Восточной Сибири // Источниковедение городов Сибири конца XVI — начала XX в. С. 43–65.

8. Резун Д. Я. А. И. Лосев как историк городов Восточной Сибири // Городская культура Сибири: история, памятники, люди. Новосибирск, 1994. С. 165–181.

9. Лосев А. И. Обзорные разные происшествий, до истории и древностей касающихся, в Иркутской губернии и в сопредельных оной странах бывших, сообразно предписанию г-на главного губерний начальника сочиненное губернским землемером, надворным советником, императорского Санкт-Петербургского Вольного экономического общества членом Антоном Лосевым в городе Иркутске в 1812-м году / публ., коммент. В. П. Шахеров // Летопись города Иркутска XVII–XIX вв. Иркутск, 1996. С. 111–230, 277–300.

10. Лосев А. И. Географическо-статистическое описание Иркутской губернии // Весь Иркутск: информационно-рекламный ежегодник-календарь на 1992 г. С. 231–250.

11. Кешикова А. Н. Иркутский краевед, историк и архитектор Антон Иванович Лосев. С. 169–183.

12. Чикишева А. Н. (она же Кешикова А. Н.). Труды иркутского краеведа А. И. Лосева как источник по истории Сибири первой половины XIX в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология, религиоведение». 2012. № 1. С. 159–165.

13. Лосев Антон Иванович / Иркутская региональная общественная организация по содействию в создании и поддержании мемориальных кладбищ, изучению культурного наследия «Иркутский исторический некрополь» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://necropolis.irk.ru/informacziya-ob-usopshem.html&oid=1098> (дата обращения: 01.06.2017 г.).

14. Сухова Н. Г. Труды А. И. Лосева. С. 19; Она же. А. И. Лосев и его роль... С. 44, 59.

15. Лосев Антон Иванович / Иркутская региональная общественная организация по содействию в создании и поддержании мемориальных кладбищ, изучению культурного наследия «Иркутский исторический некрополь» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://necropolis.irk.ru/informacziya-ob-usopshem.html&oid=1098> (дата обращения: 01.06.2017 г.).

16. Шахеров В. П. Первый краевед Иркутска. С. 228.

17. Кешикова А. Н. Иркутский краевед... С. 170, 181.

18. ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Ед. хр. 278. Л. 306 об.

19. Шахеров В. П. Первый краевед Иркутска. С. 228.

20. РГАДА. Ф. 494. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 2872. Л. 1–102.

21. Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Т. 2: Илимский край во II–IV четвертях XVIII века. Иркутск, 1957. С. 168.

22. РГАДА. Ф. 494. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 2906. Л. 671.

23. Там же. Л. 672–672 об.

24. Там же. Л. 673–673 об.

25. Сухова Н. Г. А. И. Лосев и его роль... С. 44.

26. Лосев Антон Иванович / Иркутская региональная общественная организация по содействию в создании и поддержании мемориальных кладбищ, изучению культурного наследия «Иркутский исторический некрополь» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://necropolis.irk.ru/informacziya-ob-usopshem.html&oid=1098> (дата обращения: 15.06.2017 г.).

27. РГАДА. Ф. 353. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 2878. Л. 1.

28. РГАДА. Ф. 353. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 2880. Л. 1.

29. Резун Д. Я. А. И. Лосев как историк городов Восточной Сибири. С. 174.

30. Резун Д. Я. А. И. Лосев как историк города Иркутска // Вечер (Иркутск). 1996. 28 марта (№ 17). С. 3.

31. Киренск (тогда Усть-Киренск) стал уездным городом с 31 января 1775 г. В этот день Екатерина II утвердила доклад Сената «О новом разделении Иркутской Губернии на

Провинции, Воеводства и Комиссарства и о назначении для правительственных мест городов и местечек», в котором было сказано: «...из Илимска... Воеводское Правление перевести в Усть-Киренский острог и переименовать, а в Илимске оставить Комиссарство...» (ПСЗРИ. Т. 20. 14.242. С. 21–42).

32. Резун Д. Я. А. И. Лосев как историк городов Восточной Сибири. С. 170.

33. Красноштанов Г. Б. На ленских пашнях в XVII веке: Документальное повествование. М.: Древлехранилище, 2013. Ч. 2. С. 897.

34. Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Т. 1: Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века. Иркутск, 1949. С. 518.

35. Ключе-Воскресенский медеплавильный завод московского купца Ивана Савельева начал строиться на Лене в 1774 г. (Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Т. 2: Илимский край во II–IV четвертях XVIII века. С. 516). Последние известные нам сведения о заводе относятся к 1787 г. Мною в 2016 г. найдено это место. Оно находится на левом берегу Лены в 2,5 км ниже устья р. Таюры, под горой, из-под которой и сейчас бьют два довольно мощных ключа, образуя короткий, но бурный ручей. Есть данные, что в 1720-е гг. это место называлось Клушина Мельница. Сейчас здесь два отвала шлака от выплавки металла и между ними котлован, назначение которого неизвестно.

36. Д. Г. Мессершмидт и И. Г. Гмелин в Верхнем Приленье: Дневники и материалы / ред. ст. Чивтаев Ю. И. Иркутск: ООО «Артиздат», 2014. С. 52; Затопляев И. И. Статистическое описание Киренского округа Иркутской Губернии / вступ. ст., публ., подгот. текста Ю. И. Чивтаев. Иркутск: ООО «Репроцентр А1», 2016. С. 76.

ПРИЛОЖЕНИЕ [1] ФРАГМЕНТЫ РУКОПИСИ

Часть первая

(л. 4 об.) § 14. О Киренском уезде и комиссарствах его

Киренский уезд хотя скуден хлебородными местами, но изобилен хребтами звероловными, к N сопределен Якутской области, к Z с Иркутским уездом, а к W с Томскою губерниею; по окружной мере 2460 верст, площадь составляет 3785³⁵/₄₉ Географических квадратных миль. Разделен на два комиссарства:

а) Макаровское управляет и слободою Витимскою.

б) Илимское из старинного города и заведывает Орленскую волость.

В оном округе: 2 острога, 3 слободы и 178 деревень.

(л. 216) 3) В Киренске городская почтовая экспедиция получает почты из Иркутска два раза в месяц 10 и 25 числ, на почту принимает в те же дни, и отправляет корреспонденцию тех же числ после полудня. Из Витимской слободы почта получается 11 и 26 числ каждого месяца; а почта в Иркутск отходит чрез два часа по получении из Витимской слободы Якутской почты.

4) Витимское почтовое отделение получает почту из Киренска два раза в месяц 13 и 28 числ и отправляет корреспонденцию после полудня. Из Якутска почта приходит 14 и 29 числ, в те же числа на почту и отходит по получении Якутской почты через два часа.

(л. 236) [Выписка сделана только по Киренску и уезду из таблицы № 1 «О числе народа и состоянии», в которой указаны все города с уездами Иркутской губернии. — Ю. Ч.]

священно и церковнослужителей — муж. пола 106, женского — 111;

отставных от служб — муж. п. 13, жен. — 9;

военнопоселенных солдат — муж. п. 10;

государственных крестьян — муж. п. 5361, жен. п. — 5861;

экономических крестьян — муж. п. 508, жен. п. [цифры нет, стоит прочерк. — Ю. Ч.];

тунгусов — муж. п. 962, жен. п. — 916.

Часть вторая

(л. 312 об.) V. ГОРОД КИРЕНСК

§ 213. Положение и герб Киренска

Уездный город Киренск лежит под 57 N широты, и под 77 43 15 долготы к О от Санкт-Петербурга; расстояние от Иркутска в 941, а от Якутска в 1793 верстах. Построен при впадении реки Киреньги на левой, (л. 313) а по течению реки Лены на правой стороне, по возвышенному месту в 15 сажен перпендикулярно, и под увалом на низкой равнине. Сей город окружен водами: ибо из Киреньги в Лену выше города проходящий проток учиняет город на остров. Местное положение в длину близ 3, в ширину на 1½ версты, застроено домами 5 улиц: первая, лежащая под горою, называется Набережною; вторая по той же линии сопровождающая именуемая Ямскою; третья, строящаяся по горе над берегом Лены, названа Разночинною; четвертая на горе прозвана (л. 313 об.) Казачьею; а пятая подле Троицкаго монастыря именуется Троицкою. Название сих улиц утверждено указом от Иркутскаго наместничества правления 1784 года июня 13 дня [2].

Герб города Киренска Высочайшим повелением пожалован оному городу в 1777 году марта 13 дня: в красном поле три голубых полосы, соединяющиеся в середине щита, что с низу делают стропила, и от острия онаго присоединяются к верху щита, изъясняющая сим устье реки Киреньги. Сей герб прислан туда при указе в 1777 году октября (л. 314) 25 дня. Тот герб вторично в 1790 году Высочайше подтвержден, но токмо под изображением Губернскаго, изображающего над оным начальство.

§ 214. Строение города и монастырь Троицкий

Из публичных строений находятся в оном Монастырь и 3 церкви соборная, Спасская, Архангельская и Троицкая.

Троицкий монастырь построен в лето от мироздания 7133 (1625) по грамоте Преосвященнаго Симеона Архиепископа Тобольскаго и Сибирскаго строителем или настоятелем Иеромонахом с братиею и прикладами. В монастыре 3 церкви: деревянная (л. 314 об.) первая холодная усекновения честных главы св. Иоанна Предтечи, вторая во имя того же св. Иоанна Крестителя, а третья теплая св. и живоначальныя Троицы, над нею же верхняя св. Алексея человека Божия. Сии церкви освящены в 1669 году, кроме оных выстроена одна церковь каменная в 1792 году попечением и иждивением Архимандрита Вонифатия Березина, который в иконостав святых икон образа написал на масле собственных рук...

Итак, в монастыре и городе 6 церквей деревянных и одна каменная.

(л. 315) Но за несколько лет был пожар в монастыре, то выстроено ныне снова.

В городе строения деревянные, присутственные места: уездный и земский суд, казначейство с кладовою, полиция, винные магазейны, 2 питейные дома, соляные анбары и лавка, при церквях богадельня; земская изба; тюремный острог, в торговом ряду 12 лавок и 140 обывательских домов. Заводов и фабрик нет.

§ 215. Киренска жители

Граждане Россияне, раскольников нет, некоторые занимаются (л. 315 об.) торговлею пышными таварами, продают проезжающим из Якутска в Иркутск на небольшую сумму; большая часть из них торгуют хлебом, который купят в Иркутском уезде близ Илгинского завода на Лене, плавают на баржах и поставляют в Якутск, на каждой большой барже бывает до 5000 пудов груза... припасы для Киренска города более получают из Иркутского же уезда. Китайские и российские товары покупают от проплывающих в Якутск купцов. Овощи: огурцы, капусту (л. 316) разводят при домах в своих огородах. Жителей градских в 1811 году было мужеска пола 287 и женска 445, а всех 632 [3]. Купцы и мещане ведут жизнь, соображаясь своему достатку с умеренностию.

§ 216. Выгона и земли

Сем городе двухверстная препорция выгонных земель утверждена Правительствующим Сенатом, а по мере и исчислению состоит: под поселением города 61 десятина 2304 сажени, пастбища 199 десятины 849 сажени, пашни 188 десятины 391 сажени, покосу (л. 316 об.) 102 десятины 1851 сажени, лесу строевого и дровяного 1562 десятины 33 сажени, не удобных мест на земле 183 десятины 1013 сажени, вод 523 десятины 926 сажени. А всего 2891 десятины 268 квадратных сажени. А за исключением неудобных мест, удобной земли явилось 1932 десятины 1903 сажени. Вся показанная пашня обработана гражданами, что дозволено и Правительствующим Сенатом по представлению бывшего Г. Генерал-Губернатора, Сенатора и кавалера (л. 317) Ивана Борисовича Пестеля.

Киренской уезд

§ 217. Смежество и пространство уезда

[Выделенный курсивом текст в рукописи зачеркнут, а между строк и выше первоначального текста карандашом вписан другой текст, набранный обычным шрифтом. — Ю. Ч.] *Киренской уезд к W потом к N после к N+W с Томскою Губернией [4] имеет смежество по хребтам и более водяными урочищами; к N и Z+O сопределен Якутскою областью; на ZW+W граничит с Верхнеудинским уездом; а далее в ту ж страну с Иркутским округом; но на NW+N, и к W межа с Нижнеудинским уездом. Составляет площадь 182000 квадратных верст, или 19,973,500 десятин, на коей жителей мужскаго пола 6960, то приводится по 21 квадратной верст на каждого жителя.*

(л. 317 об.) Межа Киренскаго округа на карте Иркутской губернии Его Императорским Величеством утверждена 1827 года сентября в 15 день с начала межи, смежной Иркутскаго и Нижнеудинскаго округов, от пункта на самой высоте горы, стоящей над вершиною реки Илима, и простирается вдоль хребта между реками Илима и Оки на NO+N 194 версты, поворотив влево к NW чрез горы до реки Ангары и вверх по ней на 60 верст, потом на W чрез горы до реки Ковы 65 верст до границы Енисейской губернии. Далее отделяется рекой Ковою 65 верст, поворотясь вправо на NO чрез горы до реки Едормы 70 верст и оною речкою до реки Тунгуски и деревни Катской, от коей по речке Кате и по хребту к W чрез горы пресекая источники прямо на вершину реки Непы 200 верст и самою рекою Непою 160 верст до ея крутаго изворота, а от онаго к N по хребту на вершину речки Ньюи 170 верст, и по Ньюе

120 верст до начала смежности Якутской области, с которою поворот межи круто вправо на ZO+Z на реку Лену к пункту между деревнями [здесь стоит значок #, обозначающий вставку текста вверху страницы; и в правом верхнем углу страницы идет продолжение этого текста. — Ю. Ч.] Крестовской и Песковской 510 верст, оттуда рекою Леною вверх течения до устья реки Витима и по Витиму до впадения реки Мама и до начала смежства Верхнеудинскаго округа 250 верст, где Киренский округ с Якутскою областью по меже кончился, а далее ограничивается смежностями Иркутскаго и Нижнеудинскаго округа, кои выше описаны.

(л. 317 об.) РЕКИ

§ 218. Киреньга впаля устьем в Лену у Киренска

Киреньга имеет начало близ Байкальскаго хребта в Иркутском уезде и протекает по оному к N 280, да по Киренскому уезду течет она 186, вся ея длина 466 верст, впаля устьем в Лену у города Киренска. Втекающих в нее с обеих сторон 26 речек до 100 верст длиною, широта Киреньги в устье 300 сажени, глубина 5 аршин; сия река имеет обильныя луга и болота. Рыба в ней водится: стерлядь, таймень, ленок, ельцы и ерши. По ней плавают провиант из селений на плотках и барках в Киренск, времяно для (л. 318) продажи, когда случается в тамошней стране вверх по Киреньге в хлебе урожай.

§ 219. Витим в горах имеет слюду

Витим река выходит из озера и наполняется источниками, впаля устьем в реку Лену под 59° 30 N широты; а самая ея вершина из упомянутого озера в Верхнеудинском уезде от Баргузинска в 150 верстах. Она устремляет свое течение к O, и на NO+O до границы Якутской области по Верхнеудинскому уезду; по границе упомянутой области поворотилась на N и NO+N; а устьем вышла в Лену в Киренском уезде. Одна ея (л. 318 об.) разошина или вершина проходит в Нерчинском уезде под именем Опредлковой. В нее втекают реки: Конда, Кареньга, Цыпа, Быстрая и прочия; из числа впадающих примечательнее Мама, длиною 200 верст. Вся длина 1700 верст, широта до 400 сажени, глубиною 5½ аршин. Прямо устья сей реки Витимская слобода, основана в одно время с Якутским в 1621 году. По Витиму добывают лучшую слюду из гор ея. При Витиме стоит острог Кучитолой за 200 верст от Баргузинска; оной острог примечателен тем только, (л. 319) что в нем получается ясак с Тунгусов. На Кутомале речке, впадающей в Витим с правой стороны выше порога, и по впадающей в Нижнюю Маму с правой стороны водятся соболи, которых десятков дорогих Камчатских сорока. Водоходствуют по ней на дощениках и павозках только слюдокопы. Рыба в ней водится: стерлядь, щука, налим, ельцы и ерши.

§ 220. Реки Чу и Чая впадают в Лену

Чу [современное название этой реки Чуя. — Ю. Ч.] протекает по Киренскому уезду на N, впадает в Лену, вся ея длина 800 верст. Берега ея (л. 319 об.) гористо-лесисты с утесами. При сей реке, подобна Витимским горам, имеются слюденныя копи. Рыба в ней такая же, какая в Витиме; вода в ней весьма быстротечная и прозрачная; при ней селений нет. Чая простирается к N, в Киренском уезде, имеет гористыя берега с утесами, впаля в Лену с

правой стороны, не в дальном расстоянии от реки Чу — которая также впадает в Лену с права от Чу, имеет длины около 800 верст, шириною до 60 сажен, а глубиною до 8 фут. Берега их гористолесистые (л. 320) с утесами и слюдою. Рыба в оных такая же какая в Витиме.

§ 221. Илим течет мимо Илимска

Илим впадает в Ангару под 57° 41 широты, течет быстро, более между утесистых высоких гор, мимо старинного города Илимска. По ней плавание производится на лодках до 500 верст, глубиною от Илимска более сажени, шириною до 150 сажен, рыбою изобильна, осетров промышляют вершами и самоловами, впадающих в нее речек и ручьев множество.

(л. 320 об.) § 222. Нижняя Тунгуска впадает в Енисей у Туруханска, и озера

Нижняя Тунгуска течет по болотным местам, от Лены против Киренска в 19 верстах, поверотясь круто влево на N и NW страну, простирается по Киренскому уезду и Якутской области, впадает в Енисей у города Туруханска. В Киренском уезде имеет широту в 350 сажен, глубиною до 3-х сажен, впадает в нее 80 речек. На обеих сторонах сей реки примечена железная гнездами руда. Впадающая в оную река Илимпея межует с Томскою губерниею [5] чрез 528 верст. Рыба в ней водится таймень, (л. 321) ленок, налим и харьюз — маленьких озер множество.

§ 223. Минеральные ключи известковых вод

Известковая вода (Aqua calliis viva), молочного цвета, в тухлых 14 ключах, по течению реки Лены, на левом берегу, вытекающих из утесистой горы, которая состоит из известкового камня. Вода сих ключей содержит в себе растворивш[у]юся известь и колчеданы, а потому так тухла, как гнилыя яйца; но почитаются от многих лекарственными, сильно прослабляющими. Они называются Молошными (л. 321 об.) по белизне воды, которая белой цвет имеет от этого, что распускает часть извести, что приметно из осадок известковых накипей.

Примечание. Известковая вода делается искусством, когда на 1 фунт извести, женой из камней, наливаем постепенно воды 15 ф. по прошествии [?] процеживаем свозь цедильную бумагу и храним в заткнутых стекольных сосудах, также пользуем: примочкою от цынготных ран; а принимается во внутрь, истребляет (л. 322) в желудке кислоту.

ДОРОГА

§ 224. По Якутскому тракту станции и лошади

По почтовой Якутской дороге, также как и по другим трактам, ни кто не имеет права требовать почтовых лошадей более числа, означеннаго в подорожной. Строго запрещено почтовых лошадей употреблять чиновникам и по заказам. А о станциях и числе подвод почтовых и уездных значит ниже:

По Киренскому уезду: от смежства Иркутского	Расстояние верст между станциями	Лошадей пар	
		Почтовых	Уездных
Грузновская (21½) (л. 322 об.)	17	5½	6
Ботовская (24)	19	5½	6
	[цифра 19 зачеркнута и над ней записано 21½. — Ю. Ч.]		
Головская	26	5½	6
Дядинская (29)	32	5½	6
Басовская	21	5½	6
Орлинская (20)	19	5½	6
Зехинская (28½)	28	5½	6
Боярская (26)	21	5½	6
Омолоевская (22)	20	5½	6
Рижская	18	5½	6
Туруцкая (34)	26	5½	6
Устькутская	15	5½	6
Якуримская	21	5½	6
Подымахинская	27	5½	6
(л. 323) Кокуйская	27	5½	6
Суховская	14	5½	6
Назаровская	27	5½	6
Марковская	23	5½	6
Ульканская	23	5½	6
Потаповская	36	5½	6
Макаровская	20	5½	6
Заборская	18	5½	6
Киренская городовая	28	5½	6
Итого по Киренскому уезду	526	512½	138
	[зачеркнуто и выше карандашом написано 517 (544). — Ю. Ч.]		
А от Иркутска до Киренска	941		
		[зачеркнуто и выше карандашом в скобках написано 544; видимо, эти цифры относятся к итоговому подсчету расстояний, т. е. к предыдущему столбцу. Ниже написано 126½ и эта цифра зачеркнута. Подсчет показывает, что общее число почтовых лошадей на 23 станциях 126½. — Ю. Ч.]	

От Киренска к Якутску			
Алексеевская	24	5½	6
Горбокская [6] (л. 323 об.)	20	5½	6
Вешняковская	25	5½	6
Сполошенская	29	5½	6
Ильинская	26	5½	6
Дарьинская	26	5½	6
Ичорская	31	5½	6
Мутинская	17	5 ½	6
Иванушкову	31	5½	6
Частинская	26	6½	7
Добровская	37	6½	7
Курейская	30	7	7
Паршинская	38	7	7
Рысьинская	23	5	6
Чуйская	25	5½	6
(л. 324) Витимская	31	5½	6
До границы Якутской области	9		
Итого от Киренска	448	90½	100
Чрез весь Киренской уезд	974		

[Слева от таблицы выполнен столбиком подсчет каких-то цифр; он не публикуется, так как в рукописи не объяснен. — Ю. Ч.]

ГОРЫ

§ 225. Медную руду содержащие Ленские горы

Глинистый сланец (*schistus argi losum* [далее два термина на латыни написаны неразборчиво. — Ю. Ч.] есть укрепляющая слоеватая глина, большей частью сераго, черного, синяго или красноватого цвета в глинистом сланце, встречаются медные слоистые руды, бывает мягкой, (л. 324 об.) твердой и горючую в Ленских горах недалеко от бывшего медного Савельева завода. (По описаниям известно, что такой же глинистый сланец находится в Губерниях Казанской и Пермской). По Лене же в горах известковых утесов много.

СЕЛЕНИИ И ЖИТЕЛИ

§ 226. Илимск и его жители — и комиссарствы и слободы

Илимск старинный город, от Иркутска отстоит за 568, от Якутска за 1899, от Енисейска за 951, от Киренска за 372 версты; строением расположен на берегу реки (л. 325) Илима по течению на правой стороне на ровном месте; ограничен деревянным тыном, с башнями по углам, окружность его занимает

284 сажени, высота стен 2 сажени. По обсервации в ширине N 56° 33, а длине к О от Санкт-Петербурга в 42°. Ни осажден, ни разорен и ни покорен ни от кого не был, в нем 3 церкви и 107 дворов, мещан в 1789 году было 512, а крестьян 12. Торгов не бывает, кроме приезжающих звания людей и торгующих малым числом русскими и Китайскими (л. 325 об.) товарами. У жителей ремесло: чеканное, портное, кирпичное, кожевенное, мыльное и плотнишное. Окружность города составляют горы и лес. Река Илим замерзает в ноябре, а в апрель приходит с великим наводнением. Герб на печати изображен: соболю, вверху его звезда большей величины, а под ним стрела — на серебряном поле. Гром слышен бывает с мая до сентября в каждое лето. Живущие в нем граждане все христиане; а около его временно кочуют идолопоклонники. В хлебе (л. 326) и скоте недостатка нет. Зверей и птиц около его много. Из насекомых мошки, против прочих мест великое множество; потому тамошний скот весьма сух.

Сей город построен в 1629 году, был славен породами, к покорению при реке Лене кочующих народов; в 1645 году управлял пределами Киренского уезда и Иркутской округи до 1682 года; а с того времени имел особой уезд, содержащий в себе Киренскую и Нижнеудинскую округи. С 1775 года (л. 326 об.) августа 1 дня город уничтожен, а вместо онаго учрежден Киренск; Илимск же назван Коммисарством; по открытии бывшего наместничества, с 1784 по 1809 год, назывался острогом Иркутской округи; а с того времени называется комиссарством и состоит под ведением Киренска. Управляет Орленскою слободою. Макаровское комиссарство из волости — управляет слободою Витимскою. В одной слободе жителей немного; однако ж есть церковь и производится торговля приезжими или (л. 327) мещанами из Иркутска; в хорошие годы хлеб здесь поспевает не позже половины августа месяца. А вышеупомянутая Орленская слобода лежит под 56° 04 N широты на левом берегу реки Лены против устья Орленьги, вверх от Устькутского острога в 134 верстах.

§ 227. Волости и жители, пашни и покосы с пастбищем

В Киренском уезде имеются волости: 1) в Нижнеилимской слободе с 2007 Государственными Крестьянами; 2) в Макаровской волости 1327 Государственных и 284 Экономических крестьян; 3) В (л. 327 об.) Подкаменской слободе 1825 государственных и 212 Экономических крестьян; Кочующих тунгусов 962. Казенного ведомства все крестьяне с приграничением из-под лесов наделены полною пятнадцати десятиною пропорциею земли. Уезд изобилует сосновым лесом при самых берегах Лены. Сеется более ячмень и овес; зажиточной крестьянин засекает ячменем по 2 десятины, а овсом по десятине по причине скудости годных к пашне земель, которые находятся только (л. 328) на берегах и островах Лены малыми полями: пшеницу сеют в одной только Орленской волости, вступившей из Иркутского округа по Лене же. Сенных покосов мало, по чему в наделе крестьянам отданы и все бывшие прежде оброчные статьи. Покосы на берегах и островах ежегодно чистят, убирая наносной лес; вырубают талники; таковое попращение по причине бываемого наводнения в низких берегах Лены продолжается во весь июнь месяц; от (л. 328 об.) продолжительного ненастья и незрелости трав начинают косить в исходе июля. Неурожайных годов случается здесь более нежели плодородных, а причиной тому холодные ветры, весенние заморозы, ранние инеи; поспевает из хлеба ячмень и овес. В скотных выпусках травы по каменистому грунту не густы и не высоки.

§ 228. Звериная ловля, птицеводство и рыбной промысел

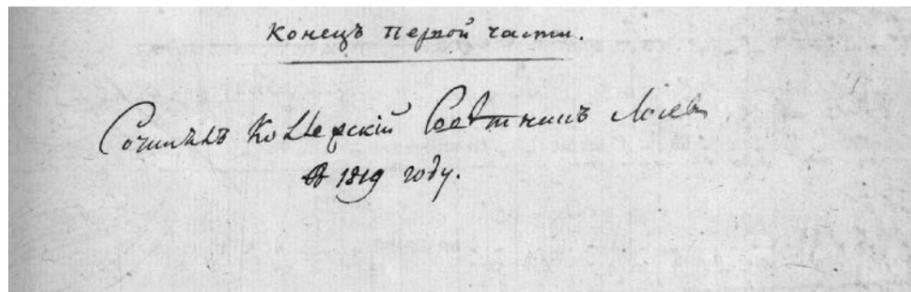
Хотя все крестьяне занимаются звериной ловлей, но далеко для сего промысла от жительства своего редко ходят по найму (л. 329) от купечества, на промышленных условиях осенью и зимою; а по большей части в лесах при селениях ловят плашками белку и стреляют ружьями соболей, ловят черканами горностаев, а на лисиц и волков ставят луки самострельные; содранные шкуры с сих зверей продают проезжающим чрез сей уезд купцам. Из птиц водят только кур, а ловят пленками уток и тетеревей для собственного употребления; некоторые промышленники пастями (л. 329 об.) зайцов. Рыбная ловля поселянам доставляет пропитание по Лене и Тунгуске. В упомянутых реках водятся рыбы: щуки, окуни, язи, налимы, чебаки, пискари, леньки, головни, стерляди и осетры, последние ловят переметами или удами, на веревках привязанными и червями наживляемыми; а мелкая рыба попадает в морды. Зимой достают подледную рыбу сетями чрез проруби. Женщины в огородах сеют конопле, обрабатывая оное прядут и ткнут холсты себе на все семейство.

(л. 330) § 229. Краткое описание Устькутска и соляного завода

Устькутской соляной завод в Киренском уезде при реке Куте, впадающей в Лену, над соляным не большим озером, соль вываривается из двух колодцев на двух варницах, которые в 1751 году по указу бывшей соляной конторы отданы в партикулярное содержание от казны по заключенному условию Иркутскому купцу Ивану Ворошилову, а по кончине его жене; ныне содержит Иркутский купец Сычев. Сей завод от Иркутска [слова «от Иркутска» вписаны Лосевым выше строки. — Ю. Ч.] в 580, от Киренска в 210, а от Илимска (л. 330 об.) в 140 верстах. Дров на нем выходит в год по 800 сажень, а соли вываривается по 44090 пудов. За выварку соли казна платила по семнадцати копеек с пуда. С онаго зав[ода] поставлялась соль по Киренской округе 10290 пудов по осмнадцати копеек с пуда; в Якутск 14000 пудов от осмнадцати до двадцати трех копеек с пуда, из Якутска развозилась в Жиганск по 180 пудов ценою с каждого от срока девяти копеек до одного рубля тридцати копеек с пуда за перевозку; (л. 331) в Зашиверск по 1000 пудов с каждого по 6 рублей 80 копеек; в Амгинскую слободу до 1000 пудов по 40 копеек, в Удский острог по 500 пудов, платилось за доставку с 5 пудов по 43 рубли 20 копеек; в стойку Чурапчинскую, что на Охотском тракте, 2285 пудов 30 фунтов по 65 копеек с пуда. За всеми расходами казне пуд соли обходился 21 копейка.

В Устькутском соляном заводе соль вываривается удобно во всякое время года; но приготовление оной производится таким (л. 331 об.) количеством, в каком когда настает надобность. При сем заводе леса и сенные покосы имеются».

[Далее в рукописи идет раздел VI «Город Якутск». — Ю. Ч.]

Автограф А. И. Лосева на последней странице первой части рукописи (л. 240)

ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТУ РУКОПИСИ

1. При публикации сохранены особенности орфографии оригинала. Знаки препинания расставлены по возможности с учетом современных требований правописания. В оригинале названия параграфов вынесены на поля, нами для удобства чтения они помещены в центре страницы. Листы указаны в круглых скобках. Пояснения Лосева, помещенные им в круглых скобках, также оставлены в круглых скобках. В квадратные скобки заключены пояснения, дающиеся при подготовке текста, а также буквы, пропущенные в рукописи.

2. В описании г. Киренска, выполненном киренским городничим после 20 января 1785 г., сказано, что разделение города на улицы «апробовано» указом Иркутского наместнического правления от 13 июля 1783 г. (Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Т. 2: Илимский край во II–IV четвертях XVIII века. Иркутск, 1957. С. 21).

3. Лосев ошибся: сумма равна 732.

В этом труде использованы и ранние работы, например «Хозяйственное описание Иркутской губернии», написанное в 1810–1811 гг. по заданию иркутского гражданского губернатора Н. И. Трескина, что объясняет использование в рукописи 1819 г. данных о числе жителей Киренска за 1811 г.

4. До 1822 г. Иркутская губерния на западе граничила с Томской губернией, из которой в 1822 г. бассейн р. Енисея был передан во вновь образованную Енисейскую губернию с центром в г. Красноярске.

5. Внося изменения в § 217 в описание границ Киренского округа, который с 1822 г. граничил с Енисейской губернией, Лосев почему-то не изменил содержание § 222, оставив запись о том, что р. Илимпея является граничной с Томской губернией.

Северная граница уезда, по словам Лосева, начертанная на карте императором в 1827 г. (см. § 217), судя по описанию, проходила по линии от «изворота» р. Непы к вершине р. Ньюи. «Изворот» — это место, где Непа поворачивает почти на 45° с северо-восточного направления на юго-восточно-восточное. На известных нам картах Иркутской губернии конца XVIII–XIX в. западная граница губернии проходит на север дальше самых северных точек русла Непы: либо почти до устья Илимпеи, либо до русла Тетеи, либо до русла р. Большой Ерёмы, а потом резко поворачивает в восточном направлении, пересекает р. Нижнюю Тунгуску и выходит к вершине р. Ньюи. В любом из этих случаев северная граница губернии, а соответственно и Киренского уезда, обозначена значительно севернее той линии, о которой идет речь в § 217. Следовательно, сообщение Лосева о меже, начертанной Николаем I, само по себе является любопытным и новым фактом в истории картографии Иркутской губернии.

6. Правильно: Горбовская.

В. И. Тарасов

**ВОЕННЫЙ ЭСКОРТ РОССИЙСКОГО ПОСОЛЬСТВА
В КИТАЙ В 1805–1806 ГОДАХ**

Участие военных чинов в обеспечении деятельности постоянных и экстраординарных посольств и дипломатических миссий имеет давнюю и на сегодняшний день вполне устоявшуюся практику, закрепленную в общепринятых дипломатических регламентах и протоколах.

В начале XIX в. такие нормы как некие сложившиеся и упорядоченные традиции существовали только для европейской дипломатии. На Востоке же, особенно в странах Юго-Восточной Азии, доминировали иные, подчас резко отличавшиеся от европейских, взгляды на участие иностранных военных представителей в дипломатических церемониях и в работе посольств и миссий. Различия в таких подходах были причиной (не основной, но в ряде случаев самой заметной) разного рода недоразумений и сложностей в дипломатических контактах Запада и Востока, что, в свою очередь, приводило к затягиванию переговоров и негативно влияло на их результативность. Одним из примеров такого рода являются обстоятельства, связанные с участием военных чинов и воинских команд в посольской миссии графа Ю. А. Головкина.

Основные вопросы организации этого посольства и его деятельности подробно исследованы. Предпринимаются попытки изучения персоналий отдельных участников миссии. Однако пока вне поля зрения исследователей остаются воинские чины в составе посольства и военный эскорт, сопровождавший дипломатическую миссию. Между тем достаточно часто и само наличие эскорта, и его количественные показатели были в ряду причин, влиявших на подготовку и ход переговоров (особенно заметную роль сыграл этот фактор как раз в ситуации с посольством в Китай в 1805 г.).

Основным источником информации по этой теме стал сборник «Русско-китайские отношения в XIX веке. Материалы и документы» (М., 1995). Дополнением к нему послужили материалы иркутских летописей и документы, собранные В. Басниным, литература мемуарного характера и некоторые исследовательские публикации, не связанные напрямую с заявленной темой, но содержащие сведения и детали, необходимые для полноты ее восприятия.

Функции военного эскорта

Достаточно полное представление о предназначении и функциях воинского эскорта в российских реалиях начала XIX в. дает «Записка посла Ю. А. Головкина о необходимости иметь при посольстве военный конвой с указанием его численности и конкретных обязанностей». Ее вступительная часть содержит развернутый перечень функций конвоя. По мнению посла, «необходимость иметь при свите посольства военный, особенно же казачий конвой, основана на следующих резонах.

От границы до Пекина два месяца пути, на протяжении коих посольство будет становиться лагерем. Солдаты необходимы, чтоб всякий день разбивать и свертывать лагерь и охранять палатки, кои в это время будут единственным убежищем.

Охрана имущества, кассы, караул в лагере и на походе, наконец, все относящееся до порядка и дисциплины в многочисленной свите, может быть

доверено лишь русским солдатам, понимающим отдаваемые им приказы и обязанным оные исполнять.

В песчаных пустынях, где нет никакой помощи, излишек людей необходим для наблюдения за обозом, дабы помочь при любом могущем произойти злоклучении и сопровождать могущие отстать повозки.

На всем пути до Пекина посольство должно будет есть вместо хлеба бисквиты (сухари). Солдаты также необходимы, чтоб их приготовить.

Во время пребывания посольства в Пекине солдаты непременно будут нужны для охраны имущества и внутренней охраны порядка в доме, что не может быть доверено иностранным войскам; наконец, для самой повседневной службы, на которую китайское правительство не дает ни единого человека, как то: уборка комнат, топка печей, стирка белья и уход за лошадьми, коих окажется тем больше, что посольство будет продолжать путь от границы и въедет в Пекин верхами.

Солдаты столь же необходимы для ухода за больными, для службы в качестве денщиков при служащих, у коих не будет ни средств, ни права иметь собственных слуг, наконец, для охраны лиц, кои в видах сохранения порядка потребуют особого надзора» [1].

Собственно военных функций у эскорта, по мнению Ю. А. Головкина, немного, но помимо караульной и полицейской службы на конвой возлагались обязанности по устройству лагерных стоянок, по вытаскиванию и перегрузке обозных повозок, свободные от караулов казаки и драгуны исполняли функции денщиков и различные вспомогательные службы.

Далее в тексте записки идет довольно путаное обоснование необходимой численности конвоя, исходящей из потребностей по организации караульной службы. И как итог запрашивается 75 человек нижних чинов при трех офицерах, одном трубаче и одном офицере для общей команды. Текст записки заканчивается замечанием: «Это число должно быть еще увеличено в предвидении несчастных случаев, болезней и чрезвычайных обстоятельств» [2].

В «Докладной записке товарища министра иностранных дел А. А. Чарторыйского императору Александру I, о выдаче денежных средств на приобретение подарков, подготовку духового оркестра и военного эскорта для сопровождения посольства, направляемого в Цинскую империю», составленной с учетом мнения посла, появляется упоминание еще об одной причине увеличения численности эскорта и отмечается, что для охраны в дороге императорских подарков и «для пышности посольства» необходимо, чтобы «на линии нашей, граничащей с Китаем, были в готовности 60 человек драгун и 40 казаков, вновь обмундированных» [3].

Таким образом, запрашиваемая численность военного эскорта «в предвидении несчастных случаев, болезней и чрезвычайных обстоятельств», а также «для пышности посольства» достигла 100 человек. Александр I сократил предлагаемое число на треть; и во второй половине марта 1805 г. министр военных сухопутных сил С. К. Вязмитинов был извещен о том, что «Государь император высочайше указать соизволил для нужного обеспечения отправляемого посольства в Китай послать при оном 40 драгун при одном офицере, трех унтер-офицерах и одном трубаче, равномерно 20 козаков при одном офицере, коим всем быть на Кяхте в первых числах сентября месяца сего года, обмундировав их заново на счет комиссариатских сумм, поколику возможно лучшим сукном и выдав вперед с 1 числа будущего сентября годовое всем жалованье. Его величеству угодно также, чтобы сия воинская команда состояла из выборных людей и самого хорошаго поведения, и чтоб при оной находились одна полковая повозка для больных и

шесть офицерских палаток для посла и первейших чиновников свиты его» [4].

Итак, в функции воинского эскорта посольства входили караульная служба на стоянках, конвоирование повозок в пути, полицейская служба, вспомогательные хозяйственные работы и участие в торжественных церемониях.

Состав эскорта

Комплектование команды было поручено майору Н. А. Гедеонову, командиру Иркутского драгунского полка, размещенного в то время в крепостях и форпостах Сибирской пограничной линии в районе Барнаула. Видимо, из тех же крепостей и форпостов были и казаки, дополнявшие состав конвоя. Казачью команду возглавлял хорунжий Атамановский [5]. Формирование Сибирского линейного казачьего войска как упорядоченной структуры началось только с 1809 г. На 1805 г. это были отдельные команды для пикетов и конных разъездов, не имевшие как установленной единообразной униформы, так и упорядоченной системы унтер-офицерских и обер-офицерских званий. Впрочем, для эскортной казачьей команды могло быть установлено некое единообразие в одежде, так как требование по обмундировке заново за счет комиссариатских сумм и лучшим сукном относилось и к казакам. Что касается униформы Иркутского драгунского полка на 1805–1806 гг., то она состояла из следующих компонентов: «двубортный мундир наподобие фрака светло-зеленого сукна с белым воротником и обшлагами, с желтыми пуговицами, с одним белым погоном на левом плече. С 1806 г. для офицеров введен был сюртук темно-зеленого сукна с обшлагами и воротником, как на мундире. Шинель — серого сукна, панталоны — одни были из белого (у офицеров лосиные в строю, суконные вне строя), другие — походные из серого сукна, подшитые кожей. Сапоги тупоносые, смазные, с прибивными шпорами. Патронная сумка носилась через плечо на широком белом ремне. Головным убором с 1802 г. служила тяжелая каска, узкая, высокая, с медною бляхою, с широким щетинистым плюмажем, поднимавшимся от заднего козырька и высоким изгибом склонявшимся наперед» [6]. (Каска эта, по мнению автора полковой истории иркутских драгун, «была крайне неудобна — винты, удерживавшие на месте чешую, до боли сжимали виски, лоб сдавливался козырьком и бляхою, а плюмаж оттягивал голову назад. На быстрых аллюрах, особенно при ветре, каска являлась истинным мучением для всадника» [7].) Седло из черной кожи с такими же ольстредами, бушматом для ружья и всем прибором было венгерское (общекавалерийское 1786–1796 гг.). Суконный вальтрап по цвету мундира. Выкладка, выпушки, вензель и корона по цвету прикладного сукна с желтою оторочкой краев [8].

Историк Е. Альбовский пишет о формировании эскортной команды очень кратко: «Приказано было снарядить команду из 40 лучших, выбранных из всего полка драгун. Команда под начальством штабс-капитана Бартенева 3-го состояла из 3 унтер-офицеров, одного трубача, 40 драгун, 2 нестроевых — всего 47 человек» [9]. Когда команда была сформирована и с какого места и времени начала свой поход, Альбовский не указывает. Ничего не известно о взаимодействии в походе казачьего и драгунского отрядов. Но дата их одновременного прибытия в Иркутск сохранилась в летописях города: «5 августа прибыли в Иркутск свиты графа Головкина — казачий офицер с 20-ю казаками, драгунский офицер Бартнев с 43 человек[ами] драгун» [10]. По прибытии в Иркутск отряды конвоя поступили в оперативное подчинение сибирского генерал-губернатора И. О. Селифонтова и 15 августа его распоряжением были отправлены в Кяхту

по Кругоморской дороге. Само посольство стало прибывать в Иркутск частями начиная с 3 сентября. Причем на всем пути от Петербурга до Иркутска (и далее до Троицкосавска) охрана посольских партий осуществлялась командами гарнизонных батальонов (16 солдат при одном унтер-офицере), менявшимися по губерниям [11]. 7 сентября в Иркутск прибыл Юрий Александрович Головкин [12]. 9 сентября Селифонтов известил Головкина о прибытии эскорта в Кяхту и размещении его в ближних к Кяхте селениях (драгунская команда — в 25, а казачья — в 22 верстах от Кяхты).

22 сентября генерал-губернатор сообщил послу о своем распоряжении воинским командам драгун и казаков прибыть в Троицкосавскую крепость для торжественной встречи посольства [13].

Участие в торжественных церемониях

Увлеченность графа Головкина внешней демонстративной стороной дипломатической миссии не была случайной. Главный церемониймейстер Двора его императорского величества проявлял в этом случае свои профессиональные навыки. И наличие в его распоряжении воинских команд, осуществлявших торжественные построения и передвижения, как и возможность усилить значимость церемоний грохотом пушечных и ружейных салютов, не могли его не радовать.

Церемония встречи посла (5 октября 1805 г.) была, пожалуй, самым пышным мероприятием, в котором принял участие воинский конвой, встретивший посольство за восемь верст до Троицкосавской крепости. Во встрече участвовали также русские пограничные казаки и 200 бурятских казаков со своими атаманами и старшинами. Крепость салютовала послу 30 пушечными выстрелами. (Еще одно церемониальное торжество состоялось в декабре 1805 г., но уже при сокращенном эскорте.) В состав посольства и в непосредственное подчинение послу обе части конвоя (казачья и драгунская) поступили с момента торжественной встречи посла в Троицкосавске [14].

Особое задание полковника Довре

С 5 октября 1805 г. и до возвращения посольства из пределов Цинской империи в Иркутск конвоем командовал полковник свиты его императорского величества по квартирмейстерской части Ф. Ф. Довре [15]. Но эта обязанность для него (старшего офицера) являлась неосновной и, скорее, формальной. Главной задачей полковника и возглавляемой им группы офицеров и художников было составление карт и планов местностей и объектов по маршруту посольства. И для обеспечения выполнения этой задачи, несомненно, привлекался и подчиненный ему личный состав конвоя. Причем, как следует из сообщения посла Александру I, эта работа проводилась и до пересечения китайской границы. В своих отчетах граф Головкин особо отмечает: «Офицеры свиты вашего императорского величества превосходно использовали свое время в дороге. Полковник д'Овре с величайшим тщанием исполнил план маршрута от Москвы до сюда. Эта работа, могущая быть весьма и весьма полезной для исправления карт, достойна быть предложенной вам, государь, и доказать вам усердие и прилежание ее исполнителей» [16]. Наличие такого задания для группы полковника Довре и некая известность слухов о нем подтверждаются достаточно эмоционально в переписке гвардейских офицеров. «Я бы хотел, чтобы китайский император все это решил для них и, разсердясь на то, что с ними посланы инженеры, которые будут снимать планы и профили тамошних крепостей, приказал бы

всех высечь от первого до последнего и потом выпроводить из его владений» — из письма графа М. С. Головкина к сослуживцу по Преображенскому полку Д. В. Арсеньеву [17].

Сокращение состава конвоя

После прибытия посольства на границу начались долгие переговоры о сокращении посольства и конвоя, причиной которых были противоречия во взглядах Китая и России на цели и задачи данного посольства и в целом на дипломатическую практику. Для российских властей многочисленность и «пышность» посольства и конвоя были фактором демонстрации мощи Российской империи. Китайцы же традиционно рассматривали посольские миссии и привозимые ими подарки как свидетельство преклонения перед китайским императором и форму принесения ему дани. То есть подарки, уже по пересечении границы, становились (при решении об их принятии) собственностью императора и должны были охраняться его воинами. Посольство же, как правило, небольшое, необходимо было лишь для проведения церемоний, демонстрирующих покорность императору Поднебесной.

Выдвинутые в связи с этим требования китайских чиновников о значительном уменьшении численности конвоя были интерпретированы как страх китайцев перед превосходящими их в качестве и выучке российскими военными. Примером такой интерпретации может служить высказывание Вигеля: «Главным препятствием к сближению была все-таки многочисленность свиты; более всего пугали китайцев сорок драгун с капитаном и двадцать казаков с сотником, данных послу в виде телохранителей» [18]. Такой вывод он сделал из одного мелкого, но достаточно яркого эпизода, описание которого выполнено лаконично и образно: «Забавны были также и воины китайские, азиатские амуры, с луком и колчаном за спиной, со стеклянной шишкой на шапке и с прикрепленным к ней павлиньим пером. Я видел, как сии герои, обступив наших драгун, сидящих на коне, смотрели на них с ужасом: правда, народ был подобран все рослый, усатый, лошади под ними были как слоны, и каски на них в аршин вышиною; но все-таки солдаты другой азиатской нации, при виде их, умели бы скрыть свой страх» [19].

В итоге переговоров состав посольства уменьшился примерно наполовину. В той же мере были сокращены группа полковника Довре (с ним осталось три офицера и два художника) и воинская команда (драгунский офицер, 20 драгун, один трубач, казачий офицер и 10 казаков). На границе было оставлено драгунской команды 27 человек и казачьей команды 10 человек [20].

Оставленные команды употреблялись для конных разъездов (патрулей) «для упреждения злодеяний, производимых ссыльными» и были размещены в окрестностях Иркутска. С момента возвращения посольства в Россию и до распоряжения о возвращении команд к своим полкам (с марта месяца по июль 1806 г.) такую же службу несли и побывавшие с посольством в Монголии драгуны и казаки этих команд [21].

Торжество при пересечении границы

Утомленный долгими переговорами по составу посольства и отсутствием светских развлечений граф Головкин решил шумно и помпезно обставить вступление посольства в пределы Китайской империи. Стройная кавалькада из казаков, драгун и бурятских всадников, двигавшаяся под грохот пушечных

и ружейных залпов, должна была произвести впечатляющий эффект по обе стороны границы. «Сего декабря 20 дня в 11 часов по полуночи, прибыв его сиятельство господин действительный тайный советник, сенатор, Государственной Коммерц-коллегии президент, действительный камергер, чрезвычайный и полномочный посол, разных орденов кавалер Юрий Александрович Головкин в Кяхтинской фарпост со всеми назначенными в Пекин кавалерами и чиновниками в своих экипажах, следовал в церковь, где, отдав должное всевышнему господу богу молебствие, выступил оттуда в препровождении предшествующих до 200 иррегулярного братского войска при знаменах, им пожалованных, казаков, за которыми на верховой лошаде следовал и сам посланник, будучи замыкаем отрядом при одном офицере драгунов с обнаженными палашами. Во все же время следования его от церкви чрез фарпост за границу сопровожден был 30-ю пушечными и по 20 патронов ружейными выстрелами, зделанными находящеюся в Троицкосавской крепости селенгинскаго гарнизоннаго полку мушкетерскою ротою, которая на случай сей откомандирована была в фарпост» [22].

Пребывание посольства за границей

Записки участников посольства не сохранили сведений о характере и деталях службы конвоя на территории Цинской империи. Тем не менее исходя из известных реалий перехода посольства от Маймачена до Урги можно определить, какие из предполагаемых задач и служб конвоя не были востребованы, а какие имели место. Если сразу исключить все обязанности, связанные с неосуществленным пребыванием в Пекине (среди которых и особенно значимый для посла торжественный въезд в столицу Китая), то останется совсем небольшой перечень: 1) почетный караул у палатки посла; 2) сопровождение посольства и подарков в пути (присутствие казаков и драгун на фоне многочисленной охраны из монгольских всадников было формальным и даже визуально малозаметным); 3) разбивка лагеря и установка палаток на стоянках (палаткой пользовался только посол, и то скорее из упрямства, остальные ночевали в приготовляемых монголами и более теплых юртах); 4) поддержание порядка и дисциплины в свите посла; 5) сопровождение отставших повозок и перегрузка тяжестей в экстренных случаях (сведений о таких происшествиях не сохранилось); 6) приготовление сухарей (обеспечение продовольствием вплоть до решения о прерывании миссии брала на себя китайская сторона); 7) уход за больными; 8) служба в качестве денщиков.

После того как неудача посольской миссии стала очевидна даже ее руководителю и было принято решение о возвращении в Россию, граф Головкин устроил последнее и «шумное» торжество: «В ночь нашего отбытия посланнику вздумалось показать, сколь мало для него значит неважный результат его дипломатической миссии, поэтому он велел выдать казакам и драгунам столь много водки-старки, сколько они захотят выпить, а по сему они назло китайцам шумели всю ночь напролет, и в этом они подражали свите» [23].

25 февраля драгуны и казаки прибыли в Иркутск из Кяхты и до июля несли патрульную службу в окрестностях Иркутска [24].

6 июля 1806 г. распоряжением посла графа Головкина драгунская и казачья команды были отправлены к своим полкам [25]. Почти полгода занял обратный путь. Полуторогодовая командировка завершилась в конце 1806 г.

Драгунская команда вернулась в полк 27 декабря в образцовом порядке, сохранив всех лошадей, пройдя около 8 тыс. верст. За это император Александр I объявил Бартеневу «свое удовольствие» и приказал выдать ему годовое

жалованье не в зачет (премия в размере годового жалованья) [26]. Как была оценена эскортная служба казачьей команды, неизвестно, но фамилии хорунжего Атамановского и двух казаков (Печкина и Медянского) из конвоя сохранились благодаря поступившим на них жалобам [27].

В целом сибирский посольский военный эскорт полностью выполнил все востребованные от него в сложившихся условиях функции. И конечно, не вина сибиряков, что само определение задач и служб конвоя так сильно разошлось с реалиями — и бытовыми, и идеологическими.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Русско-китайские отношения в XIX веке: Материалы и документы. М., 1995. Т. 1. С. 105–106.
2. Там же. С. 106.
3. Там же. С. 102.
4. Там же. С. 115–116.
5. О посольстве в Китай графа Головкина / сообщ. В. Н. Баснин. [М., 1875]. С. 30.
6. Альбовский Е. История Иркутского полка. Минск, 1902. С. 160.
7. Там же.
8. Там же. С. 161.
9. Там же. С. 163.
10. Кротов В. А. Летопись города Иркутска. 1652–1856 гг. / вступ. ст., публ., подгот. текста, коммент. Н. В. Куликаускене. Иркутск: Сибирская книга (ИП Лаптев А. К.), 2013. С. 116–117.
11. О посольстве в Китай графа Головкина / сообщ. В. Н. Баснин. С. 10.
12. Иркутская летопись. Иркутск, 1911. С. 191–192.
13. Русско-китайские отношения в XIX веке. С. 218, 240.
14. Там же. С. 261–262.
15. Альбовский Е. История Иркутского полка. С. 163.
16. Русско-китайские отношения в XIX веке. С. 227.
17. Архив князя Воронцова. М., 1890. Кн. 36. С. 89.
18. Записки Ф. Ф. Вигеля // Русско-китайские отношения в XIX веке. Приложение 1. С. 182.
19. Там же. С. 185.
20. Русско-китайские отношения в XIX веке. С. 355–357.
21. О посольстве в Китай графа Головкина / сообщ. В. Н. Баснин. С. 9.
22. Русско-китайские отношения в XIX веке. С. 380.
23. Пономарева С. А. «Новый» документ о посольстве графа Ю. А. Головкина в Китай в 1805 г. // Уральское востоковедение. Екатеринбург, 2015. Вып. 6. С. 259.
24. Иркутская летопись. С. 195.
25. О посольстве в Китай графа Головкина / сообщ. В. Н. Баснин. С. 10.
26. Альбовский Е. История Иркутского полка. С. 164.
27. О посольстве в Китай графа Головкина / сообщ. В. Н. Баснин. С. 9, 30.

Т. А. Крючкова, Н. Н. Суханова

СЛУЖИЛ БОГУ, ПРОСВЕЩЕНИЮ И НАУКЕ: ПРОТОИЕРЕЙ ПРОКОПИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ГРОМОВ И ЕГО ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ*

Протоиерей Прокопий Васильевич Громов (7 июля 1801 г., Иркутск — 31 августа 1880 г., Иркутск) — известный церковный историк, агиограф, мемуарист, первый редактор «Иркутских епархиальных ведомостей».

Прокопий Васильевич — украшение пяти поколений священнической династии Громовых, обосновавшихся в Иркутске еще в XVII столетии и служивших во многих церквях Иркутской епархии — от Иркутска до Камчатки [1]. Из писцовой книги Иркутска за 1686 г. [2] мы узнаем, что в Спасской церкви Иркутского острога служили два Григория Иванова. Один из них — священник (умер до 1687 г.), имел четверо сыновей, которые в последующих документах упоминались под фамилией Шульгины. Другой Григорий Иванов (до 1686 — около 1740) служил пономарем и также стал родоначальником известного в Иркутской епархии священнического рода — Громовых. В писцовой книге есть сведения о том, что он пинежанин, в Иркутский острог пришел 23 года тому назад. Следовательно, в Иркутске Григорий Иванов поселился в 1663 г. и стал одним из первых жителей только что поставленного острога. На Пинеге он и его отец были мирскими закладчиками. Как и священник Григорий Иванов (Шульгин), на посаде он имел двор, где жил со своей семьей. В 1707 г. Григория Иванова назначают священником Китайской Христорождественской церкви (ныне пос. Китай Усольского района). Один из восьми его сыновей — Григорий Григорьевич — первым поступил в архиерейскую школу при епископе Иркутском Иннокентии (Кульчицком), и он же первым стал подписываться в документах Громовым. Ту же архиерейскую школу окончили несколько позже и два других сына о. Григория Громова — Иоанн и Гавриил. Сын Иоанна — Василий — был священником в с. Тулуновском, где и скончался 13 марта 1809 г. Сын Василия — протоиерей Прокопий Васильевич Громов.

Первоначальное духовное образование П. В. Громов получил в Иркутске: в духовном училище, затем в семинарии. По окончании семинарии в 1818 г. в числе лучших ее выпускников был направлен для продолжения образования в Московскую духовную академию. В 1822 г. окончил академию со званием кандидата богословия, став одним из первых коренных иркутян, получивших академическое духовное образование.

По окончании академии Громов вернулся в Иркутскую семинарию учителем церковной истории и еврейского языка. 30 мая 1823 г. был рукоположен во диакона и уже на следующий день — во священника к Иркутской Благовещенской церкви. 1 марта 1824 г. определен присутствующим в Иркутскую духовную консисторию и цензором проповедей. 25 июня 1824 г. произведен в протоиерея к Иркутской Воскресенской церкви.

В 1830–1831 гг. Иркутской епархией управлял архиепископ Иринеи (Нестерович), при котором Громов был назначен на целый ряд должностей: первого члена комитета по делам духовной миссии в Иркутской епархии (с 21

* Статья подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-04-00434 «Православные духовные писатели Восточной Сибири XIX — начала XX в. Библиографический словарь».

ноября 1830 г.), благочинного над всеми иркутскими и четырьмя пригородными церквами (с 25 ноября 1830 г. по 4 января 1831 г., уволен от должности по собственному прошению), старшего попечителя о бедных духовного звания (с 4 февраля 1831 г.). 23 декабря 1831 г. был переведен на служение в Иркутский кафедральный собор. Однако дальнейшие отношения Громова и Иринаея не сложились, что чуть было не разрушило блестяще начавшуюся церковную карьеру молодого протоиерея [3].

31 августа 1833 г. вышел указ о переводе Громова на Камчатку, входившую в то время в состав Иркутской епархии. Он был определен настоятелем в Камчатский Петропавловский собор, благочинным камчатских церквей и первоприсутствующим Камчатского духовного правления. Воспоминания об обстоятельствах перевода и самого путешествия, совершенного вместе с уже многочисленным к тому времени семейством, были изложены Громовым в серии мемуарных статей, опубликованных в Прибавлениях к «Иркутским епархиальным ведомостям» под общим заглавием «Какими судьбами был я управлен в Камчатку» (1869).

По выслуге урочных пяти лет на Камчатке Громов подал прошение о выезде в Иркутск, но по просьбе архиепископа Иркутского Нила (Исаковича) продолжил службу.

21 декабря 1840 г. указом Св. Синода была образована самостоятельная Камчатская, Курильская и Алеутская епархия, выделившаяся из состава Иркутской. Первым камчатским епископом стал Иннокентий (Вениаминов), впоследствии митрополит Московский и Коломенский, святитель. Знакомый с Вениаминовым по семинарии и состоящий под его началом на Камчатке, Громов станет одним из первых биографов будущего святителя Иннокентия («Черты для будущей биографии [Иннокентия, архиепископа Камчатского]» /1863/ «Припоминания современника о высокопреосвященном Иннокентии, митрополите Московском» /1879/).

Под управлением епископа Иннокентия на Камчатке Громов занялся духовно-педагогической деятельностью: исполнял должности преподавателя Закона Божьего кантонистам Петропавловского порта и ученикам ремесленной школы (1840–1843), преподавателя воскресной школы при Камчатском Петропавловском соборе (1841–1846), смотрителя Камчатского духовного училища (1842–1846).

Там же Громов впервые обратился к церковно-историческим исследованиям. Еще до публикации самостоятельных работ протоиерей состоял в переписке с известным историком П. А. Словцовым, которого снабжал необходимыми ему сведениями по истории полуострова и копиями архивных документов [4]. В ответ получил в подарок от автора первый том «Исторического обозрения Сибири». Собранные на Камчатке сведения будут обобщены Громовым в ряде собственных исторических сочинений, написанных и опубликованных уже в Иркутске.

Согласно официальным документам период камчатского служения Громова составил 12 лет (15 сентября 1834 г. — 26 августа 1846 г.). 15 января 1847 г. Громов вместе с семейством из 12 человек выехал из Петропавловска через Охотск в Иркутск.

По прибытии в Иркутск протоиерей П. В. Громов 18 марта 1847 г. был определен на служение к Иркутской Спасской церкви, 24 апреля назначен членом Иркутской духовной консистории с заведованием следственным столом,

4 августа — смотрителем Иркутских духовных училищ (исполнял должность до 8 марта 1852 г. и вновь с 26 февраля 1853 по 10 марта 1855 г.), 1 января 1852 г. — законоучителем в Иркутский Александринский детский приют, 4 марта 1852 г. — членом Иркутского губернского комитета общественного здравия; 4 июня 1852 г. — благочинным в Иркутское училище девиц духовного звания Евфимия Кузнецова (по 4 июня 1854 г.); 24 июня 1853 г. — цензором проповедей (по 4 июня 1862 г.).

Помимо активной церковной деятельности Громов участвовал в общественной и научной жизни Иркутска: 24 января 1851 г. он стал действительным членом только что открытого в городе Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. В «Вестнике Императорского Русского географического общества» за 1852 г. был опубликован первый научный труд Громова — статья о французском мореплавателе Ж. Ф. Лаперузе и его пребывании на Камчатке, написанная в соавторстве с чиновником Главного управления Восточной Сибири И. С. Сельским.

В 1853 г. по рекомендации преосвященного Иннокентия и соответствующему определению Св. Синода (от 2 января 1853 г.) П. В. Громов приступил к составлению исторических записок о Камчатской епархии. Основой послужили материалы архива Камчатского духовного правления, архивов местных церквей, ныне полностью утраченные, а также воспоминания старожилов и личные наблюдения Громова. По замыслу автора книга должна была представлять хронику миссионерской деятельности Русской православной церкви на Камчатке: от первой, неудачной и трагической, миссии архимандрита Мартинаана (1705) до создания Камчатской, Алеутской и Курильской епархии (1840), а также содержать описание всех православных храмов на территории полуострова.

Первоначальный вариант рукописи был готов к 1857 г., однако его отклонила духовная цензура по причине отсутствия необходимых ссылок на источники сведений, а также излишней критичности повествования. Было высказано пожелание более подробно описать упомянутые Громовым рукописи Иоасафа Хотунцевского («О рассмотрении в духовной цензуре рукописи под заглавием "Исторические записки о Камчатской епархии" прот. Громова» /РГИА. Ф. 797. Оп. 27. Ед. хр. 176. 1 отд. 2 стол./). В исправленном виде рукопись поступила в канцелярию Синода в январе 1858 г. и была опубликована в 1861 г. в «Трудах Киевской духовной академии» под новым заглавием «Историко-статистическое описание Камчатских церквей». Книга Громова, ставшая первым трудом по истории Камчатской епархии, до сих пор не утратила своего исторического значения, подтверждением чему служат современные ее переиздания [5].

В декабре 1862 г. Громова назначили кафедральным протоиереем Иркутского Богоявленского собора и благочинным всех иркутских церквей — эти обязанности он исполнял до конца жизни. С 1 апреля по 5 мая 1862 г. являлся ректором Иркутской духовной семинарии.

С 1 января 1863 г. в Иркутске начинают выходить «Иркутские епархиальные ведомости» (далее — ИЕВ). Громов стал их первым редактором (указ Св. Синода от 23 октября 1862 г.) и исполнял эту должность в течение восьми лет, до 1870 г. В ИЕВ раскрылся не только его редакторский, но и писательский и исследовательский талант.

С начала выхода газеты редакция поставила в качестве одной из основных задач публиковать исторические материалы. С 1863 по 1865 г. на страницах ведомостей Громов публикует серию очерков о святителе Иннокентии Иркутском,

которые впоследствии собранные воедино составят книгу «Начало христианства в Иркутске и святой Иннокентий, первый епископ Иркутский. Его служение, управление, кончина, чудеса и прославление» (1868).

В своем сочинении Громов опирался главным образом на первоисточники и архивные документы, большинство из которых было обнаружено лично им (в архивах Иркутской духовной консистории, кафедрального Богоявленского собора, Спасской церкви, Иркутского Вознесенского, Селенгинского Свято-Троицкого, Посольского Спасо-Преображенского монастырей) и впервые опубликовано в «Начале христианства...» (см., например, переписку св. Иннокентия с графом Рагузинским по поводу Пекинской миссии).

Труд Громова сыграл ключевую роль в формировании агиографии и историографии Святого [6], наследие которого имело огромное значение для становления самобытной духовной культуры Восточной Сибири. В «Начале христианства...» Иннокентий представлен не только как историческое лицо, но как святой и праведник, которому самим Промыслом Божиим было предназначено встать во главе молодой епархии. Облик Святого дополняет описание его посмертных чудес и прославления. На основании «Начала христианства...» Громовым было написано «Сказание о святом Иннокентии, первом Иркутском епископе», более близкое к традициям житийного повествования. Книга выдержала несколько изданий (1876, 1883, 1887, 1890, 1897, 1906), что свидетельствовало о ее востребованности.

Своей книгой Громов внес большой вклад в источниковедение не только биографии Святителя, но и в целом начального периода истории Иркутской епархии и самого города. Рассказ о деятельности на Иркутской кафедре Кульчицкого предваряют главы «Начало Иркутска» и «История иркутской церкви под управлением Тобольских митрополитов». Сочинение, касающееся быта и нравов иркутян XVIII в., имеет также краеведческое и культурологическое значение. Книга Громова до сих пор остается одним из самых авторитетных и часто цитируемых сочинений по церковной истории Восточной Сибири XVIII столетия.

Помимо материалов о святителе Иннокентии (Кульчицком) Громов собирал сведения о епископе Иннокентии (Неруновиче) и других духовных лицах. Эти материалы также публиковались на страницах ИЕВ. Многие из своих статей редактор ведомостей оставлял без подписи, но они атрибутируются ему на основе сопоставления с опубликованными источниками (в прилагаемом списке трудов публикации, предположительно принадлежащие Громову, отмечены указанием его фамилии в квадратных скобках).

Громову также принадлежит цикл статей, посвященных общей истории города, «Первый, первая, первое в Иркутске...» — летопись памятных дат, событий и сведений по истории города и края, в которую автор вписывает и свою родовую историю. Эти статьи были написаны и опубликованы в 1870-е гг., уже после того как протоиерей Громов оставил пост редактора ведомостей.

28 ноября 1873 г. протоиерей П. В. Громов стал председателем по постройке нового кафедрального Казанского собора в Иркутске.

В 1870-е гг. Громов активно публикуется не только в ИЕВ, но и в других периодических изданиях, в том числе в центральных: «Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских» при Московском университете, «Труды Киевской духовной академии» и «Вестник Императорского Русского географического общества», журналы «Миссионер», «Духовная беседа»,

«Странник», «Церковно-общественный вестник», газеты «Киевские епархиальные ведомости», «Иркутские губернские ведомости», «Амур».

Будучи опытным педагогом, Громов помимо исторических оставил и педагогические сочинения. В «Уроках практического руководства для пастырей» (1873) он выстраивает систему религиозных, нравственных и общих жизненных ориентиров будущего пастыря, основанную на евангельских заповедях.

Но наиболее ярко писательский талант Прокопия Васильевича проявляется в его мемуарных сочинениях, прежде всего в книге «Припоминания современника о высокопреосвященном Иннокентии, митрополите Московском», посвященной Иннокентию (Вениаминову). Книга была написана в 1879 г., в год смерти митрополита, и напечатана по частям в ИЕВ, в тот же год вышла отдельным оттиском.

«Припоминания...» выделялись из общего потока некрологов и биографических очерков полнотой биографического материала и глубиной раскрытия образа и характера преосвященного, а также прекрасным литературным языком и живостью повествования. «Припоминания...» Громова о его школьном товарище и архиерее — это мемуарное повествование-свидетельство, основанное на личных воспоминаниях автора и самого владыки и подкрепленное ссылками на разнообразные документальные источники. В небольшой книге Громов воссоздает в хронологической последовательности практически всю судьбу Иннокентия: от его рождения в далекой Анге и учебы в Иркутской семинарии до того момента, когда владыка навсегда покинет восточные окраины России и Сибирь, чтобы стать во главе Московской митрополии.

Автор показывает значение апостольского подвига будущего Святителя и на фоне его великой судьбы выстраивает повествование и о собственной жизни. Основное содержание книги составляет рассказ о совместном церковном и миссионерском служении епископа Иннокентия и протоиерея Громова на Камчатке, в частности об их совместном путешествии зимой 1842/43 г.

Именно «Припоминания...» нужно считать первой биографией Святителя, текстом, на который будут опираться все последующие его биографы, в том числе и И. Барсуков в своих фундаментальных и широко известных трудах о Святителе [7].

Возможно, существовали еще какие-то неопубликованные сочинения протоиерея Громова, однако сведения о них до нас не дошли, так как его личный архив и библиотека погибли во время большого иркутского пожара летом 1879 г. (Подробнее о значении архива Громова и его гибели см.: Романов Н. С. Ф. НБ ИГУ. Рук. № 229. С. 433–434, 785.)

Церковные и общественные заслуги Громова были отмечены следующими наградами: набедренник и палица (1838), бархатная скуфья (1841), наперсный крест (1846), камилавка (1849), орден Св. Анны 3-й степени (1853), бронзовый крест на Владимирской ленте в память войны 1853–1856 гг., орден Св. Анны 2-й степени (1857), благословение Св. Синода «за отлично ревностную и полезную службу» (1859), знак ордена Св. Анны 2-й степени, украшенный императорской короной (1861).

Умер Прокопий Васильевич после непродолжительной болезни на 80-м году жизни 31 августа 1880 г. и погребен в ограде Иркутского Богоявленского собора. В некрологе, опубликованном в ИЕВ, его называли «честью и красою местного духовенства, предметом живого сочувствия и глубокого уважения во всем городе нашем и во всем крае нашем» [8].

ТРУДЫ П. В. ГРОМОВА

Слова и речи

Слова и речи, произнесенные в Камчатской и Иркутской епархиях протоиереем Прокопием Громовым. СПб.: Тип. Григория Трусова, 1857. 119 с.

[Громов П.]* Заключительное слово о месте погребения епископа Иннокентия Неруновича // Прибавления к ИЕВ. 1870. № 52. С. 627–631.

[Громов П.] Слово, произнесенное кафедральным протоиереем Прокопием Громовым по освящении 30 марта 1871 г. придельного при Иркутском кафедральном соборе храма во имя Божией Матери иконы... // Прибавления к ИЕВ. 1871. № 15. С. 191–195.

Слово в день празднования в Иркутском кафедральном соборе икон божией матери Казанской. 8 июля 1873 г. // Прибавления к ИЕВ. 1873. № 33. С. 545–550.

Речь при заложении в Иркутске нового Кафедрального собора 17 апреля 1875 г., произнесенная настоятелем собора протоиереем П. Громовым // Прибавления к ИЕВ. 1875. № 16. С. 220.

Слово на новый 1878 год, произнесенное в Иркутском кафедральном соборе. Иркутск: Тип. Н. Н. Сеницына, 1878. 4 с.

Исторические сочинения

Сведения о пребывании Лаперуза в Камчатке // Вестник ИРГО. 1852. Ч. 6, отд. 6. С. 6–18. Соавт.: И. Сельский.

Сведения и известия, почерпнутые на месте, о пребывании Лаперуза в Петроградском порте // Записки ВСОИРГО. 1856. Кн. 1, отд. 2. С. 17.

Заметка о миссии архимандрита Хотунцевского: (Письмо к издателю летописи г. Иркутска [П. И. Пежемскому]) // Прибавления к ИЕВ. 1859. № 1. С. 6–8.

Историко-статистическое описание камчатских церквей: (из статьи Громова) / предисл. ред. // Амур. 1861. № 72. С. 660–662; № 73. С. 672–674; № 75. С. 696–698; То же // Труды Киевской духовной академии. 1861. Т. 1, № 1. С. 28–72; № 2. С. 138–194; То же. СПб., 1862. 102 с.

Иркутская паства под управлением архиереев Тобольских. Митрополит Антоний // Прибавления к ИЕВ. 1863. № 13. С. 165–170; № 14. С. 189–193.

Встреча архимандрита Платковского со святителем Иннокентием // Прибавления к ИЕВ. 1863. № 17. С. 227–235.

Училище девиц духовного звания // Прибавления к ИЕВ. 1863. № 17. С. 111–116.

[Громов П.] Когда Тобольский митрополит архиеросхимонах Феодор был в Иркутске? // Прибавления к ИЕВ. 1866. № 44. С. 492–499.

[Громов П.] Предпоследнее слово о Платковском // Прибавления к ИЕВ. 1866. № 26. С. 315–318.

В какое наименование первая русская церковь в Пекине? // Прибавления к ИЕВ. 1866. № 42. С. 469–477.

Сколько Иркутск с своего основания видел иерархов // Прибавления к ИЕВ. 1866. № 49. С. 542–544.

* Имя автора указывается в квадратных скобках в тех случаях, когда материал был опубликован без подписи и авторство устанавливается гипотетически на основании косвенных данных.

[Громов П.] Епископ Иннокентий Нерунович и бригадир Сухорев // Прибавления к ИЕВ. 1867. № 46. С. 547–552.

[Громов П.] Епископ Иннокентий Нерунович и вице-губернатор Плещеев // Прибавления к ИЕВ. 1867. № 47. С. 556–561; № 50. С. 589–593; № 51. С. 607–611; № 52. С. 619–625; 1868. № 3. С. 39–42.

[Громов П.] Кяхтинские храмы // Прибавления к ИЕВ. 1867. № 31. С. 391–403; № 32. С. 405–414; № 33. С. 419–421.

Епископ Иннокентий Нерунович. Его общественные заслуги // Прибавления к ИЕВ. 1867. № 34. С. 423–432.

Епископ Иннокентий Нерунович. Церкви в Камчатке // Прибавления к ИЕВ. 1867. № 44. С. 528–539; № 45. С. 537–542.

Епископ Иннокентий Нерунович. Церкви Илимского ведомства // Прибавления к ИЕВ. 1867. № 24. С. 312–316; № 25. С. 321–326; № 26. С. 331–335; № 27. С. 342–347.

Епископ Иннокентий Нерунович. Церкви по Иркуту // Прибавления к ИЕВ. 1867. № 28. С. 355–362.

Епископ Иннокентий Нерунович. Церковь в Охотске // Прибавления к ИЕВ. 1867. № 43. С. 518–526.

Начало христианства в Иркутске и святой Иннокентий, первый епископ Иркутский. Его служение, управление, кончина, чудеса и прославление. С литографированным, раскрашенным изображением Святителя и со снимками, с почерком Его и некоторых современных Ему лиц. Иркутск: Тип. окр. штаба, 1868. 412 с.

[Громов П.] Епископ Иннокентий Нерунович. Назначение вторичной миссии в Камчатку // Прибавления к ИЕВ. 1868. № 48. С. 531–538; № 49. С. 557–558.

[Громов П.] Александр Ксенофонович Сибиряков // Прибавления к ИЕВ. 1868. № 49. С. 561–569.

[Громов П.] Выезд архимандрита Хотунцевского из Москвы // Прибавления к ИЕВ. 1868. № 51. С. 589–593.

О назначении второй духовной миссии в Камчатку // Прибавления к ИЕВ. 1868. № 47, 50, 51; 1869. № 22; 1874. № 30, 32, 41, 43, 49.

Факты по делу исправника Лоскутова с протоиереем Орловым (1817 г.) // Прибавления к ИЕВ. 1868. № 16. С. 213–218; № 17. С. 236–244; № 18. С. 256–262.

Назначение в Пекин архимандрита Антония Платковского начальником миссии // Прибавления к ИЕВ. 1869. № 21. С. 297–301.

[Громов П.] Прибытие миссии Хотунцевского в Охотск // Прибавления к ИЕВ. 1869. № 22. С. 279–285.

[Громов П.] Епископ Иннокентий Нерунович. Перемена миссии в Пекине (1743 год) // Прибавления к ИЕВ. 1869. № 25. С. 305–314.

[Громов П.] Епископ Иннокентий Нерунович. Замечательные события в епархии // Прибавления к ИЕВ. 1869. № 39. С. 432–437.

[Громов П.] Обзор управления епископа Иннокентия Неруновича Иркутской епархией // Прибавления к ИЕВ. 1870. № 39. С. 475–480; № 43. С. 513; № 48. С. 570–573.

[Громов П.] Указы епископа Иннокентия Неруновича из Братской пустыни // Прибавления к ИЕВ. 1870. № 29. С. 367–371.

[Громов П.] Некоторые черты из жизни Тобольского архиепископа Амвросия Келембета // Прибавления к ИЕВ. 1874. № 44. С. 567–580; № 45. С. 581–588.

Вести из Камчатки // Прибавления к ИЕВ. 1874. № 44. С. 577–580.

Назначение в Камчатку духовной миссии в 1742 г. // Прибавления к ИЕВ. 1874. № 30. С. 395–404; № 32. С. 416–425; № 40. С. 547–552; № 41. С. 536–540; № 42. С. 569–574; № 43. С. 555–566; № 44. С. 600–604; № 49. С. 656–662; 1875. № 1. С. 1–6; № 2. С. 13–21; № 7. С. 74–76; № 8. С. 82–92; № 10. С. 115–120; № 15. С. 197–202; № 21. С. 292–298; № 24. С. 327–337; № 25. С. 347–352; № 26. С. 358–362.

[Громов П.] Краткие сведения о Пекинских духовных миссиях // Прибавления к ИЕВ. 1875. № 52. С. 693–700; 1876. № 12. С. 164–168; № 14. С. 184–187; № 15. С. 197–200; № 18. С. 229–237; № 19. С. 246–252; № 20. С. 257–263.

[Громов П.] Никита Васильевич Полуэктов // Прибавления к ИЕВ. 1876. № 27. С. 380–382.

Письмо митрополита Арсения // Прибавления к ИЕВ. 1876. № 31. С. 433–436.

Примечательная личность [архиепископ Павел Некрасов] // Прибавления к ИЕВ. 1876. № 21. С. 286–292.

[Громов П.] Иркутская епархия в течение полутора лет своего существования (1727–1877) // Странник. 1877. № 9. С. 277–289.

Подьячий Иван Рыщиков [Из давних событий Камчатских] // Прибавления к ИЕВ. 1878. № 12. С. 141–147; № 13. С. 151–158.

Об епископе Михаиле II-м [Копия с ответа «Церковно-общественного вестника»] // Прибавления к ИЕВ. 1879. № 47. С. 561–568; № 48. С. 571–582; № 49. С. 592–596.

Иркутский архиепископ Михаил II-й // Странник. 1880. № 2. С. 155–172. Соавт.: С. А. Сулоцкий.

Мемуары

Черты для будущей биографии [Иннокентия, архиепископа Камчатского] // Амур. 1862. № 24; То же // Киевские епархиальные ведомости. 1862. № 13. С. 454–460; То же // Духовная беседа. 1863. № 1. С. 26–30.

Черты для будущей биографии [священника Иоанна Вениаминова, впоследствии архиепископа Камчатского Иннокентия] // Духовная беседа. 1863. Т. 17, № 1. С. 26–30.

Какими судьбами был я управлен в Камчатку // Прибавления к ИЕВ. 1869. № 2. С. 16–22; № 3. С. 29–33.

Путь из Иркутска в Камчатку // Прибавления к ИЕВ. 1869. № 2. С. 16–22; № 3. С. 29–33; № 4. С. 41–47; № 5. С. 56–63; № 6. С. 75–80; № 7. С. 81–87; № 9. С. 105–114; № 12. С. 145–149; № 16. С. 193–201; № 17/18. С. 216–222; № 20. С. 249–257.

Василий Николаевич Баснин [добавление к статье Н. С. Щукина]: [некролог] // Прибавления к ИЕВ. 1876. № 27. С. 380–382.

Н. Щ. [Николай Семенович Щукин] В. Н. Баснин: [некролог] // Прибавления к ИЕВ. 1876. № 27. С. 373–382. [В примечаниях публикуются воспоминания П. Громова о покойном.]

Воспоминание об императоре Александре Павловиче, как ревнителе христианского благочестия, по случаю 1877 г., 12 дня, столетия со дня его рождения, прочитанное в Иркутском кафедральном Богоявленском соборе пред панихидою // Прибавления к ИЕВ. 1878. № 3. С. 23–30.

[Громов П.] Из воспоминаний об иркутском архиепископе Михаиле Бурдукове // Церковно-общественные вести. 1879. № 89.

Припоминания современника о высокопреосвященном Иннокентии, митрополите Московском. Иркутск: Тип. Н. Н. Сеницына, 1879. 78 с.

Агиография

Чудесные исцеления // Прибавления к ИЕВ. 1866. № 32. С. 377–378.

Сказание о святом Иннокентии, первом Иркутском епископе. Иркутск: Тип. П. Сеницына, 1883. 24 с.

Чудеса и прославление святителя Иннокентия, первого епископа иркутского. Иркутск: изд. Вознесенской святителя Иннокентия обители, 1902. 50 с.: портр. Перепеч. из кн.: «Начало христианства в Иркутске...».

Святой Иннокентий первый епископ Иркутский: [к 200-летию обретения мощей святителя Иннокентия, первого епископа Иркутского, чудотворца] // Сибирь. 2005. № 1. С. 5–64.

Публицистика

Дополнение к догадкам о полярной Северной земле // Амур. 1861. № 72. С. 659–660.

Господину рецензенту «Описания Камчатских церквей» от сочинителя // Амур. 1861. № 81. С. 767–770; № 87, 91, 97; 1862. № 72. С. 659–660.

Об Иркутске наобум: [По поводу записок Зарифейского] // Прибавления к ИЕВ. 1865. № 52. С. 671–676.

К. П. П. Г. [Кафедральный протоиерей Прокопий Громов.] Об этом мы не знали // Прибавления к ИЕВ. 1875. № 5. С. 668–671.

Несколько мыслей о Камчатке // Сборник газеты «Сибирь». СПб., 1876. Т. 1. С. 305–312.

[Громов П.] Первый, первая, первое в Иркутске... // Прибавления к ИЕВ. 1878. № 31. С. 345–350; № 32. С. 351–354; № 35. С. 389–393; № 36. С. 405–408; № 37. С. 416–420; № 38. С. 429–430; № 39. С. 441–442; № 41. С. 462–464; № 42. С. 471–472; № 43. С. 482–486; № 46. С. 517–519; № 48. С. 534–540; № 50. С. 571–574; № 52. С. 594–599.

Педагогические сочинения

Уроки практического руководства для пастырей. Составленные кафедральным протоиереем Прокопием Громовым. Посвящаются воспитанникам Иркутской духовной семинарии. Иркутск: Тип. Н. Н. Сеницына, 1873. 162 с.

Поэзия

Десятословие [в форме стиха] // Прибавления к ИЕВ. 1863. № 17. С. 243–245.

Якутскому протоиерею Евсевию Васильевичу Протопопову на приглашение по случаю юбилея [в стихах] // Прибавления к ИЕВ. 1867. № 16/17. С. 196.

Переводы

Осада Албазина [по кит. источникам] / пер. с англ. П. Громова // Прибавления к ИЕВ. 1872. № 30. С. 376–382; № 31. С. 387–392.

Тринадцать основных членов (еврейского верования) / пер. с еврей. П. Громов // Прибавления к ИЕВ. 1878. № 40. С. 448–454.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. [Громов П., прот.] Иннокентий Святый, 1-й епископ Иркутский. Духовенство // Прибавления к ИЕВ. 1863. № 24. С. 360–361.

2. Иркутск: Материалы для истории города XVII–XVIII столетий. М., 1883. С. 9.

3. Хрусталёв Д. Дело об отрешении протоиерея Прокопия Громова от должностей иркутского кафедрального протоиерея и присутствующего консистории и запрещение его в священнослужители в 1831 году // Прибавления к ИЕВ. 1896. № 6. С. 156–170.

4. Бакай Н. Н. Памяти П. А. Словцова, как историка Сибири. Красноярск, 1918. С. 10.

5. Историко-статистическое описание камчатских церквей: Слова и речи. [Репр. воспроизведение изд., посвящ. 2000-летию Рождества Христова и 160-летию Камч. Епархии. СПб., 1857. / отв. за вып. А. И. Белашов; предисл. епископа Петропавловского и Камчатского Игнатия; обл. худож. М. Набутовского]. Петропавловск-Камчатский: Скрижали Камчатки, 2000. 262 с.

6. См. об этом: Чернышева Н. К. Почитание святителя Иннокентия Иркутского в духовной культуре России: книжная и рукописная традиция (1805–1919 гг.). Новосибирск, 2009. 536 с.

7. Барсуков И. П. Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский, по сочинениям, письмам и рассказам современников. М., 1883; То же. М., 1997.

8. Речи при погребении кафедрального протоиерея Прокопия Васильевича Громова // Прибавления к ИЕВ. 1880. № 36. С. 466–473; № 37. С. 482–487; № 38. С. 488–496. [Речи А. Орлова, А. Виноградова, В. Карташева.]

М. Л. Ометова, А. Л. Никифоров**УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ ДУХОВНОГО ВЕДОМСТВА В ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ. ОДНОКЛАССНЫЕ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИЕ ШКОЛЫ ИРКУТСКОГО УЕЗДА. МАТЕРИАЛЫ К СЛОВАРЮ**

Статья является продолжением работы над «Словарем учебных заведений духовного ведомства в Иркутской губернии». Ранее были опубликованы материалы по Балаганскому уезду, частично материалы по Иркутскому уезду, а именно по второклассным, двухклассным, инородческим, миссионерским школам, одноклассным и школам грамоты на буквы А–Е [1]. Данная статья включает оставшуюся подборку материалов по одноклассным школам Иркутского уезда (буквы И–Ч).

ИННОКЕНТЬЕВСКАЯ ОДНОКЛАССНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА

(пос. Иннокентьевский Иркутского уезда Иркутской губернии)

Открыта в 1912 г.

Количество учеников и учителей

1912 г. — 22 мальчика, 5 девочек, 1 законоучитель — священник, 1 учитель.

1914 г. — 25 мальчиков, 16 девочек, 1 законоучитель — учитель, 1 учитель.

1916 г. — 53 мальчика, 33 девочки, 1 законоучитель — учительница, 2 учителя [2].

ИРКУТСКАЯ ВЕНИАМИНОВСКАЯ ГОРОДСКАЯ ОДНОКЛАССНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА

Городская школа им. архиепископа Вениамина с двумя отделениями открыта 18 октября 1894 г. [3]. Здание принадлежало кафедральному собору, предоставлялось бесплатно, общая сумма местных средств, изысканных школой, в 1898 г. составила 1 740 руб. [4].

Количество учеников и учителей

1899 г. — 62 мальчика, 43 девочки, 2 законоучителя — священники: Дмитрий Николаевич Гагарин, получал жалованье 175 руб., и Константин Васильевич Данилов, получал жалованье 150 руб., 2 учителя — священник Симеон Петрович Сальвин, получал жалованье 500 руб., и учительница Лариса Евгеньевна Литвинцева, окончившая курс епархиального училища, получала жалованье 500 руб. [5].

1903 г. — 45 мальчиков, 45 девочек, 2 учителя.

1904 г. — 43 мальчика, 40 девочек, 2 учителя.

1909 г. — 44 мальчика, 46 девочек, 2 законоучителя — священники, 2 учителя.

1910 г. — 48 мальчиков, 45 девочек, 2 законоучителя — священники, 2 учителя.

1911 г. — 47 мальчиков, 47 девочек, 2 законоучителя — священники, 2 учителя.

1912 г. — 52 мальчика, 45 девочек, 2 законоучителя — священники, 2 учителя.

1914 г. — 50 мальчиков, 49 девочек, 2 законоучителя — священники, 2 учителя.

1916 г. — 53 мальчика, 44 девочки, 1 законоучитель — священник, 1 законоучитель — дьякон, 2 учительницы [6].

ИРКУТСКАЯ ВЛАДИМИРСКАЯ ОДНОКЛАСНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА

(при Иркутской Богородице-Владимирской церкви)

Год основания не установлен.

Размещалась при Иркутской Владимирской церкви, на ее содержание от епархиального училищного совета отпускалось 540 руб. [7].

Количество учеников и учителей

1912 г. — 18 мальчиков и 12 девочек [8].

1914 г. — 18 мальчиков, 16 девочек, 1 законоучитель — священник, 1 учитель.

1916 г. — 18 мальчиков, 14 девочек, 1 законоучитель — священник, 1 учитель [9].

ИРКУТСКАЯ ГЛАЗКОВСКАЯ ОДНОКЛАСНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА

(при приюте Благотворительного общества)

В Глазковском предместье в разные годы существовало, вероятно, несколько церковных школ. Одна из ранних школ при церкви была открыта еще в 1867 г. «В 1867 г. был построен и дом для дьячка на средства старосты, отставного казака Дмитрия Николаевича Могилева, размер которого составлял 6 x 4,5 сажени (12,78 x 9,58 м). Этот дом был значительно больше дома священника, и одна половина его была отдана под новую организуемую церковно-приходскую школу. Располагался он не в ограде, а несколько в стороне и место под его строительство было куплено еще в 1864 г. на пожертвования прихожан.

На следующий 1868 г. было решено дом священника отдать под школу, а новый большой дом, поделенный на две половины, разделили теперь оба служителя церкви — священник и дьякон...

...В 1902 г. в приходе было устроено новое казенное здание для начальной школы на 200 детей, но в нем долгое время было холодно и сыро. В школе стали проводить народные чтения, проходившие до этого в церковном здании» [10].

Известны другие даты открытия школ в Глазково: 1890 г. [11], 17 июля 1894 г. [12] (возможно, речь идет о разных школах). Есть сведения об открытии церковно-приходской школы в Глазково в 1912 г. в честь Святителя Николая [13]:

«15 февраля с. г. [1912] ознаменовалось открытием первой в Глазковском предместье г. Иркутска церковно-приходской школы. Открытие этой школы в текущем учебном году как нельзя более кстати. В последнее время наличные школы предместья — городское двухклассное "св. Владимира" училище, городское одноклассное и двухклассное железнодорожное училища были настолько переполнены учащимися, что не могли уже вместить в себя всех детей предместья школьного возраста. С начала 1911–1912 учебного года за бортом школы оставалось около 50 чел. Приютить эту детвору и научить в духе церковном и поставила себе задачей вновь открытая школа.

Школа помещалась в двухэтажном доме-даче бывшего иркутского городского головы В. В. Жарникова, предоставившего свой дом под школу до устройства ею собственного помещения. Отопление, освещение, наем сторожа и уборка школы производится частью из средств местного и приходского попечительства. Парты предоставлены из распоряжения школы из средств Городской

Управы, г. заведующим школьным отделом Н. И. Лютоевым, а учебные пособия и жалованье учительницы отпущены Иркутским Епархиальным Училищным Советом. На должность учительницы в школу Советом назначена окончившая курс Иркутского епархиального женского училища со званием домашней учительницы вдова священника Александра Иннокентьевича Цветкова.

Торжество открытия школы началось совершением о. настоятелем священником Иоанном Титовым молебного пения просветителям славян Кириллу и Мефодию в присутствии учительницы записавшихся в школу детей, их родителей и прихожан. Молебен был закончен провозглашением многолетия Царствующему Дому, св. Синоду, высокопреосвященнейшему Архиепископу Серафиму, начальствующим учащим, учащимся и благотворителям. После молебна о. настоятелем было произнесено приличествующее случаю слово и оглашены приветствия, полученные по случаю открытия школы, в том числе приветствие от Иркутского Епархиального Наблюдателя, о. Сергия Алякринского...» [14].

Количество учеников и учителей

В 1899 г. обучалось 29 девочек, русские, здание принадлежало частному лицу, сдавалось за плату, общая сумма местных средств, изысканных школой, в 1898 г. составила 30 руб. Законоучителем был священник Николай Шастин, преподавал бесплатно, учительница — Александра Григорьевна Синявина, окончила курс епархиального училища, получала жалованье 250 руб. [15].

С мая 1907 г. — законоучитель в открытой в Глазково «Иркутской железнодорожной имени Святителя Иннокентия школе» священник Иоанн Титов [16].

1912 г. — 17 мальчиков, 27 девочек [17].

1914 г. — 25 мальчиков, 15 девочек, 1 законоучитель — священник, 1 учитель.

1916 г. — 21 мальчик, 32 девочки, 1 законоучитель — священник, 1 учитель [18].

1916 г.:

«31 марта с. г. приход Глазковской Николо-Иннокентиевской церкви был посещен Его Преосвященством, Преосвященнейшим Зосимой, Епископом Киренским. Целью настоящего приезда Архипастыря было посещение и ревизия начальных школ прихода. При этом были обревизованы: Глазковская церковно-приходская имени Св. Николая школа и часть классов городских начальных училищ: 2 класса училища имени Ломоносова, 1 класс Глазковского 2-классного училища и 3 класса 2-классного Глазковского железнодорожного училища (Между прочим, в виду прохода р. Ангары часть учащихся задержалась в г. Иркутске, и во всех училищах часть классов бездействовала).

Дорогого гостя во всех классах дети встречали и провожали пением молитв: "Царю Небесный", "Днесь благодать" и "Достойно есть".

Главное свое внимание Преосвященный обратил на продуктивность преподавания в школах Закона Божия. Он с замечательной быстротой и основательностью определил религиозную настроенность детей, как результат школьной деятельности отцов-законоучителей. Несколько простых вопросов, и сразу становилось ясно, любят ли дети молитву, посещают ли храм Божий, знают ли день своего ангела, житие своего святого, умеют ли петь наиболее употребительные молитвы ("Царю Небесный", "Достойно есть"). Умеют ли отличать важнейшие христианские праздники и ознакомлены ли с историей их, изучали ли они тропари наиболее чтимых святых и двенадцатых праздников; знают ли, что источником христианского веро- и нравочения служит Божественное

Откровение, в особенности Св. Евангелие; знают ли его содержание и кто его написал; имеют ли нагрудные кресты, умеют ли принять благословение у священника; знают ли, кто изображен на классной иконе, и т. п. Несколько вопросов, и становилось ясным, как работает в школе законоучитель, какую цель преследует и чего он достиг своей работой.

Касался Преосвященный и других предметов, заставлял детей читать по-славяни, произнести заученные стихотворения и басни; по арифметике задавали общие задачи на беглый счет, при чем сразу же определялось, насколько в детях развита сообразительность.

Обратил Владыка внимание и на развитие в детях патриотизма; говорил о настоящей тяжелой войне, о жестоком и упорном враге. А в 5-м отделении 2-классного железнодорожного училища предложил детям спеть русский гимн, — что они и исполнили.

Дети всех посещенных классов приняли Архипастырское благословение.

Обратил внимание Преосвященный и на поведение детей: спрашивал — шалите ли, ленитесь ли, не обижаете ли друг друга, животных, птиц и т. п., и вся эта беседа сопровождалась отеческими наставлениями, и, несомненно, эти простые (доступные детям), но авторитетные речи не пройдут даром, а посеянные на нужную почву, дадут свои плоды.

Интересовался также Архипастырь числом учащихся, устройством классов, рекреационных комнат, свое или наемное здание у школы; кто обучает пению и т. п. Характерной чертой этого осмотра школы является какое-то особенное умение Владыки подойти к детям, какая-то особенная простота и задушевность. Чувствовалась вместе и важность и простота. Дети, видимо, сознавали всю важность минуты, но в то же время ни страха, ни робости не было следа. Дети (что знали) отвечали смело, открыто, как на уроке. Была не ревизия, а получилось впечатление, что приехал дорогой гость и беседует со своими, ему давно знакомыми детьми.

О своих посещениях школ Преосвященный в двух школах сделал пометки; в церковной школе в ревизионной книге пометил: "Школу посетил 31 марта 1916 года Епископ Зосима", а в ревизионном журнале Ломоносовской школы написал: "1916 года, 31 марта, посетил школу. Школа производит доброе впечатление. Епископ Зосима".

В этот раз Владыка посетил квартиру уездного наблюдателя протоиерея о. Алексея Куркина и изволил кушать чай. При этом преосвященный со свойственной ему простотой и доступностью беседовал о постановке школьного дела и давал свои авторитетные указания» [19].

ИРКУТСКАЯ ЗНАМЕНСКАЯ (ПРИ ЗНАМЕНСКОМ ЖЕНСКОМ МОНАСТЫРЕ) ОДНОКЛАСНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА

Открыта в 1889 г.: «11 марта в день памяти св. Евфимия Новгородского чудотворца состоялось освящение женской образцовой церковно-приходской школы в Знаменском женском монастыре, открытой для практических занятий воспитанниц старшего класса женского училища духовного ведомства. Молебствие совершено архиепископом Вениамином. Всех учениц 14, уроков в день 4 с 8 часов утра до 12 ч. дня. Средства дал училищный совет» [20].

Количество учеников и учителей

1914 г. — 34 девочки, 1 законоучитель — священник, 1 учитель.

1916 г. — 42 девочки, 1 законоучитель — священник, 1 учитель [21].

ИРКУТСКАЯ КНЯЗЕ-ВЛАДИМИРСКАЯ ОДНОКЛАСНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА

Открыта в 1896 г. Здание принадлежало церкви [22].

Количество учеников и учителей

1898 г. — 9 мальчиков, 8 девочек, русские, законоучитель — священник Николай Иоакинфович Шастин, преподавал бесплатно, учительница — Юлия Ивановна Лыткина, окончила курс епархиального училища, получала жалованье 300 руб. [23].

1910 г. — 21 мальчик, 1 законоучитель — священник, 1 учитель.

Закрывалась в 1911 г. [24].

1914 г. — 33 мальчика, 1 законоучитель — учитель, 1 учитель [25].

26–28 апреля 1900 г. 100 учеников Князе-Владимирской школы, «шедшие старым трактом и переплывшие Ангару на плашкоуте», прибыли в Вознесенский монастырь на поклонение мощам Св. Иннокентия, Иркутского чудотворца (всего на поклонение мощам прибыло 600 человек из 17 школ, при них было 8 учителей, 14 учительниц и 10 законоучителей) [26].

ИРКУТСКАЯ КРЕСТОВОЗДВИЖЕНСКАЯ ОДНОКЛАСНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА

Открыта в ноябре 1912 г. Школа помещалась в доме причта, на ее содержание отпускалось от епархиального училищного совета 540 руб. и от церкви 300 руб., также отпускались и «дрова натурою». В 1912 г. обучалось 7 мальчиков [27]. В 1914 г. обучалось 10 мальчиков и 3 девочки, 1 законоучитель — священник, 1 учитель [28].

ИРКУТСКАЯ ОДНОКЛАСНАЯ ОБРАЗЦОВАЯ ШКОЛА ПРИ ЖЕНСКОМ ДУХОВНОМ УЧИЛИЩЕ

Открыта в 1889 г. Здание принадлежало Иркутскому женскому духовному училищу. Общая сумма местных средств, изысканных школой, в 1898 г. составила 400 руб. [29]. По другим источникам, открыта 11 марта 1890 г. [30].

В 1890 г. для образцовой школы при Иркутском женском духовном училище удобное помещение было предоставлено в Иркутском Знаменском женском монастыре игуменьей Анатолией, попечительницей школы [31].

Изначально открывалась как женская школа [32], впоследствии также обучались и мальчики.

Количество учеников и учителей

1898 г. — 26 девочек, русские. Законоучитель — священник Иоанн Рябинов, обучал бесплатно, учительница Мария Попова, окончила курс женского духовного училища, получала жалованье 300 руб., учительница пения — Вера Корсунская, окончила курс женского духовного училища, преподавала бесплатно [33].

1903 г. — 2 мальчика, 21 девочка, 1 учитель.

1904 г. — 3 мальчика, 35 девочек, 1 учитель.

1905 г. — 46 мальчиков, 43 девочки, 2 учителя.

1909 г. — 20 мальчиков, 34 девочки, 1 законоучитель — священник, 1 учитель.

1910 г. — 20 мальчиков, 36 девочек, 1 законоучитель — священник, 1 учитель.

1911 г. — 22 мальчика, 34 девочки, 1 законоучитель — священник, 1 учительница.

1912 г. — 17 мальчиков, 29 девочек, 1 законоучитель — священник, 1 учитель.

1914 г. — 15 мальчиков, 25 девочек, 1 законоучитель — священник, 1 учитель.

1916 г. — 17 мальчиков, 36 девочек, 1 законоучитель — учитель, 1 учитель [34].

ИРКУТСКАЯ ОБРАЗЦОВАЯ ПРИ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ ОДНОКЛАСНАЯ ШКОЛА

Количество учеников и учителей

1904 г. — 42 мальчика, 1 учитель.

1905 г. — 50 мальчиков, 1 учитель.

1909 г. — 58 мальчиков, 1 законоучитель — священник, 1 учитель.

1910 г. — 53 мальчика, 1 законоучитель — священник, 1 учитель.

1911 г. — 56 мальчиков, 1 законоучитель — священник, 1 учитель.

1912 г. — 47 мальчиков, 1 законоучитель — священник, 1 учитель.

1914 г. — 47 мальчиков, 1 законоучитель — священник, 1 учитель.

1916 г. — 61 мальчик, 1 законоучитель — дьякон, 1 учитель — дьякон [35].

ИРКУТСКАЯ ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ ОДНОКЛАСНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА

Школа была построена и содержалась на средства иркутского купца Николая Львовича Родионова. Годы строительства здания школы 1899–1900. «26 сентября [1899 г.]. Строительство церковно-приходского училища около Преображенской церкви идет на средства Н. Л. Родионова. Общая стоимость здания 20 тыс. руб.» [36].

Торжественное открытие школы было совершено 15 октября 1900 г. На открытии градо-Иркутской Преображенской им. Николая Львовича Родионова церковно-приходской школы присутствовали его высокопреосвященство, архиепископ Тихон, преосвященный Филарет, архимандрит Алипий, его высокопревосходительство иркутский генерал-губернатор, губернатор, старший председатель судебной палаты, управляющий казенной палатой, городской голова, главный инспектор училищ, директора гимназий, народных училищ, учительской семинарии, представители духовной консистории, мужского духовного училища, городское духовенство и почетные граждане Иркутска [37].

«15 октября Преосвященный служил: в воскресенье в Преображенской церкви соборно с Преосвященным Филаретом по случаю освящения и открытия в Преображенском приходе церковно-приходской школы, построенной и обеспеченной иркутским 1-й гильдии купцом Николаем Львовичем Родионовым» [38].

Пожертвования на школу и награды

1901 г.: «...наиболее крупное пожертвование за отчетный год Иркутского потомственного почетного гражданина Н. Л. Родионова, построившего на свои средства каменное здание в два этажа для Иркутской Преображенской церковно-приходской школы стоимостью 34 000 р. и принявшего на свой счет содержание этой школы» [39].

1903 г.: попечитель школы Н. Л. Родионов пожертвовал на содержание школы капитал в 30 000 руб. [40]. «6 мая 1903 г. Н. Л. Родионову за благотворительную и общепользную деятельность по церковно-школьному делу в Иркутской епархии высочайше пожалована золотая медаль для ношения на шее на Аннинской ленте» [41].

6 мая 1912 г.: «Государь Император изволил удостоить награждения следующих лиц по Иркутской епархии знаками отличия: ...золотой медалью на Аннинской ленте для ношения на груди — бывший учитель Иркутской Преображенской имени Н. Л. Родионова церковно-приходской школы Сергей Инкигрин» [42].

Количество учеников и учителей

1903 г. — 47 мальчиков, 44 девочки, 2 учителя.

1904 г. — 46 мальчиков, 42 девочки, 2 учителя.

1905 г. — 49 мальчиков, 41 девочка, 2 учителя.

1906 г. — 1 учитель.

1909 г. — 40 мальчиков, 49 девочек, 1 законоучитель — учитель, 2 учителя.

1910 г. — 36 мальчиков, 44 девочки, 1 законоучитель — учитель, 2 учителя.

1911 г. — 30 мальчиков, 46 девочек, 2 законоучителя — священники, 2 учителя.

1912 г. — 37 мальчиков, 43 девочки, 2 законоучителя — священники, 2 учителя.

1914 г. — 36 мальчиков, 49 девочек, 2 законоучителя — священники, 2 учителя.

1916 г. — 40 мальчиков, 50 девочек, 2 законоучителя — священники, 2 учителя [43].

ИРКУТСКАЯ ТИХОНОВСКАЯ ОДНОКЛАСНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА

Открыта в 1912 г. Помещалась в архиерейском доме при детской столовой им. преосвященного Тихона. В 1912 г. в ней обучалось до 30 детей обоего пола. Заведующим состоял соборный священник Николай Попов-Кокоулин [44]. В 1916 г. обучалось 15 мальчиков и 26 девочек, преподавало 2 учительницы [45].

ИРКУТСКАЯ ПРИ ТРОИЦКОЙ ЦЕРКВИ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА

Первая школа для первоначального обучения чтению и письму была открыта 16 января 1866 г. [46], размещалась в верхнем этаже дома прихожанина Троицкой церкви иркутского мещанина С. И. Левченко. Обучение в школе было возложено на дьячка Троицкой церкви Каблукова. С увеличением числа учащихся попечительство школы уже в августе месяце признало необходимым назначить в школу, в помощь Каблукову, другого учителя и, по благословию его высокопреосвященства, пригласило окончившего курс семинарии И. В. Попова. Преподаванием Закона Божьего занимался местный приходский священник. В школе кроме чтения обучались молитвам, Символу веры и заповедям с кратким их объяснением, знакомили со значением важнейших церковных праздников и с некоторыми событиями из Священной Истории Ветхого Завета и приучали к церковному пению с голоса учителя.

В течение первой половины 1866 г. в школе обучалось 23 мальчика и 5 девочек, из них 2 мальчика выбыли с переходом родителей в другие приходы. Успехи их были удовлетворительны [47].

Пожертвования на школу

При открытии школы членом попечительства купцом Окуловым пожертвована икона Спасителя в позолоченной ризе.

14 февраля 1866 г. высокопреосвященнейший Парфений, удостоив своим посещением школу, пожертвовал для нее 20 экземпляров книг разного содер-

жания, семь эстампов из Св. Истории, раскрашенных и вделанных в рамы, и изображение просветителей славян св. Кирилла и Мефодия. А редактор «Иркутских епархиальных ведомостей» протоиерей Прокопий Громов прислал 100 номеров этой газеты.

Кроме того, в 1866 г. поступило: 1) для заготовления мебели и других принадлежностей для школы 27 руб. 10 коп.; 2) на покупку дров и содержание школы в чистоте 15 руб. 80 коп.; 3) на жалованье учителю 20 руб. [48].

Попечители

В 1866 г. попечитель прихода — коллежский советник А. Г. Бутаков, казначей — купец Г. Е. Окулов.

После 1866 г. попечителем прихода избран член попечительства коллежский советник И. И. Виноградский, казначеем — член попечительства купец И. Н. Хахилев. Члены попечительского совета: коллежский советник Н. С. Шевелев, купеческий сын В. А. Литвинцев и дьякон Ф. Ковригин [49].

Еще одна церковно-приходская школа при Троицкой церкви была открыта 25 сентября 1882 г. [50].

1882 г.: «...в 25-й день сентября сего года при градо-иркутской Троицкой церкви, в доме потомственного почетного гражданина, иркутского 1-й гильдии купца Александра Михайловича Сибирякова открыта бесплатная начальная школа на 40 человек детей мужского пола и 40 человек — женского. Основной капитал в 60 т. р. на учреждение школы, пожертвованный покойной А. М. Кладищевой, урожденной Сибиряковой, внесен на распоряжение иркутской городской думы.

По предварительному извещению господином городским головой, все дети со своими родителями и заступающими их место явились в школу к 10 ч. утра.

В 11 часов прибыли: гг. городской голова с членами управы и почетный попечитель А. М. Сибиряков. За ними начальники учебных заведений: главный инспектор, директор и смотритель. Наконец — его Превосходительство, исполняющий должность губернатора и господин полицеймейстер с несколькими лицами из почетных граждан.

В 12 часов Высокопреосвященнейший Вениамин, архиепископ Иркутский и Нерчинский с сослужащими ему двумя протоиереями, протодиаконом, двумя диаконами и певчими благоизволил совершить молебное с водоосвящением пение перед началом учения отроков. По прочтении молитвы о ниспослании на отроков и отроковиц духа премудрости законоучитель о. протоиерей С. Литвинцев произнес приличную этому торжеству речь. За обычным провозглашением многолетия и вечной памяти учредительнице школы все присутствовавшие целовали св. крест и были кропляемы святой водой. После молебного пения все дети принимали архипастырское благословение. К обеденному столу, предложенному г. почетным попечителем, приглашены как гости, так и дети...» [51].

ИРКУТСКАЯ УСПЕНСКАЯ ОДНОКЛАСНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА

Открыта в 1909 г. С 8 декабря 1909 г. по 1 января 1912 г. заведующим Успенской церковно-приходской школой состоял протоиерей В. Н. Флоренсов [52]. Школа помещалась в церкви, на содержание ее отпускалось от епархиального начальства 480 руб. [53].

Количество учеников и учителей

1910 г. — 12 девочек, 1 законоучитель — священник, 1 учитель.

В 1911 и 1912 гг. в отчетах показано 2 успенских школы:

1911 г. — 25 девочек, 1 законоучитель — священник, 1 учитель.

1911 г. — 30 мальчиков и 24 девочки.

1912 г. — 32 девочки, 1 законоучитель — священник, 1 учитель.

1912 г. — 25 мальчиков и 38 девочек.

1914 г. — 23 мальчика, 26 девочек, 1 законоучитель — священник, 1 учитель.

1916 г. — 20 мальчиков, 30 девочек, 1 законоучитель — священник, 1 учительница [54].

ИРКУТСКАЯ ЧУДОТВОРСКАЯ ОДНОКЛАСНАЯ ГОРОДСКАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА (ПРОКОПЬЕВСКАЯ)

Открыта в октябре 1912 г. при Иркутской Прокопьевской (Чудотворской) церкви. Церковная школа помещалась в здании церкви, на содержание ее было отпущено в 1912 г. из Иркутского отделения епархиального училищного совета 101 руб. 55 коп. [55].

Количество учеников и учителей

1912 г. — 6 мальчиков и 10 девочек.

1914 г. — 13 мальчиков, 11 девочек, 1 законоучитель — священник, 1 учитель.

1916 г. — 15 мальчиков, 8 девочек, 1 законоучитель — священник, 1 учительница [56].

КИТОЙСКАЯ ОДНОКЛАСНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА (с. Китой Иркутского уезда Иркутской губернии)

Первоначально была открыта в октябре 1888 г. Помещалась временно в небольшой избе: «Небольшая, чистая изба, с маленькими окошечками, конечно, не могла вполне удовлетворить всем гигиеническим условиям школы, но содержалась эта школа вполне в порядке.

Внутренний вид школы, при всей своей бедной обстановке, представлял порядочность и заботливость. Перед учениками, в одном углу, поставлен образ с лампадкой, а по середине стены портрет Государя Императора, в другом углу, на наугольниках, сложены были в порядке учебные книги, тетради и классные принадлежности. Это тесное помещение имелось в виду заменить новым зданием, для чего был заготовлен лес.

...Принят звуковой метод обучения, но учебных пособий и книг было недостаточно, успехи же детей ясно свидетельствовали, что учебное дело поставлено хорошо. Собравшиеся дети, в числе 22, читали довольно бойко гражданскую и церковную печать. Отвечали устно молитвы и писали легкие фразы под диктовку на грифельных досках.

Уроки обыкновенно от 8-ми часов утра до 3-х часов полудни с перерывами и отдыхами. Кроме общих элементарных сведений по чтению, письму и арифметике дети пели молитвы. Общий вид школы, при виде добрых и здоровых детей, приветливо и простоудушно отвечавших на вопросы, оставлял приятное впечатление, которое отражалось на добром направлении этой народной церковно-приходской школы. Китойскую церковно-приходскую школу возможно причислить к числу будущих хороших школ, так как она дает надежду развиваться под наблюдением и руководством своего заботливого пастыря о. Александра Писарева, человека молодого, и видимо заинтересованного своею школою, принимающего в ней самое горячее участие. Здесь же указано было на месте подготовительное письмо по сетке и объяснено счисление на больших наглядных, торговых счетах» [57]. Инспектор народных училищ П. Троицкий-Сенютович

передал священнику о. Александру Писареву некоторые классные принадлежности, книги и учебные пособия.

По другим источникам, открыта 1 октября 1890 г. [58]. В источниках также упоминается как дата открытия 1893 г., здание принадлежало школе, общая сумма местных средств, изысканных школой, в 1898 г. составила 42 руб. 52 коп. [59].

Количество учеников и учителей

1889 г. — 16 мальчиков, 6 девочек, законоучитель — приходский священник Александр Писарев, учительница Мариамна Николаевна Соловарова, дочь священника, окончила курс женского духовного училища, получала жалованье 100 руб. в год от епархиального училищного совета [60].

1892 г. учитель — П. Литвинцев, окончивший курс семинарии.

Во время обзора церковно-приходских школ Китойская школа была «найдена в крайне неудовлетворительном состоянии». К приезду ревизии в нее поступило только 8 учеников, а на ревизию школы явилось только 6 человек. «Ученики даже старшей группы читают по-русски плохо, почти по складам; молитвы отвечали с ошибками, без понимания; священной истории вовсе не знают... Ставить в вину такое состояние школы новому учителю нельзя; он только что поступил; очевидно, плохое состояние этой школы вполне зависело от бывшей учительницы. Такое плохое состояние этой школы тем резче бросилось в глаза, что члены ревизии приехали в нее прямо из лучшей Жилкинской школы, находящейся от Китойской в 14 верстах. Условия, в которых находятся обе школы, одинаковы — Китойская, можно сказать, даже в лучших; ибо в ней приходским священником состоит один из молодых окончивших курс воспитанников семинарии, а в Жилкинском селе — священник старый, свыше 60 л., из лиц, не проходивших семинарского курса» [61].

В 1893 г. обозреватель церковных школ А. Виноградов писал о Китойской школе: «Священник из окончивших курс, — но вял и малодетелен; школа в селе церковно-приходская, но, по малочисленности учеников и слабости успехов, произвела грустное впечатление» [62].

1899 г. — 20 мальчиков, 6 девочек, 1 законоучитель — священник Николай Яковлевич Мичурин, обучал бесплатно, 1 учительница — Наталья Николаева Мичурина, окончила курс епархиального училища, получала жалованье 300 руб. [63].

1903 г. — 20 мальчиков, 12 девочек, 1 учитель.

1904 г. — 20 мальчиков, 12 девочек, 1 учитель.

1905 г. — 20 мальчиков, 8 девочек, 1 учитель.

1909 г. — 30 мальчиков, 10 девочек, 1 законоучитель — учитель, 1 учитель.

1910 г. — 27 мальчиков, 7 девочек, 1 законоучитель — учитель, 1 учитель.

1911 г. — 27 мальчиков, 8 девочек, 1 законоучитель — священник, 1 учитель.

1912 г. — 33 мальчика, 10 девочек, 1 законоучитель — священник, 1 учитель.

1914 г. — 26 мальчиков, 12 девочек, 1 законоучитель — священник, 1 учитель.

1916 г. — 23 мальчика, 11 девочек, 1 законоучитель — священник, 1 учитель [64].

Из истории школы

В 1884 г. жена местного священника открыла в своей квартире школу грамоты и обучала в ней до 12 детей обоего пола. Сам священник организовал из школьников довольно стройный хор. Средств на содержание этой школы никаких ниоткуда не поступало, если не считать небольшую сумму, взимаемую с учеников на покупку учебников и пособий. Матушка вела школу безвозмездно в течение четырех зим. Школа эта принесла сильную пользу. Обществен-

ность при праздновании 150-летнего юбилея местной церкви в марте 1888 г. пожелала переименовать школу грамоты в церковно-приходскую. Строительные материалы она давала от себя, а деньги на постройку и жалованье учителю просила от Совета. Ходатайство общественности было уважено, и в том же году церковно-приходская школа была открыта в наемном помещении. Собственное здание школы было построено в 1899 г. на средства епархиального училищного совета из общественного леса, но было установлено на низком болотистом месте, вследствие чего в школе была сырость, сгнили фундамент и пол и все здание то опускалось в землю, то выходило из нее. В 1901 г. приехавший в Китой на служение священник Николай Мичурин возбудил ходатайство перед епархиальным училищным советом об отпуске денег на постройку школьного здания, он просил общественность о доставке леса и денежной помощи. Ходатайства и просьбы его увенчались полным успехом.

В 1901 г. из Совета о. Николаю было отпущено на перестройку школьного здания 300 руб., дано от общества в разное время до 100 руб., кроме леса (150 бревен), оказана помощь от приходского попечительства, от «доброхотных дателей». Таким образом, о. Николаю благодаря его энергии удалось собрать 500 руб. и на эти деньги, при готовом лесе и при собственном труде, перенести школьное здание на другое место и пристроить к нему новый класс на 3–4 сажени. Величина здания составила 6 x 4 сажени с удобной квартирой для учителя. Высота внутри класса 5 аршин, а квартира учителя и коридор 4 аршина. Здание было рассчитано на 40 человек, считая по 2–3 куб. сажени на ученика. «Свету в классе много: южная сторона вся в окнах. Тепла вполне достаточно. Печь устроена с вытяжными трубками для освежения воздуха в классе» [65].

Здание школы было освящено 13 января 1902 г., по этому случаю состоялось небольшое торжество: «12 числа о. заведывающий школой, священник Николай Мичурин отслужил в приходском храме всенощное бдение, после которого освятил иконы святителя Иннокентия, Епископа Иркутского, и св. Кирилла и Мефодия, пожертвованные крестьянином Ф. И. Быковым и Иркутским купцом Ин. Григ. Трапезниковым. Литургию 13 числа совершил он же при многочисленном стечении народа и при очень стройном пении учеников церковной школы. Следует отметить, что в Китое около полугода нет псаломщика, обязанности которого исполняет учительница с учениками: они поют, толково читают и умело прислуживают. Это плод трудов о. Николая. Он сам безвозмездно обучает учеников пению. На "Буди имя Господне" о. заведывающий сказал поучение на тему: "Аще не Господь созиждет дом, всеу трудяшася зиждущие". По окончании Литургии с крестным ходом в школу перенесены были пожертвованные иконы. Крестный ход сопровождали Иркутский уездный наблюдатель, ночью прибывший в Китой, и местный священник Мичурин, ученики школы с учительницей и много молящихся, среди коих были и из соседних сел...

По окончании молебна, который служили 3 священника, местная учительница Татьяна Мичурина прочла краткий исторический очерк о Китойской школе, а хор из учеников пропел народный гимн "Боже, Царя храни". После сего крестный ход возвратился в храм. Ученикам, в количестве 30 чел., были розданы орехи и конфеты. Приглашенные гости с удовольствием послушали светское и духовное пение школяров. За чаем велась беседа о благоустройстве новой школы и о старых деятелях. Помянули между прочим добрым словом уже умерших крестьян Матвея Петрова и Ивана Сученкова, передовых людей своего села, много потрудившихся по открытию и устройству школы» [66].

Пожертвования на школу

В 1902 г. Ф. И. Быков пожертвовал икону, стоившую 80 руб., Ин. Гр. Трапезников — икону в 50 руб. и В. Гр. Трапезников — портреты Государя и Государыни стоимостью 10 руб. [67].

КОЗЬМИХИНСКАЯ ОДНОКЛАСНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА

(с. Козьмихинское / Косьмихинское Иркутского уезда Иркутской губернии)

Открыта 16 января 1895 г. [68]. Здание принадлежало церкви, предоставлялось бесплатно, общая сумма местных средств, изысканных школой, в 1898 г. составила 86 руб. 74 коп. [69].

Количество учеников и учителей

1899 г. — 17 мальчиков, 2 девочки, законоучитель и учительница Серафима Ивановна Титова, окончившая курс епархиального училища, получала жалованье 260 руб.

1903 г. — 32 мальчика, 8 девочек, 1 учитель.

1904 г. — 28 мальчиков, 9 девочек, 1 учитель.

1905 г. — 31 мальчик, 8 девочек, 1 учитель.

1909 г. — 19 мальчиков, 6 девочек, 1 учитель.

1910 г. — 26 мальчиков, 10 девочек, 1 учитель.

1911 г. — 24 мальчика, 10 девочек, 1 законоучитель — священник, 1 учитель.

1912 г. — 26 мальчиков, 13 девочек, 1 законоучитель — священник, 1 учитель.

1914 г. — 22 мальчика, 19 девочек, 1 законоучитель — священник, 1 учитель.

1916 г. — 23 мальчика, 17 девочек, 1 законоучитель — священник, 1 учитель [70].

КОТИНСКАЯ ОДНОКЛАСНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА

(с. Котинское Иркутского уезда Иркутской губернии)

Открыта 10 октября 1891 г. [71]. По другим источникам, открыта в 1893 г. [72]. Здание принадлежало церкви, предоставлялось бесплатно, общая сумма местных средств, изысканных школой, в 1898 г. составила 374 руб.

Количество учеников и учителей

1899 г. — 37 мальчиков, 11 девочек, законоучитель — священник Николай Петрович Успенский, преподавал бесплатно, учительница — окончившая курс епархиального училища Христина Александровна Яковлева, получала жалованье 150 руб. [73].

1903 г. — 28 мальчиков, 8 девочек, 1 учитель.

1904 г. — 20 мальчиков, 13 девочек, 1 учитель.

1905 г. — 27 мальчиков, 15 девочек, 1 учитель.

1909 г. — 36 мальчиков, 12 девочек, 1 законоучитель — священник, 1 учитель.

1910 г. — 40 мальчиков, 11 девочек, 1 законоучитель — священник, 1 учитель.

1911 г. — 28 мальчиков, 10 девочек, 1 законоучитель — священник, 1 учитель.

1912 г. — 36 мальчиков, 10 девочек, 1 законоучитель — священник, 1 учитель.

1914 г. — 31 мальчик, 19 девочек, 1 законоучитель — священник, 1 учитель.

1916 г. — 33 мальчика, 8 девочек, 1 законоучитель — священник, 1 учительница [74].

26–28 апреля 1900 г. ученики Котинской школы посетили Вознесенский монастырь для поклонения мощам Св. Иннокентия, Иркутского чудотворца [75].

КОЧЕРНИКОВСКАЯ ОДНОКЛАСНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА

(д. Кочерникова Иркутского уезда Иркутской губернии)

Год открытия неизвестен.

1914 г. — обучалось 14 мальчиков, 5 девочек, 1 законоучитель — учитель, 1 учитель; 1916 г. — 6 мальчиков, 3 девочки, 1 законоучитель — учитель, 1 учитель [76].

КУДИНСКАЯ ОДНОКЛАСНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА

(с. Кудинское Иркутского уезда Иркутской губернии)

В 1883 г. в звании попечителя церковно-приходской школы с. Кудинского Иркутского округа утвержден В. П. Сукачев [77].

Школа открыта 26 сентября 1885 г. [78]. До этого времени существовали школы грамоты, которые устраивались в частных крестьянских домах людьми, «большой частью, празднующимися или поселенцами из-за куска хлеба», поэтому они быстро закрывались. Учение в них производилось временно и урывками. В 1885 г. иркутским потомственным дворянином Владимиром Платоновичем Сукачевым был выстроен в Куде, близ храма, «зал для церковно-приходской школы на 9 сажен в длину и 5,5 сажен в ширину из готового леса, доставленного прихожанами. В доме этом 17 окон, 12 дверей, 4 печи. Кроме двух больших комнат, назначенных для учащихся, и теплого коридора в нем имеется и квартира с кухней и кладовой для учительницы. Ограда же с воротами, сарай и погреб устроены на средства церковные. Учебными столами школу снабдил г. Сукачев на сумму 240 рублей; им же пожертвовано учебных пособий на 15 руб. и книг для чтения на 50 руб. Кроме сего, в школу пожертвовано женою коллежского секретаря Александрой Петровной Колесницкою учебных пособий на 40 руб., как-то: книг, классных досок, грифелей, карандашей, линеек, чернил, бумаги, перьев и проч. Все это сделано было на первых порах. За постройку школы г. Сукачев уплатил три тысячи рублей. Вся же стоимость школы простирается до 6 000 рублей. Со времени устройства школы прихожане обязались доставлять для отопления ее дров 36 сажен в год. С разрешения и благословения высокопреосвященного Вениамина, архиепископа Иркутского и Нерчинского, школа сия открыта в 26 день сентября 1885 года» [79].

Здание принадлежало сельскому обществу, общая сумма местных средств, изысканных школой, в 1898 г. составила 384 руб. [80].

Количество учеников и учителей

1885 г. — 41 мальчик и 6 девочек. «Первою учительницею назначена и утверждена была его высокопреосвященством девица Мария Евфимовна Мефодиева, окончившая курс в Иркутском училище девиц духовного ведомства. Прослуживши только 8 месяцев, Мефодиева утонула во время купания в реке Куде. Первым законоучителем утвержден был диакон Кудинской Свято-Троицкой церкви Сергей Литвинцев и проходил оную должность до 9 ноября 1887 г.» [81].

Инспектор народных училищ П. Троицкий-Сенютович писал в 1889 г.: «...на Якутском тракте, в с. Кудинском, я встретил церковно-приходскую Кудинскую школу — вполне образцовую и по наружному виду и по постановке учебной части. Роскошное деревянное здание, сооруженное на средства В. П. Сукачева, при заботливости и усердии местного священника о. протоиерея Родионова, дало возможность образоваться вполне прекрасно-организованной школе. Курс обучения по программе церковно-приходских школ и число учащихся было более семидесяти, а ныне оно достигает до ста» [82].

В 1891 г. с 9 ноября по июнь 1892 г. законоучителем состоял дьякон здешней церкви Петр Федорович Кузнецов. Учительницей была Мария Петровна Митропольская, окончившая курс в Иркутском училище девиц духовного ведомства. С 17 октября 1888 г. назначена помощницей учительницы Т. И. Родионова [83].

1899 г. — 51 мальчик, 12 девочек, заведующий законоучитель — священник Николай Феодорович Протопопов, получал жалованье 100 руб., учительница — Таисия Григорьевна Щапова, окончила курс епархиального училища, получала жалованье 300 руб. [84].

1903 г. — 61 мальчик, 19 девочек, 2 учителя.

1904 г. — 37 мальчиков, 13 девочек, 2 учителя.

1905 г. — 35 мальчиков, 11 девочек, 1 учитель.

1909 г. — 70 мальчиков, 13 девочек, 1 законоучитель — священник, 1 учитель.

1910 г. — 71 мальчик, 21 девочка, 1 законоучитель — священник, 1 учитель.

1911 г. — 67 мальчиков, 22 девочки, 1 законоучитель — учитель, 2 учителя (учительница — Мария Николаевна Соколова, дочь священника [85] и окончивший курс в Иркутской церковно-учительской семинарии Платон Попов, «дело свое он ведет удовлетворительно. На должности учителя Попов находится более пяти лет, — желает получить сан священника» [86]).

1912 г. — 72 мальчика, 17 девочек, 1 законоучитель — священник, 2 учителя.

1914 г. — 59 мальчиков, 25 девочек, 1 законоучитель — священник, 2 учителя.

1916 г. — 63 мальчика, 27 девочек, 1 законоучитель — учительница, 1 учительница [87].

Пожертвования и попечители

В 1888 г. приобретено для школы учебников и учебных пособий на 47 руб. 35 коп. из церковных сумм. В 1889 г. выписано учебников и учебных пособий на церковные деньги 80 руб. Кроме этого школу снабжал книжками Иркутский епархиальный училищный совет. «Школа... обставлена очень удовлетворительно. Наблюдателем и заведывающим школы состоял от сентября 1885 по 1891 год протоиерей Иоанн Родионов. Жители к школе относятся холодно и равнодушно.

...В 1890 году школа была посещена преосвященным Агафангелом, епископом Киренским, и его высокопревосходительством генерал-губернатором иркутским г. Горемыкиным, в проезде его в Якутск» [88].

1899 г. — на нужды Кудинской церковно-приходской школы шли проценты с капитала Т. П. Родионовой в 500 руб. [89].

В мае 1899 г. пожертвовано крестьянским начальником Иннокентием Александровичем Молодых 10 руб. и дворянином Николаем Федоровичем Прушаком 10 руб. на приобретение для школы волшебного фонаря [90].

В 1900 г. на приобретение волшебного фонаря для Кудинской церковно-приходской школы поступило пожертвований: от А. К. Жилина 5 руб., от кудинского сельского писаря В. В. Беляева 1 руб., от А. В. Выродцева 1 руб. и от учителя И. М. Любимова 50 коп. Жертвователям заведующий школой изъявил искреннюю благодарность [91].

26–28 апреля 1900 г. ученики школы совершили полонничество в Вознесенский монастырь для поклонения мощам Св. Иннокентия, Иркутского чудотворца [92].

КУЛТУКСКАЯ ОДНОКЛАСНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА

(с. Култук Иркутского уезда Иркутской губернии)

Открыта в октябре 1893 г. [93]. Здание принадлежало школе, общая сумма местных средств, изысканных школой, в 1898 г. составила 100 руб., законоучитель — священник Иннокентий Иванович Чуринов, получал жалованье 100 руб., учитель — окончивший курс духовной семинарии Виктор Яковлевич Фатуев, получал жалованье 300 руб. [94].

Количество учеников и учителей

1899 г. — 34 мальчика, 7 девочек, 1 законоучитель — священник, 1 учитель.

1903 г. — 45 мальчиков, 28 девочек, 2 учителя.

1904 г. — 55 мальчиков, 24 девочки, 2 учителя.

1905 г. — 50 мальчиков, 10 девочек, 1 учитель.

1909 г. — 36 мальчиков, 24 девочки, 1 законоучитель — священник, 2 учителя.

1910 г. — 32 мальчиков, 25 девочек, 1 законоучитель — священник, 2 учителя.

1911 г. — 36 мальчиков, 19 девочек, 1 законоучитель — священник, 2 учителя.

1912 г. — 43 мальчика, 29 девочек, 1 законоучитель — священник, 2 учителя.

Школа содержалась на проценты с капитала А. П. Портновой (всего с капитала 63 000 руб.), проценты шли на содержание Иннокентиевской двухклассной Подгородно-Жилкинской школы и одноклассных школ Култукской, Косостепской, Тубинской, Тангутской, Большеокинской и Баеровской [95].

В школе устраивались воскресные и праздничные чтения [96].

26–28 апреля 1900 г. ученики Култукской школы совершили полонничество в Вознесенский монастырь для поклонения мощам Св. Иннокентия, Иркутского чудотворца [97].

В 1914 г. преобразована в двухклассную сельскую.

ЛИСТВЕНИЧНАЯ БАЙКАЛЬСКАЯ ОДНОКЛАСНАЯ

ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА

(с. Лиственничное Иркутского уезда Иркутской губернии)

Открыта в октябре 1885 г. [98]. По другим источникам, открыта в 1890 г. [99].

Здание принадлежало церкви, предоставлялось бесплатно, общая сумма местных средств, изысканных школой, в 1898 г. составила 625 руб. 42 коп. [100].

Количество учеников и учителей

1899 г. — 16 мальчиков, 19 девочек (33 чел. — русские, 2 еврея), законоучитель — священник Иоанн Иоаннович Титов, получал жалованье 90 руб., учитель, окончивший 7 классов гимназии Сергей Адрианович Инкигрин, получал жалованье 734 руб. 67 коп. [101].

1903 г. — 23 мальчика, 17 девочек, 1 учитель.

1904 г. — 31 мальчик, 20 девочек, 1 учитель.

1905 г. — 28 мальчиков, 18 девочек, 1 учитель.

1909 г. — 32 мальчика, 14 девочек, 1 законоучитель — священник, 1 учитель.

1910 г. — 21 мальчик, 20 девочек, 1 законоучитель — священник, 1 учитель.

1911 г. — 26 мальчиков, 20 девочек, 1 законоучитель — священник, 1 учитель.

1912 г. — 28 мальчиков, 19 девочек, 1 законоучитель — священник, 1 учитель.

1914 г. — 23 мальчика, 27 девочек, 1 законоучитель — священник, 1 учитель.

1916 г. — 31 мальчик, 19 девочек, 1 законоучитель — священник, 1 учитель [102].

ЛЫЛОВСКАЯ ОДНОКЛАСНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА

(с. Лыловское Иркутского уезда Иркутской губернии)

Открыта 18 ноября 1884 г. [103]. В 1892 г. занятия в школе не велись [104]. Вновь была открыта в 1893 г. Здание принадлежало частному лицу, предоставлялось за 40 руб. в год с отоплением и сторожем, общая сумма местных средств, изысканных школой, в 1898 г. составила 60 руб. [105].

Количество учеников и учителей

1899 г. — 17 мальчиков, 5 девочек, законоучитель — священник Василий Александрович Назанский, учительница — окончившая курс прогимназии Наталья Николаевна Заруцкая, получала жалованье 300 руб. [106].

1903 г. — 22 мальчика, 8 девочек, 1 учитель.

1904 г. — 22 мальчика, 8 девочек, 1 учитель.

1914 г. — 19 мальчиков, 17 девочек, 1 законоучитель — священник, 1 учитель.

1916 г. — 25 мальчиков, 12 девочек, 1 законоучитель — священник, 1 учитель [107].

26–28 апреля 1900 г. ученики школы совершили паломничество в Вознесенский монастырь на поклонение мощам Св. Иннокентия, Иркутского чудотворца [108].

В 1914 г. было построено новое здание школы, освящение совершено 19 октября 1914 г.: «В час дня, с колокольным звоном во вся, в сопровождении причтов в облачениях — местного священника Василия Назанского с псаломщиком Иоанном Платоновичем Корсунским и Уриковского отца Захария Тихомирова с о. диаконом Петром Пляскиным, собравшимся народом были изнесены при пении догматиков и тропаря Богородицы, из лыловского храма в новое школьное здание св. иконы: местная Владимирская Божия Матери и запрестольная. По совершении молебна с водоосвящением и освящения здания, отправлен молебен перед началом учения.

Школа была полна детьми всех возрастов. Отраднее было видеть веселые и радостные личики детей, с усердием молящихся Царице Небесной о ниспослании им помощи в трудах учения.

В процессии и на молебнах присутствовали приглашенные гости: уриковский становой пристав Гавриил Дорофеевич Мироманов, учащие соседских школ, новая учительница местной школы, родители детей и многие посторонние прихожане. По окончании молебствий строителем здания и заведующим школою священником Василием Назанским сказана прочувствованная речь, а затем о. диаконом провозглашено многолетие Царствующему Дому, Святейшему Синоду, епархиальному и училищному начальству, православному христоробивому воинству, учащим, учащимся и всем православным христианам. При пении тропаря "Спаси, Господи, люди Твоя" все молящиеся приложились к Животворящему Кресту и окроплены святою водою, также окроплено святою водою внутри и снаружи новоосвященное здание и процессия со святыми иконами возвратилась в храм.

На другой день, 20 октября, приняты в школу ученики с вновь поступившими 60 человек, из них 38 мальчиков и 22 девочки. Дети не нарадуются новой школе. Желających поступить еще много, но более принять некуда» [109].

ЛЫТКИНСКАЯ ОДНОКЛАСНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА

(пос. Лыткинский / переселенческий участок Лыткинский
Иркутского уезда Иркутской губернии)

Год открытия неизвестен.

1911 г. — 13 мальчиков, 9 девочек, 1 законоучитель — священник, 1 учитель — священник.

В 1912 г. школа закрывалась

1914 г. — 8 мальчиков, 8 девочек, 1 законоучитель — священник, 1 учитель — священник.

1916 г. — 8 мальчиков, 7 девочек, 1 законоучитель — священник, 1 учитель — священник [110].

МАКСИМОВСКАЯ ОДНОКЛАСНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА (ОЁКСКОЙ ВОЛОСТИ)

(с. Максимовское Оёкской волости Иркутского уезда Иркутской губернии)

Открыта в 1894 г. [111], (по другим источникам — в 1895 г.) стараниями священника Глазковской церкви И. Титова [112].

Количество учеников и учителей

1899 г. — 18 мальчиков и 3 девочки (русские). Законоучительница и учительница — окончившая курс епархиального училища Агния Федоровна Литвинцева, получала жалованье 150 руб. [113].

1903 г. — 40 мальчиков и 16 девочек, 1 учитель.

1904 г. — 24 мальчика и 14 девочек, 1 учитель.

1905 г. — 32 мальчика и 16 девочек, 1 законоучитель — священник, 1 учитель.

1909 г. — 33 мальчика и 5 девочек, 1 законоучитель — священник, 1 учитель.

1910 г. — 32 мальчика и 3 девочки, 1 законоучитель — учитель, 1 учитель.

1911 г. — 19 мальчиков и 3 девочки, 1 законоучитель — священник, 1 учитель.

1912 г. — 27 мальчиков и 10 девочек, 1 законоучитель — священник, 1 учитель.

1914 г. — 8 мальчиков и 5 девочек, 1 законоучитель — священник, 1 учитель.

1916 г. — 10 мальчиков и 8 девочек, 1 законоучитель, 1 учитель [114].

Пожертвования и благодарности

В 1897 г. иркутский купец 2-й гильдии Александр Васильевич Пихтин пожертвовал в пользу школы волшебный фонарь стоимостью 75 руб. и 25 руб. в библиотеку, за что от имени епархиального училищного совета ему была объявлена благодарность [115].

Благодарность от Иркутского епархиального училищного совета за пожертвования в пользу Максимовской церковно-приходской школы была выражена следующим лицам: Могилеву И. К. (60 руб.), Полякову Н. (50 руб.), Оглоблиной М. П. (50 руб.), Недорезовым М. и П. (5 руб.), Лебедеву И. (5 руб.), Поротовой Е. (10 руб.), Шостаковичу Б. П. (5 руб.), Зуевым А. и А. (4 руб.), Медведевой (3 руб.), Лескову (3 руб.), Могилеву Г. (3 руб.), Глазкову С. (2 руб.), Кузнецову Я. (2 руб.), Постникову М. (2 руб.), Кулакову Х. (1 руб.), Баибориной А. (1 руб.), Могилевой Т. (1 руб.), Буславину С. (1 руб.), Рычковой А. (1 руб.), Еремину (1 руб.), Попову В. (1 руб.), Паули П. (1 руб.), Бронникову А. (1 руб.), Назарову В. (1 руб.), Яблокову И. (1 руб.), Федотову И. (1 руб.), а также священнику Глазковской церкви о. Иоанну Титову за его труды по устройству школы [116].

**МАКСИМОВСКАЯ ОДНОКЛАСНАЯ
ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА (СМОЛЕНСКОЙ ВОЛОСТИ)**

(д. Максимовская Смоленской волости Иркутского уезда Иркутской губернии)

Год открытия не установлен. В отчетах упоминается с 1910 г.

Количество учеников и учителей

1910 г. — 15 мальчиков и 9 девочек, 1 законоучитель — учитель, 1 учитель.
1911 г. — 28 мальчиков и 7 девочек, 1 законоучитель — священник, 1 учитель.
1912 г. — 27 мальчиков и 10 девочек, 1 законоучитель — священник, 1 учитель.
1914 г. — 32 мальчика и 18 девочек, 1 законоучитель — священник, 1 учитель.
1916 г. — 36 мальчиков и 14 девочек, 1 законоучитель, 1 учитель [117].

МИХАЛЁВСКАЯ ОДНОКЛАСНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА

(с. Михалёвское Иркутского уезда Иркутской губернии)

Год открытия не установлен. В отчетах упоминается с 1903 г.

Количество учеников и учителей

1903 г. — 20 мальчиков и 10 девочек, 1 учитель.
1904 г. — 18 мальчиков и 12 девочек, 1 учитель.
1905 г. — 19 мальчиков и 8 девочек, 1 учитель.
1909 г. — 20 мальчиков и 10 девочек, 1 законоучитель — учитель, 1 учитель.
1910 г. — 22 мальчика и 12 девочек, 1 законоучитель — учитель, 1 учитель.
1911 г. — 28 мальчиков и 18 девочек, 1 законоучитель — священник, 1 учитель.
1912 г. — 32 мальчика и 11 девочек, 1 законоучитель — священник, 1 учитель.
1914 г. — 25 мальчиков и 19 девочек, 1 законоучитель — священник, 1 учитель.
1916 г. — 21 мальчик и 25 девочек, 1 законоучитель — учительница, 1 учительница [118].

НИКОЛЬСКАЯ ОДНОКЛАСНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА

(с. Никольское Иркутского уезда Иркутской губернии)

Открыта в 1896 г. Школа была обустроена в помещении молитвенного дома, оставшегося без употребления после постройки в селе церкви [119].

Количество учеников и учителей

1903 г. — 26 мальчиков и 6 девочек, 1 учитель.
1904 г. — 20 мальчиков и 8 девочек, 1 учитель.
1905 г. — 6 мальчиков и 6 девочек, 1 учитель.
1909 г. — 20 мальчиков и 8 девочек, 1 законоучитель — учитель, 1 учитель.
1910 г. — 20 мальчиков и 7 девочек, 1 законоучитель — священник, 1 учитель.
1911 г. — 20 мальчиков и 15 девочек, 1 законоучитель — священник, 1 учитель.
1912 г. — 18 мальчиков и 12 девочек, 1 законоучитель — священник, 1 учитель.
1914 г. — 22 мальчика и 8 девочек, 1 законоучитель — священник, 1 учитель.
1916 г. — 35 мальчиков и 14 девочек, 1 законоучитель — священник, 1 учитель [120].

26–28 апреля 1900 г. ученики Никольской школы принимали участие в паломничестве в Иркутск на поклонение мощам Св. Иннокентия, Иркутского чудотворца [121].

НОВО-ЯМСКАЯ ОДНОКЛАСНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА

(д. Ново-Ямская Иркутского уезда Иркутской губернии)

Образована в 1910 г.

Количество учеников и учителей

1910 г. — 13 мальчиков и 18 девочек, 1 законоучитель — учитель, 1 учитель.
1911 г. — 15 мальчиков и 16 девочек, 1 законоучитель — учитель, 1 учитель.
1912 г. — 17 мальчиков и 18 девочек, 1 законоучитель — учитель, 1 учитель.
1914 г. — 8 мальчиков и 7 девочек, 1 законоучитель — священник, 1 учитель.
1916 г. — 8 мальчиков и 11 девочек, законоучитель — учитель, 1 учитель [122].

6 мая 1912 г. попечитель Ново-Ямской школы Иван Елезов был награжден серебряной медалью на Станиславской ленте для ношения на груди [123].

ОЁКСКАЯ ОДНОКЛАСНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА

(с. Оёк Иркутского уезда Иркутской губернии)

Год открытия не установлен. В отчетах упоминается с 1903 г.

Количество учеников и учителей

1903 г. — 33 мальчика, 1 учитель.
1904 г. — 33 мальчика, 1 учитель.
1905 г. — 32 мальчика и 1 девочка, 1 учитель.
1909 г. — 29 мальчиков и 12 девочек, 1 законоучитель — дьякон, 1 учитель.
1910 г. — 36 мальчиков и 18 девочек, 1 законоучитель — дьякон, 1 учитель.
1911 г. — 40 мальчиков, 1 законоучитель — дьякон, 1 учитель.
1912 г. — 50 мальчиков, 1 законоучитель — священник, 1 учитель.
1914 г. — 39 мальчиков, 1 законоучитель — священник, 1 учитель.
1916 г. — 40 мальчиков, 1 законоучитель — учительница, 1 учительница [124].
Оёкская школа была в числе 17 церковно-приходских школ, учащиеся которых 26–28 апреля 1900 г. посетили Вознесенский монастырь для поклонения мощам Св. Иннокентия, Иркутского чудотворца [125].

ОЛХИНСКАЯ ОДНОКЛАСНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА

(д. Олха Иркутского уезда Иркутской губернии)

Открыта 24 октября 1895 г. [126]. В 1896 г. к зданию школы, состоявшей из одной классной комнаты, на средства Ольхинского сельского общества при пособии от епархиального училищного совета были пристроены квартира для учителя и кухня, благодаря чему здание увеличилось более чем вдвое [127].

Количество учеников и учителей

1899 г. — 26 мальчиков и 10 девочек (русские), здание принадлежало сельскому обществу, общая сумма местных средств, изысканных школой, в 1898 г. составила 438 руб. Законоучитель — священник Иоанн Иоаннович Соколов, учительница — окончившая курс епархиального училища Агния Николаевна Попова, получала жалованье 380 руб. [128].

1903 г. — 27 мальчиков и 11 девочек, 1 учитель.

1904 г. — 31 мальчик и 12 девочек, 1 учитель.

1905 г. — 36 мальчиков и 4 девочки, 1 учитель.

1909 г. — 20 мальчиков и 15 девочек, 1 законоучитель — учитель.

1910 г. — 30 мальчиков и 6 девочек, 1 законоучитель — учитель, 3 учителя.

1911 г. — 24 мальчика и 24 девочки, 1 законоучитель — священник, 1 учитель.

1912 г. — 38 мальчиков и 6 девочек, 1 законоучитель — учитель, 1 учитель.

1914 г. — 35 мальчиков и 10 девочек, 1 законоучитель — учитель, 1 учитель.

1916 г. — 26 мальчиков и 6 девочек, 1 законоучитель — учительница, 1 учительница [129].

И. Брызгалов отмечал, что Ольхинская школа была одной из 7 школ Иркутского округа, где были «более или менее правильно организованные из учащихся церковные хоры» [130].

В 1900 г. архиепископ Иркутский и Верхотурский Тихон посетил с. Олху, встретившись с учениками школы: «Учительница привела в храм 19 мальчиков и 8 девочек, обучающихся в местной церковно-приходской школе. Осенивши св. крестом собравшихся, Владыка сейчас же занялся детьми — школьниками, испытывая их на знание Закона Божия. Дети хорошо и сознательно читали молитвы: Господню, Св. Духу. Пр. Троицы, заповеди Закона Божия; довольно порядочно рассказывали события из св. истории нового и даже ветхого завета. Один мальчик удостоился похвалы от Владыки за толковое объяснение иконы св. пророка Илии и передачу истории св. пророка. Недоволен Владыка остался только тем, что дети не знали, когда у них бывает храмовый праздник, не знали жития храмового святого Николая и не умели объяснить тропаря в честь святителя.

По испытании детей, Владыка преподавал учительнице наставление, чем и как нужно освящать праздничные дни и особенно те, в которые не бывает богослужения, совершаемого священниками. Напомнив ранее опубликованный циркуляр, Владыка внушил, что в воскресные и праздничные дни учительница по звону церковного колокола должна собирать в храм или школу детей, равно и взрослых для общей молитвы и религиозно-нравственного назидания. При этом учительница или дети должны читать часы, отделы из св. Писания, жития святых и непременно, настаивал Владыка, производить устный диктант детям и взрослым для обучения молитвам. Нужно учить родителей, как они должны молиться за своих детей, нужно их учить, чтобы они умели заботиться о религиозно-нравственном воспитании своих детей. Родители, говорил Владыка, в большинстве случаев заботятся только о том, как бы только одеть, обути да накормить детей, а о душе их не умеют позаботиться. Пусть родители следят, чтобы на детях всегда был св. крест, чтобы дети умели и чаще осеняли себя крестным знаменем, чтобы родители сами чаще становились перед св. иконами и тем своих детей приучали к столь святому и спасительному делу. Не только дети, но и взрослые пусть знают житие тех святых, имена которых они носят, стараясь подражать им в своей жизни.

Благодаривши учительницу за то, что привела детей, пожелавши успеха ей и детям, Владыка обратился с наставлением к церковному старосте и собравшимся жителям селения. При этом Владыка с сожалением заметил, что при прежнем его посещении храм производил более приятное впечатление, чем теперь. Из этого Владыка заключил, что теперь прихожане с меньшим усердием относятся к своему храму, небрегут благолепием его. Преподавши несколько наставительных слов о трезвости и преподавши всем архипастырское благословение, Владыка вышел из храма и отбыл из селения...» [131].

ПОДГОРОДНО-ЖИЛКИНСКАЯ ОДНОКЛАСНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА

(с. Подгородно-Жилкинское Иркутского уезда Иркутской губернии)

В 1904 г. переименована из двухклассной в одноклассную [132].

Количество учеников и учителей

1905 г. — 27 мальчиков, 20 девочек, 1 учитель.

1909 г. — 27 мальчиков и 14 девочек, 1 законоучитель — учитель, 1 учитель.

1910 г. — 35 мальчиков, 13 девочек, 1 законоучитель — учитель, 1 учитель.

1911 г. — 36 мальчиков и 12 девочек, 1 законоучитель — учитель, 1 учитель.

1912 г. — 38 мальчиков и 12 девочек, 1 законоучитель — учитель, 1 учитель.

САВВАТЕЕВСКАЯ ОДНОКЛАСНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА

(д. Савватеевка / Савватеевская Иркутского уезда Иркутской губернии)

Открыта в 1896 г. [133].

Количество учеников и учителей

1899 г. — 27 мальчиков и 6 девочек, здание принадлежало сельскому обществу, предоставлялось за плату, общая сумма местных средств, изысканных школой, в 1898 г. составила 50 руб. Законоучитель — священник Иоанн Соколов, преподавал бесплатно, учитель — окончивший курс Прилуцкой классической гимназии Иван Феодулович Войтонов, получал жалованье 300 руб. [134].

1903 г. — 24 мальчика и 7 девочек, 1 учитель.

1904 г. — 22 мальчика и 4 девочки, 1 учитель

1905 г. — 18 мальчиков и 7 девочек, 1 учитель.

1909 г. — 27 мальчиков и 14 девочек, 1 законоучитель — учитель, 1 учитель.

1910 г. — 13 мальчиков и 14 девочек, 1 законоучитель — учитель, 1 учитель.

1911 г. — 15 мальчиков и 10 девочек, 1 законоучитель — учитель, 1 учитель.

1912 г. — 18 мальчиков и 8 девочек, 1 законоучитель — учитель, 1 учитель.

1914 г. — 21 мальчик и 7 девочек, 1 законоучитель — учитель, 1 учитель.

1916 г. — 21 мальчик и 11 девочек, 1 законоучитель — учительница, 1 учительница [135].

В 1901 г. в «Иркутских епархиальных ведомостях» был опубликован некролог учителю Савватеевской школы И. Ф. Войтянову: «18 марта с. г. после непродолжительной болезни скончался учитель Савватеевской церковно-приходской школы, Иркутского уезда Иван Феодулович Войтянов. Покойный — сын казака из Полтавской губернии, родился в селении Сенчи, окончил Прилуцкую гимназию, скончался 39 лет от роду. Учителем поступил в Савватеевскую школу с ее открытия — с декабря 1897 года. Преждевременная кончина И. Ф., человека талантливого, сердечного и весьма преданного школьному делу, опечалила знавших его сослуживцев и начальство, а учеников, глубоко любивших его, прямо поразила.

Свои школьные занятия покойный вел очень старательно и добросовестно. Он не ограничивался выполнением программы, а всячески старался вести своих учеников дальше. В учебное время вел беседы с учениками по праздникам, нередко собирал для занятий учеников и летом. В 1900 году, благодаря старанию И. Ф. в Савватеевской школе был первый выпуск учеников, и несколько мальчиков получили свидетельства на льготу по воинской повинности. По этому поводу радость И. Ф. была неописуема. Он гордился своими учениками и высказывался так: "я получил детей дикарями, а теперь с удовольствием вижу, что они рассуждают, мыслят. Это для меня лучшая награда". Окончивших курс учеников расположил еще учиться и занимался с ним по программе двухклассной школы.

Учеников своих покойный любил всей душой. На последние гроши покупал и дарил детям книжки, картинки и проч. Обращался с ними чисто по-отечески. Умер покойный на чужой стороне, но среди родных ему учеников, снискал уважение и расположение всего населения Савватеевки. "Душа-человек", говорили про И. Ф. мужики.

Начальство, видя усердие и труды И. Ф., по достоинству оценило его. Члены Отделения из духовенства при докладе о смерти И. Ф. единогласно заявили, что помянут усопшего перед престолом Божиим, а для него теперь только эта память и нужна» [136].

САЙГУТСКАЯ ОДНОКЛАСНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА
(улус Сайгутский Иркутского уезда Иркутской губернии)

Год открытия не установлен. В 1903 г. в школе обучалось 11 детей — 9 мальчиков и 2 девочки. Преподавал 1 учитель по общеобразовательным предметам [137].

В 1904 г. школа переименована из одноклассной в школу грамоты [138].

СЛЮДЯНСКАЯ ОДНОКЛАСНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА
(пос. Слюдянка Иркутского уезда Иркутской губернии)

Год открытия не установлен. В 1911 г. в школе обучалось 27 мальчиков и 18 девочек. Преподавали законоучитель — дьякон и один учитель по общеобразовательным предметам. Школа была закрыта в 1912 г. [139].

СМОЛЕНСКАЯ ОДНОКЛАСНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА
(д. Смоленская Иркутского уезда Иркутской губернии)

Открыта в 1880 г. Здание принадлежало сельскому обществу, предоставлялось за плату.

Количество учеников и учителей

1899 г. — 20 мальчиков и 3 девочки (22 русских ребенка и 1 поляк), законоучитель и учительница — окончившая курс женской гимназии Надежда Флориановна Шуличенко-Ещенко, получала жалованье 300 руб. [140].

1900 г. — 16 мальчиков и 10 девочек.

1903 г. — 28 мальчиков и 12 девочек, 1 учитель.

1904 г. — 28 мальчиков и 10 девочек, 1 учитель.

1905 г. — 33 мальчика и 7 девочек, 1 учитель.

1909 г. — 23 мальчика и 12 девочек, 1 законоучитель — учитель, 1 учитель.

1910 г. — 25 мальчиков и 15 девочек, 1 законоучитель — учитель, 1 учитель.

1911 г. — 17 мальчиков и 22 девочки, 1 законоучитель — священник, 1 учитель.

1912 г. — 20 мальчиков и 22 девочки, 1 законоучитель — священник, 1 учитель.

1914 г. — 18 мальчиков и 7 девочек, 1 законоучитель — священник, 1 учитель.

1916 г. — 27 мальчиков и 6 девочек, 1 законоучитель — учительница, 1 учительница [141].

В 1900 г. архиепископ Иркутский и Верхотенский Тихон посетил с. Смоленское и осмотрел местную школу: «В этом селении имеется только что выстроенное здание церкви-школы, в котором уже начались занятия с детьми. Как школа здание почти готово, как церковь же, не имеет почти ничего необходимого для совершения богослужения: нет иконостаса и ширмы, которые должны отделять собственно храм от помещения классного. Владыка посетил школу, где в данное время шли занятия под руководством учительницы. Обширности, высоте и обилию света в классном помещении не соответствует недостаток классной мебели: 26 учащихся помещаются только на 10 скамьях, из которых каждая приспособлена только для двоих.

Спросивши о предметах занятия по группам, Владыка испытывал каждую группу отдельно: первую — в знании звуков, вторую — в знании арифметики

и всех вообще в знании закона Божия. Ученикам и ученицам старшей группы Владыка предложил написать со слов целую фразу, которую большинство написало без грубых ошибок. Заметивши на переднем столе пыль, Владыка сделал наставление всем, чтобы ученики и ученицы сами и постоянно следили за чистотой столов и классного помещения. Приучаясь наблюдать чистоту в классном помещении, тем самым дети, внушал Архипастырь, будут привыкать вообще к опрятности и аккуратности во всяком деле, а приучившись блюсти физическую чистоту, научатся и привыкнут заботиться и чистоте душевно-нравственной. "Всеу нужно учиться, закончил Владыка, и все хорошее принесет несомненную пользу в жизни". Преподавши благословение учительнице и детям, пожелавши им хороших успехов, Владыка приступил к осмотру самого здания. В это время в школу пришла старица, сельская обывательница Матрона Лукинична Шумкова. Выразивши свою необычайную радость видеть любимого Архипастыря в новозозидающемся, давно желанном храме, почтенная старица тут же вручила Владыке, в память этого посещения, сто рублей на устройство иконостаса в церкви-школе и еще сто рублей на нужды храма в с. Козьмиех.

Вручая деньги Архипастырю и благодаря его за милостивое посещение, почтенная старица выразила желание, чтобы сооруженное здание потом служило только как храм, т. е. только целям общественного богослужения. Бывшие здесь сельчане высказались, что употребят все усилия к тому, чтобы в будущем обзавестись отдельным помещением для школы. Из этого можно было заключить, что церковь-школа не может уложиться в сознании не привыкших еще к данному явлению сельских жителей» [142].

СТЕПАНОВСКАЯ ОДНОКЛАСНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА
(д. Степановская Иркутского уезда Иркутской губернии)

Открыта в 1903 г. На достройку школы мещанином Иркутского уезда П. И. Громовым было пожертвовано 100 руб. [143].

Количество учеников и учителей

1903 г. — 25 мальчиков и 12 девочек, 1 учитель.

1904 г. — 25 мальчиков и 10 девочек, 1 учитель.

1905 г. — 25 мальчиков и 11 девочек, 1 учитель.

1909 г. — 25 мальчиков и 8 девочек, 1 законоучитель — учитель, 1 учитель.

1910 г. — 23 мальчика и 9 девочек, 1 законоучитель — учитель, 1 учитель.

1911 г. — 15 мальчиков и 16 девочек, 1 законоучитель — священник, 1 учитель.

1912 г. — 16 мальчиков и 15 девочек, 1 законоучитель — священник, 1 учитель.

1914 г. — 15 мальчиков и 9 девочек, 1 законоучитель — учитель, 1 учитель.

1916 г. — 15 мальчиков и 17 девочек, 1 законоучитель — священник, 1 учитель [144].

СУХОВСКАЯ ОДНОКЛАСНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА
(с. Суховское Иркутского уезда Иркутской губернии)

Год открытия не установлен. В 1903 г. обучалось 23 мальчика и 14 девочек, 1 учитель, 1 законоучитель [145]. Закрыта в 1905 г. [146].

Суховская школа была в числе 17 церковно-приходских школ, учащиеся которых 26–28 апреля 1900 г. посетили Вознесенский монастырь для поклонения мощам Св. Иннокентия, Иркутского чудотворца: «...остановились... две школы, Зуевская и Суховская, в Вознесенском монастыре (43 чел.)» [147].

ТАЛЬЦИНСКАЯ ОДНОКЛАСНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА
(с. Тальцинское Иркутского уезда Иркутской губернии)

Открыта в 1912 г. [148].

Количество учеников и учителей

1913 г. — 24 мальчика и 17 девочек, 1 законоучитель — учитель, 1 учитель.

1914 г. — 24 мальчика и 17 девочек, 1 законоучитель — учитель, 1 учитель.

1915 г. — 26 мальчиков и 24 девочки, 1 законоучитель — учитель, 1 учитель.

1916 г. — 18 мальчиков и 12 девочек, 1 законоучитель — учительница, 1 учительница [149].

ТИБИЛЬТИНСКАЯ ОДНОКЛАСНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА
(с. Тибильтинское Иркутского уезда Иркутской губернии)

Год основания неизвестен.

Количество учеников и учителей

1903 г. — 15 мальчиков и 3 девочки, 1 учитель.

1904 г. — 14 мальчиков и 1 девочка, 1 учитель.

1905 г. — 15 мальчиков и 1 девочка, 1 учитель.

1909 г. — 16 мальчиков и 3 девочки, 1 законоучитель — учитель, 1 учитель.

1910 г. — 9 мальчиков и 6 девочек, 1 законоучитель — учитель, 1 учитель.

1911 г. — 15 мальчиков и 5 девочек, 1 законоучитель — учитель, 1 учитель.

1912 г. — 9 мальчиков и 7 девочек, 1 законоучитель — учитель, 1 учитель.

1914 г. — 17 мальчиков и 4 девочки, 1 законоучитель — дьякон, 1 учитель — дьякон.

1916 г. — 22 мальчика и 6 девочек, 1 законоучитель — учитель, 1 учитель [150].

В 1912 г. учитель Тибильтинской школы Матвей Гуральников был определен на дьяконское место к Култукской Николаевской церкви сверх штата, сохранив при этом должность учителя [151].

ТИХОНОПАДСКАЯ ОДНОКЛАСНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА
(д. Тихонопадская Иркутского уезда Иркутской губернии)

Год открытия не установлен.

Количество учеников и учителей

1903 г. — 25 мальчиков и 8 девочек, 1 учитель.

1904 г. — 30 мальчиков и 8 девочек, 1 учитель.

1905 г. — 26 мальчиков и 8 девочек, 1 учитель.

1909 г. — 29 мальчиков и 9 девочек, 1 законоучитель — учитель, 1 учитель.

1910 г. — 38 мальчиков и 13 девочек, 1 законоучитель — учитель, 1 учитель.

1911, 1912 гг. — по 30 мальчиков и 15 девочек, 1 законоучитель — учитель, 1 учитель.

1914 г. — 20 мальчиков и 10 девочек, 1 законоучитель — священник, 1 учитель.

1916 г. — 20 мальчиков и 15 девочек, 1 законоучитель — учительница, 1 учительница [152].

ТУНКИНСКАЯ ОДНОКЛАСНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА
(с. Тункинское Иркутского уезда Иркутской губернии)

Открыта 1 октября 1880 г. [153], по другим источникам, в 1898 г. [154].

В 1899 г. обучалось 20 мальчиков и 2 девочки, здание принадлежало школе, общая сумма местных средств, изысканных школой, в 1898 г. составила 80 руб. Законоучитель — священник Иоанн Пляскин, учитель — выбывший из

духовной семинарии со званием учителя Василий Филиппович Титов, получал жалованье 120 руб. [155].

В 1900 г. школу посетил архиепископ Иркутский и Верхотурский Тихон. «По прибытии в Тунку... Владыка направился к храму, где встречен был собравшимися во главе с местным священником о. Пляскиным. По совершении молебна Богоматери, отпустивши св. крестом всех молящихся, Владыка занялся детьми и главным образом школьниками, обучающимися в местных миссионерской и церковно-приходской школах. Внимательно Архипастырь испытывал детей в знании Закона Божия — молитв и св. истории. К крайнему сожалению, дети, очевидно, были поражены необычностью обстановки, столпились перед Владыкой, были ненаходчивы, давали ответы неудовлетворительные или даже и совсем ничего не отвечали. О. законоучитель старался помогать им наводящими вопросами, объясняя дефекты в их знании продолжительностью каникулярного времени и тем еще, что занятия в школе только что начались и дети не успели воспроизвести забытое. Испытывая детей, Владыка в то же время внушал им и их родителям необходимость и пользу молитв вообще и друг за друга в особенности; внушал, чтобы дети, прилежно изучая св. историю, жития св. угодников Божиих и особенно тех, имена которых носят как они сами, так и их родители, делились своими познаниями и со своими родителями, вместе стараясь в своей жизни подражать святым угодникам Божиим» [156].

В 1903 г. обучалось 22 мальчика и 1 девочка, преподавал 1 учитель [157].

Закрита в 1904 г. [158].

ТУРАНОВСКАЯ ОДНОКЛАСНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА
(д. Туранский Караул Иркутского уезда Иркутской губернии)

Количество учеников и учителей

1910 г. — 10 мальчиков и 2 девочки.

1911 г. — 12 мальчиков и 4 девочки.

1912 г. — 15 мальчиков и 7 девочек.

1914 г. — 14 мальчиков и 1 девочка.

Преподавали в школе в период с 1910 по 1914 г. 1 законоучитель — учитель и 1 учитель [159].

УРИКОВСКАЯ ОДНОКЛАСНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА
(ЖЕНСКАЯ)

(с. Урик Иркутского уезда Иркутской губернии)

Год открытия не установлен.

Количество учеников и учителей

1903 г. — 55 девочек, 1 учитель.

1904 г. — 43 девочки, 1 учитель.

1905 г. — 41 девочка, 1 учитель.

1909 г. — 27 девочек, 1 законоучитель — дьякон, 1 учитель.

1910 г. — 41 девочка, 1 законоучитель — дьякон, 1 учитель [160].

По сообщению И. Брызгалова, школа была в числе тех, где были более или менее правильно организованы церковные хоры при школах [161].

Закрита в 1911 г.

УРИКОВСКАЯ ОДНОКЛАСНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА
(МУЖСКАЯ)

(с. Урик Иркутского уезда Иркутской губернии)

Открыта в феврале 1885 г. [162].

Количество учеников и учителей

В 1899 г. обучалось 79 мальчиков и 28 девочек (?), все русские, здание принадлежало сельскому обществу и предоставлялось бесплатно. Общая сумма местных средств, изысканных школой, в 1898 г. составила 335 руб. Законоучитель — дьякон из 3-го класса уездного училища со званием учителя Андрей Николаевич Тихомиров, преподавал бесплатно, учительница — окончившая курс в сиропитательном доме Раиса Симеоновна Коршунова, получала жалованье 300 руб., вторая учительница — из 4-го класса прогимназии Мария Георгиевна Литвинцева, имела жалованье 240 руб. [163].

1903 г. — 87 мальчиков, 2 учительницы.

1904 г. — 70 мальчиков, 2 учительницы.

1905 г. — 71 мальчик, 2 учительницы.

1909 г. — 85 мальчиков, 1 законоучитель — священник, 2 учительницы.

1910 г. — 94 мальчика, 1 законоучитель — священник, 2 учительницы.

В 1911 г. преобразована из мужской в смешанную [164].

По сообщению И. Брызгалова, Уриковская школа была в числе тех, где были более или менее правильно организованы церковные хоры при школах [165].

Школа была в числе 17 церковно-приходских школ, учащиеся которых 26–28 апреля 1900 г. посетили Вознесенский монастырь для поклонения мощам Св. Иннокентия, Иркутского чудотворца [166].

**УРИКОВСКАЯ ОДНОКЛАСНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА
(СМЕШАННАЯ)**

(с. Урик Иркутского уезда Иркутской губернии)

Образована в 1911 г. В этом году в ней обучалось 100 мальчиков и 36 девочек, преподавали 1 законоучитель — священник и 3 учителя; в 1912 г. обучалось 109 мальчиков и 37 девочек, преподавали 2 законоучителя (священник и дьякон) и 3 учителя.

В 1914 г. преобразована в двухклассную [167].

**УСОЛЬСКАЯ ОДНОКЛАСНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА
(с. Усолье Иркутского уезда Иркутской губернии)**

В 1916 г. обучалось 18 мальчиков и 20 девочек, преподавала 1 учительница [168].

**УСТЬ-БАЛЕЙСКАЯ ОДНОКЛАСНАЯ
ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА**

(с. Усть-Балей Иркутского уезда Иркутской губернии)

Открыта 15 октября 1884 г. [169].

Подробная история школы была описана по случаю 25-летнего юбилея школы в «Иркутских епархиальных ведомостях» священником Михаилом Чирцевым: «До 1884 года в Усть-Балее никакой школы не существовало, а самая ближняя, в 20 верстах, в Быковском селении, в каковой приход входило тогда и Усть-Балейское селение, естественно не могла удовлетворить насущную народную нужду в просвещении. Наконец, с отделением в самостоятельный приход Усть-Балейской Николаевской церкви, прихожане пожелали открыть у себя и церковно-приходскую школу, но так как достаточных средств для самостоятельного существования школы не представлялось, то школа открылась при условии, чтобы учителем в ней был священник, которому общество назначило жалование в 300 рублей, как настоятелю церкви и учителю школы. Первоначально школа

помещалась в частном доме, но через год, в 1885 г. обществом было построено школьное здание, которое, однако, не будучи еще окончательно достроенным, сгорело. В 1886 году тем же сельским обществом опять было построено здание, в каковом ныне и помещается школа. Размер классной комнаты, не включая коридора, 4 сажени длины, 3½ ширины и 4 аршина вышины.

Квартиры для учителя первоначально не было построено, так как при учительствовании священника в ней надобности не ощущалось, но затем, с явившейся потребностью в отдельном учителе, в 1897 г. к школе было пристроено и помещение для учителя. Земли под школу и ограду обществом было отведено 225 с., а теперь, по новому межевому строительству, нарезывается на школьные нужды еще 15 десятин.

Постройка первой церковно-приходской школы в 1885 году обошлась обществу в 1 411 руб., постройка другого здания в 1886 году обошлась в 800 р., причем оба раза школа строилась не только на общественные суммы, но частично на церковные пожертвования.

Пристройка к школе квартиры учителя в 1897 г. была сделана на ассигнованную Епархиальным Училищным Советом сумму в 400 р. и на 200 руб. общественных.

В 1905 г., 30 декабря, квартира учителя сгорела с повреждением школьного здания, причем школа принуждена была снова устроиться на частной квартире до 1908 г. ... когда был произведен ремонт и устроено новое помещение для учителя на ассигнованную Епархиальным училищным советом сумму в 560 руб. За все время существования школы, за 25 лет, затрачено на постройку, ремонт и на заведение мебели: церковных сумм 150 р., из Ирк. Епарх. Училищного Совета 1 060 руб. и общественных 2 606 руб.

С 15 октября 1884 г. и по 1901 г. школа содержалась на счет Усть-Балейского попечительства и крестьян, отопление, сторож и мытье полов относилось обществом крестьян, расхода всего приходилось в год 110 руб.

С 15 октября 1884 г. учащие [учителя] получали вознаграждение от общества по 300 р. в год, с 1901 г. получали одну половину, 150 р., из Иркутского епархиального училищного совета, а другую половину, 150 р., от общества, а с 1905 г. жалование учащие стали получать исключительно уже из Совета по 300 р. в год, а теперь с общей прибавкой по всем церк.-приходским школам 360 р. в год. Содержание школы, вместе с жалованием учащим, за все время ее существования выразилось в сумме 10 000 рублей.

Заведывающими школой были местные священники: с 15 октября 1884 года по 1894 г. Иоанн Михайлович Постников и с 1908 г. по настоящее время [1910 г.] Михаил Александрович Чурцев.

Попечителями при школе были: с 1 января 1885 г. по 1 января 1888 г. купец Филипп Васильевич Перевалов, с 1 января 1888 г. по 1 января 1903 г. местный крестьянин Исидор Васильевич Садовников; попечители часто помогали школе материальными средствами.

С основания школы, т. е. с 15 октября 1884 г. и по 1894 г., состоял учителем и законоучителем местный священник Иоанн Сотников.

В 1895 г. учителем был окончивший курс Иркутской Духовной Семинарии Прокопий Литвинцев.

С 1895 г. по 1902 г. состояла дочь священника девица Клавдия Федоровна Мурашева, окончившая курс в Иркутском Епархиальном женском духовном училище.

В 1902 г. учительницей была дочь священника девица Римма Нифонтовна Малкова, окончившая женское духовное училище.

В 1903 году учительницей состояла жена акцизного чиновника Елисавета Александровна Плясковская, окончившая женское Епархиальное училище.

В 1904 г. занимала учительскую должность дочь священника Зинаида Александровна Парнякова, окончившая курс в женском Духовном училище.

В 1905 и 1906 гг. учителем был сын канцелярского служителя Константин Васильевич Кошкарев, окончивший курс в Жердовской сельскохозяйственной школе.

С декабря 1906 г. по настоящее время [1910 г.] состоит учительницей крестьянская дочь девица Ирина Петровна Мартынова, окончившая Мальшевскую второклассную церковно-приходскую школу.

Учащиеся школы исключительно дети крестьян с малым процентом разночинцев. Учащихся с 1884 года по 1887 г. было 29 чел., в 1887 г. было мальчиков 33 человека, в 1889 и 1890 гг. мальчиков было 36 чел. и девочек 8 человек.

Общее число учеников, выдержавших экзамен на окончание школы, правильно показать невозможно, так как нет никаких данных при делах школы.

Классные журналы при школе имеются лишь только с 1895 года, где значится запись учеников в таком виде:

1895 г. 34 ученика, в 1896 г. 33 уч., в 1897 г. 37 уч., в 1898 г. 38 уч., в 1899 г. 42 уч., в 1900 г. 41 уч., в 1901 г. 38 уч., в 1902 г. 37 уч., в 1903 г. 31 уч., в 1904 г. 40 уч., в 1905/6 г. 39 уч., в 1906/7 г. мальчиков 22, девочек 16 чел., в 1907/8 г. мальчиков 35, девочек 20 чел.

Окончивших курс в 1892 г., 2 ученика, в 1893, 1894, 1895 и 1896 годах окончивших курса не было, в 1897 году окончило курс мальчиков 3 чел. и 1 девочка, в 1898 г. — 1 мальчик, в 1899 г. 2 ученика, в 1901 г. 1 ученик, в 1902 г. мальчиков 5 чел. и одна девочка, в 1904, 1905... 1906 и 1907 г. окончивших курс не было, в 1908 г. окончило 4 мальчика и 4 девочки.

Правильные занятия начинаются в школе со 2 октября и продолжаются до мая. Занятия начинаются с 8½ часов утра и продолжаются до 3 часов по полудни. Церковное пение в школе правильно не преподавалось, а также организованного хора не было; в церкви ученики поют простые напевы и принимают участие в церковном чтении.

Все учащиеся школы приходящие.

На какие годы падает лучший период жизнедеятельности школы, сказать не могу по недавности своего служения в приходе, а в делах школы нет ничего записанного. Первоначальное снабжение школы учебными пособиями приобреталось на счет попечительства и на частные пожертвования, а с 1889 г. по настоящее время все это аккуратно высылают Иркутский епархиальный училищный совет.

Состава первой школьной библиотеки в настоящее время не сохранилось, потому что, как можно предполагать, при пожаре квартиры учителя при школе в 1905 г. все было разбито, а частью похищено. Теперь по инвентарному каталогу имеется таковой состав книг по отделам: религиозно-нравственного содержания 67 экз., отделу сельскохозяйственному 12 экз., по истории и географии 30 экз., по беллетристике 64 экз., местное население относится к школе сочувственно и вследствие этого никаких лишений школа не терпит. Это зависит от нашего крестьянского начальника И. П. Кокоулина, который питает большое расположение к школе и бывает отзывчив на ее нужды» [170].

Количество учеников и учителей

В 1899 г. обучалось 37 русских детей (32 мальчика и 5 девочек), здание принадлежало школе, общая сумма местных средств, изысканных школой, в 1898 г. составила 505 руб. 45 коп. Законоучитель — священник Иоанн Михайлович Постников, получал жалованье 50 руб. Учительница — окончившая курс епархиального училища Клавдия Федоровна Мурашева, имела жалованье 300 руб. [171].

1903 г. — 24 мальчика и 13 девочек, 1 учитель.

1904 г. — 19 мальчиков и 13 девочек, 1 учитель.

1905 г. — 25 мальчиков и 15 девочек, 1 учитель.

1909 г. — 38 мальчиков и 13 девочек, 1 законоучитель — священник, 1 учитель.

1910 г. — 38 мальчиков и 13 девочек, 1 законоучитель — священник, 1 учитель.

1911 г. — 25 мальчиков и 20 девочек, 1 законоучитель — учитель, 1 учитель.

1912 г. — 27 мальчиков и 22 девочки, 1 законоучитель — священник, 1 учитель.

1914 г. — 26 мальчиков и 22 девочки, 1 законоучитель — священник, 1 учитель.

1916 г. — 31 мальчик и 17 девочек, 1 законоучитель — священник, 1 учитель [172].

В 1889 г. школу посетил инспектор народных училищ П. Троицкий-Сенютович, установив следующее: «Усть-Балейская церковно-приходская школа помещается в прекрасном новом здании, при котором имеется небольшая квартира для учителя... На содержание общество отпускает 300 рублей в год. Школа помещается вблизи церкви и содержится чисто и хорошо. Стены убраны картинами из Священной Истории. Классную мебель составляют длинные парты. Обучает и. д. псаломщика Спиридон Чуринов и помощник Петр Сотников, сын священника. Учащихся числится 33 человека, но явились при испытании 20 человек. Старшая группа была на работах в поле.

Принята звуковая система и ученики сделали большие успехи. Не только средняя группа, но и младшая, читала уже и писала легкие фразы под диктовку. Состояние этой школы и положение учебной части я нашел в хорошем состоянии. Мне приходилось слышать о недовольствии будто бы крестьян на безуспешность занятий, но это произошло, как оказалось впоследствии, вследствие личных неудовольствий сельского старосты, — о чем мною и было доложено бывшему Иркутскому генерал-губернатору его сиятельству графу Игнатьеву. Усть-Балейская школа и по своей обстановке и постановке учебной части может быть поставлена в число хороших школ вполне. Хорошая обстановка школы обязана своим устройством заботливому отношению священника о. Иоанна Сотникова» [173].

26–28 апреля 1900 г. ученики Усть-Балейской школы принимали участие в паломничестве в Иркутск на преклонение мощам Св. Иннокентия, Иркутского чудотворца. Вот что пишет об этом событии священник Усть-Балейской Николаевской церкви Иоанн Сотников: «На 30 января с. г. [1900 г.], я видел во сне, будто со всей школой прибыл в Вознесенский монастырь для поклонения мощам Святителя Христова Иннокентия. Вошедши во храм, я пожелал купить просфор для всех учеников, но такого количества просфор будто бы не оказалось. Поставив в народ детей и поручив наблюдение над ними своему помощнику — сыну, я подошел к раке св. мощей и приложился. Вдруг представилось мне, будто преосвященнейший Агафангел в мантии с жезлом и в сопровождении служащих иеромонахов идет от раки угодника и я, получив от владыки благословение, пошел за всеми и ужаснулся: как я, не служащий, в одной ряске, оказался идущим среди служащих, и с этим вопросом разбудился.

Передав свой сон домочадцам и ученикам церковно-приходской школы, я высказал желание отправиться в Вознесенский монастырь на поклонение мощам

святителя Христова Иннокентия. На призыв мой с радостью откликнулись все учащиеся, как мальчики, так и девочки, из коих многие не бывали еще у угодника. Разъяснив девочкам, что им удобнее отправиться на поклонение мощам святителя в летнее время, под наблюдением благочестивых старушек, я предложил мальчикам испросить у родителей позволения и запастись в дорогу калачами, обещая на свой счет нанять для них подводы, так как, по принятому в мире правилу жить и делать только для себя одного, трудно было добиться одолжения лошадей для бедных мальчиков, да и зажиточные, преследующие только материальные интересы, взглянули на наше святое желание, как на пустую затею. Но Бог им судья! Школа наша все-таки собралась, за исключением 6 мальчиков, которых родители не пожелали отпустить, несмотря на слезы и просьбы детей. 5-го февраля, выпросив у добрых людей шуб и завернув в них школьников, числом 21 мальч., мы отправились на четырех подводах и благополучно прибыли вечером в Вознесенский монастырь, где воспользовавшись любовью милостивейшего владыки, поместились в гостинице. 6-го февраля были у утрени и у Литургии, приложились к мощам Угодника Божия Святителя Иннокентия. Во время Литургии, стоя позади мальчиков, поставленных в народ, я был поражен тем, что сон мой исполнился: ко мне подошел о. Владимир П-в и стал просить меня выйти на молебен. И вот во время чтения акафиста св. Иннокентию преосвященнейшим Агафангелом, припомнились мне ужаснувшие меня слова, с которыми я разбудился "как я не служащий иду вместе со служащими"? Считая сон свой особым призванием Святителя Христова Иннокентия, а не случайностию, я, грешный, с благоговением из глубины души возносил свои молитвы и благодарения, укрепленный в вере в благодать Божию, действующую во святых мощах.

Не могу не высказать своего утешения, видя, какую радостию и каким внутренним светом озарились детские сердца "богомолов" (милостиво так нареченных любвеобильным архипастырем), наших деревенских школьников, получивших небывалые для них впечатления от всего ими виденного и слышанного. Верю, что эти впечатления, запечатлевшись — в нежной детской душе, не счерствелой еще от мирских треволнений и забот и вполне открытой для зрения красоты другого лучшего горнего мира и по своей природе расположенной поднимать взору к небу и возносить от святой простоты детские молитвы к Богу, Отцу нашему, не скоро изгладятся из их детской души.

Благодаря заботам о маленьких "богомоллах" преосвященного владыки, в братской трапезной монастыря устроен был обед, перед которым наши школьники пропели стройную молитву: "Отче наш", а после обеда: "Достойно есть", "и тон достоин ке архиереа имон исполла эти деспота...", потом поклонились, поблагодарили и тотчас же отправились домой и благополучно прибыли часов в 10 вечера, привезя с собою кто просфоры, кто маленькие иконы святителя Иннокентия, а более всего назидательные рассказы о своем путешествии по святым местам Вознесенского монастыря и благодать в сердцах своих» [174].

УСТЬ-КУДИНСКАЯ ОДНОКЛАСНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА (с. Усть-Куда Иркутского уезда Иркутской губернии)

Открыта 14 ноября 1885 г. [175].

Количество учеников и учителей

В 1892 г. к началу учебного года в некоторых школах, в том числе в Усть-Кудинской, не собралось ни одного ученика, поскольку дети были заняты

пастыбою скота в поле, вывозом хлеба с пашен. Это явление повторялось почти во всех школах Иркутской епархии, как церковно-приходских и миссионерских, так и министерских [176].

В 1899 г. обучалось 53 русских ребенка (36 мальчиков и 17 девочек), здание принадлежало сельскому обществу, общая сумма местных средств, изысканных школой, в 1898 г. составила 175 руб. Законоучитель — священник Иоанн Николаевич Сотников, получал жалованье 100 руб., учитель — окончивший курс учительской семинарии Петр Михайлович Яньков, жалованье 300 руб. [177].

1903 г. — 40 мальчиков и 9 девочек, 1 учитель.

1904 г. — 32 мальчика и 8 девочек, 2 учителя.

1905 г. — 30 мальчиков и 8 девочек, 1 учитель.

1909 г. — 31 мальчик и 9 девочек, 1 законоучитель — учитель, 1 учитель.

1910 г. — 35 мальчиков и 10 девочек, 1 законоучитель — священник, 1 учитель.

1911 г. — 31 мальчик и 9 девочек, 1 законоучитель — священник, 1 учитель.

1912 г. — 40 мальчиков и 8 девочек, 1 законоучитель — священник, 1 учитель.

1914 г. — 34 мальчика и 8 девочек, 1 законоучитель — священник, 1 учитель.

1916 г. — 40 мальчиков и 15 девочек, 1 законоучитель — священник, 1 учительница [178].

Ученики школы совершили паломничество в Вознесенский монастырь на поклонение мощам Св. Иннокентия, Иркутского чудотворца 26–28 апреля 1900 г. [179].

ХАРАТСКАЯ ОДНОКЛАСНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА

(с. Харат / улус Харатский Иркутского уезда Иркутской губернии)

Открыта 19 октября 1885 г. [180], по другим данным — в 1893 г. [181].

Количество учеников и учителей

В 1899 г. обучалось 35 русских детей (29 мальчиков и 6 девочек), здание — дом для псаломщика, предоставлялся за плату, общая сумма местных средств, изысканных школой, в 1898 г. — 335 руб. 50 коп. Законоучитель и учительница — окончившая курс епархиального училища Евгения Лаврова на Писарева, получала жалованье 360 руб. [182].

1903 г. — 54 мальчика и 10 девочек, 2 учителя.

1904 г. — 43 мальчика и 10 девочек, 2 учителя.

1905 г. — 60 мальчиков и 14 девочек, 1 учитель.

1909 г. — 56 мальчиков и 11 девочек, 1 законоучитель — учитель, 1 учитель.

1910 г. — 54 мальчика и 13 девочек, 1 законоучитель — учитель, 1 учитель.

1911 г. — 53 мальчика и 13 девочек, 1 законоучитель — учитель, 2 учителя.

1912 г. — 49 мальчиков и 23 девочки, 1 законоучитель — священник, 2 учителя.

1914 г. — 63 мальчика и 19 девочек, 2 законоучителя — священники, 2 учителя.

1916 г. — 18 мальчиков и 20 девочек, 1 законоучитель — священник, 1 учитель [183].

Харатская школа была одной из семи школ Иркутской епархии, где устраивались воскресные и праздничные чтения [184].

11 мая 1912 г. попечитель Харатской церковно-приходской школы Иркутского уезда Иннокентий Белозеров был награжден Библией от Священного Синода, выдаваемой за особые труды, усердие и ревность по благоустройству местной церковной школы [185].

**ХОЛМУШИНСКАЯ ОДНОКЛАСНАЯ
ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА**

(д. Холмушина Иркутского уезда Иркутской губернии)

Открыта в 1901 г.

Открытие и освящение здания школы описал священник В. Григорьев: «28-е сентября в селении Холмушинском ознаменовалось торжеством — освящением нового здания местной церковно-приходской школы. В этот день после божественной литургии в Узколугской Троицкой церкви, в селение Холмушинское был отправлен крестный ход, которому сопутствовало множество народа. По прибытии крестного хода в новом здании церковно-приходской школы местным причтом и двумя священниками соседнего благочиния во главе с протоиереем о. Василием Копыловым был отслужен молебен при стройном пении хора певчих с фабрики Перевалова. Во время молебна о. протоиереем Копыловым было сказано слово к местным жителям, в котором проповедник, указав на громадное значение грамотности для народа, высказал благодарность крестьянам за материальные издержки их на школу и пожелание процветания оной.

На освящении школы присутствовало много народа, в числе которого впереди стояли дети, заявившие горячую готовность обучаться грамоте. По освящению здания духовенству от лица местных крестьян был предложен скромный завтрак.

Нужно отдать долг благодарности как крестьянам, сочувствовавшим постройке школы, которые, несмотря на свою бедноту, обременили себя долгом в 500 рублей, заняв их из приходской церкви, так и инициатору этого дела местному священнику Колоденикову, который не мало вложил своих трудов при наблюдении за постройкой.

Вновь устроенное школьное здание, несмотря на крайне ограниченные средства, находившиеся в распоряжении строителя, выглядит во всех отношениях прекрасным: вместительно, светло и полнее соответствует своему назначению» [186].

Количество учеников и учителей

1903 г. — 32 мальчика и 9 девочек, 1 учитель.

1904 г. — 34 мальчика и 10 девочек, 1 учитель.

1905 г. — 28 мальчиков и 15 девочек, 1 учитель.

1909 г. — 22 мальчика и 12 девочек, 1 законоучитель — учитель, 1 учитель.

1910 г. — 17 мальчиков и 7 девочек, 1 законоучитель — учитель, 1 учитель.

1911 г. — 27 мальчиков и 7 девочек, 1 законоучитель — учитель, 1 учитель.

1912 г. — 30 мальчиков и 5 девочек, 1 законоучитель — священник, 1 учитель.

1914 г. — 43 мальчика и 13 девочек, 1 законоучитель — священник, 1 учитель.

1916 г. — 18 мальчиков и 19 девочек, 1 законоучитель — учитель, 1 учитель [187].

**ЧЕБОГОРСКАЯ ОДНОКЛАСНАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА
(улус Чебогорский Иркутского уезда Иркутской губернии)**

Год открытия не установлен.

Количество учеников и учителей

1910 г. — 17 мальчиков и 3 девочки.

1911 г. — 10 мальчиков.

1912 г. — 8 мальчиков.

1914 г. — 6 мальчиков и 4 девочки.

1916 г. — 11 мальчиков и 4 девочки.

Преподавали в школе в период с 1910 по 1916 г. 1 законоучитель — учитель и 1 учитель по общеобразовательным предметам [188].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ометова М. Л. Учебные заведения духовного ведомства в Иркутской губернии (Балаганский уезд): Материалы к словарю // Известия Архитектурно-этнографического музея «Тальцы». Иркутск, 2015. Вып. 7. С. 106–124; Она же. Учебные заведения духовного ведомства в Иркутской губернии (Иркутский уезд): Материалы к словарю // Там же. Иркутск, 2016. Вып. 8. С. 124–144.

2. Перечень церковных школ, состоящих в ведении Иркутского епархиального училищного совета к 1912 году // ИЕВ. 1912. № 16. С. 119; ...за 1914 гражданский год // Там же. 1914. № 13–14. С. 160; ...за 1916 гражданский год // Там же. 1916. № 20. С. 262.

3. Отчет Иркутского Епархиального Училищного Совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Иркутской епархии за 1895–6 учебный год // ИЕВ. 1897. № 20. С. 274.

4. Список начальных школ духовного ведомства к 1 января 1899 г. // ИЕВ. 1900. № 7. С. 136.

5. Там же.

6. Перечень церковных школ, состоящих в ведении Иркутского епархиального училищного совета за 1903 гражданский год // ИЕВ. 1904 № 20. С. 117–121; ...за 1904 гражданский год // Там же. 1905. № 16. С. 168–172; ...за 1905 гражданский год // Там же. 1907. № 10, 11. С. 88–94; ...за 1906 гражданский год // Там же. № 19. С. 170–174; ...за 1908 гражданский год // Там же. 1908. № 22. С. 249–253; ...за 1909 гражданский год // Там же. 1909. № 16. С. 155–167; ...за 1910 гражданский год // Там же. 1910. № 16. С. 118–128; ...за 1911 гражданский год // Там же. 1911. № 24. С. 214–224; ...за 1912 гражданский год // Там же. 1912. № 16. С. 115–120; ...за 1913 гражданский год // Там же. 1913. № 18. С. 136–140; ...за 1914 гражданский год // Там же. 1914. № 13–14. С. 156–164; ...за 1916 гражданский год // Там же. 1916. № 20. С. 258–266.

7. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 14286: Клировые ведомости градо-Иркутского благочиния за 1912 г. Л. 73 об.

8. Там же.

9. См. примеч. 6.

10. О Храме / Николо-Иннокентиевский храм [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://nikin.cerkov.ru/o_hrume/ (дата обращения: 03.06.2017 г.).

11. Список начальных школ духовного ведомства к 1 января 1899 г. // ИЕВ. 1900. № 8–9. С. 144.

12. Отчет Иркутского Епархиального Училищного Совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Иркутской епархии за 1895–6 учебный год // ИЕВ. 1897. № 20. С. 274.

13. О Храме / Николо-Иннокентиевский храм [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://nikin.cerkov.ru/o_hrume/ (дата обращения: 03.06.2017 г.); Титов И., свящ. К открытию церковно-приходской школы в Глазковском предместье г. Иркутска // Прибавления к ИЕВ. 1912. № 6. С. 181–183.

14. Титов И., свящ. К открытию церковно-приходской школы в Глазковском предместье г. Иркутска // Прибавления к ИЕВ. 1912. № 6. С. 181–183.

15. Список начальных школ духовного ведомства к 1 января 1899 г. // ИЕВ. 1900. № 8–9. С. 144.

16. О Храме / Николо-Иннокентиевский храм [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://nikin.cerkov.ru/o_hrume/ (дата обращения: 03.06.2017 г.).

17. Титов И., свящ. К открытию церковно-приходской школы в Глазковском предместье г. Иркутска // Прибавления к ИЕВ. 1912. № 6. С. 181–183.

18. См. примеч. 6.

19. Известия и заметки // Прибавления к ИЕВ. 1916. № 1. С. 362–364.

20. Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1881–1901 гг. Иркутск, 1993. С. 200.

21. См. примеч. 6.

22. Список начальных школ духовного ведомства к 1 января 1899 г. // ИЕВ. 1900. № 7. С. 137.

23. Там же.

24. Перечень церковных школ, состоящих в ведении Иркутского епархиального училищного совета к 1911 году // ИЕВ. 1911. № 24. С. 220.
25. См. примеч. 6.
26. Гагарин С. Д. Паломничество 600 человек учеников церковных школ Иркутского уезда на поклонение мощам Св. Иннокентия Иркутского Чудотворца, 26–28 апреля 1900 г. // Прибавления к ИЕВ. 1900. № 20. С. 484.
27. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 14286: Клировые ведомости градо-Иркутского благочиния за 1912 г. Л. 49 об.
28. Перечень церковных школ, состоящих в ведении Иркутского епархиального училищного совета к 1914 году // ИЕВ. 1914. № 13–14. С. 159.
29. Список начальных школ духовного ведомства к 1 января 1899 г. // ИЕВ. 1900. № 8–9. С. 172.
30. Отчет Иркутского Епархиального Училищного Совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Иркутской епархии за 1895–6 учебный год // ИЕВ. 1897. № 20. С. 274.
31. Отчет Иркутского Епархиального Училищного Совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Иркутской епархии за 1888/9 гражданский год // ИЕВ. 1890. № 19. С. 3–4.
32. Отчет Иркутского Епархиального Училищного Совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Иркутской епархии за 1895–6 учебный год // ИЕВ. 1897. № 21. С. 297.
33. Список начальных школ духовного ведомства к 1 января 1899 г. // ИЕВ. 1900. № 8–9. С. 172.
34. См. примеч. 6.
35. Там же.
36. Иркутская летопись 1661–1940 гг. / сост., авт. предисл. и примеч. Ю. П. Колмаков. Иркутск, 2003. С. 125.
37. Алипий, архимандрит. Речь на открытие градо-Иркутской Преображенской имени Николая Львовича Родионова церковно-приходской школы // Прибавления к ИЕВ. 1900. № 21. С. 490–493.
38. Архиерейские служения // Прибавления к ИЕВ. 1900. № 19. С. 489.
39. Отчет Иркутского Епархиального Училищного Совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Иркутской епархии за 1900 гражданский год // ИЕВ. 1901. № 21. С. 244–245.
40. Сильвийский Н. Отчет Иркутского Епархиального Училищного Совета // ИЕВ. 1903. № 1. С. 8.
41. Изъявление благодарности // ИЕВ. 1903. № 13. С. 71.
42. (Без названия) // ИЕВ. 1912. № 12. С. 77.
43. См. примеч. 6.
44. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 14286: Клировые ведомости градо-Иркутского благочиния за 1912 г. Л. 259.
45. Перечень церковных школ, состоящих в ведении Иркутского епархиального училищного совета за 1916 гражданский год // ИЕВ. 1916. № 20. С. 261.
46. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 7951: Клировые ведомости градо-Иркутского благочиния за 1866 г. Л. 53.
47. Литвинцев С. Открытие школы // ИЕВ. 1882. № 43. С. 557–562.
48. Отчет попечительства Градо-Иркутской Троицкой церкви за 1866 год // ИЕВ. 1867. № 8. С. 54–57.
49. Там же.
50. Литвинцев С. Открытие школы // ИЕВ. 1882. № 43. С. 557.
51. Там же. С. 557–558.
52. ГАИО. Ф. 274. Оп. 2. Д. 33: Клировые ведомости Иркутской Михаило-Архангельской церкви за 1919 г. Л. 11 об.
53. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 14286: Клировые ведомости градо-Иркутского благочиния за 1912 г. Л. 93 об.
54. См. примеч. 6.
55. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 14286: Клировые ведомости градо-Иркутского благочиния за 1912 г. Л. 135 об.
56. См. примеч. 6.
57. Троицкий-Сенютович П. Краткий отчет Инспектора народных Училищ Иркутского,

- Балаганского и Верхоленьского округов о церковно-приходских, миссионерских школах грамотности, осмотренных им в феврале и марте 1889 года // ИЕВ. 1890. № 7. С. 6–7.
58. Отчет Иркутского Епархиального Училищного Совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Иркутской епархии за 1895–6 учебный год // ИЕВ. 1897. № 20. С. 274.
59. Список начальных школ духовного ведомства к 1 января 1899 г. // ИЕВ. 1900. № 7. С. 136.
60. Троицкий-Сенютович П. Краткий отчет Инспектора народных Училищ Иркутского, Балаганского и Верхоленьского округов о церковно-приходских, миссионерских школах грамотности, осмотренных им в феврале и марте 1889 года // ИЕВ. 1890. № 7. С. 6–7.
61. Несколько слов по поводу церковно-приходских школ Иркутской епархии // Прибавления к ИЕВ. 1892. № 52. С. 1–8.
62. Виноградов А. Описание первой поездки высокопреосвященнейшего Тихона, архиепископа Иркутского, для обозрения миссионерских станов и приходских церквей Иркутского и Балаганского округов, расположенных по Московскому и Ангарскому трактам, с 3-го по 16 ч. октября 1892 г. // Прибавления к ИЕВ. 1893. № 11. С. 13.
63. Список начальных школ духовного ведомства к 1 января 1899 г. // ИЕВ. 1900. № 7. С. 136.
64. См. примеч. 6.
65. Гагарин Д., свящ. Освящение Китайской церковно-приходской школы // Прибавления к ИЕВ. 1902. № 9. С. 166–170.
66. Там же. С. 167.
67. Там же. С. 168–170.
68. Отчет Иркутского Епархиального Училищного Совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Иркутской епархии за 1895–6 учебный год // ИЕВ. 1897. № 20. С. 274.
69. Список начальных школ духовного ведомства к 1 января 1899 г. // ИЕВ. 1900. № 7. С. 136.
70. См. примеч. 6.
71. Отчет Иркутского Епархиального Училищного Совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Иркутской епархии за 1895–6 учебный год // ИЕВ. 1897. № 20. С. 274.
72. Список начальных школ духовного ведомства к 1 января 1899 г. // ИЕВ. 1900. № 7. С. 137.
73. Там же.
74. См. примеч. 6.
75. См. примеч. 26.
76. См. примеч. 6.
77. Хроника общественной и благотворительной деятельности В. П. Сукачева (По материалам архивов, Иркутской летописи Н. С. Романова и публикаций в периодической печати) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.magnit-baikal.ru/publ/vladimir_sukachev_ch_2/khronika_deyatelnosti_v_p_sukacheva_1/33-1-0-1251 (дата обращения: 03.06.2017 г.).
78. Отчет Иркутского Епархиального Училищного Совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Иркутской епархии за 1895–6 учебный год // ИЕВ. 1897. № 20. С. 274.
79. Протопопов Н. Летопись Кудинской Свято-Троицкой Церкви Иркутского Округа // Прибавления к ИЕВ. 1892. № 2. С. 7.
80. Список начальных школ духовного ведомства к 1 января 1899 г. // ИЕВ. 1900. № 7. С. 137.
81. Протопопов Н. Летопись Кудинской Свято-Троицкой Церкви Иркутского Округа // Прибавления к ИЕВ. 1892. № 2. С. 7.
82. Троицкий-Сенютович П. Краткий отчет Инспектора народных Училищ Иркутского, Балаганского и Верхоленьского округов о церковно-приходских, миссионерских школах грамотности, осмотренных им в феврале и марте 1889 года // ИЕВ. 1890. № 8. С. 10.
83. Протопопов Н. Летопись Кудинской Свято-Троицкой Церкви Иркутского Округа // Прибавления к ИЕВ. 1892. № 2. С. 7.
84. Список начальных школ духовного ведомства к 1 января 1899 г. // ИЕВ. 1900. № 7. С. 137.
85. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 14166. Л. 85.
86. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 13978: Отчет по обозрению преосвященным Иоанном епископом Киренским церквей и миссионерских станов Иркутской епархии в январе 1911 год. Л. 3.
87. См. примеч. 6.
88. Протопопов Н. Летопись Кудинской Свято-Троицкой Церкви Иркутского Округа // Прибавления к ИЕВ. 1892. № 2. С. 7.

89. Брызгалов И. Церковно-приходские школы Иркутской епархии в 1896/7 учебном году // Прибавления к ИЕВ. 1899. № 7. С. 144.
90. Изъявление Благодарности // Прибавления к ИЕВ. 1899. № 13. С. 433.
91. Благодарность // Прибавления к ИЕВ. 1901. № 2. С. 56.
92. См. примеч. 26.
93. Отчет Иркутского Епархиального Училищного Совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Иркутской епархии за 1895–6 учебный год // ИЕВ. 1897. № 20. С. 274.
94. Список начальных школ духовного ведомства к 1 января 1899 г. // ИЕВ. 1900. № 7. С. 137.
95. Брызгалов И. Церковно-приходские школы Иркутской епархии в 1896/7 учебном году // Прибавления к ИЕВ. 1899. № 7. С. 144.
96. Отчет Иркутского Епархиального Училищного Совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Иркутской епархии за 1895–6 учебный год // ИЕВ. 1897. № 24. С. 362.
97. См. примеч. 26.
98. Отчет Иркутского Епархиального Училищного Совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Иркутской епархии за 1895–6 учебный год // ИЕВ. 1897. № 20. С. 274.
99. Список начальных школ духовного ведомства к 1 января 1899 г. // ИЕВ. 1900. № 7. С. 138.
100. Там же.
101. Там же.
102. См. примеч. 6.
103. Отчет Иркутского Епархиального Училищного Совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Иркутской епархии за 1895–6 учебный год // ИЕВ. 1897. № 20. С. 274.
104. Виноградов А. Описание первой поездки высокопреосвященнейшего Тихона, архиепископа Иркутского, для обозрения миссионерских станом и приходских церквей Иркутского и Балаганского округов, расположенных по Московскому и Ангарскому трактам, с 3-го по 16 ч. октября 1892 г. // Прибавления к ИЕВ. 1893. № 5. С. 4.
105. Список начальных школ духовного ведомства к 1 января 1899 г. // ИЕВ. 1900. № 7. С. 138.
106. Там же.
107. См. примеч. 6.
108. См. примеч. 26.
109. Освящение нового здания Лыловской церковно-приходской школы // Прибавления к ИЕВ. 1914. № 24. С. 840–841.
110. См. примеч. 6.
111. Список начальных школ духовного ведомства к 1 января 1899 г. // ИЕВ. 1900. № 7. С. 138.
112. О Храме / Николо-Иннокентиевский храм [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://nikin.cerkov.ru/o_hgame/ (дата обращения: 03.06.2017 г.).
113. Список начальных школ духовного ведомства к 1 января 1899 г. // ИЕВ. 1900. № 7. С. 138.
114. См. примеч. 6.
115. От Иркутского епархиального училищного совета // ИЕВ. 1897. № 9. С. 107.
116. От Иркутского епархиального училищного совета // ИЕВ. 1900. № 4. С. 18.
117. Перечень церковных школ, состоящих в ведении Иркутского епархиального училищного совета за 1916 гражданский год // ИЕВ. 1916. № 20. С. 262.
118. См. примеч. 6.
119. Брызгалов И. Церковно-приходские школы Иркутской епархии в 1896/7 учебном году // Прибавления к ИЕВ. 1899. № 7. С. 136.
120. См. примеч. 6.
121. См. примеч. 26.
122. См. примеч. 6.
123. (Без названия) // ИЕВ. 1912. № 12. С. 78.
124. См. примеч. 6.

125. См. примеч. 26.
126. Отчет Иркутского Епархиального Училищного Совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Иркутской епархии за 1895–6 учебный год // ИЕВ. 1897. № 20. С. 274.
127. Брызгалов И. Церковно-приходские школы Иркутской епархии в 1896/7 учебном году // Прибавления к ИЕВ. 1899. № 7. С. 135.
128. Список начальных школ духовного ведомства к 1 января 1899 г. // ИЕВ. 1900. № 7. С. 138.
129. См. примеч. 6.
130. Брызгалов И. Церковно-приходские школы Иркутской епархии в 1896/7 учебном году // ИЕВ. 1899. № 9. С. 167.
131. Фивейский М. Путешествие Высокопреосвященного Тихона, Архиепископа Иркутского и Верхоленского, в Тункинский край для освящения новосооруженного храма в с. Казачьем // Прибавления к ИЕВ. 1901. № 1. С. 5–7.
132. Перечень церковных школ, состоящих в ведении Иркутского епархиального училищного совета за 1904 гражданский год // ИЕВ. 1907. № 17. С. 190.
133. Список начальных школ духовного ведомства к 1 января 1899 г. // ИЕВ. 1900. № 8–9. С. 144.
134. Там же.
135. См. примеч. 6.
136. Гагарин Д. свящ. Учитель И. Ф. Войтович: (некролог) // Прибавления к ИЕВ. 1901. № 11. С. 295–296.
137. Перечень церковных школ, состоящих в ведении Иркутского епархиального училищного совета за 1903 гражданский год // ИЕВ. 1907. № 20. С. 118.
138. Перечень церковных школ, состоящих в ведении Иркутского епархиального училищного совета за 1904 гражданский год // ИЕВ. 1907. № 17. С. 190.
139. Перечень церковных школ, состоящих в ведении Иркутского епархиального училищного совета к 1911 году // ИЕВ. 1911. № 24. С. 219.
140. Список начальных школ духовного ведомства к 1 января 1899 г. // ИЕВ. 1900. № 8–9. С. 144.
141. См. примеч. 6.
142. Фивейский М. Путешествие Высокопреосвященного Тихона, Архиепископа Иркутского и Верхоленского, в Тункинский край для освящения новосооруженного храма в с. Казачьем // Прибавления к ИЕВ. 1901. № 2. С. 31–40.
143. Сильвийский Никон. Отчет Иркутского Епархиального Училищного Совета // ИЕВ. 1903. № 1. С. 8.
144. См. примеч. 6.
145. Перечень церковных школ, состоящих в ведении Иркутского епархиального училищного совета за 1903 гражданский год // ИЕВ. 1907. № 20. С. 118.
146. Перечень церковных школ, состоящих в ведении Иркутского епархиального училищного совета за 1905 гражданский год // ИЕВ. 1907. № 10–11. С. 92.
147. См. примеч. 26.
148. Отчет Иркутского епархиального наблюдателя о состоянии церковных школ Иркутской епархии в учебно-воспитательном отношении за 1912–1913 учебный год // Прибавления к ИЕВ. 1914. № 24. С. 3.
149. См. примеч. 6.
150. Там же.
151. Перемены по службе // ИЕВ. 1912. № 22. С. 189.
152. См. примеч. 6.
153. Отчет Иркутского Епархиального Училищного Совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Иркутской епархии за 1895–6 учебный год // ИЕВ. 1897. № 20. С. 274.
154. Список начальных школ духовного ведомства к 1 января 1899 г. // ИЕВ. 1900. № 8–9. С. 144.
155. Там же.
156. Фивейский М. Путешествие Высокопреосвященного Тихона, Архиепископа Иркутского и Верхоленского, в Тункинский край для освящения новосооруженного храма в с. Казачьем // Прибавления к ИЕВ. 1901. № 1. С. 5–17.

А. И. Шинковой**НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ КИРИЛОВ И ЕГО ВКЛАД В ИЗУЧЕНИЕ
ТИБЕТСКОЙ МЕДИЦИНЫ В ЗАБАЙКАЛЬЕ**

О Николае Васильевиче Кирилове (22.07.1860 г., Вышний Волочок Тверской губернии — 18.02.1921 г., Благовещенск), враче, этнографе, археологе, исследователе, представителе Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (далее — ВСОИРГО), Приамурского отдела ИРГО и члене-корреспонденте Петербургского музея антропологии и этнографии, уже писалось не раз. После окончания в 1883 г. медицинского факультета Московского университета, где его сокурсником был А. П. Чехов, Кирилов с 1884 по 1896 г. жил и работал в Забайкальской области, затем переехал на Дальний Восток. В Забайкалье он проявил себя как хороший врач и разносторонне одаренный человек. Здесь доктор помимо занятий врачебной практикой всячески популяризировал гигиену человека, читал лекции, занимался метеорологией, изучал рыбные запасы Байкала, Верхней Ангары, Селенги, проводил археологические раскопки, писал статьи и исследовал тибетскую медицину. Последнее увлечение особенно интересовало его с профессиональной точки зрения. Именно об этом периоде жизни Н. В. Кирилова как исследователя нам и хочется рассказать.

В октябре 1886 г. после месячной командировки в Селенгинский округ Николай Васильевич продолжил службу окружного врача в Петровском Заводе. Здесь его не оставляло желание полнее исследовать тибетскую медицину, так широко распространенную в ламаистской среде Забайкалья. В тот год в газете «Сибирь» выходит статья «Лама и врач», в которой Кирилов сопоставляет восточную и западную системы лечения больных [1]. Он сделал предположение о возможном скором переводе с тибетского языка основных текстов по ламаистской медицине, благодаря чему образованные европейские врачи перестанут кланяться азиату-ламе за помощь и ездить за советом в Ургу. Он сетовал на пренебрежение врачей к народной медицине: зря они смеются над ней, «если не у них, легкомысленных, ищет облегчения пострадавший» [2]. Кирилов подметил, что для азиата-буддиста, будь это тибетец или китаец, лама выполнял много разных полезных функций, казалось бы, не свойственных священнику. Лама делал то, на что европейцы вовсе не обращали внимания, хотя вроде все было на виду.

В статье Кирилова содержится мысль о том, что бурятские ламы-врачеватели, находясь в тесных общениях с монгольскими, а то и с тибетскими ламами, учились у них необходимым навыкам, которыми не владели простые верующие, оттого-то, собственно, и притягивали они к себе людей. Однако если врач с европейским образованием имеет индивидуальный подход к больному и старается использовать современные научные методы лечения, постоянно обновляемые и публикуемые в специализированных сборниках, то ламы подобной разнообразной современной медицинской литературой не владеют, так как в основном их лечебники очень старые и не во всем совершенны. Тогда почему к ламе тянутся местные жители и верят ему? Не тем ли лама берет, что одновременно выступает как врачеватель и как пастырь? Опираясь на свою веру, лама не отвергает, а умело использует религиозные обычаи прошлого, в том числе заимствованные у шамана.

157. Перечень церковных школ, состоящих в ведении Иркутского епархиального училищного совета за 1903 гражданский год // ИЕВ. 1907. № 20. С. 118.
158. Перечень церковных школ, состоящих в ведении Иркутского епархиального училищного совета за 1904 гражданский год // ИЕВ. 1907. № 17. С. 189.
159. См. примеч. 6.
160. Там же.
161. Брызгалов И. Церковно-приходские школы Иркутской епархии в 1896/7 учебном году // ИЕВ. 1899. № 9. С. 167.
162. Отчет Иркутского Епархиального Училищного Совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Иркутской епархии за 1895–6 учебный год // ИЕВ. 1897. № 20. С. 274.
163. Список начальных школ духовного ведомства к 1 января 1899 г. // ИЕВ. 1900. № 8–9. С. 145.
164. См. примеч. 6.
165. Брызгалов И. Церковно-приходские школы Иркутской епархии в 1896/7 учебном году // ИЕВ. 1899. № 9. С. 167.
166. См. примеч. 26.
167. См. примеч. 6.
168. Перечень церковных школ, состоящих в ведении Иркутского епархиального училищного совета за 1916 гражданский год // ИЕВ. 1916. № 20. С. 262.
169. Отчет Иркутского Епархиального Училищного Совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Иркутской епархии за 1895–6 учебный год // ИЕВ. 1897. № 20. С. 274.
170. Чирцев М., священник. К 25-летию юбилею Усть-Балейской церк.-приходской школы // Прибавления к ИЕВ. 1910. № 5. С. 133–139.
171. Список начальных школ духовного ведомства к 1 января 1899 г. // ИЕВ. 1900. № 7. С. 145.
172. См. примеч. 6.
173. Троицкий-Сенютювич П. Краткий отчет инспектора Народных училищ Иркутского, Балаганского и Верхоленского округов о церковно-приходских школах и школах грамотности, осмотренных им в феврале и марте 1889 г. // ИЕВ. 1890. № 7. С. 7.
174. Усть-Балейской Николаевской церкви священник Иоанн Сотников. Путешествие учеников церковно-приходской школы на поклонение мощам Св. Иннокентия // Прибавления к ИЕВ. 1900. № 17. С. 6–8.
175. Отчет Иркутского Епархиального Училищного Совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Иркутской епархии за 1895–6 учебный год // ИЕВ. 1897. № 20. С. 274.
176. Несколько слов по поводу церковно-приходских школ Иркутской епархии // Прибавления к ИЕВ. 1892. № 52. С. 6.
177. Список начальных школ духовного ведомства к 1 января 1899 г. // ИЕВ. 1900. № 7. С. 145.
178. См. примеч. 6.
179. См. примеч. 26.
180. Отчет Иркутского Епархиального Училищного Совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Иркутской епархии за 1895–6 учебный год // ИЕВ. 1897. № 20. С. 274.
181. Список начальных школ духовного ведомства к 1 января 1899 г. // ИЕВ. 1900. № 7. С. 145.
182. Там же.
183. См. примеч. 6.
184. Отчет Иркутского Епархиального Училищного Совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Иркутской епархии за 1895–6 учебный год // ИЕВ. 1897. № 24. С. 362.
185. (Без названия) // ИЕВ. 1912. № 12. С. 78.
186. Григорьев В., священник. Освящение нового здания Холмушинской церковно-приходской школы Узколугского прихода // ИЕВ. 1901. № 23. С. 509–510.
187. См. примеч. 6.
188. Там же.

Кирилов невольно сопоставлял действия шамана и ламы в процессе лечения больного и находил у них одинаковый подход. Собственно, так оно и было. Бурятский лама-эмчи перед лечением больного проводил молебен, читал заклинания, а шаман в своих призываниях обращался к духам предков или к небесным покровителям. Заметим, все эти действия не спонтанно выполняются врачевателями, в них просматривается духовный и, что немаловажно, психологический настрой, дающий веру в успешное излечение недуга у больного. Кроме религиозных наставников и врачевателей, бурятам обратиться за помощью было не к кому. Ведь ламы говорили с ними на их родном языке, соблюдали общие обряды и использовали привычные для них способы лечения. Сколько себя помнили буряты, только так они всегда и лечились. Ламы умело приспособились к обычаям народа. Чтобы задобрить злого духа, наславшего недуг на человека, лама, как и шаман, совершал жертвоприношение бараном или даже быком. Как шаман, так и лама простудные и ревматические проявления, ряд других болезней лечили внутренностями только что принесенного в жертву животного, чьи жизненно важные органы — печень, сердце и т. д. — помещали на конкретную часть тела, беспокоившую больного. Затем обертывали маявшегоса недугом человека еще не остывшей шкурой, тем самым делали своеобразный согревающий компресс. Это помогало снимать воспалительный процесс у больного, что неоднократно наблюдал Кирилов.

Особое внимание доктор Кирилов уделил в статье лекарствам лам, имеющим растительное или минеральное происхождение. Даже простая попытка классифицировать лечебные средства показывала отсутствие какой-либо системы. Обыкновенно ламы давали больному смеси, состоящие из шести-восьми, а иногда из 20 порошков. При этом удивительным образом ламами не замечалось, что воздействие одних порошков в этой смеси может исключать воздействие других. Кирилов начал собирать минеральные и растительные медикаменты, приобретать всякого рода препараты и инструменты из тех, что использовались ламами при лечении больных, чтобы знать обо всем этом как можно больше. Правда, не на все собранные им лекарства имелись пояснения лам, а описание цвета и запаха порошков мало что давало доктору. Чтобы проверить их качественный состав и, главное, полезность, нужно было располагать специальным оборудованием, но его не имелось во всем Забайкальском крае. Поэтому Кирилов вынужден был собранные образцы медикаментов отправлять за свои деньги почтой в специальные лаборатории для исследования. Только после получения результата лабораторной экспертизы, а также добившись окончательных разъяснений лам, им делались выводы о пользе или бесполезности, а то и вредности лекарств, используемых ламами в восточной медицине.

В статье Кирилов удивлялся тому, что ламы, не имея понятия о кровообращении, умудрялись пускать «дурную кровь» даже из ноздрей, а женские болезни, хронические кожные язвы, даже сифилис, особенно распространенный среди монголов, ухитрялись лечить наружными средствами. Зная обо всем этом, Николай Васильевич стремился понять, как вообще ламы это делают? Какие ступени познания преодолевают, чтобы приобрести реальное, а не мнимое умение лечить.

Чтобы проследить, с чего все начинается, причем не желая быть сторонним наблюдателем жизни лам, Кирилов обращается к процессу обучения бурятских мальчиков в дацанах, где те сызмальства познают обрядность, этикет (науку о сохранении собственного достоинства), обращаются к «буквоедству», т. е. изучают тибетский и монгольский языки. Все это им необходимо делать для

того, чтобы затем самостоятельно уметь читать книги, напечатанные ксилографическим способом, те самые, врачебные, что так бережно хранят в дацанах. Кирилов видел эти книги, но в отличие от лам и хувараков — послушников, считающих их священными, он не мог знать в полной мере их содержание. Ему только в будущем предстояло ознакомиться со смыслом отдельных текстов, написанных на пока что непонятном ему языке. По молодости лет Кирилов нередко ошибался с некоторой их оценкой. Вот и в этом случае он позволил себе нелестно отозваться о таком собрании текстов, как «Ганджур», состоящем из 108 книг индийских авторов, внимательно изучаемых в буддийских структурах духовного образования, — назвал его «историческим хламом» [3].

Чем больше Николай Васильевич узнавал о тибетской медицине, тем сильнее понимал необходимость преодолеть предрассудки бурят, по привычке обращавшихся не к доктору, а к ламе. Ему собственным примером хотелось доказать превосходство европейской медицины над практически не изученной и оттого еще мало знакомой тибетской медициной. Но как он подметил, потребность в ней у монголов, а значит и у бурят, наблюдалась большая. Его беспокойную душу не оставляло желание освоить выработанные веками знания азиатов, основанные на естественных законах человеческого бытия. Чтобы постичь важные постулаты многоуровневого учения о человеческой сущности, он стремился осмыслить многое из того, чего еще не знал, но так осмыслить, как это делают буддисты. Однако как это было сделать, будучи по рождению и воспитанию христианином, хотя и не пылким, естественником по образованию и реалистом по мировосприятию?

Конечно, его интересовало применение ламами в повседневной жизни теории нравственно-эмоционального воспитания человека, как и влияние психофизических проявлений на душевное состояние личности, особенно когда при неблагоприятных обстоятельствах оно оказывалось причиной возникновения болезней. Многими другими вопросами надо было заниматься и глядеть на все несколько иначе, может, даже как-то приспособиться к малознакомым вещам, чтобы полученное для себя полезное и новое уметь сопоставить не только со своими знаниями и врачебным опытом, но и с теми важными открытиями, что давала постоянно развивающаяся современная медицина.

Хотелось бы привести аргументацию о полезности постижения «Чжуд-ши» — этого основополагающего источника тибетской медицины, с многочисленными комментариями и специальными дополнительными словарями, признанными в восточном мире буддийскими учеными. Да если присовокупить к нему сотни медицинских «жоров» — рецептурников, со множеством толкований их значений тибетскими, монгольскими, бурятскими авторами. Их в дацанах тщательно множили с печатных досок ксилографическим способом наряду с переписанными рукописными текстами на тибетском и старомонгольском языках. Лишь перечень всего этого не мог не представлять огромный интерес для любознательного доктора, стремящегося шире обозначить тему и связанную с ней проблематику своего исследования. Однако тайны тибетской медицины были скрыты от посторонних глаз. Взять хотя бы тот же «Чжуд-ши», к которому ламы и ученики обращались как к энциклопедическому словарю. Но в отличие от популярной энциклопедии, источники и рекомендации восточного способа лечения людей были изложены в нем чужим языком, и ламы-эмчи не спешили их раскрывать. Кирилов стремился чаще видеться с практикующими ламами и с их помощью научиться читать, пусть даже и архаическую, но действующую

восточную врачебную литературу. Но из-за постоянной занятости с больными и ежедневного ведения всевозможной переписки по работе не оставалось свободного времени на так нужное ему дело. Желая завести хорошее знакомство с ламой, а при возможности со многими ламами-эмчи, способными помочь в его стремлении собрать как можно больше сведений об их практике, Кирилов был вынужден ограничиваться случайными встречами с ними. Но даже если и удавалось пообщаться, то не каждый лама готов был раскрыться перед ним и откровенно ответить на интересующие доктора вопросы. Нередко ламы просто не могли объяснить, почему больному назначается тот или иной препарат. Любопытство доктора, выпрашивающего у лам обо всем, чем они сами владели, настораживало их, вызывало подозрительность и недоверчивость, принималось ими как соперничество. Переубедить их, объяснить, что их методы лечения интересуют его лишь с чисто научной точки зрения, не всегда удавалось.

Сравнивая обучение и практику лам-врачевателей с европейским медицинским образованием, Кирилов отмечал огромную разницу в лечебных методах. Прежде всего это касалось диагностики. Изначально восточная диагностика существенно отличалась от европейской системы распознавания болезни как важнейшей составной части начала лечебного процесса. Долг врача обязывал постоянно совершенствовать профессиональные навыки, искать дополнительные возможности и применять их с пользой для больного. На своем примере Кирилов знал, что многого можно добиться. Удалось же ему, постепенно приспособившись к забайкальскому климату, самостоятельно заглушить у себя туберкулез легких, полученный еще в студенческие годы, в то время как его сокурсник А. П. Чехов с таким же недугом не справился. Кирилов встречался с Чеховым по пути писателя на Сахалин [4].

В одном из писем Николай Васильевич сетовал на то, что за три года жизни вдали от родных ему не удалось улучшить своего материального положения. Его деятельной натуре не хватало знаний, а получить их было неоткуда. Он связался было с Восточно-Сибирским отделом географического общества, в «Известиях» которого уже публиковался, чтобы выписать нужные книги по интересующим его вопросам. Однако в книгах ему было отказано по той причине, что он не являлся членом общества. Сам же отдел не торопился принимать Кирилова в состав общества. Получался замкнутый круг.

Уже минул год, как Кирилов познакомился с Григорием Николаевичем Потаниным, проживавшим в Иркутске с 1887 г., переписывался с ним. В основном их переписка состояла из вопросов и ответов по этнографии забайкальского края. 20 марта 1888 г. Кирилов в ответном письме Потанину просил больше ставить перед ним вопросов, касающихся этнографии. Общаясь в улусах с бурятским населением в качестве врача, Николай Васильевич не забывал расспрашивать об истории родов, записывал сказки, поверья, легенды народа. В одном из писем Г. Н. Потанину он признавался: «Хочу быть полезным Вам, насколько я умею» [5]. Но без возможности разрешения пользоваться книгами, не говоря уже о помощи и поддержке более опытных людей, было очень трудно. Он хорошо понимал, что в этих обстоятельствах любые его усилия и затеи могли принести мало удовлетворения. Однажды доктор вконец было отчаялся, стал просить департамент о переводе на какое-либо место в Европейскую Россию. В письме Потанину он признавался: «Не скрою от Вас мечты своей, потому что [не ради] корыстей не честолюбия, — быть в Средней Азии, может быть и Тибете. Мне хочется поучиться, потому что в Сибири я не приобрел знаний,

а только растерял их (напр. забыл новые языки, систематику растений, рыб, птиц и пр.), не имел руковод[ств]: в них мне указал В[осточно]-Сиб[ирский] отдел Геогр[афического] об[щества] и больше доставать не могу, потому что масса времени уходит на больных, это еще не беда, — а пуще того — на исполнение формальностей, переписки по лазарету... и вероятно, так... еще до той золотой поры, когда я отдамся чисто научным исследованиям, я бы согласился, кажется, пойти в Тибет в виде пилигрима от дацана до дацана... Итак, мне не придется в Иркутске реферировать ламской медицине, не знаю, хватит ли у меня средств осенью пожить недельку в Петербурге и сделать сообщение там, а потому все же жалею» [6].

Желание Кирилова съездить в Петербург, чтобы там выступить с объяснениями своего понимания тибетской медицины, получившей в столице популярность, было неслучайно. Газеты писали сначала об одном, позже о другом из братьев Бадмаевых. Старший из них, эмчи-лама Агинского дацана Сультим Бадмаев, прибыл в столицу вместе с бывшим генерал-губернатором Восточной Сибири графом Н. Н. Муравьевым-Амурским. У себя на родине, в Забайкалье, С. Бадмаев остановил распространение тифа в 1853 г., а теперь в столице с разрешения властей стал оказывать помощь и облегчал страдания неизлечимым больным. В 1860 г. С. Бадмаеву позволили открыть в столице свою аптеку тибетских лекарственных средств и лечить ими всех, включая именитую городскую публику.

Вскоре после окончания Иркутской гимназии в столице объявился младший брат С. Бадмаева Жамсаран, принявший на себя часть хлопот по аптеке, полностью перешедшей к нему после старшего брата, умершего в 1873 г. Жамсаран окончил восточный факультет Петербургского университета по китайско-маньчжурскому разряду, одновременно посещал курсы в медико-хирургической академии. Необходимые основы знаний тибетской медицины он получил от старшего брата, а дальше развивался самостоятельно наряду с учебой в медико-хирургической академии, в которой, кстати, разочаровался и вынужден был оставить обучение. Но чтобы получить разрешение на врачебную практику, ему пришлось сдать специальные экзамены, после чего он был допущен к лечению больных. Вот что было написано о Жамсаране Бадмаеве в современном ему энциклопедическом словаре: «Младший брат и воспитанник предыдущего [С. Бадмаева], род. в 1849 г., учился некоторое время в мед. хир. акад. и получил право врачебной практики. Лечит все болезни какими-то особыми, им самим изготовленными порошками, а также травами; несмотря на насмешки врачей, к Б[адмаеву] стекаются огромное количество больных» [7].

Нужно было родиться восточным человеком, чтобы понять, почему в практике врача Бадмаева тибетская медицина взяла верх над европейской медициной. При принятии крещения его крестным отцом был цесаревич Александр Александрович, будущий Александр III, после чего Жамсаран стал именоваться Петром Александровичем. От брата помимо аптеки Петру перешла старая монгольская рукопись «Чжуд-ши». Петр Александрович решил перевести рукопись на русский язык и сделать тибетскую медицину доступной российской науке. Его старший брат предпринимал такую попытку вместе с петербургским профессором К. Ф. Голстунским, но достичь желаемого результата им не удалось [8]. Как выяснилось, обычный прямой перевод не годился, так как текст рукописи имел скрытый завуалированный смысл, нуждавшийся в расшифровке. Ключ к расшифровке текста следовало искать в Монголии или даже в Тибете. Попытку больше узнать о тибетской медицине П. Бадмаев проделал

еще студентом, когда в 1874 г. ездил в Забайкалье, к монгольской границе, к известному лекарю [9]. В 1881 г. Петр Александрович Бадмаев отправился в двухгодичную командировку в Центральную Азию и Китай в качестве сотрудника Азиатского департамента Министерства иностранных дел. В дальнейшем П. А. Бадмаеву потребовалось более десяти лет, чтобы сделать перевод «Чжуд-ши» на русский язык, вышедший в 1898 г. в Петербурге. Но и тот перевод оказался неполным, требовал дополнительного уточнения. П. А. Бадмаев не был ламой и специально не обучался тибетской медицине. Ведь сведения в медицине ламы тратили на освоение теоретических, диагностических и практических навыков десятилетия. Так, скажем, глава Гусиноозерского дацана бандидо-хамбо лама Чойнзон Доржи Иролтуев, достигший должности в 1895 г., с которым не мог не встречаться Н. В. Кирилов, с самого начала своей религиозной карьеры обучался тибетско-монгольской грамоте и одновременно тибетской медицине. И лишь с годами путем усердных занятий полностью познал термины тибетской медицины [10]. Но ни он, ни другие сведения в этом деле ламы не брались за русский перевод старинного труда, каким являлся «Чжуд-ши». Причина могла заключаться в плохом знании русского языка, а может быть, просто время к тому еще не пришло.

Доктор Н. В. Кирилов понимал, что необходимые знания по восточной медицине ему могли дать практикующие ламы-эмчи в Монголии. Как в свое время Бадмаев стремился посетить Центральную Азию и Китай, так и Кирилов по совету Г. Н. Потанина хотел побывать в Монголии, чтобы на месте найти ответы на накопившиеся вопросы. Ему хотелось понять, что должен знать восточный врачеватель, перед тем как приступить к лечению? Как правильно определить, какие болезни легко излечимы, какие трудноизлечимы или вовсе не излечимы? Как влияют на лечение больного условия его жизни, а также время года? Такими вопросами лекари задавались с древнейших времен. Учились узнавать, насколько больной силен духом и способен ли точно передать лекарю признаки болезни и перенести лекарства, прописанные ему. Кирилов ставил перед собой вопросы, ответы на которые предполагалось получить в монгольских монастырях.

Готовясь к заграничной поездке, Николай Васильевич мог и не знать о том, что не все монголы лечились у лам. С появлением в монгольской столице русского консульства (1861 г.) служивший там врач оказывал помощь всем, кто к нему обращался. Из докладной записки коллежского советника Овсянникова, врача при Императорском российском консульстве в Урге от 21 марта 1907 г.: «По вопросу об организации бесплатной медицинской помощи монголам при консульстве», узнаем о том, что за 1906 г. к его помощи обратилось 13 749 человек, из них 6 749 — монголов. Таким образом, среди посетивших амбулаторию русского врача монголов оказалось 57 % общего числа. Выходило, этот один русский врач постепенно приучал монгольское население к общеевропейской медицине, тем самым наглядно пытался показать преимущества русского метода лечения перед ламаистским врачеванием [11]. Количество посещений больными ургинского русского врача не всегда было таким, как указано в записке Овсянникова. Лет десять назад их было значительно меньше. Но динамика популярности русских врачей среди монголов и забайкальских бурят начинает становиться положительной.

Собираясь в поездку, Кирилов понимал, что без финансовой поддержки ему будет тяжело в Монголии. Еще до отъезда в Сибирь Кирилов открыл в Санкт-Петербургском обществе страхования полис от 18 октября 1884 г., ко-

торым застраховал свою жизнь на 2 000 руб. Все эти годы он вносил на него взносы, хотя постоянно испытывал нужду. Когда решался вопрос о поездке в Монголию с женой-помощницей, то он обратился в Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества с просьбой о предоставлении безвозвратного пособия в размере 100–150 руб. или взаимобразно 300 руб. Взамен готов был пожертвовать частью своего страхового полиса. По возвращении из Монголии он предполагал получить вместо должности врача в Петровском Заводе должность врача в Кабанске. Из Кабанска до главного забайкальского Гусиноозерского дацана по прямой — 86 км. Здесь Кирилов хотел наладить знакомства с ламами и увеличить знания, приобретенные в Монголии. Он наметил осуществить заграничную поездку в Ургу в 1889 г., для чего готов был использовать в научных целях четырехмесячный отпуск, заработанный за все время службы врачом. Об этом Кирилов пишет в письме в распорядительный комитет ВСОИРГО, обратившись за поддержкой. Слово документу:

«В Распорядительный Комитет Восточно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества.

Верхнеудинского окружного сельского врача Николая Кирилова.

Заявление

Обращаюсь в Комитет со следующим предложением.

Занимаюсь изучением тибетского и монгольского языков для того, чтобы в подлиннике ознакомиться с теорией тибетской медицины, я при настоящих условиях жизни для этого имею мало свободного времени. Точно так же мне редко приходится видеть на практике лам-врачевателей и почти вовсе не выпадает случаев самому коллектировать, несмотря на все мои старания. Уже 4 года я не отлучался со службы, если не считать двух непродолжительных командировок, известных отделу, в Нижнеангарск и на устье Селенги. Поэтому я смею надеяться, что мне начальство не откажет в отпуске для научных занятий в Урге на срок с 15-го мая по 15-ое сентября будущего 1889 года. Но материальные мои средства таковы, что я не имею еще возможности сам запастись заграничными паспортами и частным лицом прожить в Урге. Я вынужден потревожить Отдел просьбой о пособии. Во-первых, я прошу заблаговременно исходатайствовать для меня через Г. Забайкальского Военного губернатора у Его Высокопревосходительства господина Приамурского генерал-губернатора — не отпуска, а командировку от Отдела в Ургу, на время с 15-го мая по 15-е сентября будущего года для научных занятий, с сохранением полного содержания за все это время и с оставлением за мною занимаемой должности сельского врача. Во-вторых, прошу на время поездки — беспрошленные заграничные паспорта для себя и для жены своей (Николая Васильевича и Марии Оттоновны Кириловых). В-третьих, прошу безвозвратного пособия в возможном размере, хотя бы в 100=150 рублей. В-четвертых, прошу на время поездки снабдить меня взаимобразно микроскопом, если есть свободный в Отделе, и некоторыми книгами по моему личному выбору во время пребывания в Иркутске, согласно указания Г. Н. Потанина. В-пятых, прошу или исхлопотать мне третное жалование вперед при отправлении в командировку, или выдать мне из Отдела взаимобразно 300 рублей с тем, что в Отделе будет переслана эта сумма Верхнеудинским Полицейским управлением из моего содержания за время пребывания в Урге, в чем я дам особую подписку.

За все это я обязуюсь представить Отделу отчет о своем пребывании в Урге, вести правильные метеорологические записи (по имеющимся у нас инструментам), собирать гербарии, заспиртовать насекомых, рыб, ящериц, искать

образчики черных пород, минералов и пр. Так как Урга много раз посещалась учеными исследователями, то прошу особой подробной инструкции от Отдела, чтобы мои коллекции были ценные и полезны. Гарантией того, что я приложу все усилия к лучшему выполнению задачи, которую беру на себя, — могут служить, между прочим, мои первые работы (об омуле). Кроме того, в случае согласия Отдела на мое предложение, я в феврале представлю полис С.П.б.-ского Общества страхования от 18 октября 1884 года с квитанцией во взнос премий на сумму 250 рублей; этим полисом моя жизнь застрахована в 2 000 рублей. В случае моей смерти я предоставлю Отделу 500 рублей, Сибирскому университету 100 рублей, Московскому Обществу любителей естествознания 100 рублей и моим родным остальное по особой записи. Этого полиса я из Отдела больше не возьму, а буду увеличивать долю Отдела по мере того, как успею обеспечивать своих родных. Представляю еще одно сообщение. Верхнеудинский округ — один из самых обширных в Забайкалье. Если будет затруднительно оставить его без сельского врача, одновременно с получением командировки я с радостью соглашусь на перевод с 15-го мая будущего 1889 года на должность селенгинского сельского врача в Кабанске, чтобы там заняться опытами по искусственному разведению омуля и изучить его эмбриологию, а вместе с тем завяжу сношения с Гусино-озерским дацаном, что позволит мне не позабыть, а увеличивать знания, какие приобрету в Урге. Николай Кирилов, 16-го ноября 1888 года, Петровский Завод, Верхнеудинского округа» [12].

Распорядительный комитет ВСОИРГО не принял страховой полис Н. Кирилова и отослал его назад доктору. 20 декабря 1889 г. в Иркутске состоялось заседание общества врачей, посвященное памяти С. П. Боткина. У Кирилова сохранился текст речи, произнесенной В. А. Брянцевым на том заседании, где отмечалось, что еще каких-нибудь лет 30 тому назад такую живую науку, как медицина, русским студентам читали немцы или по-латыни либо на сильно ломаном русском языке, малопонятном для русского. Сергей Петрович Боткин стал грозным бойцом за права русского врача, вывел его на широкую арену национальной общественной деятельности. Кирилов, хоть и не учился у профессора Боткина, но стал именно таким врачом, который научился самостоятельно научно работать, стал хорошим специалистом, поклонником объективного наблюдения непосредственно за больным [13].

В феврале-марте 1889 г. газета «Иркутские епархиальные ведомости» в разделе «Прибавления» в номерах 8, 9, 10 опубликовала статью Кирилова «О тибетской медицине бурятских лам», включавшую 53 страницы. В том же году в журнале «Наука и жизнь» вышла аналогичная статья врача «Тибетская медицина у бурятских лам». 19 февраля в восьмом номере «Восточного обозрения» выходит статья под названием «Разоблаченные тайны тибетской медицины и средства борьбы с ламами», основанная на докладе Николая Васильевича, ранее прочитанном в Иркутске на заседании географического общества в феврале все того же 1889 года. Меньше чем за пять лет сибирской жизни у Кирилова сложилось свое суждение о восточной медицине.

Доклад Н. В. Кирилова слушали многие представители географического общества, были среди них и врачи, и священнослужители. Последним было особенно полезно послушать исследования забайкальского врача, так как православные миссионеры вот уже не одно столетие противостояли ламам, приверженцам и распространителям буддизма в крае. Публикация материалов доклада, или реферата, как его называли, о медицине бурятских лам была вполне актуальна с точки зрения просвещения семинаристов, будущих миссионеров. В

докладе Кирилов основательно раскрывает представление буддийских врачей о человеке, его болезнях, возникающих, как считают ламы, в результате нарушения равновесия между организмом и окружающей средой. Извлечения из священных медицинских книг и их обобщения доктором раскрывают мировоззрение лам, например, на такой предмет, как зарождение человеческой жизни. В материнской утробе сходятся отцовское семя с женскими красками: как два дерева трутся и выходит огонь, так здесь будет плод. Зародыш растет в виде дерева. Из мужского семени образуются череп, головной и спинной мозг, а отсюда пойдут отростки — руки, ноги. Из женских же красок образуются мясо, кровь, внутренние органы, сердце, легкое, печень. На рост и развитие тела влияют общие мировые элементы, обозначенные метафорически: без земли не наполнится, без воды не соберется, без огня не поспеет, без ветра не размножится, без эфира — воздуха — не отделится, так записано в священных тибетских книгах. Ламы обозначают отдельные элементы своими завуалированными терминами. Среди них выделяют самые подвижные элементы в организме. От их правильного соотношения в теле зависит здоровье человека, так говорится в священных книгах буддистов. Хотя Кирилов готов согласиться со всеми этими обозначениями, но в том же «Чжуд-ши» встречаются термины, которые раскрываются лишь после прохождения ламами полного курса медицинской науки. Оттого весь процесс обучения может показаться европейским медикам сбивчивым и запутанным, однако для медика-буддиста может быть все логично.

Кирилов сопоставляет научное понимание строения человеческого тела и организма в целом с тем, как все это же видят и описывают ламы. Их архаичность может удивлять. Например, то, что те насчитывают в человеке 360 костей, тогда как на самом деле их 199, зубов — 32, а у святого человека ламы называют 40. Но в рассуждениях лам Кирилов выделяет и положительные рекомендации. Нужно меньше спать днем, днем же утомившись, ночью спать будет лучше. Если мучает бессонница, то желательно выпить на выбор молока, простокваши или мясной бульон, мазать голову маслом, масло впустить в уши (насколько это небезопасно, не говорится). Главное же, каждому человеку надлежит вести жизнь спокойную, не завидовать, чужого не брать, особый совет — женских слов не слушать, старших уважать, никого (даже червяка) не обижать, не лгать, не ябедничать, трудиться. Только благочестивый человек будет здоров и долговечен. Таковы мудрые правила долгой жизни буддистов, делает вывод Кирилов.

Кирилов озвучил умение лам распознавать некоторые болезни по пульсу. Ламы насчитывают 1 616 болезней, но это не может соответствовать действительности, их точное число подсчитать никогда не удастся, сообщает Кирилов.

Также докладчик уделил внимание лекарствам. Их ламы разделяют на тяжелые, легкие, жидкие, горячие и классифицируют как земляные, водные, огненные и т. д.

Из всего прочитанного и переведенного Кирилов делает вывод, что из среды лам никогда не появятся реформаторы, так как буддийская медицина не открывает никакого поля для новых исследований. Мировоззрение буддистов уже все связало и объяснило. Чтобы было движение вперед и желание совершенствовать лечение больных, необходимо отказаться от догматических устоев, изменить весь строй жизни буддистов. Ему думалось, что под оболочкой неверных теорий восточных врачей могут скрываться драгоценные факты, полезные науке. Как врач он намеревался выявлять значимые стороны

тибетской медицины, проведя должную их интерпретацию, приобщать все к общей мировой теории и практике. С его точки зрения окончательное положительное решение заключалось в синтезе восточной и европейской медицины. Как бы в назидание ламам и в угоду православным священникам, опубликовавшим его доклад, утверждал: «Пусть они знают, что мы их сильнее, что при своих санитарных порядках, живем счастливее, дольше, болеем реже. Пусть они узнают, что и знаем мы больше» [14]. Кирилов считал, что бурятские ламы плохо изучают свою медицину, что они не растут в своих знаниях и остаются на уровне фельдшеров. Но отрицать их авторитет среди бурятского населения было нельзя, он остается высоким в сравнении с авторитетом христианских миссионеров. Заметим, последние ведь вовсе не были знакомы с медициной. Поэтому-то их и стали готовить к фактическому приоритету над ламами в Иркутской духовной семинарии, когда ввели специальный курс, включавший знакомство с гигиеной и медициной, что, по словам Кирилова, окажет положительный сдвиг в образовании и позволит выпускникам в будущем указывать на промахи лам в лечебных упражнениях.

Статья «Разоблаченные тайны тибетской медицины и средства борьбы с ламами», вышедшая после доклада Кирилова во ВСОИРГО в газете «Восточное обозрение» без указания имени автора, была помещена сразу же после некролога «Памяти графа М. М. Сперанского» на второй-третьей страницах. Она начиналась словами: «В Петербурге, на одной из видных улиц, один обрусевший бурят, выдав себя за знатока тибетской медицины, вот уже несколько лет привлекает многочисленную публику и пациентов из разных, даже высших, слоев общества. Практикующий бурят уверяет пациентов, что изучение русской медицины (он был на двух или трех курсах медицинской академии) убедило его, насколько европейская медицина отстала и слаба сравнительно с тибетской ламской» [15].

Газета писала, что среди русских врачей тибетской медициной начал было заниматься врач Лобанов, но вскоре умер. Забайкальский же врач Кирилов, изучавший тибетскую медицину по книгам ламаистов, собравший аптеку лам, два часа демонстрировал образцы коллекций и знакомил собравшихся с теми знаниями, которые сам приобрел. Им было рассказано о том, продолжала газета, как ламы понимают эмбриологию и анатомию человека, жизненно важные функции организма, как предсказывают течение и исход болезни, как подразделяют лекарства в зависимости от их составных элементов. Газета подметила, что все объяснения лам о жизни организма есть продукт буддийского мирозерцания, древнего анимизма и древней азиатской мифологии. Она также свидетельствовала, что присутствующие на лекции Кирилова медики сделали однозначный вывод — тибетская медицина отстает в своем развитии от европейской. Тем не менее Кирилов намерен продолжить изучать тибетскую медицину, в ней он находит много полезного, что-то подобное народной медицине, не потерявшей своего значения. Важным явилось и то, что отдел географического общества намерен оказать Кирилову всяческое содействие, писала газета.

Конечно, Кирилову было очень важно получить признание своего исследовательского опыта. Для него самого стало неожиданным, когда нашлась возможность посетить Монголию. Поездка состоялась, как и рассчитывал Кирилов, с середины мая по середину сентября 1889 г. Четыре месяца Кирилов занимался в Монголии изучением восточных языков, продолжал собирать рукописи, пе-

чатные тексты рецептуры тибетской медицины. Возвратившись из-за границы, он многое переосмыслил в своем отношении к врачебной практике лам.

18 января 1890 г. на собрании ВСОИРГО под председательством В. Е. Яковлева был зачитан список лиц, предлагаемых в члены отдела. Н. В. Кирилова рекомендовали Н. И. Витковский, из ссыльных поляков, увлекавшийся археологией, и ученый-путешественник Г. Н. Потанин. Собрание одобрило принятие рекомендуемых лиц в состав общества. Продолжая жить в Петровском Заводе и собираясь в очередную поездку по Монголии, Кирилов вновь пишет письмо в распорядительный комитет ВСОИРГО, в котором снова, как и в ноябре 1888 г., просит принять страховой полис. Он продолжал надеяться на то, что взамен него получит финансирование поездки.

«В Восточно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества.

Имею честь почтительнейше просить Отдел принять мой прилагаемый полис за № 13543 от 18-го октября 1884 года с 12 квитанциями во взносе премий и хранить его, квитанции следующих взносов будут мною своевременно доставляться в Отдел. В случае смерти моей: 500 рублей прошу удержать Отделу для научных предприятий по его собственному усмотрению, а остальные деньги (за исключением из них расхода по реализации полиса) выдать моей матери или лицу, на которое я могу указать впоследствии особым письмом в Отдел, без сложных формальностей.

7-го сентября 1890 г. Завод Петровский Верхнеудинского округа. Врач Николай Кирилов» [16].

Отдельным письмом Николай Васильевич просит у отдела субсидию в 500 руб. На что распорядительный комитет в письме Кирилову от 10 октября 1890 г. сообщает, что, рассмотрев прошение, не нашел возможным принять полис. Также сообщалось: «Что же касается Вашей просьбы о выдаче Вам субсидии, в размере 500 р., то таковая, в соглашении, не может быть удовлетворена за неимением свободных сумм в кассе Отдела» [17]. Ситуация с финансированием мероприятий отдела при чрезвычайно скудном бюджете, не менявшемся годами, была незавидная. Как-то значительно позже, в 1896 г., отдел получил телеграмму Г. Н. Потанина о желании им совершить поездку к шаманам. «Комитет, сочувствуя цели известного путешественника, но не имея средств помочь материально, просит И. И. Попова, консерватора Отдела, выяснить вопрос о возможном со стороны Отдела содействии Г. Н. Потанину» [18].

Консерватор музея И. И. Попов был знаком с Кириловым, получал от него в дар коллекции и считал, что тот первым из врачей серьезно занялся изучением тибетской медицины. Но музей и в целом Восточно-Сибирский отдел географического общества практически существовали на те немногие средства, что выделялись из общего бюджета центрального отделения РГО. Их едва хватало на содержание здания, оплату работы консерватора музея и разные мелочи, что коллегиально считалось первостепенным и важным для общественной организации. К тому же весной 1891 г. стало известно о проезде через Иркутск цесаревича Николая Александровича, возвращавшегося в столицу из кругосветного путешествия. Город стал готовиться к этой встрече и жил ее ожиданиями. Отделу потребовались немалые усилия, чтобы достойно принять 24 июня 1891 г. в музее ВСОИРГО цесаревича Николая. Тогда наследнику были показаны коллекции музея, включая буддийские, преподнесены печатные труды Иркутской епархии, фаянсовый сервиз Тальцинской фабрики, много

других подарков. Ранее, в конце мая, цесаревич спешно проехал через Забайкалье. По пути следования свиты будущего императора радушно встречали дарами, а в богатом селении Кабанском, куда планировал переехать Кирилов по возвращении из Монголии, в честь цесаревича установили триумфальную арку и устроили иллюминацию [19]. Везде на всем пути движения свиты цесаревича еще долго царило необычное для этих мест оживление. Может даже, это оживление косвенно передалось той обстановке, в которой жил Кирилов, готовясь ко второму посещению Монголии. Оно пришлось на лето и осень. На целых шесть месяцев Николай Васильевич погрузился в азиатский мир лам и дацанов [20]. Член Восточно-Сибирского отдела географического общества Н. В. Кирилов поездку в Монголию совершил через Угей-нор. По дороге он заезжал в старейший дацан Эрдэни-цзу, где встречался с тамошними ламами и с их помощью занимался переводами тибетских и монгольских текстов. Далее из монастыря ехал вверх по р. Толе в Ургу и обратно уже в Кяхту. Во время путешествия по Монголии он видел десятки дацанов, в некоторых удалось побывать. Цель поездки заключалась главным образом в собирании сведений и коллекций по тибетской медицине [21].

В своем путешествии Кирилов был сильно скован материально, но ему не грозила духовная бедность. Его вторая экскурсия дополнила первую, утвердила в его сознании важные соображения, не дававшие ему покоя без должной их проверки. После поездки неутомимой душе стало легче и ощущение удовлетворенности как-то само собой проявилось. Пусть даже не все удалось, что задумывалось, но немало было найдено и понятно. Все же в короткий срок в незнакомой стране, жившей традициями азиатского средневековья, он многое успел. Собранные материалы были обработаны, что придало ему уверенность, позволило аргументированно излагать свои сложившиеся взгляды на предмет своего исследования.

При возвращении Кирилов остановился в Кяхте, чтобы выступить в местном Троицкосавско-Кяхтинском музее с лекцией «Медицина в Монголии». Музей был новый, основанный в 1890 г. группой энтузиастов — П. С. Михно, первым директором и хранителем, В. С. Моллесоном, учителем, краеведом, метеорологом, Н. А. Чарушиным, ссыльнопоселенцем, фотографом, другими жителями приграничного города. Когда в 1894 г. было открыто Троицкосавское отделение Приамурского отдела ИРГО, во главе которого стал поляк Ю. Д. Талько-Грынцевич, врач, антрополог и этнограф, то сотрудники отделения начали активно заниматься исследованием приграничного района, неоднократно бывали в Монголии. Ее столица Урга путешественникам казалась единым монастырем, где на 15 тыс. населения числилось 10 тыс. лам [22]. Кирилов бывал в Кяхте неоднократно и со многими был там знаком. В Читинском государственном архиве в личном фонде Н. В. Кирилова хранится фотография, на которой он запечатлен со своим коллегой К. П. Козихом, одетым в толстовку. Козих был лекарем Кяхтинской таможни и одновременно местным общественным врачом [23]. Фотография датирована приблизительно 1894 г. Двух врачей, переписывавшихся между собой, мог запечатлеть городской фотограф Чарушин, который также совершил краткосрочную поездку с Н. Г. Потаниным в Ургу в 1888 г.

В конце ноября Н. В. Кирилов прибыл в Иркутск. 29 ноября 1891 г. на общем собрании членов ВСОИРГО в присутствии председателя отдела В. П. Сукачёва и покровителя отдела генерал-губернатора А. Д. Горемыкина член географического общества врач Н. В. Кирилов прочитал доклад «О ти-

бетской медицине как части ламайской доктрины». Вначале в качестве вступительного слова докладчик ознакомил собравшихся с общей историей своих занятий тибетской медициной. Он рассказал, какими пользовался приемами, чтобы получить исчерпывающие сведения от лам-врачевателей, чьи показания перепроверял путем перекрестных и контрольных расспросов. Обобщая историю развития буддизма, в частности ламаистскую доктрину в отношении тибетской медицины, уходящую своими корнями в Древнюю Индию, вобравшую элементы учения Зороастра, первобытный эмпиризм, азиатское шаманство и его заклинания, докладчик затронул мистико-метафизическую сторону врачевания лам, составной частью которой являются наблюдение и опыт. Согласно восточному учению, изложенному в древней книге «Чжудши», основополагающие жизненные функции в теле человека выполняют три системы, называемые по-бурятски «хи» (тиб. «рлунг»), «шара» (тиб. «мкрис») и «бадган» (тиб. «бад-кан»). Первая — хи — способствует дыханию, движению, благодаря этой системе человек имеет возможность работать. Вторая — шара — входит в состав крови и выделяется из организма потом. Эта система содействует пищеварению и взаимодействует с телесной теплотой. Она способна дать основу силе и сознанию человека. Третья — бадган — вместе с питательным соком циркулирует в мягких тканях, костном мозге, в важнейших органах тела человека. Кирилов относился к этим трем целостным системам организма человека иронично, называл их эссенцией, хотя и отмечал, что находясь в равновесии между собой, эти элементы являются залогом здоровья человека. Но патологический недостаток одного из них влечет за собой чрезмерное развитие деятельности другого и служит источником болезни. Из вывода Кирилова следует то, что специальных медицинских школ в ламаистских монастырях не существует, что не нужно придавать слишком большое значение сведениям лам относительно их врачебной науки. Тем более ничего из лекарств лам употреблять нельзя, пока те не будут изучены по всем правилам устоявшейся фармацевтики. На протяжении всего доклада Кирилов демонстрировал собранные им предметы, применяемые восточными лекарями в тибетской медицине. Обширная коллекция включала металлические врачебные инструменты — приборы лам-эмчи, различные лекарственные порошки, анатомические рисунки и мнемонические диаграммы с указанием точек на теле человека для иглоукалывания. После доклада монгольская коллекция была передана в музей ВСОИРГО. Доклад Кирилова был предложен к публикации и передан для окончательного заключения Д. А. Клеменцу и И. А. Подгорбунскому [24]. Этот доклад Кирилова с несколько измененным названием «Современное значение тибетской медицины, как части ламайской доктрины» был опубликован в «Вестнике общественной гигиены, судебной и практической медицины» (1892. № 7).

Осенью 1891 г. приложением к протоколу годового заседания общества врачей Восточной Сибири в Иркутске публикуется статья Кирилова «Характеристика тибетской медицины в Забайкалье». В ней он продолжает пропагандировать медицину, развивающуюся путем экспериментальных исследований, а не путем признания чувственного опыта как едва ли не единственного источника познания болезни, что так присуще ламаистскому пониманию врачевания. В статье упоминается «аптека животных продуктов», часто применявшаяся кочевниками, что сменилось обращением к медицинской ботанике, более удобному лечению в пастушеском быту. Лекарственные травы были привиты и распространены в огородах китайцами. Такие культурные растения, как корица,

гвоздика, шафран, мускатный орех, миробалан (разновидность — алыча), перец, имбирь и пр., имелись у каждого ламы. Но ламы, замечал Кирилов, редко могут сказать что-либо определенное о действии растительных лекарственных растений. У лам в фармакологии преобладает визуальный принцип деления. Если форма лекарственного продукта напоминает почку, как, скажем, бобы, то это лекарство «почечное» и им лечат почки при боли в спине. При таком лечении большее значение придается психическому влиянию, чем непосредственно медикаментозному воздействию на болезнь. Кирилов писал, что даже если лама не излечил недуг больного, то он хотя бы утешил его словами и молитвами. В условиях нехватки аптекарских порошков в селениях использовать аптеку лам вполне допустимо. Но для этого желательно составить словарь наименований препаратов по-тибетски и по-латыни. Возможная полнота его и будет главной практической задачей исследователя тибетской медицины, заключал Кирилов [25]. Также в статье он приводит цитату из авторитетного сочинения А. М. Позднеева «Быт буддийских монастырей», где тот упрекал «русских врачей за небрежное отношение к важной ламской медицине и возжелал прекратить их нелепости, изыскав для перевода слова, которые должны на первый взгляд скрывать наивность представлений лам» [26].

Под влиянием общения с ламами Кирилов стал собирать гербарий, в том числе лекарственные растения, применяемые в тибетской медицине. В первую очередь для врачей было важно, чтобы всякий сбор проводился по правилам. Обычно в конце лета ламы настаивали на том, чтобы их прихожане собирали в поле травы, полезные в лечении тех или иных недугов у больных. Так, травы бурма, ба-ша-га, дигма, бан-зе и др., по указанию «Тибетского лечебника» составляют лекарство под названием «оек сумтан». Способ приготовления лекарства из этих трав заключался в следующем. Травы собирают в пучок и в ступе толкут до состояния порошка. Затем часть порошка, размером с чайную ложку, заливают тремя стаканами воды и кипятят на огне. В процессе кипения должен образоваться отвар объемом в один стакан. Этот отвар дают больным корью, скарлатиной, оспой. По свидетельству лам, отвар снимает жар, уничтожает образовавшуюся в горле сыпь. Дают его и в виде порошка, в зависимости от состояния больного, от трех до семи раз. Этот рецепт от Цырен Жаб-Сахарова был сообщен неким Е. В. Барсовым специально для Московской антропологической выставки 1879 г. [27]. В подготовке выставки студент-медик Кирилов принимал участие.

В 1893 г. в «Этнографическом обозрении» № 4 выходит статья Н. В. Кирилова «Интерес изучения народной и тибетской медицины в Забайкалье». В ней автор продолжает рассуждать о ламах-эмчи как о приверженцах восточной медицинской традиции, насчитывающей не менее 2 500 лет истории. Упоминаются смиренные и суровые божества буддийского пантеона, чьим образам неустанно поклоняются верующие. Доктор по-прежнему скептически относится к методам тибетской медицины. Он заостряет внимание на том, что ламы стараются свою жизнь соотносить с предписаниями астрологов, что в каждом дацане имеется штатный лама — зурхай-чи, ведущий календарь по часам, дням и месяцам. Этим ламой высчитываются благоприятные и неблагоприятные дни для проведения религиозных мероприятий, определяются дни для лечения. В отрицательные дни недели, такие как вторник и суббота, и некоторые несчастливые числа, считавшиеся тяжелыми днями для каждого бурята и монгола, вовсе не нужно приходить к больным.

Кирилов смотрел на лам как на народных ведунов, обольщающих больных и себя ложным учением, которых, однако, не следует игнорировать, так как «нет возможности выставить многочисленный медицинский персонал, который бы парализовал их деятельность» [28]. Кирилов наивно полагал, что лам можно просветить, знакомя их с достижениями современной медицины, если бы только ламы знали ее, то тогда, вероятнее всего, иначе относились бы к своей врачебной практике.

В 1893 г. Н. В. Кирилов переехал с семьей в Читу. Об этом городе Е. Д. Петряев писал: «В те годы Чита была городом военщины, чиновников, мелких, ничтожных, но с огромным самолюбием и самомнением» [29]. Здесь Кирилов по-прежнему продолжает вести активную деятельность. Он становится членом общества врачей, в котором неоднократно выступает по самым злободневным медицинским вопросам. В Чите Кирилов усиленно занимается исследованием восточных способов лечения больных. Он пишет статью «Тибетская медицина», где не упускает мельчайших подробностей ламаистского врачевания. Из протоколов Читинского общества врачей за 1894 г. узнаем о его выступлении среди коллег с докладом по этой же теме. Его привлекают медицинским экспертом в судебных тяжбах, к его мнению прислушиваются на заседаниях окружного суда г. Читы. В Госархиве Иркутской области в личном фонде доктора Кирилова сохранились некоторые материалы судебных дел, в которых в качестве эксперта он принимал участие.

В апреле 1895 г. из Хабаровска в Читу Кирилову приходит поздравительная телеграмма, в ней сообщается о назначении его помощником областного врача [30]. Он также выполнял должность областного врача во врачебно-административном аппарате области. 1894–1895 гг. были беспокойные в Забайкалье. Из-за японо-китайской войны по Забайкалью ходили слухи о возможной скорой войне России не то с Китаем, не то с Японией. В одном из писем от 15 марта 1895 г. забайкальскому областному врачу коллега Кирилова писал: «Имею честь ходатайствовать (просить) Н[иколая] В[асильевича], в случае объявления мобилизации, предоставить мне... место военного врача в авангарде — в какой либо иной... кавалерийской части, которые будут сформированы в Забайкалье» [31].

В Чите Кирилов оказался в числе первых организаторов Забайкальского отдела Императорского общества размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты, одно время являлся его секретарем. В декабре 1895 г., находясь в селении Тункинском, Кирилов получил письмо из Забайкальского отдела. Письмо от 21 декабря 1895 г. было подписано почетным членом отдела генерал-майором Мощитским и многими членами совета общества. Вот текст письма: «Непременному члену Забайкальского отдела Императорского общества размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты Николаю Васильевичу Кирилову.

8 сего декабря состоялось общее собрание членов Забайкальского отдела общества охоты... отчет за 1894/95 гг. и искренним теплым словом был вспомнят предшествующий период совместной с Вами работы, когда Отдел намечал себе задачи общепольной деятельности.

В минувшем году Отдел не отступил от ранее избранного пути, это дает уверенность, что цели посильного общественного служения и в будущем не станут ему чуждыми и что те лица, которые давали такое направление деятельности Отдела и оживляли его, избрали верный и полезный путь, и в этом их большая заслуга.

Вы, уважаемый Н. В., были одним из главных деятелей первого времени, по восстановлении Отдела, когда определялся характер его деятельности, и потому общее собрание членов постановило единогласно принести Вам глубокую благодарность за труды Ваши при исполнении обязанностей секретаря. Совет считает для себя приятным долгом довести о нем до Вашего сведения и надеется, что Вы, милостивый государь, и в будущем не порвете связи с Отделом и не откажетесь быть его деятельным сотрудником.

Почетный член Отдела генерал-майор Мощитский». Члены Совета [их подписи]» [32].

Николай Васильевич был польщен тем, что его помнят в организации. Он считал, что общественный интерес, возникший к любителям правильной охоты, должен выражаться не только в том, что организация взяла на себя часть нагрузки географического общества, но и в том, чтобы соответствовать принятым правилам, прежде всего в ответственности при решении возложенных на нее задач. Кирилов в своем ответе отделу общества охоты проявил беспокойство о «правильной экспедиции фауны и флоры, где не менее важно регулировать охотничье хозяйство». Чтобы намеченные обществом цели не остались только обещаниями, их следует выполнять всем и неукоснительно, писал доктор [33].

Однажды на собрании членов Общества правильной охоты, состоявшемся 12 июля 1894 г., Н. В. Кирилов озвучил идею об организации в Чите отделения Императорского Русского географического общества с перспективой открытия музея при нем. Его тут же поддержал местный краевед и фотограф Алексей Кириллович Кузнецов, организовавший в 1866 г. музей в Нерчинске. Коллеги одобрили их предложение, и 16 июля собрание членов-учредителей избрало Николая Васильевича секретарем отделения [34].

В том же 1894 году было учреждено Читинское отделение Приамурского отдела ИРГО (далее — ЧОПИРГО), а 16 апреля 1895 г. открыт при нем музей. Его директором стал А. К. Кузнецов. Как-то секретарь отделения Н. В. Кирилов короткое время был правителем дел, а в 1897 г., уже покинув Читку и край, был избран его членом-сотрудником [35]. При ЧОПИРГО открыли и библиотеку, а так как в Чите еще не было публичной библиотеки, то она стала и общественной библиотекой. Н. В. Кирилов передал в библиотеку 254 книги по 192 наименованиям.

Немало было приложено сил организаторами полезного дела, чтобы расшевелить читинское общество, не особенно склонное к культурной жизни. Музей при ЧОПИРГО вначале размещался в Читинской мужской гимназии. Часть экспонатов хранилась в ящиках на втором этаже гимназии, часть — в квартире директора музея. Уже после того как Кирилов покинул Читку, на его место правителя дел был избран преподаватель русского языка, который выступал против расширения музея при гимназии, а в Географическом обществе полтора года царил беспорядок. По этому поводу газета писала: «Географическое общество ошиблось, когда за отъездом бывшего энергичного правителя дел врача Кирилова, избрали на его место г. С-ва. Последний не только не оправдал оказавшего ему доверие Общества, но сделался не "правителем", а поистине "губителем" дел Отделения. При нем заседания устраивались редко, вся переписка при нем была сведена на нет» [36].

В летне-осенний период 1894 г. по настоянию военного губернатора Забайкальской области Евгения Осиповича Мацеевского и с учетом программы, предложенной председателем Читинского отделения ИРГО Николаем Ива-

новичем Гродековым, Николай Васильевич совершил поездку по 15 дацанам Забайкальской области. Затем 25 октября 1894 г. на заседании ЧОПИРГО Кирилов прочел часть своего доклада «О дацанах Забайкалья». А уже 8 ноября в присутствии Е. О. Мацеевского и около ста человек доклад был продолжен с демонстрацией произведений ламаистского культа. После выступления докладчика предполагались дебаты по заранее розданной программе, но публичного обсуждения сообщения не последовало [37]. Статья «Дацаны в Забайкалье» была опубликована в «Записках Приамурского отдела ИРГО» в 1896 г. В статье Кирилов обращается к бурятской мифологии и истории буддизма, дает описание ряда божеств буддийского пантеона, знакомит читателей с устройством дацанов и торжественными обрядами лам. Здесь же касается обряда вновь посвящаемого в ламы. Не обошел он вниманием и лам-эмчи. Он сообщает о том, что те в обилии используют при лечении больных местные средства и то, что привозят из Китая, причем ламы опираются исключительно на рациональный подход, пронизанный теорией элементов первичных стихий. Кирилов отмечал, что ламы считают своим долгом то увеличивать, то уменьшать количество этих элементов в организме больного. Они по своему опыту определяют, в каком лекарстве какая стихия: «что красно, жгуче на вкус, острой колючей формы, то содержит огонь; что пресно, легко на вес, пористо, синевато, то заключает воздух и прочее» [38]. Ламы по своему усмотрению назначают порции порошков того или другого состава больному. При этом Кирилова поражало то, что монгольские и бурятские ламы-эмчи ездили по улусам и сами выявляли больных.

По сведениям Кирилова, у забайкальских бурят было 32 дацана, еще два дацана находились в Иркутской губернии. Среди 262 штатных лам 32 дацанов Забайкалья каждый десятый умел лечить [39]. Общее же число лам исчислялось в 14 тыс., и это примерно на 130 тыс. человек, подверженных северному буддизму. Добавим, что к 1914 г. в Забайкалье числилось 48 дацанов и 16 тыс. лам. Гражданская власть старалась ограничить рост числа лам в дацанах. Но ей это плохо удавалось. Поэтому в действительности лам в дацанах было значительно больше положенного штата. По бумагам лишние ламы были выведены за штат, хотя по-прежнему постоянно пребывали в дацанах, что воочию наблюдал Кирилов и о чем сообщали также православные миссионеры, нередко посещавшие дацаны. Большое число лам, занимавшихся врачеванием, приводило к конкуренции между ними. Но вознаграждение за обслуживание больных ламы брали регулярно. Случалось, что буряты жаловались православным священникам на лам за то, что те дорого берут за лечение, религиозные обряды, похороны.

Кирилов, управляя врачебным персоналом области, ревностно добивался улучшения санитарных и гигиенических условий лечения, требовал правильной постановки врачебного дела в деревнях. Не всем его настойчивость в улучшении состояния здравоохранения была по душе. Поднимаемые им вопросы вызывали обмен мнениями, споры, нередко переходящие в непримиримую полемику. Одно дело живая дискуссия с П. А. Бадмаевым, случившаяся как-то на заседании читинского общества врачей, когда Н. В. Кирилову удалось вызвать лейб-медика на некоторые объяснения относительно теории и практики применяемых им в лечении больных методов тибетской медицины. В то время Бадмаев, приостановив практику нетрадиционной медицины в столице, поселился в Чите, где два года издавал газету «Жизнь на восточной окраине», занимался торговлей в Монголии и старался найти себя в политической деятельности. Газета оказалась убыточной, и она обременяла более удачное его предприятие — типографию.

Занявшись коммерцией, Бадмаев развернул широкую деятельность по разным направлениям. У него имелись сельскохозяйственные фермы, мануфактурная, бакалейная и мясная торговля, ресторан, гостиница. Были и другие проекты, которые просуществовали недолго и, как писали о них газеты, лопнули в зародыше. Бадмаев имел большой дом в Чите, где как в общежитии жили буряты, помогающие ему в его деле. Он же имел торговые дома в Улан-Баторе и Пекине. В 1896 г. Бадмаев, посетив Пекин, произвел на публику особое впечатление тем, что появился на улице с ряжеными бурятами в ярких цветных халатах и шляпах с лентами. Свита Бадмаева носилась по Пекину в русском тарантасе, запряженном тройкой лошадей с бубенцами [40].

Полемика двух медиков получилась нескучной и вызвала оживление у присутствовавших в зале, даже была отмечена в «Восточном обозрении» как яркая и запоминающаяся. Другое дело горячее обсуждение насущных врачебных проблем, происходящее по инициативе руководства в надежде изменить к лучшему состояние отрасли. Н. В. Кирилов не стал бороться со своими оппонентами, не желавшими подчиняться новым требованиям администрации и что-либо менять в привычном укладе труда.

Из-за сложившейся ситуации в кругу врачей и накопившейся общей усталости к концу 1894 г. Н. В. Кирилов отказался по личным мотивам от несения службы секретаря Читинского отделения ИРГО. На февральском заседании 1895 г. он зачитал годовой отчет о деятельности общества, а в марте уже отсутствовал на заседании отделения по причине переезда в Нерчинск. Газета «Восточное обозрение» так писала об обстоятельствах, заставивших Кирилова покинуть Читинку: «Та страстность и резкость, с которой Кирилов отстаивал свои взгляды, многим из его коллег была не по душе. И те стали делать все, чтобы вытеснить Н. В. Кирилова из общества. Ему ничего не оставалось, как, отказавшись, выйти из общества врачей, апеллировать от настоящего его состава к будущему, чуждому пристрастия и партийности. Всем этим столкновениям и дразгам был положен конец с переездом Н. В. в Нерчинск, сонная, замирающая жизнь которого так мало гармонировала с его деятельной натурой. Читинское общество врачей, выживши своего деятельного члена, сошло со сцены и перестало давать признаки жизни» [41].

В Нерчинске Кирилов не прожил и двух лет. Здесь он пишет статью «Акушерство у бурят», опубликованную в 1895 г. в «Вестнике общественной гигиены», где продолжает поднимать злободневные вопросы медицины. По-прежнему не оставлял занятия тибетской медициной. В 1895 г. Кирилов посетил монгольский дацан, расположенный в стороне от селения Тункинско-го, о чем сделал любопытную запись в «Памятной книжке, заведенной как программа по сбору рыб и дендрологической коллекции», где также читаем: «Лебедь пролетная промышленниками в Тунке продается до двух руб. Желчь лебеда употребляется в лекарство бурятскими ламами. За желчь платит лама от 2 до 3 рублей» [42]. Выходило, что охота на лебеда велась, в частности, и в интересах тибетской медицины. В Нерчинске Н. В. Кирилов сошелся с местным краеведом Георгием Андреевичем Стуковым, будущим автором статей «Некультурные съедобные растения Даурии» (1897) и «Народные лекарственные травы Забайкалья» (1905). Как знать, может, те статьи были написаны под влиянием Н. В. Кирилова. В Читинском архиве сохранилась фотография, на которой Кирилов запечатлен с женой Марией Оттоновной. На обороте имеется надпись: «Отцу-хранителю Нерчинского музея Георгию Андреевичу Стукову, 3 июня 1896 г.». Снимок сделан за несколько месяцев до отъезда Кирилова на

Дальний Восток. В конце октября 1896 г. Кирилов посетил Читинку, чтобы еще раз проститься с друзьями и передать в дар музею отделения ИРГО свой гербарий, состоящий из 1 401 наименования. В коллекцию трав входили лекарственные растения, применяемые ламами при лечении больных по методу тибетской медицины. За 12 лет сибирской жизни врач Н. В. Кирилов не мог физически успеть познать все касающееся тибетской медицины, хотя вполне профессионально занимался изучением этого восточного феномена. Самостоятельно взяв на себя труд по укреплению позиций европейской медицины среди азиатского населения Забайкалья, Николай Васильевич в результате активной деятельности достиг определенных успехов. Если вначале, столкнувшись с тибетской медициной, Кирилов относился к ней скептически и многое в ней подвергал сомнению, то со временем стал вынашивать идею синтеза восточной и европейской медицины. Не без основания врачу казалось, что он стал обладать достаточными сведениями о восточной медицине, чтобы позволить себе высказывать о ней независимое публичное суждение в печати, в открытой дискуссии с ее сторонниками.

То, что многие столетия назад писалось в тибетских источниках о лекарствах, уже в наши дни подверглось серьезному научному анализу, в ряде случаев найдено подтверждение их полезности. Растения, собранные в гористой местности Китая, Индии, и их аналоги из других районов имеют одни и те же целебные свойства. Но не все растения, используемые тибетцами, произрастают повсеместно. Сушить собранные растения нужно правильно. Присутствующие в растениях алкалоиды при длительной сушке разрушаются, поэтому в тибетских источниках на это обращали особое внимание, давались рекомендации по быстрой сушке лекарственных растений, тогда и польза будет больше.

В последние десятилетия отношение к тибетской медицине стало более внимательным. Здесь есть заслуга востоковедов, других неравнодушных специалистов, предпочитающих иметь дело с лекарствами природного происхождения, которые усваиваются человеком лучше, чем любые синтетические химиопрепараты. Пока в России рекомендации по продвижению растительных лекарств находят больше поддержки среди энтузиастов. Иначе обстоит дело в других странах. Примером может служить Швейцария, где фармацевтическая фирма запустила линию по выпуску лекарств на основе рецептуры Петра Бадмаева. Безусловно, во всем этом движении медицины в сторону цивилизованного освоения опыта прошлого, в том числе тибетской медицины, есть и заслуга доктора Николая Васильевича Кирилова.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кирилов Н. В. Лама и врач // Сибирь. 1886. 7 авг. (№ 36). С. 3–4.
2. Там же. С. 3.
3. Там же.
4. Латышев В. М. Бронислав Пилсудский и доктор Н. В. Кирилов // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. Южно-Сахалинск, 2009. № 13. С. 6.
5. Государственный архив Иркутской области (далее — ГАИО). Ф. 293. Оп. 1. Д. 58. Л. 101.
6. Там же.
7. Энциклопедический словарь / под ред. И. Е. Андреевского; изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1891. Т. 2. С. 674.
8. Кузьмин Ю. В. П. А. Бадмаев: дипломат, политик, предприниматель. Иркутск, 2002. С. 46.
9. Там же. С. 55.
10. Центральный национальный архив Бурятии. Ф. 84. Оп. 1. Д. 382. Л. 2 об.

11. ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 10. Л. 69–72.
12. ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 58. Л. 33–33 об.
13. ГАИО. Ф. 294. Оп. 2. Д. 32. Л. 1–4.
14. Иркутские епархиальные ведомости. 1889. 18 марта (№ 11). С. 17.
15. Восточное обозрение. 1889. 19 февр. (№ 8). С. 2.
16. ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 75. Л. 95.
17. Там же. Л. 96.
18. Протокол заседаний Распорядительного комитета ВСОИРГО от 7 мая 1896 г. // Известия ВСОИРГО. Иркутск, 1897. Т. 28, № 1. С. 3.
19. Ухтомский Э. Э. Путешествие на Восток (государя императора Николая II 1890–1891 гг.). Улан-Удэ, 1992. С. 17.
20. Отчет о деятельности Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества за 1891 год. Иркутск, 1892. С. 91.
21. Там же. С. 10–11.
22. Чарушин Н. А. О далеком прошлом. М., 1931. С. 184.
23. Государственный архив Читинской области. Ф. Р-1574: Личный фонд Н. В. Кирилова. Оп. 1. Ед. хр. 34/4 (необработанное дело).
24. Журнал общего собрания членов ВСОИРГО от 23 ноября 1891 года // Известия ВСОИРГО. Иркутск, 1893. Т. 24, № 1. С. 57–59.
25. Характеристика тибетской медицины в Забайкалье // Приложение к протоколу годичного заседания Общества врачей Восточной Сибири в г. Иркутске. № 1, от 2 сент. 1891 г. С. 24–30.
26. Там же. С. 26.
27. Московский университет. Известия. Т. 35, ч. 2, вып. 6. (Отдел этнографии). 1879. С. 5.
28. Кирилов Н. Интерес изучения народной и тибетской медицины в Забайкалье // Этнографическое обозрение. М., 1893. № 4. С. 116.
29. Петряев Е. Д. Николай Васильевич Кирилов — исследователь Забайкалья и Дальнего Востока // Исследователи и литераторы старого Забайкалья. Чита, 1954. С. 233.
30. ГАИО. Ф. 294. Оп. 2. Д. 5. Телеграмма № 2764 от 17 апр. 1895 г.
31. ГАИО. Ф. 294. Оп. 2. Д. 2. Л. 11.
32. ГАИО. Ф. 294. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
33. Там же. Л. 2.
34. Петряев Е. Д. Славная страница в истории культуры Забайкалья // Наш край. Чита, 1954. С. 121.
35. Записки Читинского отделения Приамурского отдела ИРГО. Чита, 1898. Вып. 3. С. 24.
36. Сибирь. 1897. 31 янв. (№ 14). С. 3.
37. Записки Читинского отделения Приамурского отдела ИРГО. Чита, 1898. Вып. 3. С. 14.
38. Кирилов Н. В. Дацаны в Забайкалье // Записки Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. Хабаровск, 1896. Т. 1, вып. 4. С. 96.
39. Там же. С. 118.
40. Сибирь. 1897. 27 июля (№ 87). С. 3; 24 сент. (№ 112). С. 3.
41. Восточное обозрение. 1896. 15 сент. (№ 108). С. 2.
42. ГАИО. Ф. 294. Оп. 1. ОЦ. 15. Д. 20. Л. 38.

Л. В. Мельникова

ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННЫЕ КОМПАНИИ В БИРЮСИНСКОМ ГОРНОМ ОКРУГЕ (XIX — НАЧАЛО XX В.)

Данная статья является продолжением публикации материалов по тематике, связанной с промышленным освоением части территории Карагасии (современной Тофаларии). Исходя из имеющейся в документах Государственного архива Иркутской области (далее — ГАИО) информации рассматривается деятельность частных золотопромышленных компаний (далее — КК°) через судьбы их организаторов. Автор взяла на себя ответственность выволить из небытия большинство имен золотопромышленников, чьи КК° занимались золотым промыслом в Восточных Саянах. В целях оценки вклада частных лиц в развитие горного дела составлены таблицы, в которых указан общий объем добычи на приисках. За основу взяты статистические данные из годовых ведомостей по добыче шлиха на конкретных участках. В статье не рассматривается организация работ и техническое оснащение приисков. В той или иной степени данная сторона приисковой работы, как и в целом тема, освещена в работах автора, опубликованных в 2006 и 2016 гг. [1].

Следует отметить, что подробное фактическое исследование приисков Бирюсинского горного района Восточной Сибири проведено впервые. Рассматриваемая в статье территория представляет собой компактную часть бассейна верхнего течения Большой Бирюсы, где левыми притоками являются реки Янгота (левый приток р. Тынготы), Большой и Малый Исселей, Катышиндагой и Мокрый Мирючун, правыми — реки Хорма с ее левым притоком Унгурбей, Сухой Мирючун и Малая Бирюса. Далее по тексту определения «Большой(ая)» и «Малый(ая)», относящиеся к гидронимам, заменены на литеры «Б.» и «М.».

КК° екатеринбургских купцов Рязановых, Толкачевых, Д. И. Баландина и «Высочайше утвержденная в 1835 г.» И. Д. и В. И. Асташевых

В верховьях Б. Бирюсы и на ее притоках прииски начали организовываться с 1836–1837 гг. Для их работы требовались большие деньги, которые могли быть только у КК°. Вероятно, первыми на Бирюсе появились КК° екатеринбургских купцов Диомида Ивановича Баландина и Максима (отчество не установлено) Коробкова, братьев Архипа Сильча и Федота Сильча Толкачевых, а также Якима Меркурьевича и Аникия Терентьевича Рязановых (табл. 1). Это были опытные золотопромышленники. В частности, у Рязановых к моменту появления на Б. Бирюсе имелось 44 прииска в «Затунгусской системе» по рекам Удерею и Большой Мурожной. Известно, что в середине XIX в. членам «Торгового дома фирмы Якима Рязанова и сыновей» принадлежали прииски, помимо Бирюсинского округа, в Верхоленском и Баргузинском горных округах, а также в системе Витима и Забайкальской области. В 40-х гг. XIX в. Архип Сильч Толкачев также имел золотопромышленную компанию (далее — К°), организованную с купцами Алымовым, Посылиным, Серебряковой и господином Бибиковым (фамилии в документе указаны без инициалов). Ее работа велась на территории Енисейской губернии [2].

К быстро развивающимся купеческим золотопромышленным КК° примкнула еще одна — «Высочайше утвержденная в 1835 г. К°» коллежского советника Ивана Дмитриевича Асташева. Собственно события, предшествующие этому взаимодействию, описаны известным в то время общественным деятелем, архе-

ологом А. В. Адриановым [3]. Нам представляется интересным познакомиться с личностью главы этой К°.

И. Д. Асташев родился в 1796 г. в г. Нарыме Тобольского наместничества. После окончания уездного училища вместе с родителями уехал в Томск, где в 1809 г. поступил на службу в «Губернское Правительство» и через три года получил первый чин. Через несколько лет переехал в Петербург и поступил на службу в канцелярию военного министра. Здесь заслужил еще два чина и по особой протекции перешел работать к генерал-губернатору Западной Сибири. В течение 13 лет И. Д. Асташев сменил ряд постов. Он был городничим г. Бийска, исправником г. Кузнецка, начальником отделения Томского общего губернского управления, советником губернского суда. Начавшаяся «золотая лихорадка» не обошла его. В 1833 г., уйдя в отставку, перешел работать к «первому золотопромышленнику» Федоту Ивановичу Попову «в качестве поверенного по приисковым и другим торговым делам». Расположив к себе золотопромышленника, получил от него в подарок 40 тыс. руб. (огромная сумма по тем временам) на расходы, связанные с поисками золота [4].

Ко времени создания золотопромышленной К° позитивно сказались утвержденные в 1835 г. Положение Сибирского комитета, по которому люди, состоящие на государственной службе, не имели права заниматься золотопромышленностью. Как пишет А. В. Адрианов, «петербургские чиновники могли участвовать лишь в качестве вкладчиков и притом тайно... А когда об участии в приисковых делах крупных петербургских сановников узнал Император Николай Павлович и пригрозил им ответственностью, то они поспешили сбыть свои паи Асташеву. И он, скупив... за бесценок, сразу стал миллионером» [5]. Так стечение обстоятельств повлияло на выбор необычного названия К° «Высочайше утвержденная в 1835 г.», что, вероятно, давало ей преимущества перед другими подобными (табл. 1).

Ближе к 1837 г. И. Д. Асташев знакомится с екатеринбургским купцом Я. М. Рязановым, который в тайге под г. Мариинском нашел крупное месторождение золота. Используя петербургские связи, И. Д. Асташев не только опередил Я. М. Рязанова в утверждении богатого участка, но и получил его. С 1837 по 1842 г. проходили судебные разбирательства «Я. М. Рязанов против И. Д. Асташева». Следующее событие, произошедшее не в пользу Я. М. Рязанова, заставило его завершить судебное дело. В 1840 г. И. Д. Асташев от Кабинета его величества получил бриллиантовый перстень «в пример другим золотопромышленникам Сибири за общепользную деятельность в новой сфере труда». После этого Я. М. Рязанов предложил И. Д. Асташеву совместную разработку месторождения. В 1842 г. была организована «К° промыслов купцов Рязановых и коллежского советника И. Д. Асташева с их компаньонами» [6]. В это же время И. Д. Асташев объединяется с КК° других екатеринбургских купцов — братьев Толкачевых и Д. И. Баландина с их компаньонами. В итоге утвержденные первоначально екатеринбургскому купечеству богатейшие прииски бассейна Б. Бирюсы перешли в разработку еще одной К° (табл. 2–5).

В конце XIX в. КК° увеличили золотоносные площади путем скупки или аренды приисков, а также посредством приобретения их через своих компаньонов. Однако за неуплату поземельной (подесятинной) подати часть территории была изъята в казну и объявлена свободной для новых заявок, часть перешла КК° (табл. 6–8).

Как показало исследование, родившийся союз купечества и дворянства оказался очень крепким. Это позволило им пройти до конца своей истории

(1919 г.), что называется, рука об руку. Изначально КК° получили, во-первых, мощный капитал, во-вторых, протекцию и поддержку своих действий в высших округах. В исследуемый период им принадлежало 50 % общего числа выявленных по различным документам приисков. Их общая доля в компаниях Рязановых, Толкачевых, Д. И. Баландина и Асташевых состояла из двух неравных частей. Большая часть представлена действующими приисками, где половина работала на протяжении от 20 до 70 лет (табл. 2–5). Меньшую часть составляли неработающие прииски, вероятно, являвшие собой своеобразный запасной капитал (табл. 9). Безусловно, благодаря именно хозяевам этих компаний, которые пришли в Восточные Саяны, как говорится, всерьез и надолго, прииски работали практически ежегодно.

Обратимся к деятельности других КК°.

КК° Д. Д. Пономарева

Надворный советник, кавалер орденов, московский (питерский?) купец 1-й гильдии Дмитрий Дмитриевич Пономарев являлся учредителем двух золотопромышленных КК°, появившихся на Бирюсе практически одновременно (табл. 10, 11). Компаньоном в первой из них состоял известный семипалатинский промышленник, коммерции советник, кавалер Степан Иванович Попов. Именно его два прииска (из пяти) приносили доход компании. Информация о С. И. Попове кроме документов ГАИО имеется в ранее упомянутой статье А. В. Адрианова [7].

Прежде всего следует отметить, что родным братом С. И. Попова был крупный золотопромышленник Ф. И. Попов, поддержавший И. Д. Асташева в начале карьеры. А. В. Адрианов сообщает о занятиях Степана Ивановича, который «в 1824 г. открыл в киргизской степи свинцово-серебряные и медные руды и учредил для обработки их единственный в России серебро-свинцовоплавильный завод». Золотопромышленностью он начал заниматься по завещанию дяди (коммерции советника и кавалера Андрея Яковлевича Попова) и брата (Ф. И. Попова), от которых унаследовал созданную в 1834 г. К° [8].

Вторая К° называлась «Товарищество на добычу золота в Иркутском, Нижнеудинском и Канском округах». Ее учредителями (помимо Д. Д. Пономарева) являлись губернатор Восточной Сибири, генерал-лейтенант и кавалер разных орденов Вильгельм Яковлевич Руперт, а также иркутский почетный гражданин купец 2-й гильдии Григорий Сергеевич Лапин [9].

После кончины Д. Д. Пономарева (1844 г.) организованные им КК° распались (1850 г.).

Прииски четырех КК°

В конце 1830-х гг. в четырех КК° было утверждено по одному прииску: «К° коммерции советника Кузьмы Никитовича Кузина и купца 2-й гильдии Василия Мыльниковца», «К° купцов Ивана Крылова и Тимофея Обрядова», «К° титулярного советника Тимофея Алексеевича Боровкова, статского советника Семена Трофимовича Аргамакова и коллежского советника Ивана Дмитриевича Асташева», а также «Алтайско-Саянскому Т-ву» (табл. 12) [10].

Из перечисленных золотопромышленных КК° работала только одна (К° Т. А. Боровкова, С. Т. Аргамакова и И. Д. Асташева). На ее Ильинском прииске было проведено шесть промысловых сезонов (последний в 1843 г.). Продержав участок еще девять лет, К° передала его канскому купцу 2-й гильдии Ивану Николаевичу Красильникову и на этом прекратила свою деятельность.

К° И. Ф. Родионова

В конце 1830-х — начале 1840-х гг. появилась К° ачинского купца 2-й гильдии Ивана Федоровича Родионова (табл. 13). Ее участниками (помимо И. Ф. Родионова) стали: его жена Гликерия Филипповна Родионова, канский купец 1-й гильдии Гаврил Федорович Машаров, полковник Григорий Васильевич Жуковский (С.-Петербург), действительный статский советник Василий Михайлович Быков (С.-Петербург), действительный статский советник Семен Трофимович Аргамаков (С.-Петербург) [11].

Судя по документам, здесь разыгралась семейная трагедия. Супруги Родионовы умерли один за другим (в 1845 г. Иван Федорович, в 1847 г. Гликерия Филипповна), оставив двух несовершеннолетних дочерей — Феоктисту и Александру. Наследство должно было перейти к Михаилу Федоровичу Родионову (брату И. Ф. Родионова), однако он также умер в 1847 г. По духовному завещанию Г. Ф. Родионовой руководство приисками перешло к Г. Ф. Машарову, которому опекун несовершеннолетних детей разрешил продать паи наследниц камышловскому купцу 2-й гильдии Петру Ивановичу Бабичеву. Разрешение было оформлено только в Ачинске, но не получило подтверждение в Сенате. Сам опекун выехал из Ачинска предположительно в Екатеринбург. Получив паи наследниц, П. И. Бабичев стал временным распорядителем дел К°. В 1849 г. он купил у Г. Ф. Машарова прииски наследниц (Преображенско-Екатерининский, Александровский и Васильевско-Унгурбейский). В 1850 г. Феоктиста и Александра потребовали вернуть прииски, но безуспешно.

В 1855 г. П. И. Бабичев продал прииски кунгурскому купцу 1-й гильдии Павлу Егоровичу Кузнецову «до полной их выработки в полное потомственное владение за 35 тыс. серебром (дома, амбары, избы, кузница, машины, тачки, таратайки, горные инструменты, товарные вещи, лошади, фураж, припасы и материалы) все, что составляет собственность промыслов» [12]. После смерти П. Е. Кузнецова в 1862 г. прииски Александровский и Васильевско-Унгурбейский были проданы К° отставного поручика Дмитрия Егоровича Бенардаки и купца 1-й гильдии (С.-Петербург) Степана Федоровича Соловьева за 15 тыс. руб. серебром. Последний уже имел прииск в долине Б. Бирюсы. Проведя три промысловых сезона, К° свернула свою деятельность. Два прииска зачислены в казну в 1868 г. Прииск С. Ф. Соловьева завещан другому лицу (табл. 14) [13].

К° П. В. Голубкова, Е. А. Кузнецова, Т. А. Ковалевского

У истоков К° стоял надворный советник Платон Васильевич Голубков (Москва). В 1836 г. он получил участок в верхнем течении Б. Бирюсы. В связи с тем что на большую часть золотоносной территории на данном отрезке долины претендовали также КК° екатеринбургских купцов А. М. Рязановых, Д. И. Баландина и ачинского купца 2-й гильдии И. Ф. Родионова, участки разделили следующим образом. Екатеринбургские купцы заняли оба берега так, что прииск П. В. Голубкова оказался между ними. Интересно, что отводы разных КК° получили одно название — «Преображенский». Поэтому в нашем исследовании прииску П. В. Голубкова дано условное название «Преображенский» (средний). Именно из его площадей в 1841 г. был выделен Преображенско-Екатерининский купцу И. Ф. Родионову [14].

П. В. Голубков вместе с иркутским купцом 2-й гильдии Ефимом Андреевичем Кузнецовым в 1837 г. создал К° для разработки золотоносного участка, открытого в 1835 г. в Канском округе по р. М. Янгозе. Как и другие К°, работавшие в первой половине XIX в. в южной части Сибири, она была зарегистрирована в Алтайском горном управлении [15].

В 1841 г. в состав К° вошел еще один известный золотопромышленник — отставной поручик Д. Е. Бенардаки. По соглашению, заключенному между П. В. Голубковым и Д. Е. Бенардаки, последний дал деньги на разработку приисков и «взял на себя труд защищать от посторонних домогательств». В 1843 г. после принятия в компаньоны на основе половинного участия таганрогского купца 2-й гильдии Тимофея Андреевича Ковалевского данный союз получил название «К° по золотым промыслам в Восточной Сибири». Помимо Канского и Нижнеудинского округов она действовала в северной части Енисейской губернии, где имела прииски по системам рек Пита и Подкаменной Тунгуски [16].

Казалось бы, ничто не мешало союзу единомышленников существовать. Однако надворный советник П. В. Голубков стал жаловаться в различные высшие инстанции на своих компаньонов. В 1845 г. он затеял тяжбу с Д. Е. Бенардаки, обвинив его в том, что Дмитрий Егорович превышает свои полномочия, оговоренные соглашениями между компаньонами от 1841 и 1842 гг. в разделе получения денег со своих паев непосредственно на Монетном дворе. По мнению П. В. Голубкова, отставной поручик был принят в компанию «безгласным товарищем». Поэтому он не мог получить свидетельство от горного ревизора для передачи добытого золота в Алтайское горное управление, следовательно, после его сплава, и денег на Монетном дворе. П. В. Голубков требовал от горных ревизоров привести в порядок бумаги [17].

В 1847 г. он жаловался генерал-губернатору Восточной Сибири на своего компаньона Е. А. Кузнецова, что тот не поставил в известность П. В. Голубкова о признании Е. А. Кузнецовым прав и полномочий компаньона Д. Е. Бенардаки, намекая на то, что последний слаб в золотопромышленных делах. В ответ разъяренный Д. Е. Бенардаки в 1851 г. отправил короткое письмо генерал-губернатору Восточной Сибири Николаю Николаевичу Муравьеву, в котором перечислил действовавшие на то время пять своих КК° и состоящих в них лиц, среди которых были и приближенные императора: в «К° Голубкова, Кузнецова и Бенардаки» состоят: Голубков, Бенардаки и наследницы Кузнецова — Булычева, жена статского советника, и Занадворова, жена губернского секретаря; «Удере́йская К° Бенардаки, Рязановых и К°»: Бенардаки, действительный статский советник Якобсон, коммерции советник Медведников, купцы Аникий и Аким Рязановы, купец Щеголев и его жена; «К° Бутурлина и Бенардаки»: генерал-майор Алексей Петрович Бутурлин (свита императора), Бенардаки и Голченкова, жена коллежского советника; «К° кн. Волконского»: Волконский, Бенардаки, купец Машаров; «К° Львова и К°»: генерал-майор Львов (свита императора), статский советник Абаза, Бенардаки и статский советник Струговщиков [18]. В 1856 г. П. В. Голубков заявил претензии купцам Рязановым по поводу неверно, как он считал, отведенных участков Платоновского и Ольгинского на р. М. Янгозе (Канский округ) [19].

После смерти П. В. Голубкова тяжбы продолжила его родная сестра Александра Васильевна Григорьева, пожаловавшаяся в 1857 г. енисейскому губернатору на то, что не получает дивиденды с приисков северной части Енисейской губернии, которые не вошли в завещание брата. Из компаньонов к этому времени в живых остался только Т. А. Ковалевский, проживавший в Одессе (Е. А. Кузнецов умер в 1850 г.). В 1863 г. енисейский губернатор объявил Т. А. Ковалевского несостоятельным должником и обратился в банк Одессы с просьбой «арестовать счета с доходов по золоту и запретить Ковалевскому продавать паи в промыслах К° Голубкова, Кузнецова, Ковалевского (другим лицам. — Л. М.)... в обеспечении долга Гос. Банку в сумме свыше 100 тыс.

руб. (необходимо, чтобы в дальнейшем. — Л. М.) доходы на паи Ковалевского поступали прямо в Одесскую контору означенного банка» [20].

Т. А. Ковалевский, одесский почетный гражданин, не смог пережить навалившееся на него банкротство. Он умер в 1864 г. После его смерти родственники обратились к императору с просьбой о передаче доходов с приисков «К° Голубкова, Кузнецова, Ковалевского», которые были записаны на имя Т. А. Ковалевского, в частности с Преображенского (среднего). В 1867 г. им ответили, что «в связи с тем, что акт-договоренность от 1837 г. между Е. А. Кузнецовым и Т. А. Ковалевским утерян, отказать родственникам перечислять прииски из К°, т. к. не ясно, как были разделены паи» [21].

В 1870 г. по распоряжению Совета Главного управления Восточной Сибири все прииски, отведенные П. В. Голубкову, Е. А. Кузнецову и Т. А. Ковалевскому, были зачислены в казну с формулировкой «за неразработку» и выставлены на торги (табл. 15). Только неработающий прииск Мариинский (нижний) зачислен за год до смерти Т. А. Ковалевского. Замечательна мотивировка зачисления в казну Преображенского (среднего) — «по отказу П. В. Голубкова от владения», которого не было в живых уже 14 лет.

«К° золотых промыслов в Восточной Сибири» Д. Е. Бабушкина

В период 1851–1852 гг. складывается К° губернского секретаря Дмитрия Евгеньевича Бабушкина. Первоначально под названием «К° отставного штабс-капитана Н. А. Бастрыгина и К° отставного корпуса Горных Инженеров» она принадлежала штабс-капитану Николаю Андреевичу Бастрыгину. В связи с выходом на службу в Алтайские заводы Н. А. Бастрыгин не имел права заниматься золотопромышленностью и обязан был передать имеющиеся у него прииски другому лицу. На тот момент в К° Н. А. Бастрыгина в Бирюсинском горном округе имелся один Благодатский прииск (р. Хорма). По акту 1850 г. его передали отставному гиттен-фервальтеру (горному чиновнику) Епиктету Павловичу Олоровскому, представителю «К° отставного корпуса Горных Инженеров», который стал управляющим делами уже бывшей К° Н. А. Бастрыгина. В 1853 г. Е. П. Олоровский передал свое участие Д. Е. Бабушкину. Таким образом была сохранена К°, действовавшая с 1852 г. под названием «К° золотых промыслов в Восточной Сибири». Ее участниками (помимо Д. Е. Бабушкина) стали титулярный советник Дмитрий Максимович Соколов, губернский секретарь Александр Михайлович Мангазеев, отставной горный чиновник Е. П. Олоровский, коммерческий советник С. И. Попов, купец Сидор Петрович Соловьев (С.-Петербург), томский купец 2-й гильдии Никита Иванович Петров, иркутский купец 2-й гильдии Павел Алексеевич Федченко, коломенский купец Александр Якимович Горохов, канские купцы Константин Степанович Дьяков и Иван Николаевич Красильников, купец 1-й гильдии Василий Петрович Шипилин, купец Шигаев и жена (инициалы не установлены) купца Герасимова. Уполномоченным делами назначен красноярский купец 2-й гильдии Гаврил Аркадьевич Зиктоев (табл. 16) [22].

Из документов дела «О золотопромышленной компании губернского секретаря Бабушкина» известно, что к 1855 г. Д. Е. Бабушкин залез в крупные долги. Пытаясь выпутаться из них, в 1855 г. он сдал в аренду успешному золотопромышленнику канскому купцу 1-й гильдии Ивану Федотовичу Прейну прииск Аннинский. За промывочный сезон И. Ф. Прейн добыл только 6 золотников и 48 долей шлихового золота. Это слишком незначительная величина по сравнению, например, с добычей Благодатского, которая в 1854 г. составила

1 пуд 4 фунта 52 золотника 60 долей. С намытым золотом И. Ф. Прейн решил распорядиться следующим образом. Полученные после сплава шлиха деньги он хотел перевести в пользу раненых под Севастополем солдат — участников Крымской войны 1853–1856 гг. между Россией и Великобританией. Однако Алтайское горное управление, где была зарегистрирована К° И. Ф. Прейна, не дало разрешения на это. Известно, что Д. Е. Бабушкин предлагал И. Ф. Прейну организовать совместную К° на разработку золота в Восточной Сибири. В обмен на согласие отдавал основные паи Аннинского прииска [23]. Скорее всего, И. Ф. Прейн отказал в содействии Д. Е. Бабушкину, и прииск за неразработку был зачислен в казну (год неизвестен).

В 1856 г. Д. Е. Бабушкин обратился за помощью в разработке прииска Благодатского (а также своего Степановского на р. М. Янгозе в Канском округе) к коллежскому асессору Николаю Ивановичу Палымскому на условиях получения за каждый прииск по 6 тыс. руб. в обмен на дивиденды с добычи, причитающиеся Н. И. Палымскому. Однако и здесь его ждал отказ [24].

Не имея возможности отдать долги, Д. Е. Бабушкин передал в аренду на четыре года Благодатский прииск, который каждый год приносил К° по 1 пуду с лишним, а первые два года (1851 и 1852) по 4 пуда с лишним шлихового золота. Арендатором выступил томский купец 2-й гильдии Лука Иванович Некрасов, имеющий виды на богатый прииск Ильинский, зачисленный в казну в 1854 г. (бывший хозяин С. И. Попов) [25]. Условия аренды были следующие. В операцию 1857 г. с каждого намытого пуда шлиха Л. И. Некрасов платит Д. Е. Бабушкину по 1 500 руб. серебром, в последующие операции 1858–1860 гг. — по 1 200 руб. серебром. Однако гримаса случая, добыча на прииске резко упала. Ни в один из рабочих сезонов (1857, 1858, 1860, 1862, 1864 гг.) она не дотягивала до 40 фунтов, а в 1862 г. составила только 9 золотников 24 доли. Помочь не могли и прииски, принадлежавшие И. Н. Красильникову, так как они не работали. Марие-Надеждинский (р. Б. Бирюса) в 1860 г. был зачислен в казну, в 1861 г. его утвердили канскому купцу 1-й гильдии Игнатию Никитовичу Некрасову. Прииск Ильинский (р. Катъшиндагой) завершил работу в 1864 г., проведя один промывочный сезон [26].

Удачным для Благодатского оказался последний год его работы (1866), когда намыли 1 пуд 39 фунтов. Однако денег у Д. Е. Бабушкина больше не было. В 1868 г. прииск зачислили в казну. В итоге разорившаяся К° прекратила свою деятельность в Бирюсинском горном округе [27].

К° С. А. Мадатовой

В 1852–1853 гг. в долине р. Хормы по просьбе княгини Софьи Александровны Мадатовой (фрейлины императрицы Елизаветы Алексеевны) было отведено три прииска и один дополнительный участок (табл. 17). Из документа, в котором упоминается прииск Сергеевский, следует, что у С. А. Мадатовой имела золотопромышленная К°, однако информации о ее работе в Бирюсинском горном округе нет. Известно, что все прииски княгини здесь не работали. Более того, в Иркутском горном управлении документы Софийского и Сергеевского оказались утеряны, поэтому и время зачисления их в казну осталось неизвестным. Софья Александровна умерла в 1875 г. В документе «О перечислении за наследниками кн. Мадатовой приисков и арендных денег» указывается, что основными приисками являлись «два бывших "Ильинских" (ныне "Троицких") по р. Огние в Енисейской губернии». По духовному завещанию доходы с них следовало разделить между ее четырьмя родственниками [28].

К° М. С. Безносикова, А. К. Триполитова и других лиц

В 1861 г. организовалась К° отставного майора Михаила Степановича Безносикова и вольного штурмана Алексея Кирилловича Триполитова. Ее участниками (помимо М. С. Безносикова и А. К. Триполитова) стали следующие лица: Юлия Ивановна Безносикова (жена Михаила), отставной штабс-капитан Яков Степанович Безносиков (родной брат Михаила), Варвара Николаевна Безносикова (жена Якова). В последующие года в нее вошли: канский купец Игнатий Никитович Некрасов, Александра Федоровна Кузнецова (жена канского купца Евсея Афанасьевича Кузнецова), наследники М. С. Безносикова (Сергей, Вера и княгиня Екатерина Михайловна Любецкая, урожденная Безносикова) (табл. 18) [29].

С момента утверждения до 1870 г. работа на приисках велась относительно равномерно за небольшими исключениями. В период 1870–1877 гг. три прииска, находящиеся в долине Б. Бирюсы (Сергеевский, Рождества Богородицы и Иверский), хозяева сдали в аренду Елене Сергеевне Аргуновой (жене губернского секретаря). Первые два на условиях по 300 полуимпериалов с 1 пуда чистого золота, последний по 2 руб. за золотник. Полуимпериал — золотая монета 88 пробы весом около 1,5 золотника (вес 1 золотника составлял 4,3 г). Однако за все время аренды на приисках провели только один промысловый сезон (1870 г.). На Сергеевском намыли чуть больше 9 фунтов золота, на прииске Рождества Богородицы — чуть больше 20 фунтов, на Иверском — около 4 фунтов [30]. Понятно, что все стороны несли убытки.

В 1877 г., умерив свои аппетиты, Безносиковы передали указанные прииски в арендоданскому купцу 1-й гильдии И. Н. Некрасову на условиях по 5 полуимпериалов с 1 фунта чистого золота. И. Н. Некрасов провел пять промысловых сезонов (с 1877 по 1881 г.), в которые картина добычи значительно изменилась. На Сергеевском добыли более 17 пудов, на Иверском — более 6 пудов, на прииске Рождества Богородицы — более 15 фунтов [31].

Образовавшиеся при аренде Е. С. Аргуновой убытки необходимо было покрывать. После смерти М. С. Безносикова (1881 г.) его дочь Екатерина (Елена — в документах фигурируют два имени) свое участие в паях передала А. Ф. Кузнецовой, а вольный штурман А. К. Триполитов продал И. Н. Некрасову [32]. Таким образом в 1881 г. произошла смена хозяев К°. Во главе встали канские купцы 1-й гильдии И. Н. Некрасов и Е. А. Кузнецов.

Во всей истории данной К° наиболее интересен прииск Петро-Павловский, который представляет собой классический пример так называемой многослойной аренды, широко распространенной среди золотопромышленников в XIX в. Как отмечалось выше, после смерти С. Ф. Соловьева по его духовному завещанию Петро-Павловский достался жене действительного статского советника Е. И. Перяславцевой (табл. 15), которая в 1868 г. передала его в аренду Е. Безносиковой на условиях по 700 руб. с каждого пуда шлихового (не очищенного от примесей) золота. В 1871 г. Е. Безносикова от своего имени передала прииск в новую аренду красноярскому купцу 1-й гильдии Ивану Ивановичу Токареву на тех же условиях (т. е. уже двойная аренда). Лично Е. Безносиковой причиталось по 300 полуимпериалов с пуда. После смерти И. И. Токарева Е. Безносикова в 1885 г. вновь передала прииск в аренду купцу Прейну (инициалы не установлены) на условиях по 37 руб. 50 коп. с фунта золота. Прейн передал в аренду А. О. Рязановой (табл. 9), а та, в свою очередь, нижеудинскому купцу 2-й гильдии Авксентию Григорьевичу Воронцову. Смысл столь замысловатых переходов в четвертые руки аренды одного прииска понятен: люди уходили

от уплаты поземельного налога. В XIX в. правило «заплати налоги и спи спокойно» тоже действовало. В 1893 г. Петро-Павловский был зачислен в казну за неуплату поземельного налога (подесятинной подати). Более того, прииск был внесен в торговую ведомость и выставлен на торги. В 1895 г. его купил за 1 120 руб. красноярский мещанин Федор Матвеевич Яковлев и передал в разработку «Т-ву Яковлевых» [33].

У новых хозяев К° (И. Н. Некрасова и Е. А. Кузнецова) прииски продолжали работать, находясь в аренде у «Товарищества Яковлевых». Дети М. С. Безносикова не остались без наследства. И. Н. Некрасов вернул причитающиеся им пай приисков Иверского (1888 г.) и Сергеевского (1907 г.), а прииск Рождества Богородицы оставил за собой [34]. К° существовала еще в начале XX в. В 1911 и 1915 гг. прииски были проданы нижеудинскому мещанину Семену Васильевичу Непомнящему(их) [35].

К° К. М. Бастрькова

В 1874 г. появилась новая золотопромышленная К°. Ее организатором стал канский купец 2-й гильдии Константин Макарович Бастрьков (табл. 19). В документах имеется информация о двух Бастрьковых. Вторым был нарымский купец 2-й гильдии Макар Яковлевич, отец Константина. Неизвестно, входил ли он в К° сына. Судя по датам, отец и сын работали одновременно. Интересно, что отец занимался только торговлей приисками. С торгов он купил два участка на р. Хорме (Благодатский за 120 руб. серебром и Успенский за 15 руб. серебром), а также Мариинский (нижний) на Б. Бирюсе. Благодатский и Успенский тут же были проданы золотопромышленной К° В. И. Асташева (сумма неизвестна). Прииск Мариинский (нижний) через пять лет после покупки Бастрьков-старший передал своей невестке Марии Дмитриевне Бастрьковой. Она сдала участок в аренду крестьянину Вятской губернии Орловского уезда Истобенской волости Михаилу Никифоровичу Шевнину. В 1885 г. его продали за 6 тыс. руб. красноярскому мещанину Николаю Кирилловичу Переплетчикову. Лично Бастрькову-старшему был утвержден единственный (и последний по времени приобретения) прииск Иоанно-Предтеченский. Через год он продал его за 500 руб. серебром Ульяне (Улите) Сидоровне Токаревой, жене красноярского купца 1-й гильдии Ивана Ивановича Токарева [36], и на этом его деятельность на Бирюсе завершилась.

Бастрьков-младший, в отличие от отца, занялся разработкой приисков. Купив с торгов за 120 руб. Алевтинский (Б. Бирюса), половинное участие в нем он продал за 100 руб. серебром уже знакомому нам купцу Евсею Афанасьевичу Кузнецову, организовав тем самым золотопромышленную К°. Через девять лет прииск продали красноярскому мещанину Н. К. Переплетчикову. В этом же 1874 году К. М. Бастрьков купил с торгов за 10 руб. прииск на р. Катъшиндагое Юлие-Ивановский (бывший Ильинский) и половинное участие продал своему компаньону за 120 руб. серебром. Через пять лет они продали его за 6 тыс. руб. коллежскому секретарю Михаилу Николаевичу Васильеву. В 1877 г. К. М. Бастрьков купил на Б. Бирюсе прииск Троицкий (бывший Всех Скорбящих) и половинное участие в нем продал все тому же Е. А. Кузнецову за 200 руб. серебром. Прииск на три года был передан в арендное пользование наследникам красноярских мещан Н. К. Переплетчикова и Ф. М. Яковлева, затем компаньоны продали его за 6 тыс. руб. коллежскому секретарю М. Н. Васильеву. В том же 1877 году К. М. Бастрьков взял в аренду на Б. Бирюсе прииск Ильинский, однако уже на следующий год вследствие отказа от владения

участок был перечислен томскому купцу 2-й гильдии Семену Степановичу Валгусову. Последняя сделка состоялась в 1880 г., когда К. М. Бастрыков продал Н. К. Переплетчикову за 120 руб. серебром прииск Иоановский на Мокром Мирючуне [37]. Освободившись от приисков, К° завершила свою деятельность в Бирюсинском горном округе.

«Бирюсинская золотопромышленная К°»

В 1878 г. на Бирюсе появилась К°, деятельность которой выглядит по меньшей мере странно. Ее организовали иркутские купцы Исай Абрамович Прейсман, Иосиф Леонтьевич Нейман, Павел Яковлевич Маркевич и верхотенский купец Моисей Евсеевич Рябкин [38].

Участники проработали вместе всего четыре года. Добыча велась на четырех приисках (от 1 до 3 лет), остальные не работали (табл. 20). В 1881 г. участки были либо проданы, либо зачислены в казну. По документам прослеживается схема, существовавшая внутри компании. Прииски покупались или утверждались, затем на протяжении нескольких дней или месяцев перепродавались компаньонами друг другу по цене от 250 руб. до 3 тыс. руб., причем продажная цена не всегда возрастала при передаче следующему лицу. Более того, перепродажа между компаньонами могла осуществляться дважды [39]. Подобные схемы в других золотопромышленных КК°, действовавших в Бирюсинском горном округе, в документах не отмечены.

«Товарищество А. Г. Воронцова и И. Д. Черемных»

Новая золотопромышленная К° появилась на Бирюсе в 1881 г. после покупки четырех приисков у «Бирюсинской К°». Ее учредителями стали нижеудинский купец 2-й гильдии Авксентий Григорьевич Воронцов и красноярский мещанин (с 1883 г. енисейский купец 2-й гильдии) Иван Дмитриевич Черемных, Елизавета Ивановна Переяславцева, жена действительного статского советника, и красноярский купец 1-й гильдии Иван Иванович Токарев. Из всех участников, вероятно, самым опытным был И. И. Токарев, который еще в 1868 г. взял в аренду у Е. И. Переяславцевой прииск Ольгинский (р. М. Янгоза, Канский округ) на условиях по 300 руб. с пуда чистого золота [40]. На Бирюсе он имел ряд приисков начиная с 1871 г. (табл. 21).

Наиболее трагичный момент в работе К° связан со смертью старейшего ее участника И. И. Токарева, который скончался в 1884 г. Оставшиеся три прииска на М. Бирюсе (Александровский, Амурский и Иоанно-Предтеченский), записанные на его имя, перешли вдове Ульяне (Улите) Сидоровне Токаревой. Интересно, что компаньоны и знакомые семьи Токаревых не бросили женщину в беде. В течение 11 лет они на разных условиях работали на ее частных приисках. Одно время все участки брал в аренду А. Г. Воронцов на условиях по 450 полуимпериалов с пуда шлихового золота ассигновками (ценные бумаги) Горного отделения. Александровский менял арендаторов чаще. Вначале его арендовал красноярский мещанин Сергей Сергеевич Токарев на условиях по 500 полуимпериалов с пуда лигатурного (очищенного) золота. После А. Г. Воронцова — красноярские мещане Александр Аникитин, Иван Петрович Селбцер и Александр Афанасьевич Толшин. Каждый раз из-за отказа от аренды очередного лица прииск вновь и вновь возвращался к У. С. Токаревой до тех пор, пока она не продала его вместе с двумя другими красноярскому мещанину Павлу Гавриловичу Красноперову [41]. Товарищество в основном завершило работу в 1891 г. продажей ряда приисков.

«Товарищество Предприимчивость»

«Товарищество Предприимчивость» осуществляло свою деятельность в горном округе на рубеже веков. Его организатором стал красноярский мещанин Сергей Петрович Токарев. Участниками К° являлись следующие лица (помимо С. П. Токарева): красноярские мещане Сергей Сергеевич Токарев (сын С. П. Токарева), Иван Игнатьевич Шешулин и сургутский мещанин Александр Алексеевич Шешин. С. П. Токарев, начав свою деятельность на М. Бирюсе с покупки в 1870 г. Тихвино-Пантелеймоновского прииска, который отработал три года, вернулся в Бирюсинский округ только через 20 лет (табл. 22). Дальнейшее его занятие частными промыслами оборвала смерть (1895 г.), и начатое дело перешло к сыну С. С. Токареву [42]. Известно, что К° имела участки и в Благовещенском округе [43]. Основная деятельность Товарищества прекратилась к 1906 г.

«Товарищество Яковлевых»

Прологом создания Товарищества в 80-х гг. XIX в. явилась деятельность двух красноярских мещан — Николая Кирилловича Переплетчикова и Федора Матвеевича Яковлева. Первоначально Н. К. Переплетчиковым и Ф. М. Яковлевым в 1874 г. был арендован на Б. Бирюсе прииск Юлинский, который в 1889 г. они получили в собственность. Во второй половине 1880-х гг., когда складывалось Товарищество, была проведена скупка приисков (табл. 23). По своей активности Товарищество явно составляло конкуренцию золотопромышленным КК° екатеринбургских купцов. Его основная деятельность прекратилась в 1908 г.

В 1902 г. сложилась дочерняя «К° П. Г. Красноперова, М. Н. Шевнина и наследников Яковлевых», участниками которой стали наследники Ф. М. Яковлева (Вениамин, Николай, Александр, Иннокентий, Клавдия и Валентина), красноярский мещанин Павел Гаврилович Красноперов и крестьянин Вятской губернии Орловского уезда Истобенской волости Шевнин Михаил Никифорович (табл. 24). С 1907 г. в Товарищество вошли сургутский мещанин Александр Алексеевич Шешин, крестьянин Иван (отчество не установлено) Лазарев, Локотников и Хилков (инициалы не установлены) [44]. Основная деятельность осуществлялась до 1906 г.

«Бирюсинское золотопромышленное Товарищество»

Это последняя организация золотопромышленников, существовавшая в начале XX в. в Бирюсинском горном округе. Ее участниками были лица, чьи имена и отчества отсутствуют в документах: Шнурин, Пален, Купинский, Латынин, Васильев, Расторгуев и доктор (лекарь) Евель Борухович Изаксон [45]. Все прииски Товарищества не работали (табл. 25). В 1918 г. с формулировкой «за не взнос подесятинной подати» они были зачислены в казну.

Интересна характеристика, данная окружным инженером Бирюсинского горного округа статским советником Иннокентием Семеновичем Боголюбским золотопромышленным КК°, действовавшим в конце XIX в. В своем отчете за 1889 г. он разделил их на четыре группы. К первой отнес прииски К° Рязановых. Вторую группу составили прииски К° красноярских мещан Н. К. Переплетчикова и Токарева (инициалы не указаны). Третью (самую многочисленную) группу представили прииски купца А. Г. Воронцова, «не пользующиеся репутацией благонадежных». В четвертую группу вошли прииски К° Вениамина Ивановича Асташева (сына И. Д. Асташева), которые инженер рассматривал особо. По его мнению, дело В. И. Асташева было самым лучшим, потому что «много лет поддерживалось промывкой старых отвалов» [46].

Место, занимаемое Бирюсинским округом по добыче золота среди других округов в Восточной Сибири, показано приведенными статистическими данными, взятыми с интервалом в 20 лет за период с 1837 по 1916 г. (табл. 26) [47].

В 1919 г. промывочный сезон провел только один прииск Преображенский (Б. Бирюса), где добыли чуть больше 68 золотников. В этом же году окружной инженер коллежский асессор Данат Дмитриевич Писарев разослал всем золотопромышленникам, работавшим в округе, письма с просьбой вернуть в его канцелярию межевые журналы и планы приисков в связи со свертыванием частной золотопромышленности. Государственным приказом от 26 ноября 1919 г. служащие, состоящие на действительной службе в Иркутском горном управлении и подведомственных ему учреждениях, были уволены. 22 марта 1920 г. из горного отдела Иркутского губернского совета народного хозяйства РСФСР Д. Д. Писареву пришло указание изложить информацию о состоянии дел частной золотопромышленности по 39 пунктам. Новую власть интересовали объемы разведанных запасов золота, имеющиеся на приисках технические приспособления для его добычи, фамилии и адреса бывших хозяев, контингент служащих и рабочих, строения (казармы, больницы), запасы продовольствия, суммы финансирования работ, фуража и заработной платы, а также список приисков, разрабатывать которые необходимо в первую очередь [48].

В 1920 г. Бирюсинский (с 1903 г. Ангарский) горный округ вместе с другими горными округами Восточной Сибири стал частью Всесоюзного государственного акционерного общества «Союззолото» [49]. Таким образом, 1920 г. является началом новой истории золотопромышленности, которая с этого времени перешла в ведение государства.

Таблица 1

Первоначальный личный состав компаний екатеринбургских купцов и столичного дворянства

К° А. С. Толкачева	К° Д. И. Баландина	К° Рязановых
Толкачев Архип Силыч, купец	Баландин Диомид Иванович, купец	Рязанов Яким Меркурьевич, купец
Толкачев Федот Силыч, купец	Баландин Степан	Рязанов Аникий Терентьевич, купец
Коробков Максим, купец	Рязановы, купцы	Машаров Гаврил Федорович, канский купец 2-й гильдии
Асташев И. Д., коллежский советник	Казанцев Гаврил Фомич, купец	Асташев И. Д., коллежский советник
К° 1835 г. И. Д. Асташева		
Асташев Иван Дмитриевич, коллежский советник		
Асташев Вениамин Иванович, ротмистр лейб-гвардии полка		
Якобсон Иван Давидович, тайный советник		
Левашов (инициалы не установлены), коллежский советник		
Кузин Кузьма Никитович, коммерции советник		
Кузин Василий Кузьмич		
Андреев Николай (отчество не установлено), действительный статский советник		
Алоферани Любовь (отчество не установлено), жена действительного статского советника		
Ольга Торнели-Брудати, наследница графини Ростопчиной		
Лидия Ростопчина, наследница графини Ростопчиной		
Граве Екатерина Ивановна, жена надворного советника, наследница Надежды Ивановны Жуковской (жена В. И. Асташева)		

Таблица 2

Прииски А. С. Толкачева, переведенные в К° купцов Толкачевых и «Высочайше утвержденную в 1835 г. золотопромышленную К°» И. Д. и В. И. Асташевых

Река	Прииск	С утверждения до последнего года добычи	Время работы, всего добыто	Соединенная К°	Зачислен в казну/продан
Б. Бирюса	Семеновский	1836–1852	не работал	-	1852
	Успенский	1837–1901	49 лет 81 п. 11 ф. 15 з. 46 д.	+	В 1907 г. продан «Бирюсинскому Т-ву»
Б. Исселей	Ивановский	1837–1854	не работал	-	1854
Хорма	Велико-Николаевский	1836–1915	69 лет 640 п. 41 ф. 19 з. 58 д.	+	1918
Катышиндагой	Троицкий	1838–1915	61 год 113 п. 6 ф. 20 з. 48 д.	+	1919
Пояснения: п. – пуд, ф. – фунт, з. – золотник, д. – доля. В 1 пуде 40 фунтов, в 1 фунте 96 золотников, в 1 золотнике 96 долей					

Таблица 3

Прииски Д. И. Баландина, переведенные в К° Д. И. Баландина, М. Коробкова, Рязановых и «Высочайше утвержденную в 1835 г. золотопромышленную К°» И. Д. и В. И. Асташевых

Река	Прииск	С утверждения до последнего года добычи	Время работы, всего добыто	Соединенная К°	Зачислен в казну
Б. Бирюса	Покровский	1836–1916	61 год 87 п. 17 ф. 37 з. 8 д.	+	1919
Янгота	Спасский	1836–1854	не работал	-	1854
Б. Исселей	Больше-Исселейский	1836–1854	не работал	+	1854
М. Исселей	Мало-Исселейский	1836–?	не работал	+	?
Хорма	Велико-Никольский	1835–1916	68 лет 301 п. 37 ф. 44 з. 6 д.	+	1919
Унгурбей	Николаевский	1838–1840	не работал	+	В 1840 г. перешел в Васильевско-Унгурбейский
	Николаевский	1836–1907(?)	41 год 47 п. 29 ф. 20 з.	+	1907(?)
Сухой Мирючун	Балдагайский	1837	1 год 2 з.	+	1860
М. Бирюса	Мало-Бирюсинский	1837–1839	3 года 5 ф. 75 з. 42 д.	+	?
	Ключевской	1837–1870	не работал	-	1870
	Соколовский	1837–1854	не работал	-	1854

Таблица 4

Прииски Я. М. Рязанова, переведенные в К° купцов Рязановых, Д. И. Баландина и других лиц, а также «Высочайше утвержденной в 1835 г. золотопромышленной К°» Д. И. и В. И. Асташевых

Река	Прииск	С утверждения до последнего года добычи	Время работы, всего добыто	Соединенная К°	Зачислен в казну
Б. Бирюса	Преображенский	1836–1916	70 лет 335 п. 37 ф. 51 з. 55 д.	+	1919
	Казанско-Бирюсинский	1837–1845	4 года 3 п. 4 ф. 70 з. 28 д.	-	1855
	Яковлевский	1839–1852	не работал	+	1852
	Бирюсинский	1839–1854	не работал	+	1854
Янгота	Михайловский	1836–1853	не работал	-	1853
Б. Исселей	Георгиевский	1836–1854	не работал	+	1854
Катышиндагой	Сергеевский	1836–1903	30 лет 8 п. 14 ф. 46 з. 56 д.	+	1919
Сухой Мирючун	Яковлевский	1836–1842	не работал	-	1842
	Ключевской	1837–1842	не работал	-	1842
	Александроневский	1837	1 год 6 з. 28 д.	-	1860
М. Бирюса	Трех-Святительский	1836–1916	41 год 21 п. 22 ф. 82 з. 79 д.	+	1919
	Воздвиженский	1837–1854	не работал	-	1854
	Рафаиловский	1837–?	не работал	+	?

Таблица 5

Прииски, утвержденные И. Д. и В. И. Асташевым, переведенные в «Высочайше утвержденную в 1835 г. золотопромышленную К°»

Река	Прииск	С утверждения до последнего года добычи	Время работы, всего добыто	Переведен	Зачислен в казну/продан	
Янгота	Преображенский	1836–1854	не работал	-	1854	
Хорма	Георгиевский	1838–1852	5 лет 7 п. 39 ф. 45 з. 92 д.	+	1855	
Мокрый Мирючун	Ивановский	1837–1854	не работал	-	1854	
М. Бирюса	Успенский	1837–?	не работал	-	?	
Б. Бирюса	Ильинский	1867	взяли в аренду (1 год) 1 ф. 6 з. 73 д.	-	1871	
	Юлинский	1867–1869	2 года 4 ф. 77 з. 72 д.	-	1873	
	Ново-Успенский	1874–1910	13 лет 8 п. 2 ф. 87 з. 17 д.	-	-	В 1912 г. перешел Непомнящему С. В.
		1889–1910	сдали в аренду (18 лет)			

Унгурбей	Вознесенский	1868–1888	19 лет 8 п. 1 ф. 12 з. 14 д.	+	В 1889 г. сдан в аренду до 1918 г.
Хорма	Иннокентие-Ивановский (бывш. Успенский)	1868–1869	2 года 1 п. 3 ф. 31 з. 48 д.	-	1873
	Андреевский (бывш. Яково-Степановский)	1869–1894	2 года 3 ф. 29 з. 87 д.	+	1897
	Успенский	1874–1896	4 года 32 ф. 74 з.	+	В 1903 г. продан «Бирюсинскому Т-ву»
	Благодатский	1875–1905	20 лет 8 п. 31 ф. 4 з. 62 д.	+	В 1907 г. продан Изаксону Е. Б.
	Детский	1887–1898	не работал	-	В 1898 г. продан Шешину А. А.
Катышиндагой	Вениамино-Ивановский	1868–1873	не работал	-	1873

Таблица 6

Прииски, приобретенные КК° екатеринбургских купцов Рязановых, Д. И. Баландина, М. Коробкова и других лиц в конце XIX – начале XX в.

Река	Прииск	Годы	Время работы, всего добыто	Зачислен в казну/продан
Б. Бирюса	Преображенский (средний)	1900–1905	взяли в аренду (3 года) 39 ф. 61 з. 69 д.	В 1906 г. продан с торгов
Хорма	Андреевский (бывш. Яково-Степановский)	1906–1919	не работал	1919
Катышиндагой	Предтеченский (бывш. Вениамино-Ивановский)	1906–1919	не работал	1919
М. Бирюса	Породистый	1883–1891	взяли в аренду, не работал	В 1891 г. продан Блохину В. В.
		1892–1919	не работал	1919
	Александровский	1906	не работал	1906
	Амурский	1906–1919	не работал	1919
	Петро-Павловский (бывш. Казанско-Богородицкий)	1873–1875	3 года 1 п. 27 ф. 4 з. 7 д.	1906

Таблица 7

Лица, купившие прииски для КК° Рязановых, Д. И. Баландина, М. Коробкова и др. и «Высочайше утвержденной в 1835 г. К°» В. И. Асташева

Ф. И. О.	Река	Прииск	Год покупки	Время работы	Зачислен в казну/продан
Казанцев Гаврил Гаврилович	Б. Бирюса	Мариинский (верхний)	1884	не работал	1919
	Хорма	Иннокентие-Ивановский (бывш. Успенский)	1884	не работал	В 1906 г. продан с торгов
Блохин Василий Владимирович	Б. Бирюса	Союзный	1891	не работал	1919
		Крошка (бывш. Марие-Надеждинский)	1891	не работал	1919
	М. Исселей	Запоздалый (бывш. Евстафиевский)	1891	не работал	1919
	Хорма	Тотлебенский	1891	не работал	1919
		Александровский (бывш. Софийский)	1891	не работал	В 1902 г. передан Шешину А. А.
	М. Бирюса	Породистый	1892	не работал	1919
		Владимирский (бывш. Иннокентиевский)	1891	не работал	1919
		Рождественский (бывш. Тихоновский)	1891	не работал	1919

Таблица 8

Совладельцы КК°, имевшие прииски в частной собственности

Хозяин	Река	Прииск	С утверждения до последнего года добычи	Время работы	Зачислен в казну/продан
Озеров Василий Парамонович	М. Бирюса	Амурский	1861–1863	не работал	В 1863 г. продан Некрасову Л. И.
Якобсон Иван Давидович	Мокрый Мирючун	Сергеевский (бывш. Степановский)	1859–1865	1 год 30 ф. 11 з.	1865
Якобсон Эмилия	Б. Бирюса	Мариинский (верхний)	1868–1873	1 год 3 з. 42 д.	1873
	Мокрый Мирючун	Петровский (бывш. Ильинский)	1860–1863	не работал	1863
	М. Бирюса	Казанско-Богородицкий	1862–1866	не работал	1866
Каминер Яков Ананьевич	Хорма	Евангеловский	1884–1886	не работал	1886

Рязанова Анна Орестовна	Б. Бирюса	Петро-Павловский	1886–1893	взяла в аренду (4 года) 26 ф. 81 з. 48 д.	1893
	М. Бирюса	Надеждинский (бывш. Успенский)	1885–1888	не работал	1888
		Надежный	1886–1888	не работал	1888
Блохин Василий Владимирович	Унгурбей	Марие-Георгиевский	1896–1898	не работал	В 1898 г. продан Шешину И. И.
	Б. Бирюса	Преображенский (средний)	1900–1905	сдал в аренду (3 года)	1906
	Хорма	Евангеловский	1896–1898	сдал в аренду (3 года)	В 1899 г. продан «Т-ву Предприимчивость»

Таблица 9

Общее число приисков, находящихся в КК° Рязановых, Толкачевых, Д. И. Баландина и Асташевых с компаньонами в период XIX – начала XX в.

Река	Всего выявлено	Принадлежало КК° Рязановых, Асташевым и другим лицам		
		всего	не работало	работало
Б. Бирюса	37	14	3 изъято в казну в 1852 и 1854 гг.	11
Янгота	4	3	3 изъято в казну в 1853 и 1854 гг.	–
Б. Исселей	3	2	2 изъято в казну в 1854 г.	–
М. Исселей	2	2	1 изъят в казну в 1854(?) г.	1
Хорма	19	10	1	9
Унгурбей	8	3	1 изъят в казну в 1856 г.	2
Катышиндагой	5	3	–	3
Сухой Мирючун	7	4	2 изъято в казну в 1842 г.	2
Мокрый Мирючун	7	1	1 изъят в казну в 1854 г.	–
М. Бирюса	20	13	8 (3 изъято в казну в 1854 г.)	5
Всего	112	55	22, из них 16 изъято в казну	33

Таблица 10

Прииски К° Д. Д. Пономарева и С. И. Попова

Хозяин	Река	Прииск	С утверждения до последнего года добычи	Время работы, всего добыто	Зачислен в казну/продан
К°	Б. Бирюса	Ильинский (бывш. часть Бирюсинского)	1836–1849	не работал	В 1849 г. передан Базилевскому В. И.
Попов С. И.	Мокрый Мирючун	Степановский (будущ. Сергеевский)	1836–1849	7 лет 1 п. 23 ф. 9 з. 49 д.	В 1850 г. передан Базилевскому И. Ф.
	Б. Бирюса	Ильинский	1837–1854	17 лет 44 п. 39 ф. 31 з. 95 д.	1858
	М. Бирюса	Александровский	1838–1854	не работал	1854
Пономарев Д. Д.	Б. Бирюса	Субботинский	1836–1853	не работал	1853

Таблица 11

Прииски «Т-ва на добычу золота в Иркутском, Нижнеудинском и Канском округах»

Хозяин	Река	Прииск	С утверждения до последнего года добычи	Время работы, всего добыто	Зачислен в казну
Лапин Г. С.	Б. Бирюса	Дмитриевский (будущ. Александро-Алексеевский)	1836–1853	не работал	1853
Пономарев Д. Д.	Мокрый Мирючун	Анастасьевский (будущ. Александро-Невский)	1836–1853	не работал	1853
	Сухой Мирючун	Иннокентиевский	1837–1860	не работал	1860
К°	Б. Бирюса	Николаевский (будущ. Сергеевский)	1837–1856	14 лет 29 п. 26 ф. 9 з. 51 д.	1861

Таблица 12

Прииски четырех КК°

Хозяин	Река	Прииск	С утверждения до последнего года добычи	Время работы, всего добыто	Зачислен в казну/продан
К° Кузина К. Н. и Мыльников В.	Б. Бирюса	Воскресенский (будущ. Славянский)	1837–1853	не работал	1853
К° Крылова И. и Обрядова Т.	Б. Бирюса	Андреевский (на части Бирюсинского)	1837–1854	не работал	1854
Крылов Иван	Б. Бирюса	Васильевский	1839–1852	не работал	1852

К° Боровкова Т. А., Аргамакова С. Т. и Асташева И. Д.	Катышин-дагой	Ильинский (будущ. Юлие-Ивановский)	1838–1843	6 лет 9 п. 32 ф. 8 з. 15 д.	В 1860 г. утвержден Красильникову И. Н.
Боровков Т. А.	Мокрый Мирючун	Тимофеевский (будущ. Радостный)	после 1888–1892	не работал	1892
Алтайско-Саянское Т-во	Б. Бирюса	Семеновский (нижний)	1839–1854	не работал	1854

Таблица 13

Прииски К° И. Ф. Родионова

Хозяин	Река	Прииск	С утверждения до последнего года добычи	Время работы, всего добыто	Зачислен в казну \ продан
Родионов И. Ф.	Мокрый Мирючун	Ильинский	1837–1854	не работал	1854
К°	Б. Бирюса	Преображенско-Екатерининский	1841–1852	5 лет 4 п. 10 ф. 63 з. 91 д.	В 1851 г. соединен с Александровским
		Александровский (будущ. Ново-Успенский)	1842–1854	4 года 7 п. 19 ф. 24 з. 68 д.	В 1855 г. продан Кузнецову П. Е.
	Унгурбей	Васильевско-Унгурбейский (бывш. Николаевский)	1842–1855	9 лет 14 п. 15 ф. 21 з. 7 д.	В 1855 г. продан Кузнецову П. Е.

Таблица 14

Прииски К° Д. Е. Бенардаки и С. Ф. Соловьева

Хозяин	Река	Прииск	С утверждения до последнего года добычи	Время работы, всего добыто	Зачислен в казну/продан
К°	Б. Бирюса	Александровский (будущ. Ново-Успенский)	1862–1868	3 года 8 п. 4 ф. 23 з.	1868
		Васильевско-Унгурбейский (бывш. Николаевский)	1862–1864	3 года 25 ф. 20 з.	?
		Вознесенский	1867–1868	не работал	1868
Соловьев С. Ф.	Б. Бирюса	Петро-Павловский	1853–1868	5 лет 13 ф. 33 з. 62 д.	В 1868 г. по духовному завещанию перешел Переславцевой Е. И.

Таблица 15

**Прииски К° П. В. Голубкова, Е. А. Кузнецова
и Т. А. Ковалевского**

Хозяин	Река	Прииск	С утверждения до последнего года добычи	Время работы, всего добыто	Зачислен в казну
К°	Б. Бирюса	Преображенский (средний)	1837–1860	18 лет 70 п. 24 ф. 47 з. 86 д.	1870
Ковалевский Т. А.	Б. Бирюса	Мариинский (нижний)	1860–1863	не работал	1863
	Унгурбей	Тимофеевский	1858–1861	2 года 2 п. 37 ф. 68 з. 70 д.	1870
	Хорма	Николаевский (бывш. Георгиевский)	1857–1861	3 года 4 п. 24 ф. 32 з. 28 д.	1870

Таблица 16

**Прииски «К° золотых промыслов в Восточной Сибири»
Д. Е. Бабушкина**

Хозяин	Река	Прииск	С утверждения до последнего года добычи	Время работы, всего добыто	Зачислен в казну/ продан
К°	Хорма	Благодатский	1845–1866	11 лет 17 п. 26 ф. 88 з. 50 д.	1868
Бабушкин Д. Е.	М. Бирюса	Аннинский	1854–1855	сдал в аренду (1 год) 6 з. 48 д.	?
Красильников И. Н.	Б. Бирюса	Марие-Надеждинский (будущ. Крошка)	?–1860	не работал	1860
	Катышинда-гой	Ильинский (будущ. Юлие-Ивановский)	1860–1864	1 год 11 з. 48 д.	В 1866 г. продан Безносиковой Ю. И.

Таблица 17

Прииски княгини С. А. Мадатовой

Хозяин	Река	Прииск	С утверждения до последнего года добычи	Время работы	Зачислен в казну
Мадатова С. А.	Хорма	Успенский (с доп. участком)	1852–1857	не работал	1857
		Софийский (будущ. Александровский)	1853–?	не работал	?
		Сергеевский	1853–?	не работал	?

Таблица 18

Прииски К° М. С. Безносилова, А. К. Триполитова и других лиц

Хозяин	Река	Прииск	С утверждения до последнего года добычи	Время работы, всего добыто	Зачислен в казну/ продан
Безносилов Я. С.	Хорма	Екатерининский (бывш. Софийский)	1860–1861	2 года 3 п. 23 ф. 75 з. 18 д.	1865
		Яково-Степановский (будущ. Андреевский)	1860–1863	не работал	1863
К°	Б. Бирюса	Иверский (бывш. Ивановский)	1859–1870	5 лет 3 п. 9 з. 90 д.	1915(?)
			1870–1904	сдали в аренду (21 год)	
		Рождества Богородицы	1860–1870	7 лет 1 п. 24 ф. 77 з. 88 д.	1915(?)
			1870–1904	сдали в аренду (14 лет)	
		Сергеевский (бывш. Николаевский)	1861–1870	9 лет 26 п. 27 ф. 40 з. 61 д.	1912(?)
			1870–1911	сдали в аренду (34 года)	
Всех Скорбящих (будущ. Троицкий)	1863–1864	2 года 4 п. 30 ф. 92 з.	1867		
Безносилова Е.	Б. Бирюса	Петро-Павловский	1868–1871	взяла в аренду (3 года) 2 п. 57 ф. 78 з. 58 д.	1893
			1871–1893	сдала в аренду (16 лет)	
Безносилова Ю. И.	Катышинда-гой	Юлие-Ивановский (бывш. Ильинский)	1866–1872	5 лет 2 п. 13 ф. 88 з. 10 д.	1872
Некрасов И. Н.	Б. Бирюса	Преображенский (средний)	1876	1 год 21 ф. 55 з. 60 д.	В 1876 г. продан Патушинскому Б. Г.
		Марие-Надеждинский (будущ. Крошка)	1861–1865	1 год 8 ф. 58 з.	1868
	Хорма	Предтеченский (бывш. Петро-Павловский)	1865–1869	не работал	1869

Таблица 19

Прииски К° К. М. Бастрыкова

Хозяин	Река	Прииск	С утверждения до последнего года добычи	Время работы, всего добыто	Зачислен в казну/продан
Бастрыков М. Я.	Б. Бирюса	Мариинский (нижний)	1874–1885	не работал	В 1885 г. продан Переплетчикову Н. К.
	Хорма	Успенский	1874	не работал	В 1874 г. продан К° В. И. Асташева
		Благодатский	1874	не работал	В 1875 г. продан К° В. И. Асташева
	М. Бирюса	Иоанно-Предтеченский	1883–1884	не работал	В 1884 г. продан Токаревой У. С.
К°	Катышиндагой	Юлие-Ивановский (бывш. Ильинский)	1874–1879	5 лет 1 п. 74 з. 51 д.	В 1881 г. продан Васильеву М. Н.
		Алевтинский (бывш. Казанско-Бирюсинский)	1874–1883	9 лет 9 п. 9 ф. 53 з. 9 д.	В 1883 г. продан Переплетчикову Н. К.
	Б. Бирюса	Троицкий (бывш. Всех Скорбящих)	1877–1881	сдал в аренду (3 года)	В 1881 г. продан Васильеву М. Н.
Бастрыков К. М.	Б. Бирюса	Ильинский	1877	взял в аренду (1 год) 9 ф. 17 з.	В 1878 г. перечислен Валгусову С. С.
	Мокрый Мирючун	Иоановский	1880–1883	не работал	В 1883 г. продан Переплетчикову Н. К.

Таблица 20

Прииски «Бирюсинской золотопромышленной К°»

Хозяин	Река	Прииск	С утверждения до последнего года добычи	Время работы, всего добыто	Зачислен в казну/продан
К°	Б. Бирюса	Преображенский (средний)	1878–1881	3 года 1 п. 1 ф. 24 з. 59 д.	В 1881 г. продан Воронцову А. Г.
		Ивановский	1878–1881	2 года 6 ф. 69 з. 10 д.	В 1881 г. продан Шешулину И. И.
	М. Исселей	Запоздалый	1879–1881	1 год 7 ф. 63 з. 30 д.	В 1881 г. продан Воронцову А. Г.

К°	Хорма	Лаврентьевский	1878–1881	2 года 30 ф. 67 з. 72 д.	В 1881 г. продан Воронцову А. Г.
	М. Бирюса	Александровский	1879–1881(?)	не работал	1881(?)
Нейман И. Л.	Хорма	Тотлебенский	1878–1881	не работал	В 1881 г. продан Воронцову А. Г.
	М. Бирюса	Анно-Помнинский	1879–1881	не работал	1881

Таблица 21

Прииски «Товарищества А. Г. Воронцова и И. Д. Черемных»

Хозяин	Река	Прииск	С утверждения до последнего года добычи	Время работы, всего добыто	Зачислен в казну/продан	
Токарев И. И.	Б. Бирюса	Преображенский (средний)	1871–1874	4 года 2 п. 9 ф. 39 з. 58 д.	1874	
		Петро-Павловский	1871–1884	взял в аренду (12 лет) 3 п. 21 ф. 29 з. 76 д.	В 1885 г. передан в аренду Прейну	
	Унгурбей	Тимофеевский	1871–1874	4 года 37 ф. 9 з. 88 д.	1875	
	Хорма	Николаевский	1871–1879	9 лет 2 п. 29 ф. 32 з. 6 д.	1881	
		Лаврентьевский (бывш. Петро-Павловский)	1874–1875	1 год 3 ф. 94 з.	1875	
	М. Бирюса	Александровский		1883–1884, 1893–1894, 1885–1895	4 года 1 п. 6 ф. 37 з. сдали в аренду	В 1895 г. продан Красноперову П. Г.
			Тихвино-Пантелеймоновский	1868–1870	не работал	1870
		Иоанно-Предтеченский	взял в аренду 1884–1895	не работал	В 1895 г. продан Красноперову П. Г.	
		Амурский	1879–1894	сдали в аренду (14 лет)	В 1895 г. продан Красноперову П. Г.	
		Сионский (бывш. Ключевской)	1871–1872	не работал	1872	

Таблица 22

К°	Б. Бирюса	Преображенский (средний)	1881–1896	11 лет 13 п. 35 ф. 61 з. 72 д.	В 1896 г. продан Бло- хину В. В.
		Дружба	1881–1889	8 лет 3 п. 17 ф. 72 з. 78 д.	В 1891 г. продан Пере- плетчикову Н. К.
		Крошка (бывш. Марие-Надеждинский)	1882–1890	8 лет 4 п. 39 ф. 67 з.	1891
		Петро-Павловский	1886–1889	взял в аренду (4 года) 27 ф. 45 з. 48 д.	1893
	М. Исселей	Запоздалый	1881–1886	6 лет 3 п. 41 ф. 20 з. 50 д.	В 1891 г. продан Бло- хину В. В.
	Хорма	Александровский (бывш. Софийский)	1887–1890	4 года 3 п. 35 ф. 89 з.	В 1891 г. продан Бло- хину В. В.
		Лаврентьевский (бывш. Петро-Павловский)	1881–1890	7 лет 1 п. 16 ф. 59 з. 72 д.	В 1895 г. утвержден «Т-ву Яков- левых»
		Тотлебенский	1881–1884	2 года 9 ф. 42 з. 66 д.	В 1891 г. продан Бло- хину В. В.
	Катышинда-гой	Борисо-Григорьевский (бывш. Вениамино-Ивановский)	1882–1886	1 год 2 ф. 24 з.	1888
	Воронцов А. Г.	Б. Бирюса	Алевтинский (бывш. Казанско-Бирюсинский)	1887–1890	взял в аренду (4 года) 1 п. 16 ф. 75 з. 54 д.
Хорма		Николаевский	1887–1893	взял в аренду (5 лет) 20 ф. 27 з.	?
Мокрый Мирючун		Владимировский (бывш. Степановский)	1871–1872	1 год 5 ф.	1872
М. Бирюса		Надежный	1883–1891	не работал	1891
Воронцова А. Т.	Б. Бирюса	Александровский	1889–1891	не работал	В 1891 г. продан Пере- плетчикову Н. К.
	М. Бирюса	Рождественский (бывш. Тихоновский)	1886–1891	не работал	В 1891 г. продан Бло- хину В. В.
		Породистый	1883–1891	сдала в аренду, не работал	В 1891 г. продан Бло- хину В. В.
Токарева У. С.	М. Бирюса	Иоанно-Предтеченский	1884–1895	не работал	В 1895 г. продан Красноперову П. Г.

Прииски «Товарищества Предприимчивость»					
Хозяин	Река	Прииск	С утвержде- ния до последнего года добычи	Время работы, всего добыто	Зачислен в казну/ продан
Токарев С. П.	Б. Бирюса	Иннокентиевский	1893–1910	9 лет 4 п. 38 ф. 26 з.	1913
		Успенский	1892–1901	взял в арен- ду (10 лет) 5 п. 12 ф. 32 з. 60 д.	В 1907 г. передан «Бирюсин- скому Т-ву»
	Хорма	Благодатский	1901–1903	взял в арен- ду (2 года) 26 ф. 85 з.	В 1907 г. передан «Бирюсин- скому Т-ву»
	М. Бирюса	Тихвино-Пантелей- моновский	1870–1874	3 года 1 п. 39 ф. 87 з. 74 д.	1875
Шешин А. А.	Б. Бирюса	Алексадро-Алек- сеевский (бывш. Дмитриевский)	1896–1898	не работал	В 1898 г. продан Шев- нину М. Н.
	Хорма	Михайловский (бывш. Рожде- ственский)	1912–1913	2 года 6 ф. 74 з. 48 д.	?
		Александровский (бывш. Софий- ский)	1902–1908	7 лет 1 п. 24 ф. 83 з.	1910(?)
		Евангеловский	1899–1901	3 года 1 п. 2 ф. 11 з. 54 д.	В 1906 г. продан с торгов
М. Бирюса	Николаевский	1909–?	не работал	?	
Шешулин И. И.	Унгурбей	Марие-Георгиев- ский	1898–1902	1 год 66 з.	1903
К°	Б. Исселей	Ивановский	1895–1904	не работал	1904
	Хорма	Николаевский (бывш. Георгиев- ский)	1898–1903	5 лет 32 ф. 3 з. 57 д.	1903
		Ново-Сергеевский (бывш. Иннокенти- евский)	1894–1908	не работал	1908
		Евангеловский	1899–1901	3 года 1 п. 2 ф. 11 з. 54 д.	1906
		Детский	1898–1903	не работал	1903
	Катышинда-гой	Юлие-Ивановский (бывш. Ильин- ский)	1892–1898	5 лет 1 п. 35 ф. 12 з.	1900
		Ненастный	1895–1900	не работал	1900
	Мокрый Мирючун	Радостный	1894–1911	10 лет 2 п. 17 ф. 80 з. 48 д.	?
	М. Бирюса	Романовский (бывш. Мало- Бирюсинский)	1887–1890	1 год 1 ф. 62 з.	1901

Таблица 23

Прииски «Товарищества Яковлевых»

Хозяин	Река	Прииск	С утверждения до последнего года добычи	Время работы, всего добыто	Зачислен в казну/продан
Переплетчиков Н. К.	Мокрый Мирючун	Иоановский	1883–1888	не работал	1888
	Хорма	Николаевский (бывш. Георгиевский)	1883–1885	3 года 16 ф. 63 з. 48 д.	1885
	Катышиндагой	Юлие-Ивановский (бывш. Ильинский)	1889–1891	не работал	1891
Ненастный		1889–1891	не работал	1891	
К°	Б. Бирюса	Юлинский	1874–1902	9 лет 5 п. 33 ф. 27 з. 87 д.	1908
		Мариинский (нижний)	1885–1895	6 лет 2 п. 2 ф. 50 з. 90 д.	1908
		Александринский	1888–1904	1 год 26 з. 42 д.	1908
		Троицкий (бывш. Всех Скорбящих)	1877–1881 1889–1908	взяли в аренду (3 года) 4 года 5 п. 27 ф. 53 з.	1908
		Ильинский	1889–1915	17 лет 6 п. 16 ф. 24 з. 66 д.	?
		Дружба	1891–1910	не работал	В 1910 г. купил Линднер В. Э.
		Александровский	1891–?	2 года 1 п. 3 ф. 19 з.	?
		Алевтинский (бывш. Казанско-Бирюсинский)	1891–1905	13 лет 4 п. 32 ф. 73 з. 84 д.	1908
		Петро-Павловский	1895–1903	3 года 7 ф. 7 з.	1908
		Сергеевский (бывш. Николаевский)	1888–1911	взяли в аренду (23 года) 27 п. 14 ф. 36 з. 88 д.	В 1912 г. передан в аренду Непомнящему С. В.
		Иверский (бывш. Ивановский)	1888–1904	взяли в аренду (11 лет) 12 п. 6 ф. 52 з. 72 д.	?
		Рождества Богородицы	1888–1904	взяли в аренду (6 лет) 6 п. 37 ф. 50 з.	?
		Ново-Успенский	1889–1910	взяли в аренду (18 лет) 9 п. 32 ф. 92 з. 66 д.	В 1912 г. перешел Непомнящему С. В.

К°	Унгурбей	Тимофеевский	1887–1896	8 лет 2 п. 27 з. 90 д.	1908
		Клеопатринский	1887–1895	3 года 1 п. 14 ф. 36 з. 48 д.	1908
		Николаевский рудник	1891–1908	не работал	1908
		Яковлевский рудник	1898–1910	не работал	1910
		Вознесенский	1889–1908	взяли в аренду (10 лет) 3 п. 13 ф. 59 з. 36 д.	1918
	Хорма	Михайловский (бывш. Рождественский)	1889–1901	10 лет 4 п. 33 ф. 54 з. 30 д.	1908
		Миниатюрный	1889–1908	взяли в аренду не работал	1908
	М. Бирюса	Никольский (бывш. Тихвино-Пантелеймоновский)	1885–1893	3 года 19 ф. 38 з.	1908

Таблица 24

Прииски К° П. Г. Красноперова, М. Н. Шевнина и наследников Яковлевых

Хозяин	Река	Прииск	С утверждения до последнего года добычи	Время работы, всего добыто	Зачислен в казну/продан
К°	Хорма	Лаврентьевский (бывш. Петро-Павловский)	1895–1903	3 года 18 ф. 58 з.	1908
Красноперов П. Г.	М. Бирюса	Воскресенский (бывш. Успенский)	1892–1908	не работал	1908
		Александровский	1895–1901	5 лет 2 п. 83 з.	В 1906 г. продан К° Рязановых и других лиц
		Амурский	1895–1901	3 года 37 ф. 75 з.	В 1906 г. продан К° Рязановых и других лиц
		Иоанно-Предтеченский	1895–1900	не работал	1900
	Катышиндагой	Предтеченский (бывш. Вениамино-Ивановский)	1897–1905	2 года 6 ф. 75 з.	В 1906 г. продан К° Рязановых и других лиц

Шевнин М. Н.	Б. Бирюса	Александро-Алексеевский (бывш. Дмитриевский)	1898–1900	не работал	1900
	Хорма	Андреевский (бывш. Яково-Степановский)	1898–1905	5 лет 1 п. 9 ф. 90 з.	В 1906 г. продан К° Рязановых и других лиц
Яковлев Н. Ф.	Хорма	Иннокентиевский (бывш. Карагазский)	1902–1906	не работал	1906

Таблица 25

Прииски «Бирюсинского золотопромышленного Товарищества»

Хозяин	Река	Прииск	Годы	Время работы	Зачислен в казну/ продан
К°	Б. Бирюса	Успенский	1907–1918	не работал	1918
	Хорма	Благодатский	1907–1918	не работал	1918
		Успенский	1903–1918	не работал	1918(?)
Изаксон Е. Б.	Б. Бирюса	Славянский (бывш. Воскресенский)	1914–?	не работал	?
	Унгурбей	Клеопатринский	1914–?	не работал	?
	Хорма	Лаврентьевский (бывш. Петро-Павловский)	1919	не работал	1919
		Фаддеевский	1919	не работал	1919

Таблица 26

Объемы добычи золота в горных округах Восточной Сибири

Горный округ	1837 г.	1857 г.	1877 г.	1897 г.	1916 г.
Бирюсинский	16 приисков 8 п. 22 ф. 90 з. 32 д.	13 приисков 37 п. 28 ф. 28 з. 66 д.	23 прииска 31 п. 9 ф. 51 з. 47 д.	19 приисков 13 п. 31 ф. 73 з. 53 д.	5 приисков 31 ф. 62 з. 93 д.
Иркутский и Верхоленинский			2 прииска 11 ф. 70 з. 54 д.		
Енисейский		100 приисков 990 п. 36 ф.	255 приисков 325 п. 30 ф. 56 з. 84 д.		
Ачинский			31 прииск 20 п. 40 з. 21 д.		
Минусинский			43 прииска 37 п. 9 ф. 15 з. 90 д.		
Олѣкминский (Ленский)			38 приисков 928 п. 2 ф. 69 з. 75 д.	578 п. 11 ф. 28 з. 56 д.	127 п. 32 ф. 26 з. 32 д.

Верхнеудинский			11 приисков 13 п. 12 ф. 37 з. 29 д.		
Баргузинский			21 прииск 27 п. 11 ф. 43 з. 23 д.		
Читинский и Нерчинский			32 прииска 227 п. 31 ф. 76 з. 8 д.		
Амурский			10 приисков 172 п. 1 ф. 62 з.	344 п. 20 ф. 75 з. 19 д.	
Приморская область			2 прииска 12 п. 29 ф. 22 з. 72 д.	113 п. 10 ф. 40 з. 56 д.	
Витимский					729 п. 25 ф. 52 з. 43 д.
Западно-Забайкальский					52 п. 34 ф. 79 з. 79 д.
Восточно-Забайкальский					87 п. 32 ф. 32 з. 15 д.

ПРИМЕЧАНИЯ

- Мельникова Л. В. Тофы и добыча золота в бассейне реки Бирюсы // Тальцы. 2000. № 3 (10). С. 8–20; Она же. Расселение карагасов и добыча золота в XIX веке // Известия Архитектурно-этнографического музея «Тальцы». 2016. Вып. 8. С. 91–123; ГАИО. Ф. 135. Оп. 1. Ед. хр. 1710.
- ГАИО. Ф. 712. Оп. 3. Ед. хр. 9, 1317; Ф. 135. Оп. 1. Ед. хр. 483. Л. 3; Ед. хр. 1710. № 39; Оп. 2. Ед. хр. 1651. Л. 22.
- Адрианов А. В. Томская старина // Город Томск. Томск: Изд-во Сибирского Т-ва Печатного Дела в Томске, 1912. С. 174–178.
- Там же. С. 175.
- Там же. С. 176.
- Адрианов А. В. Томская старина. С. 176; ГАИО. Ф. 712. Оп. 3. Ед. хр. 1317; Ф. 135. Оп. 1. Ед. хр. 486. Л. 60–63.
- ГАИО. Ф. 135. Оп. 1. Ед. хр. 1710. № 5, 15, 33, 89, 110; Ф. 712. Оп. 1. Ед. хр. 1006. Л. 390–391; Адрианов А. В. Томская старина. С. 167–169.
- Адрианов А. В. Томская старина. С. 169.
- ГАИО. Ф. 712. Оп. 1. Ед. хр. 1006. Л. 334–335; Ед. хр. 1012. Л. 198–199; Ф. 135. Оп. 1. Ед. хр. 1710. № 60, 61, 86.
- ГАИО. Ф. 135. Оп. 1. Ед. хр. 1710. № 2, 4, 29, 32; Ф. 712. Оп. 1. Ед. хр. 1012. Л. 197–198.
- ГАИО. Ф. 135. Оп. 1. Ед. хр. 1710. № 8, 37, 87; Оп. 2. Ед. хр. 1651. Л. 22; Ф. 712. Оп. 3. Ед. хр. 1315.
- ГАИО. Ф. 712. Оп. 3. Ед. хр. 1315. Л. 198.
- Там же.
- ГАИО. Ф. 712. Оп. 2. Ед. хр. 1008. Л. 1.
- ГАИО. Ф. 712. Оп. 3. Ед. хр. 1312. Л. 1.
- Там же. Л. 1–11, 27.
- Там же. Л. 39.
- Там же. Л. 137.
- Там же. Л. 219.
- ГАИО. Ф. 712. Оп. 3. Ед. хр. 1312а. Л. 19, 139.
- Там же. Л. 176, 189.
- ГАИО. Ф. 712. Оп. 1. Ед. хр. 1012. Л. 202–203; Оп. 3. Ед. хр. 1390. Л. 1, 24, 77а, 119, 125, 135–139, 145.

23. ГАИО. Ф. 712. Оп. 3. Ед. хр. 1390. Л. 145, 197, 206, 209; Ф. 135. Оп. 1. Ед. хр. 1710. Л. 26.
24. ГАИО. Ф. 712. Оп. 3. Ед. хр. 1390. Л. 235.
25. ГАИО. Ф. 135. Оп. 1. Ед. хр. 1710. Л. 26. № 15.
26. ГАИО. Ф. 135. Оп. 1. Ед. хр. 1710. Л. 26; Ф. 712. Оп. 1. Ед. хр. 923. Л. 13; Оп. 2. Ед. хр. 922. Л. 1; Ед. хр. 988. Л. 1; Ед. хр. 1026. Л. 8; Оп. 3. Ед. хр. 1390.
27. ГАИО. Ф. 712. Оп. 1. Ед. хр. 1364. Л. 106–107; Ф. 135. Оп. 1. Ед. хр. 1710. Л. 26.
28. ГАИО. Ф. 135. Оп. 1. Ед. хр. 1710. № 48; Ф. 138. Оп. 3. Ед. хр. 210. Л. 5; Ф. 712. Оп. 1. Ед. хр. 923. Л. 17; Ед. хр. 1012. Л. 207–208; Ед. хр. 1272. Л. 28; Оп. 3. Ед. хр. 373.
29. ГАИО. Ф. 135. Оп. 1. Ед. хр. 486. Л. 71; Ф. 712. Оп. 1. Ед. хр. 598. Л. 99; Ед. хр. 1823. Л. 71; Ед. хр. 2026. Л. 101.
30. ГАИО. Ф. 135. Оп. 1. Ед. хр. 486. Л. 68, 71, 73; Ед. хр. 1710. Л. 21–23.
31. ГАИО. Ф. 135. Оп. 1. Ед. хр. 486. Л. 71; Ед. хр. 1710. Л. 21–23.
32. ГАИО. Ф. 135. Оп. 1. Ед. хр. 486. Л. 71.
33. ГАИО. Ф. 135. Оп. 1. Ед. хр. 68. Л. 94–95; Ед. хр. 486. Л. 163; Ед. хр. 1710. № 11; Ф. 712. Оп. 1. Ед. хр. 922. Л. 49; Ед. хр. 1823. Л. 160.
34. ГАИО. Ф. 135. Оп. 1. Ед. хр. 1535. Л. 62–63; Ед. хр. 1743. Л. 26–27; Ф. 138. Оп. 1. Ед. хр. 158. Л. 28; Ед. хр. 104. Л. 67; Оп. 2. Ед. хр. 81. Л. 15; Ф. 712. Оп. 1. Ед. хр. 598. Л. 594; Ед. хр. 2026. Л. 101.
35. ГАИО. Ф. 135. Оп. 1. Ед. хр. 1524. Л. 16; Ф. 138. Оп. 1. Ед. хр. 216.
36. ГАИО. Ф. 135. Оп. 1. Ед. хр. 118. Л. 433–434; Ед. хр. 486. Л. 95, 259; Ед. хр. 1710. № 28, 42, 47; Оп. 2. Ед. хр. 1643. Л. 36; Ф. 712. Оп. 1. Ед. хр. 923. Л. 17.
37. ГАИО. Ф. 135. Оп. 1. Ед. хр. 118. Л. 435–436; Ед. хр. 486. Л. 256, 901; Ед. хр. 1547. Л. 56–57; Ед. хр. 1710. № 22, 80; Ф. 712. Оп. 1. Ед. хр. 1364. Л. 105–107; Ед. хр. 1823. Л. 3, 237.
38. ГАИО. Ф. 135. Оп. 1. Ед. хр. 486. Л. 151.
39. Там же; Ф. 712. Оп. 1. Ед. хр. 2026. Л. 106.
40. ГАИО. Ф. 712. Оп. 1. Ед. хр. 643. Л. 35; Ф. 135. Оп. 1. Ед. хр. 486. Л. 166.
41. ГАИО. Ф. 135. Оп. 1. Ед. хр. 730. Л. 15; Ед. хр. 1710. № 97; Оп. 2. Ед. хр. 2112. Л. 1, 3; Ф. 712. Оп. 1. Ед. хр. 1823. Л. 13, 87.
42. ГАИО. Ф. 135. Оп. 1. Ед. хр. 730. Л. 26, 174; Ф. 138. Оп. 3. Ед. хр. 54. Л. 18.
43. ГАИО. Ф. 135. Оп. 1. Ед. хр. 835. Л. 94.
44. ГАИО. Ф. 135. Оп. 1. Ед. хр. 1743. Л. 26–27; Ф. 138. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 14.
45. ГАИО. Ф. 135. Оп. 1. Ед. хр. 1710. № 42.
46. ГАИО. Ф. 135. Оп. 1. Ед. хр. 68. Л. 373–375.
47. ГАИО. Ф. 135. Оп. 1. Ед. хр. 479, 1611, 1710; Ф. 712. Оп. 1. Ед. хр. 331, 643.
48. ГАИО. Ф. 135. Оп. 1. Ед. хр. 384. Л. 72–74; Ед. хр. 480; Ф. 138. Оп. 1. Ед. хр. 216; Оп. 2. Ед. хр. 81. Л. 11; Ед. хр. 87. Л. 3; Ед. хр. 102.
49. ГАИО. Ф. 135. Оп. 1. Ед. хр. 479. Л. 37а; Ф. Р-539. Оп. 3. Ед. хр. 83, 93.

С. В. Гузенков

УСТАНОВЛЕНИЕ ПАРОХОДНОГО СООБЩЕНИЯ НА АНГАРЕ

В 80-е гг. XIX в. ангарское судоходство получает свое дальнейшее развитие. На Ангаре устанавливается пароходное сообщение.

В 1880 г. владельцы Николаевского железоделательного завода братья Бутины спустили на воду 45-сильный пароход «Кучум» [1]. «Кучум», курсируя от с. Долоновского в Иркутск, перевозил 40–50 тыс. пудов железных изделий — продукцию завода и 10 тыс. пудов других грузов, а с 1881 г. приступил к пассажирским перевозкам, предлагая к услугам путешественников каюты и палубу [2].

16 декабря 1880 г. в Кяхте был подписан договор об учреждении «Кяхтинского пароходного товарищества». Его учредители — коммерции советник, потомственный почетный гражданин, тарский купец 1-й гильдии А. Я. Немчинов и группа кяхтинских купцов — располагали значительными капиталами — 360 тыс. руб. серебром, разделенными между участниками на 30 паев, стоимостью 12 тыс. руб. каждый [3].

«Товарищество на вере» видело свою цель «...в устройстве пароходного движения для перевозки товаров по Байкалу и рекам Селенге и Ангаре» [4].

В 1884 г. компания «откомандировала» для работы на Ангаре два парохода, но «обилием грузов, кроме собственных, Товарищество похвастаться не могло» [5].

Конкурентом фирмы выступило образованное И. П. Могилевым 28 мая 1888 г. «Товарищество транспортирования кладей по Байкалу» в составе селенгинского купца 1-й гильдии М. И. Шмулевича и иркутских купцов 2-й гильдии Г. И. Могилева и И. И. Могилева, предполагавшее перевозить грузы не только по Байкалу и Селенге, но и по Ангаре. В своем распоряжении оно имело две парусные шхуны, намереваясь в дальнейшем расширить флотилию и, возможно, построить пароход. Однако это намерение так и не осуществилось [6].

Созданное в 1887 г. байкальскими судовладельцами (братья Шишеловы, Шипуновы, Сверлов, Потапов и Свиныин) «Товарищество сибирского пароходства» занималось частными грузоперевозками по Байкалу, Селенге, верховью Ангары [7].

В 80-е гг. XIX в. благодаря энергичным усилиям золотопромышленника, исследователя Сибири, мецената, потомственного почетного гражданина, купца 1-й гильдии Александра Михайловича Сибирякова, одного из ярких представителей известной купеческой семьи, началось плавание пароходов в нижнем течении Ангары.

3 сентября 1882 г. Иван Иванович Игнатьев и Александр Михайлович Сибиряков подали прошение на имя генерал-губернатора Д. Г. Анучина, где сообщали, что готовы учредить товарно-пассажирское пароходство и организовать пароходное сообщение от Иркутска до Енисейска, Минусинска [8]. Насколько реализуем проект, а в успехе его предприниматели не сомневались, станет ясно в следующем году, когда завершит работу экспедиция, организованная на средства А. М. Сибирякова, ставившая своей целью изучить судоходные возможности Ангары [9].

Предприниматели подчеркивали, что сибирский край, обладающий природными богатствами, нуждается в экономическом развитии. Пароходство должно стать одним из факторов развития и послужить процветанию края.

Просители отдавали себе отчет в том, что организация пароходного дела потребует значительных финансовых «вложений и первое время не может приносить прибыли». Надеясь на государственную поддержку, они обратились с просьбой о получении привилегии на 15 лет, полагая, что просьба их будет рассмотрена и удовлетворена [10]. Однако положительного решения принято не было, поскольку в прошении купцы не сформулировали условия, на которых предполагали учредить пароходно-транспортное предприятие, и обязательства, которые они согласились бы принять на себя, как перед правительством, так и перед обществом. «Ввиду затрат, делаемых правительством на улучшение водных путей сообщения в Восточной Сибири, ходатайствованию просимой Игнатьевым и Сибиряковым привилегий не представляется ассигнований. Я полагал бы возможным ходатайствовать просителям, если предлагаемые условия окажутся соответственными исключительно права на перевозку на их пароходах почт, казенных грузов и арестантов по р. Ангаре и Енисею, о чем и объявить Сибирякову через Градскую полицию», — писал в своем ответе Д. Г. Анучин [11].

Отрицательное заключение отражало мнение Управления строительной и дорожной частями при иркутском генерал-губернаторе, считавшего, «что предпринимателям следует ходатайствовать не о выдаче привилегии, а об учреждении субсидированного пароходного товарищества, наподобие Кяхтинского на Байкале и Амурского. Они, имея свои уставы и получая от государства субсидии, не мешают другим предпринимателям строить пароходы и организовывать новые пароходные сообщения» [12].

Отказ властей не остановил Сибирякова. Он занялся технической стороной вопроса. Предстояло определить тип судна, наиболее подходящий для плавания по Ангаре. Сибиряков пришел к выводу, что на реках Сибири целесообразно использовать колесные пароходы с небольшой осадкой. Именно такие предприниматель видел в работе на реках Сакраменто и Колумбии во время путешествия по Северной Америке. Эти пароходы имели особую конструкцию: почти плоскодонные, сидящие не более на 2½ фута (тогда как глубина р. Сакраменто от 3 до 8 футов), очень похожие на ящики, длинные, узкие, двухэтажные. Вверху размещались каюты, рубки для рулевого, капитана и лоцмана. Во втором этаже во всю его длину размещалось грузовое отделение. В движение такой пароход приводился одним колесом, помещавшимся с наружной стороны кормовой части открыто, без кожухов. По величине оно соответствовало вышине парохода, что очень напоминало мельничное колесо... колесо, расположенное в кормовой части, делало пароход более маневренным, способным проходить весьма узкие пространства и легко делать повороты задним ходом, а также проходить через пороги. По своей практичности, дешевизне, удобству и в особенности легкости в исправлении порчи, всегда возможной при плавании в безлюдных местах, какова Сибирь, пароходы подобного устройства неопределимы [13]. С пароходами аналогичного класса сибирское купечество уже было знакомо, с 70-х гг. XIX в. они успешно курсировали по Амуру.

Проектировал пароход для Ангары инженер Рунсберг. Исходя из особенностей фарватера, он считал, что «как осадка, так равно длина, ширина должны быть малых размеров, несмотря на то, что машина должна обладать при этом достаточной силой, чтобы преодолеть против течения стремнины на порогах Ангары». И далее, «необходимо отдать предпочтение кормово-колесному пароходу, нежели пароходу с боковыми колесами. Единственное возражение, которое можно сделать при устройстве кормово-колесного парохода, заключа-

ется в том, что при буксировании баржи буксир запутывается в колесе, но это возможно избежать устройством особой крытой платформы вокруг колеса... кормово-колесный пароход имеет предпочтение в узких местах Ангары. Но главное преимущество... парохода заключается в том, что он будет легче подниматься по ангарским порогам вверх против течения... скорость хода парохода для Ангары должна быть не менее 21 версты в час, даже больше... Машина для Ангарского парохода должна развивать 450 или 500 индикаторных сил, несмотря на небольшую величину его.

Кроме того, необходимо уменьшить вес судна, а это можно достигнуть тем, что корпус машины... котел построить никак обыкновенно из железа, а из стали. Этим можно уменьшить вес судна напротив железного на 15–20 %, тогда и осадка парохода будет на два дюйма меньше.

...Пароход должен быть снабжен... в носовой части сильной лебедкой и цепью длиной в одну версту. Это приспособление необходимо... если пароход не в состоянии будет пробуксировать баржу через Падун. Посредством лебедки можно поднять судно следующим образом. Пароход, оставляя баржу под порогами, поднимается вверх один. Над порогами выкладывается якорь, прикрепленный к упомянутой выше цепи, и пароход спускается опять вниз по порогам к барже, которая буксирной снастью скрепляется с пароходом и [с] помощью лебедки поднимается по цепи через пороги к якорю, закинутому под порогами.

Подобный пароход может совершать между Красноярском и Иркутском... два рейса в месяц, буксируя баржу с 20 000 пудов груза. При электрическом освещении пароход может ходить и осенью, так как навигация по Ангаре считается 5½ месяцев, то пароход сделает 11 рейсов или 22 конца, считая 200 000 пудов груза в один конец, пароход в продолжении навигации перевезет 440 000 пудов груза... необходимо затратить для углубления фарватера Ангары на четверть аршина в самых мелких местах 112 000 руб.» [14].

Успешное завершение экспедиций в 1882 г. под руководством штурмана Калистратова и распорядителя Жабьинского завода в Тюмени И. Я. Калганова (на трех паузках с грузом чая 2 300 ящиков спустились от Иркутска до Енисейска), доказавших, что плавание по Ангаре возможно, побудило Сибирякова «возобновить» свою просьбу об ангарском пароходстве; что он и сделал, направив соответствующее прошение (от 15 ноября 1883 г.) на имя генерал-губернатора Восточной Сибири.

Обращаясь к Анучину, Сибиряков писал: «Желая содействовать развитию торговых сообщений в Сибирском крае, я исследовал в значительной степени в течение последних двух лет р. Ангару и затратил на это очень значительный капитал. Изыскания мои привели меня к убеждению, что пароходное движение от с. Братский Острог до впадения Ангары в Енисей учредить возможно. Но предприятие, требующее серьезных затрат, может осуществиться однако в том только случае, если правительство оградит его выдачею "привилегии", сделав его исключительным достоянием предпринимателей на известное число лет» [15].

Далее автор прошения продолжал: «Вашему превосходительству хорошо известна необходимость пароходного движения на указанном пути, важность... последнего в смысле дешевого и скорого передвижения товаров и потому нет надобности распространяться о той пользе, какую предполагаемое предприятие окажет сибирскому краю» [16].

Сибиряков настоятельно просил генерал-губернатора выполнить ряд условий, а именно:

«1. В течение 10 лет никто, кроме меня и моих компаньонов, не имеет права устраивать буксирное пароходство в части р. Ангары от с. Братский Острок до впадения ее в Енисей.

2. Мне и моим компаньонам предоставляется право с разрешения местного начальства и под надзором правительственного инженера производить улучшение в фарватере реки с тем, что мы не имели права просить у правительства за эти улучшения какого-либо вознаграждения.

3. Перевозка грузов нашими пароходами должна подчиняться общим правилам, установленным для пароходов, если же вследствие местных условий потребуются какое-либо в сих правилах изменение, то таковое допускается не иначе, как с разрешения местного начальства.

4. В порожистых частях Ангары нам предоставляется право проложить цепь для туэрного пароходства или же обходить главные пороги берегом с устройством грунтовой дороги.

5. В течение 2-х лет от дня выдачи привилегии мы можем от нее отказаться.

6. В течение 3-х лет мы обязаны пустить в плавание в указанной части Ангары не менее 2-х пароходов с соответственным количеством баржей и открыть правильное сообщение для перевозки тяжестей от г. Иркутска до Красноярска и обратно, при не соблюдении сего условия действие привилегии прекращается.

7. Для осуществления... предприятия мне предоставляется право образовывать полное товарищество, товарищество на вере или компанию, договор об учреждении которых я обязан предоставить Министерству тотчас же, когда в принципе разрешено будет выдать товариществу... привилегию» [17].

Предприниматель выразил надежду на положительное решение. «Смею думать, — писал он, — что условия испрашиваемой привилегии не обременительны ни для кого в сравнении с тем риском с каким создано предприятие, с тою затратою капитала [подчеркнуто в оригинале. — С. Г.], которую она вызывает, и с тою пользою для населения всего сибирского края, какую бесспорно оно принесет, а потому позволяю себе рассчитывать на благосклонное внимание Вашего Превосходительства к моей настоящей просьбе и выразить убеждение, что без привилегии, о которой я ходатайствую, решительно нельзя ожидать даже в очень отдаленном будущем правильного пароходного движения на порожистой части р. Ангары» [18].

Копии прошения для ознакомления были направлены в столицу в Министерство путей сообщения и Министерство финансов в надежде на то, что столичные ведомства, ознакомившись с текстом документа, помогут в принятии положительного решения.

«Начальник края», получив прошение и ознакомившись с предложенными условиями, потребовал от просителя «более подробно изложить, в чем будет состоять та бесспорная польза, которую выдача привилегии должна принести всему сибирскому краю, и что предполагается предпринять для улучшения фарватера в порожистой части Ангары, поскольку считал, что без расчистки некоторых ангарских порогов «пароходство едва ли возможно». Он высказался категорически против предлагаемых тарифов для частных грузов (хлеб, сахар, известь — 90 коп. за пуд, чай, мануфактура — 1 руб. 20 коп. и 1 руб. 80 коп. за транспортировку пуда багажа, громоздких вещей и т. д.), считая их «несообразно высокими, способными уничтожить всякую конкуренцию» [19].

А. М. Сибиряков ответил на заданные вопросы письмом от 14 января 1884 г., обратив внимание на следующие моменты:

«1. На протяжении 1 100–1 200 верст от Братского Острога до Усть-Стрелки, лежащей при впадении р. Ангары в Енисей, по порожистой части реки,

судоходство не буксирное и вообще не грузовое пароходство предоставляется кому угодно.

2. На улучшение фарватера реки мы обязываемся затрачивать ежегодно не менее 10 000 руб.

3. Перевозка казенных грузов нашими пароходами должна производиться по следующей таксе:

– грузы, громоздкие, также и багаж по $\frac{1}{10}$ копейки с пуда и версты.

– грузы 1-го разряда как-то: чай, сахар, мануфактурные и другие товары по $\frac{1}{20}$ копейки с пуда и версты.

– грузы 2-го разряда, именно: хлеб, овес, а также известь, алебастр и т. п. по $\frac{1}{30}$ копейки с пуда и версты.

— такса на перевозку частных грузов не может превышать казенной таксы более как на 50 %.

4. Общее количество казенных грузов от Иркутска до Красноярска или Енисейска и обратно ежегодно не должно превышать 100 000 пудов. Сроки перевозки таковых и другие подробности должны быть определены впоследствии, страхование же грузов ни казенных, ни частных мы на себя не принимаем. Перевозку арестантов от Иркутска до Красноярска или Енисейска и обратно будем провозить на основаниях, существующих на реках Западной Сибири, и по таксе, имеющей быть выработанной впоследствии, не позднее 5 лет со дня выдачи нам привилегии.

5. Пропуск других буксирных и грузовых частных пароходов по порожистой части реки Ангары может производиться только по взаимному с нами соглашению, казенные же пароходы могут плавать без всякого нам вознаграждения.

6. Что касается не порожистых частей пути от Иркутска до Красноярска, то такса на таковое будет выработана впоследствии.

7. За провоз товаров по грунтовой дороге в объезд Падунского порога, между селениями Падун и Братским Острогом на протяжении около 30 верст, особого вознаграждения взимать не будем, если доставка по ней не будет превышать 10 копеек за пуд, за исключением... громоздких грузов, т. е. большого объема и веса, которые могли бы представить затруднения для гужевой перевозки.

8. По нашему предположению два парохода будут совершать каждый по два рейса в месяц, т. е. один от Иркутска до Красноярска и один — обратно, каждый из них в один рейс в состоянии перевезти на двух баржах около 30 000 пудов, число номинальных сил этих пароходов не менее 120. Общее количество могущее перевозиться двумя пароходами тяжести в течение навигации предполагается около 500 000 пудов. За тем по увеличении количества предполагаемой тяжести и по степени выгоды предприятия, обязываемся количество пароходов увеличить и не позднее как через 5 лет со дня выдачи привилегии, ввести... недельную перевозку грузов и арестантов от Иркутска до Красноярска или Енисейска и обратно» [20].

Предложения Сибирякова генерал-губернатор Восточной Сибири воспринял отрицательно. Отправляя их для ознакомления в Министерство путей сообщения, он в письме министру К. Н. Посьету от 26 января 1884 г. позволил себе критические высказывания не только о проекте, но и о самом предпринимателе.

«Начальник края» отметил, что, добиваясь привилегии, проситель руководствуется своими личными интересами, преувеличивая роль своего предприятия «в содействии развития торговых сообщений», чиновник же считает ее ничтожной, сомнительна и «бесспорная польза для всего сибирского края», о которой

говорит предприниматель. Эти высказывания продиктованы желанием Сибирикова получить привилегию. Рассматривая привилегию как монополию, Анучин полагал, что это нанесет вред интересам торговли и промышленности Сибири и Европейской России [21]. Он предостерегал министра о том, что правительство может оказаться в ситуации, когда потребуются затраты на устройство нового водного пути, поскольку предполагаемой «ничтожной суммой» — 10 000 руб. в год — «нельзя произвести даже и десятой доли необходимых в фарватере Ангары улучшений» [22]. Генерал-губернатор подчеркнул, что по результатам экспедиции инженера Рунсберга невозможно судить о судоходных возможностях Ангары [23]. «Он [Сибиряков] без сомнения обладает достаточными средствами для таких предприятий, как устройство пароходства по реке Ангара, тем не менее я нахожу, что вследствие своих индивидуальных особенностей он — лицо, совсем не подходящее для этого дела и вообще не способное на такие серьезные предприятия», — писал Анучин [24]. И далее звучала настоятельная рекомендация: «...едва ли было бы удобно правительству входить с ним в какие бы то ни было обязательства» [25]. Вместе с тем Анучин высказал мнение, что в крае найдутся и другие предприниматели, которые смогут организовать пароходство на Ангаре.

Трудно предположить, что побудило Анучина столь резко высказаться о Сибирикове, но очевидно, что непонимание и неприятие между ними существовало, а чем оно было вызвано, сказать сложно. Просмотренные нами источники не дают (а может быть, и не дадут) ответа на этот вопрос.

Мнение генерал-губернатора повлияло на принятие решения. Ответ министерства был отрицательным.

За обсуждением значимого вопроса следила и пресса. В феврале 1884 г. на страницах газеты «Енисейские губернские ведомости» была опубликована статья с критикой предложений Сибирикова. Указывалось, что затраты, которые должны будут ежегодно употребляться на расчистку фарватера Ангары, слишком ничтожны, хотя здесь же сообщалось: «По мнению инженера Р. Рунсберга Ангара на протяжении более 1 700 верст без особенно значительных расходов может быть приспособлена для удобного водяного сообщения» [26]. По словам автора статьи, условия А. М. Сибирикова были настолько невыгодны, что привилегия, а вернее — монополия, могла бы затормозить на десять лет всякое движение по вновь открываемому водному пути [27].

Следует принять во внимание то, что правительственная газета не могла себе позволить опубликовать статью с противоположной точкой зрения.

Недоброжелательное отношение Анучина, бюрократическая волокита, критические статьи в прессе не остановили Сибирикова. Он, уверенный в успехе, настойчиво шел к намеченной цели и спустя полгода после очередной неудачи — 14 июля 1884 г. — представил на усмотрение министра путей сообщения переработанный вариант условий по организации ангарского пароходного сообщения, состоящий из 13 пунктов [28].

Документ базировался не только на прежних основаниях (изложенных в письме 14 января 1884 г.) с уточненными формулировками, но и содержал ряд новых предложений.

Компания имела право в течение шести месяцев отказаться от дарованной привилегии. Но эта норма носила декларативный характер. Отказаться от преимуществ, которых так долго и упорно добивались, фирма не могла. И не выполнять принятых на себя обязательств, что могло привести к отзыву привилегии, пароходство едва ли собиралось [29].

Сибиряков подтвердил, что в течение двух лет обязан открыть правильное сообщение силами двух 120-сильных пароходов от Братского острога до стрелки, т. е. до впадения в Енисей, и грузовое сообщение от Иркутска до Красноярска и обратно [30].

Предприниматель получил право организовать товарищество на вере или компанию и соответствующий договор обязан представить в министерство. Первоначальный капитал предприятия устанавливается учредителем в 500 000 руб. [31].

«В заключение, — писал Сибиряков, — считаю не лишним заявить Вашему Высокопревосходительству, что в случае разрешения мне привилегии не позже осени сего года так, чтобы у меня осталось время для заказа парохода, в августе же будущего года я мог бы поставить на р. Ангару один 120-сильный пароход и открыть рейсирование» [32].

Предприниматель выразил надежду на внимание к его просьбе и скорейшее ее рассмотрение. Так это и произошло. Решение состоялось 18 июля 1884 г. Министр путей сообщения генерал-адъютант К. Н. Посьет подписал положительный отзыв. Положительные отзывы также подписали товарищ министра финансов и министр государственного контроля.

В документе читаем: «Признанная уже Правительством необходимость удобного сообщения по р. Ангаре делается еще более настоятельно ввиду ожидаемого после открытия строящейся железной дороги до Тюмени и соединительного Обь-Енисейского водного сообщения, развития промышленности и торгового движения Сибири. Поэтому ввиду невозможности при положении нашей государственной казны ожидать скорого осуществления улучшений на этой реке средствами казны, министерство путей сообщения признает полезным и необходимым воспользоваться предложением Сибирикова об устройстве им на свой счет буксирного и пассажирского пароходства на порожистой части Ангары, тем более что привилегия в настоящем случае испрашивается им на весьма короткий срок, всего на 5-ть лет» [33]. И далее: «...а также того обстоятельства, что в предлагаемом предприятии могут иметь участие люди, способные вести его решительно не жалея материальных средств... пять лет... пройдут весьма быстро и, если даже предприятие не получит ожидаемого развития, то упущенное время будет ничтожно, по сравнению с медлительным ходом промышленности и всяких улучшений в Сибири» [34]. Ранее проект поддержал и Анучин, считая условия Сибирикова «выгодными и подлежащими принятию».

Положительное решение МПС поддержал начальник Управления строительной и дорожной частями при иркутском генерал-губернаторе барон Г. Розен [35]. Об отзыве министра уведомили А. М. Сибирикова.

После принятия положительного решения началась работа по подготовке документа, который бы юридически фиксировал права и обязанности предпринимателя при выполнении ангарских пароходных рейсов. За основу договора были взяты положения Сибирикова, содержащиеся в его прошении к К. Н. Посьету от 14 июля 1884 г. К сожалению, не представляется возможным восстановить, как проходила «юридическая работа», поскольку просмотренные нами источники не содержат никакой информации.

Летом 1885 г. «Положение о буксирном пароходстве по реке Ангаре, учреждаемом потомственным почетным гражданином А. М. Сибириковым» было окончательно подготовлено, и министр путей сообщения вынес его на заседание комитета министров, где оно было одобрено и 17 августа 1885 г. подписано императором Александром III — «К исполнению» [36].

Согласно «Положению», А. М. Сибирякову было предоставлено исключительное право в течение пяти лет со дня его утверждения на: «а) буксирование парходами судов по реке Ангаре на протяжении от с. Братский Острог до впадения ее в Енисей и б) проложения в порожистых частях реки цепи для туэрного парходства, но без стеснения при этом движения непаровых судов и не буксирных парходов» [37]. Буксированием судов могли заниматься и «другие частные лица», но только по согласованию, т. е. с разрешения предпринимателя, однако это право не распространялось на казенные парходы, т. е. государственные, которые могли работать совершенно свободно [38].

Закон обязывал организовать «правильное туэрное парходство не позже навигации 1887 г., т. е. в течение двух лет со дня утверждения "Положения", силами не менее двух парходов с мощностью двигателя 120 л. с. каждый и соответственным количеством барж». Невыполнение этого условия позволяло правительству отозвать привилегию [39].

Парходы и баржи должны быть прочны и обладать всеми качествами для безопасного плавания по Ангаре. Предприниматель нес ответственность за повреждения судов, если они являлись результатом неудовлетворительной постройки «рекоходных машин».

Перед началом навигации флот проходил обязательное техническое освидетельствование на предмет подготовки к работе. Его должна была осуществлять специальная комиссия. Ее члены, «командируемые главным местным начальством», подписывали акт — своеобразный допуск к рейсированию [40].

Парходная компания брала обязательства перевозить казенные и частные грузы, тяжести, принадлежащие переселенцам. Предусматривалось, что в первую и вторую навигации она доставит по назначению 100 тыс. пудов, а в последующие — 200 тыс. пудов казенных грузов. Но груза может быть и больше, чем предусматривалось «Положением». В этом случае правительство решало либо транспортировать его на собственных судах, либо «через посредство других перевозочных предприятий» [41], а если принять во внимание, что государственные структуры не располагали собственным флотом, да и «других перевозочных предприятий» не было, то получалось, что «дополнительные грузы» должно было транспортировать парходно-транспортное предприятие Сибирякова.

В «Положении» также определялось: «Предприниматель должен... заблаговременно, по возможности, к первому января, уведомлен о количестве казенных грузов, предназначенных к перевозке, и никак не позже, как за один месяц до срока отправки их... и по доставке... грузов, подлежащих перевалке на его парходах и судах, обязывается принимать их без замедления» [42].

Подробный порядок казенных грузоперевозок определял генерал-губернатор по согласованию с предпринимателем и заинтересованными ведомствами [43].

«Положение» устанавливало ответственность перевозчика не только во время рейса, но и при погрузке и разгрузке тяжести [44].

Сибиряков нес ответственность перед почтово-телеграфным ведомством, поскольку на своих парходах обязан бесплатно перевозить «почту простую, страховую, денежную и посылочную с соблюдением установленных правил и с отводом бесплатного помещения для сопровождающих почту чинов, причем представляется поднимать на таких судах почтовый знак. Для предупреждения порчи или потери денежной корреспонденции предприниматель обязан перевезти эту корреспонденцию в особых железных несгораемых ящиках; в случае несчастия с парходом от пожара или крушения он отвечает... за почтовую денежную корреспонденцию» [45].

Договор определял таксу за перевозку частных грузов. Она была ниже, чем предлагалась предпринимателем в письме от 14 января 1884 г. Так, за громоздкие грузы и багаж отправители платили по $\frac{1}{2}$ коп. с пуда и версты, за грузы первого разряда — $\frac{1}{24}$ коп. с пуда и версты, а второго разряда — с пуда и версты $\frac{1}{40}$ коп. Предусматривалось, чтобы после первых двух навигаций казенные грузы принимались к транспортировке со скидкой 15 % [46]. Тарифы утверждались генерал-губернатором и обязательно публиковались на страницах газеты «Иркутские губернские ведомости» за два месяца до начала навигации. Это правило неукоснительно соблюдалось.

На время действия привилегии от Сибирякова требовалось: «1) содержать фарватер в исправности и обозначать камни и отмели и вообще затруднительные и опасные для хода судов места указательными знаками; 2) ежегодно употреблять по 10 000 руб. на расчистку и улучшение фарватера Ангары, причем работы проводить по соглашению с местным начальством... 3) устроить удобные пристани для нагрузки и выгрузки товаров в местах, указанных и отведенных с разрешения главного местного начальства» [47], т. е. генерал-губернатора. Кроме того, ставилась задача наблюдать за горизонтом воды и сообщать результаты этих наблюдений, осуществляемых по специально разработанной в МПС инструкции, информировать об этом главное транспортное ведомство страны, как и предоставлять сведения о сроках замерзания и вскрытия Ангары [48]. Эти обязанности возлагались на агентов, от которых требовались правильные сведения и своевременная подача необходимой информации [49].

По «Положению» за провоз товаров по грунтовой дороге в обход Падунского порога плата предпринимателем не взималась. Исключение составляли лишь грузы весом более 100 пудов и по объему более одной кубической сажени. Плата за их гужевую транспортировку должна была осуществляться по особому соглашению [50].

Согласно установленным правилам предпринимателю разрешалось на общих основаниях открыть страховое отделение, предполагая страховать принимаемые на доставку грузы [51].

«Положение» давало возможность при развитии парходно-транспортного предприятия, его успешной работе организовать «на общих основаниях» товарищество на вере или акционерную компанию [52].

Следует сказать, что парходную компанию Сибиряков организовал в 1882 г. и кроме учредителя в нее вошли И. И. Игнатьев, А. С. Губкин и И. С. Курбатов [53]. Позже И. И. Игнатьев, владелец парходства в Западной Сибири, вышел из компании, что побудило Сибирякова создать новую транспортную фирму совместно с А. Г. Кузнецовым, занявшим вакантное место скончавшегося Губкина [54].

«Положение» определяло: «Обеспечением исправного выполнения принимаемых предпринимателем обязательств служат принадлежащие ему парходы со всем находящимся на них имуществом и пристани» [55].

Надзор за устройством и содержанием учреждаемого Сибиряковым парходства правительство возлагало на генерал-губернатора Восточной Сибири [56].

С утверждением «Положения о буксирном парходстве по реке Ангаре...» связывались определенные надежды на оживление хозяйственной жизни Иркутской губернии. Газета «Восточное обозрение» писала по этому поводу: «... вопрос об утилизации ангарского водного пути, бесспорно, одного из самых важных в экономической жизни Восточной Сибири, после многолетнего своего существования разрешился в утвердительном смысле» [57].

Получив высочайшее утвержденное «Положение», Сибиряков немедленно приступил к переговорам с заводами о строительстве судов для предстоящей работы на Ангаре. Переговоры закончились успешно. Пароход (140 л. с.), паровая лебедка (20 л. с.) с цепью были заказаны в Швеции на заводе Маталла, а железный корпус и котлы — в Тюмени на заводе Игнатова [58]. По контракту с заводом-изготовителем машина должна была быть готова и доставлена в Петербург в мае 1886 г. Окончательно же пароход могли собрать в Енисейске при благоприятных условиях лишь в конце 1886 г. [59]. Таким образом, год полученной привилегии «выпадал», но не по вине предпринимателя, а в силу объективных обстоятельств.

Сложившаяся ситуация заставила А. М. Сибирякова просить 15 октября 1885 г. генерал-губернатора Восточной Сибири А. П. Игнатьева обратиться в МПС, чтобы там считали началом действия привилегии не август 1885 г., а год 1887 [60].

А. П. Игнатьев согласился с аргументами Сибирякова и поддержал их. 18 ноября 1885 г. он обратился с соответствующим прошением к министру путей сообщения, подробно и аргументированно изложил ситуацию и просил поддержать просьбу предпринимателя. Он писал: «Я признаю ходатайство Сибирякова вполне заслуживающим внимания». «Зная то сочувствие, с которым Ваше Высокопревосходительство всегда изволите относиться к жизненным для Сибири вопросам, каким несомненно является опыт установления пароходства по р. Ангаре, я решаюсь покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство ходатайствовать Высочайше соизволения на то, чтобы срок... привилегии считался с 1887 года» [61].

И далее: «Благоприятное разрешение этого ходатайства будет иметь большое значение для дела, ободрит Сибирякова к продолжению весьма трудного и рискованного предприятия, взятого им на себя единственно из желания принести пользу краю» [62].

Генерал-губернатор позволил себе заметить министру: «Считаю долгом обратить особое внимание Вашего Высокопревосходительства на это обстоятельство потому, что в последнее время замечаю в А. М. Сибирякове некоторое колебание и опасаясь, что он решится воспользоваться предоставленным ему правом отказаться от привилегии» [63].

Просьбу удовлетворили 28 февраля 1886 г. Император Александр III подписал «Положение» комитета министров, где было определено: «...исключительное право Сибирякова на содержание... пароходства считается не со дня утверждения "Положения о пароходстве", а с открытия навигации 1887 г.» [64]. О принятом решении генерал-губернатору сообщили телеграммой в Иркутск 24 мая 1886 г. [65].

Но в 1887 г. правильное пароходное сообщение открыть не удалось, хотя 24 июня 1887 г. пароход «Святой Николай» мощностью 140 л. с. под руководством капитана И. И. Калистратова был спущен на воду, доставлен на верхний плес Енисея и совершил первый рейс от Красноярска до Минусинска (430 верст) за 45 часов [66]. Тогда же были построены два туэра — «Святой Иннокентий» (75 л. с.) и «Илим» (30 л. с.), а также несколько барж.

Характеризуя туэр, воспользуемся описанием, принадлежащим исследователю ангарского судоходства В. В. Вертянкину. Он пишет: «Внешне туэра выглядели довольно необычно: рубка на одном борту, труба — на другом. По диаметральной плоскости через весь корпус проложен желоб. Принцип работы туэра таков: цепь калибром 25 мм (диаметр крутка, из которого изготавливались звенья), проложенную в пороге, поднимали на борт и через носовой блок протаскивали по желобу и заводили в "звездочку" туэрной лебедки. Посредством

муфты гребной вал, вращающий гребные колеса, отсоединялся от коленчатого вала паровой машины, которая свое усилие передавала туэрной лебедке, цепь с грохотом и скрежетом ползла по желобу и кормовой блок и уходила в воду» [67].

17 ноября 1886 г. А. М. Сибиряков обратился с просьбой в строительное отделение Главного управления Восточной Сибири «о дозволении» расчистить фарватер Илима, предполагая открыть пароходное сообщение, а уже 27 ноября управляющий отделением дал свое согласие на проведение работ, подчеркивая важную роль судоходства [68]. Предложение предпринимателя поддержал и генерал-губернатор, который по просьбе предпринимателя обратился в МПС с просьбой «зафиксировать» в «Положении» от 17 августа 1885 г. новации, связанные с возможной организацией пароходства на Илеме, и поэтому вести отчет привилегии с 1888 г.

Министр согласился с аргументами Игнатьева. Соответствующие документы были подготовлены, вынесены министерством на заседание комитета министров, одобрены им и представлены на утверждение императора. 26 июня 1887 г. «Государь Император положение комитета Высочайше утвердить соизволил» [69].

Новации заключались в следующем: «Ввиду затруднительности, при современном состоянии порогов р. Ангары, проложения... цепи от села Братский Острог до устья р. Илим, Сибирякову предоставляется устроить обходной путь по р. Илим до гор[ода] Илимска, а от сего последнего, волоком до сел[а] Мамырь на р. Ангаре в 70 вер[стах] выше села Братский Острог при чем перевозка грузов по р. Илим будет производиться на особых мелкосидящих пароходах; для доставки же грузов по волоку этот последний будет приведен средствами Сибирякова в удобный для прохода транспортов вид и содержаться в должной исправности.

Если за тем в течение пятилетнего срока привилегии последует расчистка за счет казны Падунского, Долгого и Шаманского порогов и правительство признает возможным и необходимым содержать целое пароходство на участке р. Ангары и между сел[ом] Братский Острог и устья р. Илима, то Сибиряков обязан устроить таковое в течение двух лет по получении о том требования Министерства Путей Сообщения. В этом... случае правительство предоставляет Сибирякову право пользоваться привилегией содержания буксирного пароходства по всему протяжению р. Ангары от сел[а] Братский Острог до впадения ее в Енисей еще в течение 5 лет, считая со дня предъявления означенного... требования Министерства» [70].

Предприниматель брал обязательство «устроить буксирное цепное пароходство на части р. Ангары от впадения ее в Енисей до устья Илима и сообщение по р. Илим и волоку от гор[ода] Илимска до села Мамырь в течение двух лет, считая с открытия навигации 1888 г., с тем, чтобы правильное буксирование судов по течению и против течения начато было бы не позже навигации 1890 г. и производилось, по крайней мере, по р. Ангаре двумя пароходами, каждый 120 сил с соответственным количеством барж; при необходимости... условие предприятия считается несостоявшимся, и действие привилегии прекращается», а также «в продолжении... пятилетнего срока Сибиряков обязывается а) содержать стрелки р. Ангары и Илима в исправности и обозначать камни и отмели и вообще затруднительные и опасные для хода судов места указательными знаками» [71].

В 1888 г. Сибиряков предпринял первую попытку подняться по Ангаре до Енисейска. Его пароходы «Николай» и «Иннокентий» с баржами, нагруженными хлебом, поднялись до Мурского порога, а в 1889 г. «Иннокентий» и «Илим» прошли от Стрелки до Илимска с грузом — 20 тыс. пудов хлеба [72]. Тем самым было доказано, что нижняя часть Ангары доступна для паровых судов.

10 марта 1889 г. Александр III вновь подписал «Положение Комитета Министров о продлении привилегии Сибирякова», считая ее началом 1889 г. [73]. Постановление было выполнено.

19 апреля 1889 г. «Иркутские губернские ведомости» сообщили об открытии в предстоящую навигацию пароходных рейсов между Енисейском и устьем Илима, которые будут выполнять пароходы «Святой Иннокентий», «Святой Николай» и «Илим». Договоры об отправке грузов можно было заключить в конторе пароходства, находящейся в Красноярске [74]. Первые партии грузов были приняты к транспортировке и доставлены по назначению.

Директор департамента водяных и шоссейных сообщений П. А. Фадеев писал: «Та настойчивость, с которой, несмотря на громадные затраты и всякого рода препятствия, сибиряки учреждают судоходство и пароходство на своих реках, служит доказательством на сколько действительно эти пути важны для обширных азиатских владений и какое сочувствие и помощь может правительство ожидать при малейшем обращении внимания на водяные пути» [75]. Слова ответственного чиновника вполне подтверждаются тем, насколько непросто, сложно, а иногда и конфликтно завоевывало себе право на существование пароходство на Ангаре, и всегда в этом велика была роль передового сибирского купечества, ярким представителем которого был Александр Михайлович Сибиряков, взваливший на себя тяжелую ношу и пытавшийся решить столь важную для края задачу.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ларионов Д. Д. Пристани Лено-Ангаро-Байкальского бассейна в 1888 г. [Б. м.], [б. г.]. Страницы не указаны.
2. Там же.
3. ГАИО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 222. Л. 1.
4. Там же.
5. Распопина А. А. Становление и развитие пароходства в Байкальском водном бассейне в середине XIX — первой четверти XX века: дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2003. С. 129.
6. Там же.
7. Большаков В. Н. Очерки истории речного транспорта Сибири XIX в. Новосибирск, 1991. С. 167.
8. ГАИО. Ф. 31. Оп. 3. Д. 313. Л. 2–3.
9. Там же.
10. Там же.
11. Там же. Л. 1.
12. Там же. Л. 16.
13. Распопина А. А. Становление и развитие пароходства... С. 117.
14. ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 861. Л. 12–13 об.
15. ГАИО. Ф. 31. Оп. 3. Д. 313. Л. 79.
16. Там же.
17. Там же. Л. 79 об.–80.
18. Там же. Л. 80 об.
19. Там же. Л. 93–95.
20. Там же. Л. 82.
21. Там же. Л. 96 об.
22. Там же. Л. 96.
23. Там же. Л. 96 об.

24. Там же. Л. 100.
25. Там же. Л. 101.
26. Енисейские губернские ведомости. 1884. 25 февр. С. 2.
27. Там же.
28. ГАИО. Ф. 31. Оп. 3. Д. 313. Л. 123–127 об.
29. Там же. Л. 125 об.
30. Там же. Л. 125 об.–126.
31. Там же. Л. 126.
32. Там же. Л. 127 об.
33. Там же. Л. 145.
34. Там же.
35. Там же. Л. 131.
36. Положение о буксирном пароходстве по реке Ангаре, утверждаемом потомственным почетным гражданином А. М. Сибиряковым // ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 5. Дополнения, 1885 г. СПб., 1887. Ст. 5164. С. 399.
37. Там же.
38. Там же. С. 400.
39. Там же.
40. Там же.
41. Там же.
42. Там же.
43. Там же.
44. Там же.
45. Там же. С. 401.
46. Там же. С. 400.
47. Там же.
48. Там же.
49. Там же.
50. Там же. С. 401.
51. Там же.
52. Там же.
53. ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 861. Л. 5 об.
54. Там же.
55. Положение о буксирном пароходстве... С. 401.
56. Там же. С. 399–400.
57. Ангарский водный путь // Восточное обозрение. 1885. 10 окт. С. 2.
58. ГАИО. Ф. 31. Оп. 3. Д. 313. Л. 164.
59. Там же.
60. Там же. Л. 166.
61. Там же. Л. 165.
62. Там же.
63. Там же.
64. Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1886. С. 316.
65. ГАИО. Ф. 31. Оп. 3. Д. 313. Л. 73.
66. Вертянкин В. В. Ангаро-Енисейское пароходство // Сибирский город XVIII–XX веков. Иркутск, 2013. Вып. 9. С. 143.
67. Там же.
68. ГАИО. Ф. 31. Оп. 3. Д. 313. Л. 197.

69. Об изменении некоторых условий дарованной потомственному почетному гражданину Сибирякову привилегии на содержание буксирного пароходства по р. Ангаре // Собрание узаконений и распоряжений Правительства 6 октября 1887 г. С. 851.

70. Там же.

71. Там же.

72. Субботин А. Экономическая записка по вопросу о соединении рельсовым путем Ангары и Лены. СПб., 1897. С. 28.

73. О продлении срока привилегии Сибирякова на буксирное пароходство по р. Ангаре // ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 9. Дополнения, 1889 г. СПб., 1891. Ст. 5854.

74. Иркутские губернские ведомости. 1889. 19 апр. С. 1.

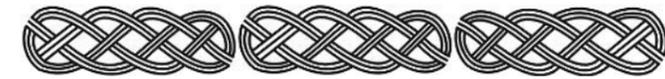
75. Фадеев П. А. О заведовании водяными сообщениями: заметки 1878 года // Инженер (журнал МПС). 1886. Т. 1, кн. 7–8. С. 216.

АРХИТЕКТУРА

И. В. Калинина

ТЫН, БАШНИ И ВНЕШНИЕ УКРЕПЛЕНИЯ ИЛИМСКОГО ОСТРОГА

Русские казаки впервые вышли на р. Илим летом 1627 г. В 1630 г. казачий атаман Иван Галкин открыл удобный сухопутный путь из бассейна р. Ангары на р. Лену, ставший впоследствии главной артерией переправки грузов на север и получивший название «Ленский волок». В этом же году в месте, откуда начинался Ленский волок, на берегу Илима было построено зимовье.

Согласно В. Н. Шерстобоеву Илимский острог на месте зимовья поставили более чем через полтора десятка лет при приказчике Григории Демьянове — в 1647 г. Однако И. Г. Гмелин, проезжавший острог в 1736 г., пишет, что возведен он в 1641 или 1642 г.: «...первый Илимский острог, положивший основание этому городу, был построен [приезжими] из Енисейска в году 1641 или 1642» [1]. Также и в исторических актах, датированных 1645 г., Илимский острог упоминается уже как существующий — «Отписка приказного сына боярского Алексея Бедарева из **Илимского острога** якутскому воеводе Василию Пушкину с товарищами о полученных из Верхоленска вестях о восстании братских людей» [2]. В более ранних документах, 1630-х гг., укрепленное поселение именуется Ленским волоком, а в 1640-х гг. — Ылимским или Илимским волоком. И. В. Щеглов в «Хронологическом перечне...» датирует постановку укрепленного острога 1631 г.: «[1630]... Иван Галкин... в том месте, где надо было переволакиваться с Илима на Куту, остался строить для ясачного сбора зимовье, названное Ленским-Волоком, в следующем [1631] году укрепленное и переименованное в Илимский острог» [3].

Исторические грамоты 1640-х гг. [4] свидетельствуют, что в этот период казачье поселение на Илеме было хорошо укрепленным пунктом, в котором собирался ясак и имелся постоянный гарнизон. Через поселение осуществлялось постоянное передвижение русских казаков и в него неоднократно за помощью обращались гарнизоны других острогов. Очевидно, что здесь в это время уже был достаточно крупный и хорошо укрепленный пункт.

С 1649 г. острог стал центром самостоятельного Илимского воеводства, и сюда был назначен первый воевода Тимофей Васильевич Шушерин. Острог в период его управления имел длину стен 119½ сажени и две башни — проезжую в 3 сажени и глухую в 2½ сажени. В 1650-е гг. Илимский острог насчитывал 65 дворов.

Старый Илимский острог сгорел 24 июля 1666 г.

Новый острог был заложен в 1667 г. на другом месте, чуть ниже течения Илима. Ставил острог воевода Сила Осипович Оничков, назначенный управлять Илимском в том же году. В донесениях воевода сообщает, что для строительства нового острога выбрал «угоднее место на низ Илима реки за 655 сажень, луг немал» [5]. В источниках упоминаются разные данные о расстоянии между старым и новым острогами: 300, 644, 655 сажень, полторы версты.

21 июля 1667 г. острог был разбит на местности и заложена первая острожная башня, которая согласно русским традициям была поставлена на дороге, ведущей из России, и называлась Спасской: «острожное место очертил, и первую Спасскую большую башню того же числа заложил» [6]. Острожные стены ставили из леса, который по приказу воеводы заготовили загодя и еще зимой подвезли к месту строительства: «велел по зимнему пути лес выронить и вывозить на острожное место к стене» [7]. Новый острог представлял собой деревянное укрепление, включавшее восемь башен, крытых двойным тесом, в том числе три проезжих, и стены из стоячих бревен. В 1672 г. Илимский острог получил статус города.

В 1687–1688 гг. острожные стены были отремонтированы, однако к 1694 г. они пришли в ветхость и не подлежали восстановлению: «острог во многих местах погнил и вывалился и починить некоторыми делами невозможно» [8]. В результате управляющий острогом стольник и воевода Григорий Грибоедов был вынужден в 1694 г. отстроить стены заново. Постройка стен была разверстана между служилыми людьми и посадскими, причем в основу расчета был положен пятирублевый казачий оклад денежного жалованья, на который при разверстке строительства падало по 1½ сажени (3,21 м) острожных стен.

Перестройка Илимского острога 1694 г. в документах описана так: «А мерю новый острог против прежнего ж 333 сажени. А строен тот новый острог илимскими детьми боярскими и подьячими, да и всяких чинов служилыми людьми и ружники и обротчики и посадскими людьми по смете» [9]. По сообщению воеводы Оничкова, при постройке острога длина его стен составляла 319 сажень [10]. При ремонте, произведенном в 1694 г., протяженность стен была увеличена до 333 сажень, однако все башни были оставлены на своих местах: «А башни по тому острогу те ж, и вновь башен не прибавлено и не убавлено и не переставлены и не починиваны, только покрыты новым тесом... и тот новый острог против прежняго ж четверугольный, мерю длинных и попережных стен 333 сажени» [11]. Башни в остроге были поставлены одна от другой с расчетом расстояния выстрела из лука или пищали. Выдвижение их относительно острожной стены должно было обеспечить свободный прострел с двух сторон каждого участка стены между двумя башнями. Вероятно, при перестройке стены были максимально заглублены относительно угловых башен, а относительно средних проезжих башен, наоборот, приближены к линии фасада, но с сохранением выступа, необходимого для стрельбы. Такое смещение позволяло увеличить каждое прясло стены примерно на 2–5 м.

Впервые в картографии острог отмечен на чертеже Сибири, составленном в 1675–1677 гг. главой русского посольства в Китай Н. Г. Спафарием. На чертеже символами показаны зимовья в виде изб под двускатными крышами и остроги в виде группы островерхих строений. Именно так на чертеже изображен Илимский острог.

Следующие по времени изображения Илимского острога приводятся в двух книгах С. Ремезова конца XVII в. Чертежи не идентичны, более точно

Чертеж Сибири Спафария. 1675–1677 гг.

острог передан в «Чертежной книге Сибири», тогда как в «Хорографической книге Сибири» он имеет меньшее количество башен. В «Чертежной книге Сибири» острог показан четырехугольной формы с восемью башнями. Четыре башни закрепляют углы острога и четыре расположены в средних частях стен. Из острога показаны две дороги, одна с юго-западной стороны на Братск (по Ангарскому волоку), вторая — с противоположной стороны с северо-востока на Ленский волок. Ориентация чертежа противоположна современной, поскольку север расположен внизу. При привычном расположении чертежа видно, что допущена ошибка — дорога на Ленский волок показана через северную нагорную башню, тогда как она шла с востока через Введенскую проезжую башню. Также не указана дорога из Спасской проезжей башни на Енисейск. Изображение всех восьми башен примерно одинаково. Это высокие рубленые постройки с обламами в верхней части сруба, перекрытые колпаками и завершенные вышками, которые, в свою очередь, увенчаны шатриками. Изображения башен, несмотря на схематичность, в целом соответствуют описаниям и более поздним рисункам и фотографиям.

Тыновая ограда Илимского острога

Детальную информацию о постройках Илимского острога дают описание и чертеж, которые были составлены по приказанию воеводы Ф. Р. Качанова

С. Ремезов. «Чертежная книга Сибири». 1699–1701 гг.

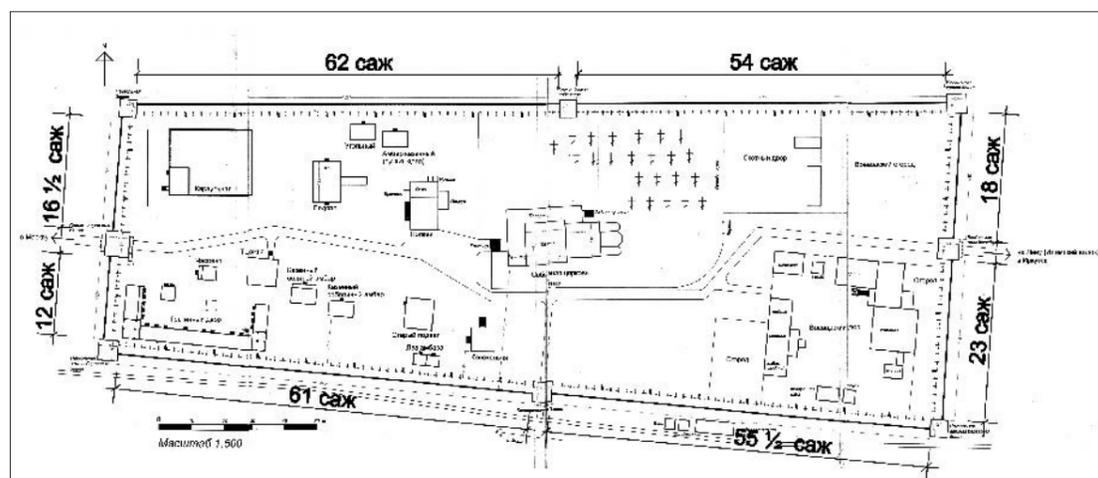

С. Ремезов. «Хорографическая книга Сибири». 1697–1711 гг.

в 1703 г. [12]. Приложенный к описи чертеж не совсем точно передает пропорции крепости, в действительности в плане она была более вытянута по оси восток-запад.

Габариты Илимского острога по описанию 1703 г.

Прясло между башнями	Длина	Высота	Конструкция
Спаская – наугольная береговая (нижняя)	12 саж. печатных	2 саж. печатных	«115 тынин»
Наугольная береговая (нижняя) – Богоявленская	61 саж.	2 саж.	«648 тынин с столбами и с переклады»
Богоявленская – наугольная береговая (верхняя)	«55 саж. с полусаженью»	2 саж.	«584 тынины с столбами и с переклады; калитка в воеводский двор»
Наугольная береговая (верхняя) – Введенская	23 саж.	2 саж.	«219 тынин с столбами и с переклады»
Введенская – наугольная подгорная (верхняя)	18 саж.	2 саж.	«200 тынин с столбами и с переклады»
Наугольная подгорная (верхняя) – средняя подгорная	54 саж.	2 саж.	«590 тынин с столбами и с переклады»
Средняя подгорная – наугольная подгорная (нижняя)	62 саж.	2 саж.	«435 тынин с столбами и с переклады»
Наугольная подгорная (нижняя) – Спаская	«16 саж. с ½ саж.»	2 саж.	«170 тынин с столбами и с переклады»
Всего	333 саж. печатных [13]		«2961 тынина с столбами и с переклады»

Реконструкция Илимского острога по описанию и чертежу 1703 г.

Илимский острог представлял собой в плане четырехугольник, вытянутый по оси запад-восток. Переведем древнерусские меры длины в современное исчисление [14] и рассчитаем габариты острога, учитывая суммарные длины башен и прясел стен:

Сторона	Башня	Прясло	Башня	Прясло	Башня	Общая длина в метрах
Западная	5,33 м 2,5 саж.	35,15 м 16½ саж.	7,81 м 4 саж. без 1 арш.	25,56 м 12 саж.	6,04 м 3 саж. без ½ арш.	79,89
Южная	6,04 м 3 саж. без ½ арш.	129,93 м 61 саж.	6,04 м 3 саж. без ½ арш.	118,22 м 55½ саж.	5,33 м 2,5 саж.	265,56
Восточная	5,33 м 2,5 саж.	48,99 м 23 саж.	6,39 м 3 саж.	38,34 м 18 саж.	6,04 м 3 саж. без ½ арш.	105,09
Северная	6,04 м 3 саж. без ½ арш.	115,02 м 54 саж.	5,33 м 2,5 саж.	132,06 м 62 саж.	5,33 м 2,5 саж.	263,78
		329,09 м		314,18 м		

Таким образом, размеры острога с башнями в плане составляли: 79,89 x 265,56 x 105,09 x 263,78 м.

Общая протяженность тыновой ограды (исключая башни) составляла **643,27 м** (329,09 + 314,18 м). Согласно описи стены были составлены из 2 961 «тынины», или вертикально стоящего бревна: «И всего вокруг всего острогу длинных и поперечных стен мерою 333 сажени печатных... стоит 2 961 тынина» [15]. Простой подсчет показывает, что диаметр бревен был небольшим и определялся в 21–22 см. Сохранившаяся Спаская башня сложена из бревен близкого размера, толщина их от 23 до 25 см.

Описи других сибирских острогов свидетельствуют, что тыновые стены ставились из бревен небольшого диаметра. Например, в Березовском остроге их диаметр составлял 17–18 см: «а в ширину в сажени острожных 13 бревен» [16], в Ляпинском — 14–15 см, в Алазейском остроге — 12–18 см. В литературе встречается упоминание, что начиная с XVII в. существовал особый стандарт острожных бревен: в длину 2,5 сажени, диаметром 5 вершков (22,2 см), однако соответствующий нормативный акт нами не обнаружен. Интересно упоминание в той же Березовской описи, что для тынин использовали бревна, у которых от вершины отрубалось 17–20 см: «в трубе от вершины в 4 и в пол 5 вершка бревно» [17]. Таким образом, при стандартной длине строительного бревна в 4–5 сажени для тына использовали верхнюю половину бревна, а нижнюю более толстую употребляли для других построек.

Согласно документам вокруг Илимского острога был поставлен «становой тын». Тыновые ограждения XVII–XVIII вв. были в основном рассчитаны на противника, не располагающего артиллерией, но превосходящего обороняющихся численно. Тын предназначен защищать от прямого штурма. Высота тыновой ограды Илимского острога была 2 сажени, или 4,26 м. В настоящее время высота тына, воссозданного в музее «Тальцы», чуть меньше и составляет 3,70 м.

Согласно Ф. Ф. Ласковскому для установки тына по периметру острога обычно выкапывался ров глубиной от ½ до ⅔ сажени (1–1,42 м). Известно, что при ремонте тыновой ограды Илимского острога в 1753 г. под тынины были выкопаны рвы глубиной 1,5 аршина (1 м). Однако простого заглубления бревен в землю было недостаточно для прочного закрепления стены. Древнерусские приемы строительства крепостей предусматривали дополнительное укрепление стен. Обычно с внутренней стороны стены закреплялись камнями или земляными валами.

Археологические раскопки Илимского острога показали, что основание тыновых стен вместо камней было укреплено в земле укороченными бревнами: «двух- и трехрядным тыном» [18]. Указанное в описи 1703 г. количество тынин — 2 961, однозначно свидетельствует, что только один ряд был сооружен из высоких бревен, два других ряда, обнаруженные археологами, являлись бревенчатыми опорами стены в уровне земли. Таким образом, тын с двух сторон фланкировался укороченными бревнами, причем с наружной стороны острога бревна лишь незначительно могли выступать из земли во избежание создания ступени при осаде крепости. Прием крепления острожной стены в два ряда представлен сейчас в экспозициях Илимского и Братского острогов.

Есть несколько способов сплачивания бревен тына между собой. Бревна могли соединяться при помощи пазов, вырезанных с внутренней стороны. Этот конструктивный прием, как показали археологические раскопки, использовался в Умревинском и Ляпинском острогах [19]. Другой способ, воспроизведенный в музее «Тальцы», предусматривал сплачивание горизонтальными связями — шпонками, или призматическими клиньями, которые забивались в гнезда, вырубленные в бревнах с внутренней стороны острожных стен. Кроме того, бревна могли скрепляться вставными шипами или иглами, которые обычно располагались в шахматном порядке на расстоянии 2 м друг от друга. Такие конструктивные приемы скрепляли все бревна частогокола и делали стену прочной и плотной. Для защиты от огня деревянные укрепления иногда обмазывались снаружи глиной или известью. Например, известно, что глиняную обмазку имели деревянные стены Албазина.

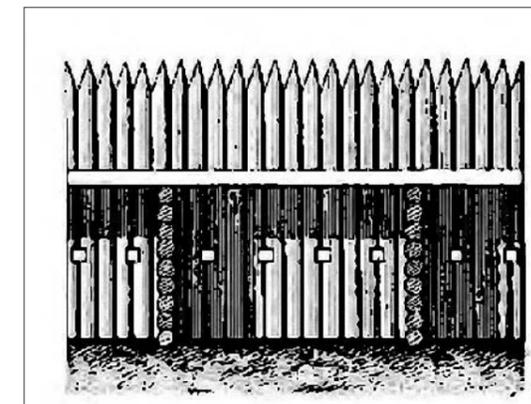
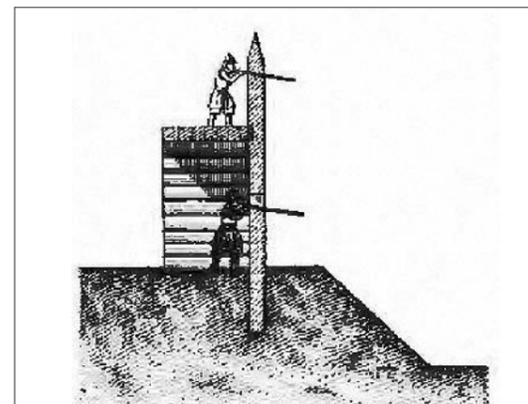
Тыновые ограды с помостами в русских деревянных крепостях

При реконструкции в музее «Тальцы» оборонительных сооружений Илимского острога было установлено, что ограждение по всему периметру имело конструкцию, состоящую не только из тына, но и из помоста на столбах с внутренней стороны стен — «кругом всего острогу стоит 2 961 тынина с столбами и с переклады» [20]. О существовании подобных конструкций стен в русском оборонном зодчестве сохранились упоминания в исторических документах. Кроме того, значительные дополнения принесли археологические раскопки последних десятилетий, проведенные на месте различных острогов.

Оборона острогов с тыновыми стенами, имевшими помост, могла производиться с «*подошвенных и верхних боев*». Описи российских деревянных острогов свидетельствуют, что значительная часть их имела становые тыны, в которых предусматривалось ведение боя с двух уровней. Например, в Угличе «...*острог с верхними и подошвенными бои сделал*»; в Кумарском остроге — «...*в остроге был исподней и верхней бои*» [21].

Местоположение стрелков в верхней части тына позволяло удерживать противника на значительном расстоянии от острога. С этой целью устраивались особые подмости, которые имели различное наименование: мосты, роскаты, кровати. В Каргопольском остроге, возведенном в 1612 г., упоминается помост, который носит название «*острожные полати круг города*» [22]. Однако суть назначения этой конструкции одна — обеспечение возможности ведения верхнего боя.

В русском оборонном зодчестве существовали различные варианты конструктивного решения подмостков. Ласковский описывает простейший тип подмостей, устроенных на поперечных бревенчатых стенах, врубленных в тыновую ограду и покрытых сверху настилом для стрелков. Такая конструкция имела существенный недостаток, так как защитники острога, ведущие подошвенный

Профиль и внутренний фасад стоячего острога с поперечными бревенчатыми стенками для поддержания помоста по Ласковскому

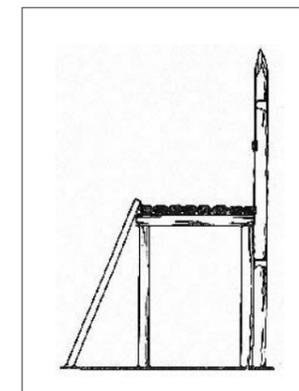
бой, были изолированы друг от друга бревенчатыми перегородками, кроме того, был затруднен доступ к бойницам.

Другой конструктивный вариант [23], используемый в укреплениях Белгородской черты, предусматривал устройство помоста на столбах. С этой целью с внутренней стороны острога на расстоянии от тына около 1 сажени (2 м) вкапывались вертикальные столбы из расчета: один столб против каждого десятого столба тына. Столбы соединялись короткими горизонтально расположенными бревнами с основной стеной и крепились с ней в отверстиях. На эти горизонтальные бревна клались пластины. Таким образом, вдоль всей стены устраивался помост.

О типичности данного способа устройства помоста свидетельствуют археологические раскопки Албазинского острога, вскрывшие с внутренней стороны острога следы столбов, которые стояли на расстоянии около 2 м от тыновой ограды и, вероятно, являлись опорами для помоста. Столбы располагались с шагом от 2,5 до 3 м, что в целом соответствует вышеуказанному расстоянию в острогах Белгородской черты.

Похожую конструкцию тына с помостом обнаружили также при археологических раскопках Умревинского острога. У западного тына с внутренней стороны на расстоянии от 0,8 до 2,4 м располагались столбы с интервалом между ними от 2,3 до 4 м. Эти столбы являлись опорами для помоста вдоль западного тына. Интересно, что по направлению к юго-западной башне отмечалось удаление столбов от тына, что говорит о неравномерной ширине помоста и увеличении ее, возможно, для установки в этом месте более крупных орудий. Обнаружено было парное расположение некоторых столбов, вероятно, связанное с укреплением или ремонтом опор. В раскопе встречались скобы, которые использовали для крепления тына и помоста.

Помост ставили от верха стен на высоте примерно чуть ниже роста стрелка (по грудь), так чтобы тын закрывал его от стрел. В Каргопольском остроге верхний бой с полатай был устроен с учетом безопасности стрелков: «*у верхних боев безстрашно сидеть и без щитов*» [24]. При таком положении помоста можно

Тыновая стена с помостом для верхнего боя. Реконструкция С. Н. Баландина

Пищаль в экспозиции музея «Тальцы»

было при близком штурме обороняться и поверх стен. Например, защитники скатывали заранее заготовленные катки-бревна со специальных конструкций, что позволяло сбросить противника с приставных лестниц или вылить кипящее смолье на нападающих.

Ширина помоста должна была обеспечить удобное положение для стрелка и возможность свободного прохода за его спиной. Поэтому при определении ширины помоста нужно учитывать габариты используемого в то время оружия. В XVII в. в русской армии применялись пищали и мушкеты. Документальные описания «нарядов» сибирских острогов свидетельствуют, что на вооружении обычно были пищали. Длина пищалей различна: от 1 аршина 14 вершков до 2,5 аршина (1,33–1,77 м) [25]. Таким образом, ширина помоста должна была составлять около 1 сажени (2,13 м).

Вариант устройства помоста приведен в работе С. Н. Баландина об оборонной архитектуре Сибири [26]. Исследователь публикует схему столбчатой конструкции помоста. Такой помост вдоль всего тына усиливал устойчивость ограды и позволял вести верхний бой. Такое же устройство помоста на столбах приведено у Ласковского, но в сочетании со стоячим косым острогом.

Галерея-помост на столбах в Илимском остроге

Археологические раскопки Илимского острога от Введенской (восточной, противоположной Спасской) башни к нагорной угловой башне вскрыли остатки «стоячего острога — укрепления острожной стены, состоящей из двух рядов вертикально вбитых бревен диаметром 20–25 см с горизонтально лежащими бревнами между рядами. Один из рядов был двойным на расстоянии до 5 м от оклада Введенской башни» [27]. К сожалению, это единственное опубликованное описание, причем без чертежей, не позволяет воссоздать конструкцию восточной стены острога. Непонятно, примыкали ли друг к другу ряды вертикальных бревен либо находились на расстоянии. Также неясно расположение горизонтальных бревен (перпендикулярно или параллельно рядам). Очевидно лишь, что конструкция стены была более сложной, чем ее обычно представляют.

Тыновая ограда Илимского острога состояла из «тынин» (вертикальных бревен), «столбов» (опор) и «перекладов» (помостов или настилов). Это

свидетельствует о том, что оборонительная система Илимского острога имела традиционную для русского оборонного зодчества конструкцию с подошвенным (с уровня земли) и верхним (поверх тына) боем, описанную выше.

На южной и северной стенах сохранившейся Спасской башни имеются следы зарубок, по которым можно восстановить высотные отметки помоста и его ширину. Предполагается, что широкая зарубка в девятом от основания венце сруба выполнена в месте примыкания тына к стене башни, располагается она на расстоянии 5,01 м от внутреннего угла башни. В том же бревне чуть ниже этой зарубки на расстоянии 4,3 м имеется вторая крупная зарубка в виде ромба со сторонами 7 x 11 см, которая, вероятно, является следом от горизонтальной опоры помоста, выполненной из плахи или бревна со стесанным концом. Кроме того, в шестом от основания бревне имеется круглое отверстие для крепления опорного столба помоста к стене башни при помощи нагеля. Косвенным доказательством существования помоста является плохое техническое состояние седьмого бревна, которое на отдельном участке значительно рассохлось и имеет трещины, что свидетельствует о наличии ранее здесь конструкции, которая препятствовала естественной сушке древесины, например, от брызг дождя, от подтаявшего скопившегося снега.

Таким образом, ширина помоста была как минимум 1,42 м, или 2 аршина. Поскольку настил помоста мог укладываться с небольшим выступом относительно горизонтальной опоры, ширина могла достигать 2,5 аршина, или 1,78 м. Помост располагался в уровне девятого венца, что соответствует отметке от уровня земли в 2,4 м. В целом произведенный расчет укладывается в габариты помостов других острогов и соответствует требованиям ведения верхнего и нижнего боя.

Предполагается, что конструкция помоста Илимского острога соответствовала конструкциям, описанным С. Н. Баландиным. С внутренней стороны тына и на расстоянии от него в 2 аршина (1,42 м) ставили два ряда столбов. На столбы укладывали горизонтальную опору помоста в виде матиц из бревен или пластин. Возможно, существовала дополнительная перевязка столбов. Помост застилали пластинами и ставили ограждение.

Для подъема на помост использовались лестницы — «всходы». По помосту должно было осуществляться беспрепятственное движение, поэтому лестницы ставили снаружи. Возможны два варианта установки лестниц с внешней стороны помоста: перпендикулярно ему или вдоль него. С конструктивной точки вариант с перпендикулярными лестницами предпочтительней, поскольку установленные таким образом лестницы дополнительно играют роль контрфорсов и придают большую устойчивость стенам.

В острожных стенах делались боевые отверстия — бойницы или амбразуры. Размеры отверстий для ружейной стрельбы согласно Ласковскому делали

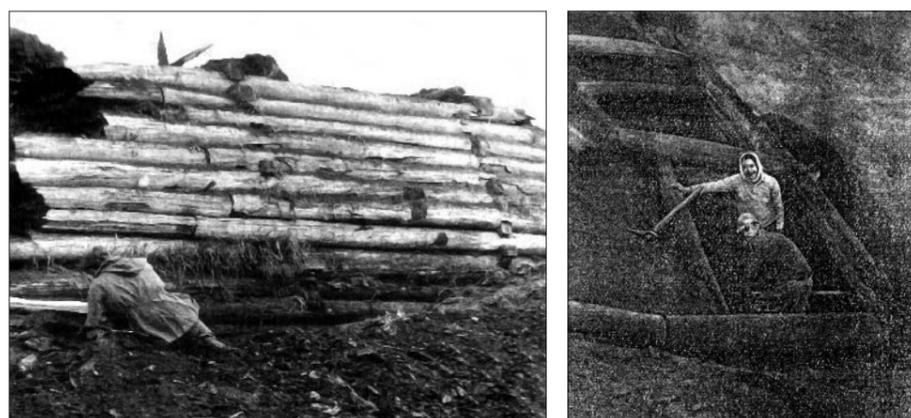
Зарубки на южной стене Илимской Спасской башни. Музей «Тальцы»

Бойницы в стенах Илимской Спасской башни. Музей «Тальцы»

½ фута высоты (15,2 см) и от 1 до 1½ фута длины (от 30 до 45,6 см) [28]. Однако такие крупные отверстия не могли быть прорезаны в тыне. В тыновых стенах, состоящих из бревен диаметром 20–22 см, отверстия для стрельбы должны быть минимальными, чтобы не ослабить конструкцию стены. В стенах Спасской башни Илимского острога имеются боевые отверстия для стрельбы из пищалей. Ширина и высота их всего 3 дюйма (около 7,5 см). Боковые щеки вырублены отвесно, а подошва имеет соответственный скат. Подобные же бойницы, вероятно, были прорезаны в двух соседних бревнах тыновых стен острога. Бойницы делались на высоте груди стрелка как для подошвенного, так и для верхнего боя с подмостей и на расстоянии одна от другой 5–7 футов (1,52–2,13 м).

При археологических раскопках береговой южной стены Илимского острога была выявлена необычная особенность оборонительной системы. Вся южная сторона состояла кроме тына из двух срубных стен, в которые перпендикулярно врубались поперечные стены. Конструкция напоминала отсеки — «тарасы» — и предназначалась как для обороны, так и для берегоукрепления. Кроме того, в образованные тарасы была выведена сложная система водоотводов [29]. В связи с тем что в ближайшее время в музее «Тальцы» не предполагается реконструкция южной стены, описание конструкции и системы водоотвода здесь не приводится.

Археологические раскопки южной береговой стены Илимского острога

Башни Илимского острога

Исчерпывающая информация об илимских острожных башнях приведена в описи и в чертеже 1703 г., поэтому ниже полностью дается фрагмент описи.

Спасская башня

«С приезде в острог Спасская проезжая башня — построена среди острожные стены — четыре сажени без аршина, другие стены — полу четыре сажени; до обломов 30 рядов, да обломов 8 рядов, рублена в лапу под скобель, вершина шатром с вышкою, крыта тесом, вышина башне до орла 8 сажень печатных. Снаружи за острогом часовня — у той башни на свесе, часовня вершина бочкою, а на верх бочки маковица с крестом, опаяно белым железом, а бочка и маковица обита лемехом. В часовне в киоте образ нерукотворного Господа нашего Иисуса Христа. На киоте написаны дванадцатые праздники. Сверху киота во главе — образ Знамени пресвятые Богородицы. Да на часовне в бочке написано отечество. Да в остроге у той же башни другая часовня на свесе, крыта на обе стороны. В часовне образ пресвятые Бого-

родицы Одигитрии. Ход в часовню из острогу по лестнице. В башне ворота брусяные, створные, с калиткою».

Наугольная береговая (нижняя)

«Башня наугольная береговая по край берегу Илима реки. Стены четвероугольные, мерою по 3 сажени без поларшина, вверх до обломов 30 рядов, да обломов 10 рядов, в ней 3 моста, вершена шатром с вышкою, крыта тесом. Вышина 4 сажени с аршином».

Богоявленская проезжая

«Башня Богоявленская среди береговые стены четвероугольная, стены по 3 сажени без полуаршина, В вышину до обломов 31 ряд, да обломов 8 рядов, рублена в лапу, вершена шатром с вышкою, покрыта тесом, вышина 4 сажени. В башне ворота проезжие брусяные. Над вороты у той башни за острожную стеною часовня, на свесе. Двери в часовню из острогу из башни вход. Крыта двойным тесом на обе стороны скатом. В часовне образ Знамени Пресвятые Богородицы».

Наугольная береговая (верхняя)

«Башня наугольная на Береговой улице, четвероугольная, мерою стены по полтретье сажени. Вверх до обломов 27 рядов, да обломов 6 рядов, вершена шатром с вышкою, покрыта тесом. Вышина той башни 4 сажени, в ней 2 моста с лестницами, двери затворные».

Введенская проезжая

«Башня Введенская проезжая с воротами и калиткою четвероугольная, стены по 3 сажени. Вершена шатром с вышкою, покрыта тесом. У той башни за острогом на свесе часовня, ход в оную сторону по лестнице. В ней образ Николая Чудотворца в окладе. В башне 3 моста, 2 лестницы рундуком. Вышина той башни с вышкою 4 сажени».

Наугольная нагорная (верхняя)

«Башня наугольная нагорная, четвероугольная, стены по 3 сажени без полуаршина. Вверх до обломов 25 рядов, обломов 6 рядов, вершена шатром с вышкою, покрыта тесом. Вышина той башни 4 сажени без аршина. В ней два моста».

Средняя нагорная

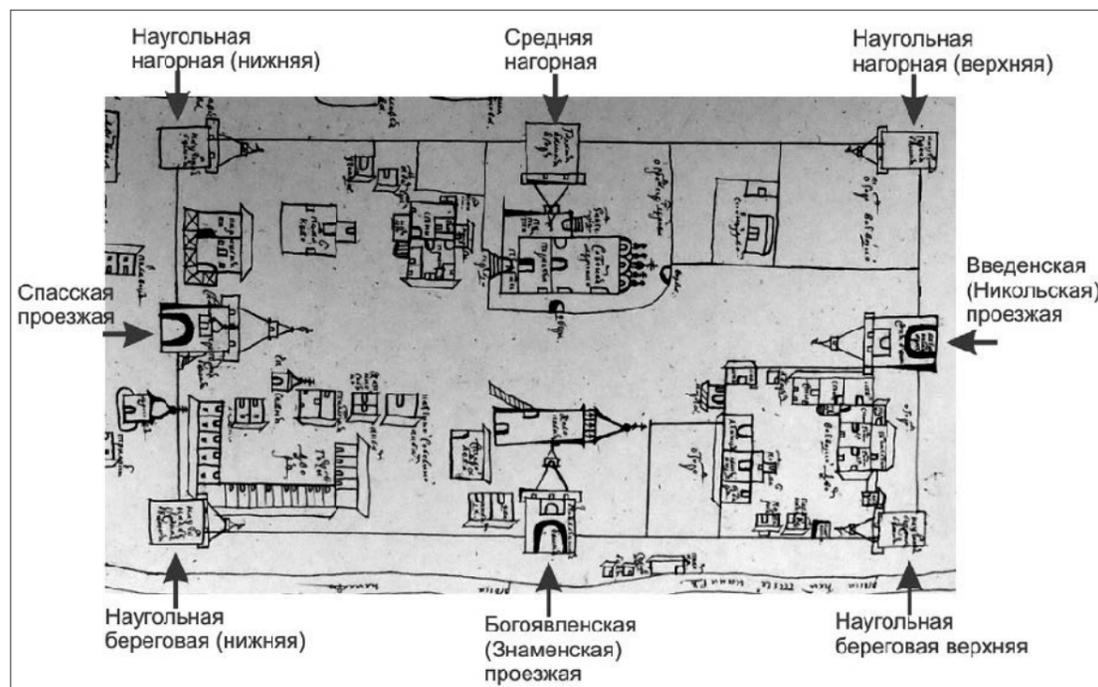
«Башня средняя нагорная четвероугольная, стены полутрети сажени. Вверх до обломов 31 ряд, да обломов 6 рядов, вершена шатром с вышкою, покрыта тесом. Вышина той башни 4 сажени. В башне три моста».

Наугольная нагорная (нижняя)

«Башня наугольная нижняя нагорная четвероугольная, мерою стены полтрети сажени. Вверх до обломов 31 ряд, да обломов 6 рядов, вершена шатром с вышкою, крыта тесом. Вышина той башни 4 сажени без полуаршина. В башне 2 [30] моста» [31].

На чертеже довольно точно передана архитектура острожных башен. Указаны проезжие ворота на трех башнях, расположенных в средних частях стен. На этих же башнях, над воротами с наружной стороны острога, изображены часовни на свесе, причем часовня в Спасской башне крыта фигурной кровлей «бочкой», на двух других форма кровли не конкретизирована. В описании разъясняется, что Спасская башня имела вторую часовню на свесе с внутренней стороны острога. На фронтальных стенах часовен показаны проемы, в которых стояли иконы, поименованные в описи. На всех башнях в стенах обломов нари-

сованы прямоугольники, которые, вероятно, обозначают отверстия для орудий. Высокие кровли завершаются дозорными вышками с проемами, исключение составляет дозорная вышка наугольной береговой (нижней) башни, у которой проема нет. Вышки завершены колпаками. Над всеми башнями острога развевались прапоры. На нижеприведенном чертеже все башни поименованы в соответствии с описью.

Чертеж Илимского острога 1703 г. (дополнен наименованиями башен)

В 1914 г. член ВСОИРГО и Иркутской ученой архивной комиссии М. П. Овчинников обнаружил опись г. Илимска, составленную в 1705 г. коллежским ассессором и кавалером Березовским. К сожалению, в описи отсутствовали первые страницы с описанием Спасской башни, но сохранились интересные сведения, которые прибавляют информацию по другим башням.

«Во второй башне икона Знамения. На той же башне со внутренней стороны, в остроге, на стене над вороты образ Богоявления Господня, а в той башне у проезжих ворот запор железный, веретенчатой, с пробой и замком висячим.

Третья башня выведена сверху Илима реки, проезжая среди острожных поперечных стены, четверугольная-ж. А на той башне свонную сторону над вороты часовня на свесе, а в той часовне святого Николая чудотворца писан на красках, пола обложены медным окладом. А в той башне у проезжих ворот запор железной, веретенчатой с пробой, а на воротах калитка и двери на крючьях железных, у тех же ворот и у калитки замки висячие с ключами. Четыре башни четверугольные в острожных углах; пятая башня среди острожных, продольных, нагорных стены» [32].

Южная и восточная проезжие башни имели двойное название. Южная башня, обращенная к р. Илим, на чертеже 1703 г. обозначена как «Богоявленская». Однако уже в описи, прилагаемой к чертежу, она в одном месте именуется так же, но далее по тексту уже как Знаменская. Это последнее наименование

зачеркнуто как ошибочное и исправлено на «Богоявленская». В более поздних документах при обозначении южной проезжей башни встречаются оба наименования. Объясняется это тем, что над внутренними воротами башни находилась икона Богоявления Господня, а с наружной стороны в часовне на свесе стояла икона Знамения Пресвятой Богородицы. Таким образом, оба наименования башни соответствовали посвящениям на иконах.

Восточная башня в ранних документах именуется как Введенская, видимо, из-за ориентации ее в сторону старого острога, на месте которого стояла церковь Введения во Храм Пресвятой Богородицы. Позже башня получает название Никольской в честь Николая Чудотворца, чей образ в окладе был расположен на ней с наружной стороны острога в часовне на свесе. Над внутренними воротами была помещена икона Иоанна Предтечи [33], которая, вероятно, была вскоре утрачена, поскольку не отразилась в топонимике башни.

На основании описей 1703 и 1705 гг. составлена сводная таблица размеров основных объемов острожных башен с переводом мер в современное исчисление.

Название	Длина	Ширина	Высота
Спасская проезжая	4 саж. без 1 арш. 7,81 м	«полу 4 саж.» (3,5 саж.) 7,45 м	до обламов 30 рядов; облам – 8 рядов; вышина – до орла 8 саж. h = 17,04 м до орла
Наугольная береговая (нижняя)	3 саж. без ½ арш. 6,04 м	3 саж. без ½ арш. 6,04 м	до обламов 30 рядов; облам – 10 рядов; вышина – 4 саж. 1 арш. h = 9,23 м
Богоявленская проезжая	3 саж. без ½ арш. 6,04 м	3 саж. без ½ арш. 6,04 м	до обламов 31 ряд; облам – 8 рядов; вышина – 4 саж. h = 8,52 м
Наугольная береговая (верхняя)	«полутрети саж.» (2,5 саж.) 5,32 м	«полутрети саж.» (2,5 саж.) 5,32 м	до обламов 27 ряд; облам – 6 рядов; вышина – 4 саж. h = 8,52 м
Введенская проезжая	3 саж. 6,39 м	3 саж. 6,39 м	вышина с вышкой – 4 саж. h = 8,52 м
Наугольная нагорная (верхняя)	3 саж. без ½ арш. 6,04 м	3 саж. без ½ арш. 6,04 м	до обламов 25 ряд; облам – 6 рядов; вышина – 4 саж. без 1 арш. h = 7,81 м
Средняя нагорная	«полутрети саж.» (2,5 саж.) 5,32 м	«полутрети саж.» (2,5 саж.) 5,32 м	до обламов 31 ряд; облам – 6 рядов; вышина – 4 саж. h = 8,52 м
Наугольная нагорная (нижняя)	«полутрети саж.» (2,5 саж.) 5,32 м	«полутрети саж.» (2,5 саж.) 5,32 м	до обламов 31 ряд; облам – 6 рядов; вышина – 4 саж. без полуарш. h = 8,17 м

При сопоставлении указанных в описи высотных размеров и высоты, полученной в результате подсчета количества венцов, выявляются некоторые несовпадения. Так, при одинаковом диаметре бревен 25 см, соответствующем сохранившимся бревнам Спасской башни, на четырех башнях высота в описях дана до нижних венцов облама, а в трех башнях — до верха облама (в Введенской башне количество венцов в описи не указано).

Башни имели в плане различные размеры — от 5,32 до 7,81 м. Высота же их отличалась незначительно и, видимо, зависела от рельефа местности.

Предполагается, что дозорные вышки на более высоких проезжих башнях находились на одном уровне, а на глухих башнях чуть ниже. Количеством венцов в основании башен выравнивалась линия обзора дозорных вышек по периметру острога.

Сохранилось несколько описаний Илимска, сделанных в XVIII в. [34]. При приеме города воеводой Петровым в 1730 г. длина острожных укреплений указана в 333 сажени, а по описанию острога, сделанному в 1734 г., она составляла 284 сажени $1\frac{3}{4}$ аршина. При передаче Илимского острога в 1733 г. от Турчанинова Чемесову укрепление оказалось очень ветхим, «*тычины от земли подгнили*», башни стояли без «крышек» и без оружия. В башенных часовнях находились только многочисленные иконы. На Спасской башне остались лишь два пушечных стана; пушки в 1727 г. были отправлены в Якутск.

В период с 1733 по 1743 г. проводилось активное изучение Сибири, для чего была снаряжена академическая Вторая Камчатская экспедиция, руководимая И. Г. Гмелиным и Г. Ф. Миллером. В состав отряда входили художники, которые выполняли зарисовки сибирских городов, а также «*всею в истории натуральной и политической достопамятного*». Немецкий художник Иоганн Вильгельм Люрсениус, сопровождавший отряд в качестве рисовальщика, был выписан Академией наук из Пруссии.

В Илимск члены экспедиции попали в 1736 г. И. Г. Гмелин в своем дневнике описывает город. «*Он расположен на северном берегу реки Илим в очень узкой долине, которая простирается с востока на запад и по обеим сторонам окружена высокими горами. Река Илим там шириной в 40–50 сажений, вся долина с рекой — в 80–100 сажений, из чего можно заключить, что город должен быть очень узким, но зато длиной он в версту. Почти в середине города находится деревянный острог четырехугольной формы длиной в 120 сажений и шириной в 40. Он имеет восемь башен, из них три сторожевые, а остальные пять — боевые. Сторона, выходящая к воде, и связанные с нею две стены имеют каждая по одной сторожевой башне, противоположная к воде стена и каждый угол острога имеют боевые башни. Внутри острога имеется церковь, канцелярия, дом коменданта, таможня, склад для товаров, под ним трактир, мелочные лавки, соляной склад, другой дом для денег и для дани, водочный погреб, сторожка и т. д.*» [35].

Художник И. В. Люрсениус зарисовал с природы панораму Илимска. Позже, в 1770-е гг., с рисунка гравер Е. А. Федосеев выполнил гравюру на меди, которая вошла в знаменитую серию «Собрание российских и сибирских городов», состоявшую из 34 листов. Гравюры серии достаточно точно воспроизводили панорамы ряда сибирских городов и отражали особенности как общего архитектурного облика, так и конкретных выдающихся строений городов. В этом отношении виды серии обладают исключительным историко-художественным значением.

На панораме отчетливо прослеживаются все наиболее значимые постройки Илимского острога, в том числе и восемь острожных башен. Все они имеют схожее очертание. На Спасской и Введенской проезжих башнях видны часовни на свесе. На третьей проезжей Богоявленской башне часовня не видна, но, возможно, лишь потому, что она располагалась на теневой, менее прорисованной стороне башни.

Следующий иллюстративный материал в виде плана Илимска, составленного в первой половине XVIII в. [36], представляет достаточно подробно вну-

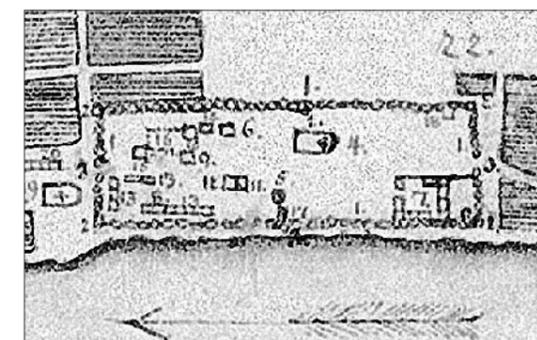
Вид города Илимска. Гравюра Е. А. Федосеева, 1770-е гг., с оригинала И. В. Люрсениуса 1736 г. (дополнена наименованиями башен)

тренную планировку острога и подтверждает ранее известную информацию об остроге с тремя проезжими башнями (3 в экспликации) и пятью глухими (2).

Воеводы, управлявшие городом в период с 1730-х по 1750-е гг., неизменно подчеркивали, что острог и башни сильно обветшали. В 1753 г. воевода Попов велит городничему исправить острог силами казаков. Он приказывает заготовить не менее 1 500 бревен «тынового лесу», выкопать рвы глубиной в $1\frac{1}{2}$ аршина под тынины и ставить «*круг города становой тын*». Работа эта должна была разверстываться на илимских казаков, по $1\frac{1}{2}$ сажени на душу. Береговые башни воевода велел перенести выше к горе, перекрыть тесом и починить «*добрым и крепким мастерством*».

Илимская воеводская канцелярия привлекла к работам по починке острога всех жителей Илимска, т. е. служилых людей, посадских и ссыльных. После двух лет работы илимский казак Нефед Балашев в июле 1755 г. докладывал Илимской воеводской канцелярии, что были наряжены всякого чина люди и посадские «*для становления городской крепости тыну*», а казаки — для перекрытия башен и что теперь башни перекрыты, а «*стамовой тын... поставлен*». Однако подмытые Илимом башни при починке острога не стали передвигать, а оставили на прежнем месте. Перестройка острога, предпринятая воеводой Иваном Поповым, была последней в истории Илимска.

Город Илимск являлся центром одноименного уезда до 1775 г., после чего стал внештатным городом, где еще некоторое время проживали комиссары. К этому времени в остроге еще хранилось 65 трехфунтовых пушечных ядер и 60 полторафунтовых, а также 2 лафета, знамя илимских казаков, знамя, перевезенное из Братского острога, бердыши, копыя и стрелы.

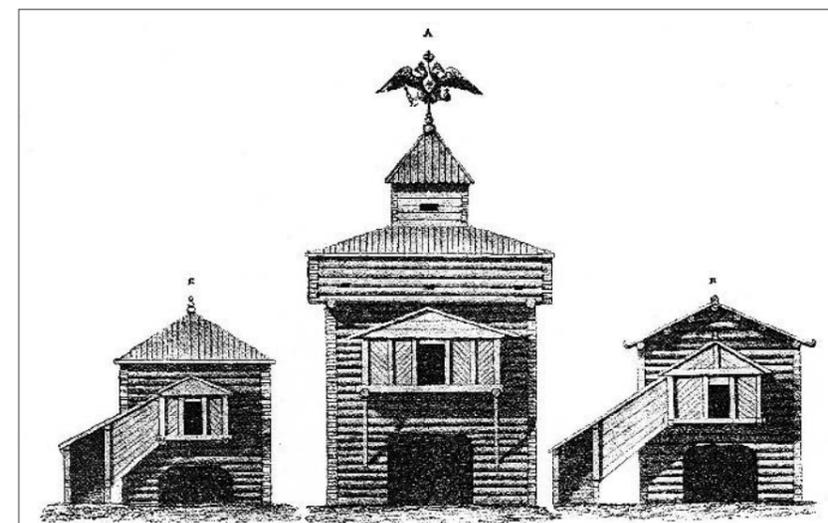
Фрагмент плана г. Илимска. Первая половина XVIII в. (2 — глухие башни; 3 — проезжие башни)

В описании Иркутского наместничества, составленном в 1792 г., отмечается, что острог за всю историю своего существования никогда не был разорен или покорен. К тому времени еще сохранялся деревянный тын в две сажени высотой с башнями по углам [37].

В 1839 г. с высочайшего соизволения при Статистическом отделении Совета Министерства внутренних дел были изданы «Материалы для статистики Российской империи», к которым прилагался альбом с рисунками фасадов башен Илимского острога. К тому времени сохранились лишь три проезжие башни, причем две из них — в полуразобранном виде. Обе эти башни изменили свои наименования. Если первоначально они назывались Богоявленской и Введенской, то теперь по главным находившимся в них иконам именовались Знаменской («в часовне образ Знамения пресвятыя Богородицы») и Никольской («в ней образ Николая Чудотворца, в окладе»). Очень любопытно описание башен, которое приведем здесь полностью: «...в бывшем городе Илимске остаются три башни. Первая, называемая Спасскою, шириной в три саж., 2 ар.; длиною в 3 саж., 1 ар. На верху квадратный теремок в четыре аршина, с четырьмя малыми окнами. Высота башни от земли до первого пола 3 саж.; от первого пола до второго 1½ саж.; от второго до третьего 1 саж. между последними полами два окна, длиною в поларшина, вышиною в четверть. Все строение из соснового лесу; полы бревенчатые; крыша на самой башне крыта тесом, о четырех скатах в желоба; на теремке же тесовая крутая, с фигурным обрешотом краев, но также о четырех скатах и в железных гвоздях. Над теремком деревянный двухглавый орел, наподобие Императорского Всероссийского герба. Под башнею сквозной проезд в ворота, над коими полукружием сделаны балконы, крытые тесом; на одном из них хранится нерукотворный образ Спаса. Полагают, что сия икона поставлена там еще при постройке башни; ибо на серебряном окладе ея видна надпись: "От сотворения мира ... [цифры неразборчивы] (от Р. Х. 1652 г.) при Воеводе Илье Андреевиче Змееве"». Вторая башня, Знаменская, сосновая с одним балконом, в длину и ширину имеет по две сажени, вышины 2 саж. и 2 аршина, в трубе 5 вершков; крыта на четыре ската драньем. Третья, Никольская, длиною и вышиною в 3 саж. и 3 четв., вышиною в 3 саж., из соснового леса, крыта на два ската драньем, толщины такой же, как и прочия башни. По затесам видно, что все они перенесены с других мест; крыши их поправлены были лет десять тому назад усердием Илимских мещан; но от непрочной постройки и бурь разбились. Башни сии стоят внутри города: две на середине проезжей улицы, одна против другой, в расстоянии 120 саж.; третья налево от сей улицы, в равном от прочих башен расстоянии» [38].

Проезжие башни на чертежах показаны с внутренней стороны острога. В Спасской башне изображена часовня на свесе, перекрытая двускатной кровлей. Башня была крупнее других, и лестница в часовне располагалась внутри нее. В Знаменской и Никольской башнях показаны наружные крытые лестницы на второй этаж и рундуки. Известно, что эти башни также имели часовни на свесе, но располагались они с наружной стороны над проезжими воротами. Предполагается, что часовни эти еще существовали, косвенным подтверждением является переименование башен в честь сохранявшихся икон. В точности чер-

* Здесь, вероятно, неточно переведен год, поскольку известно, что воевода И. А. Змеов управлял Илимским острогом с 1683 по 1685 г.

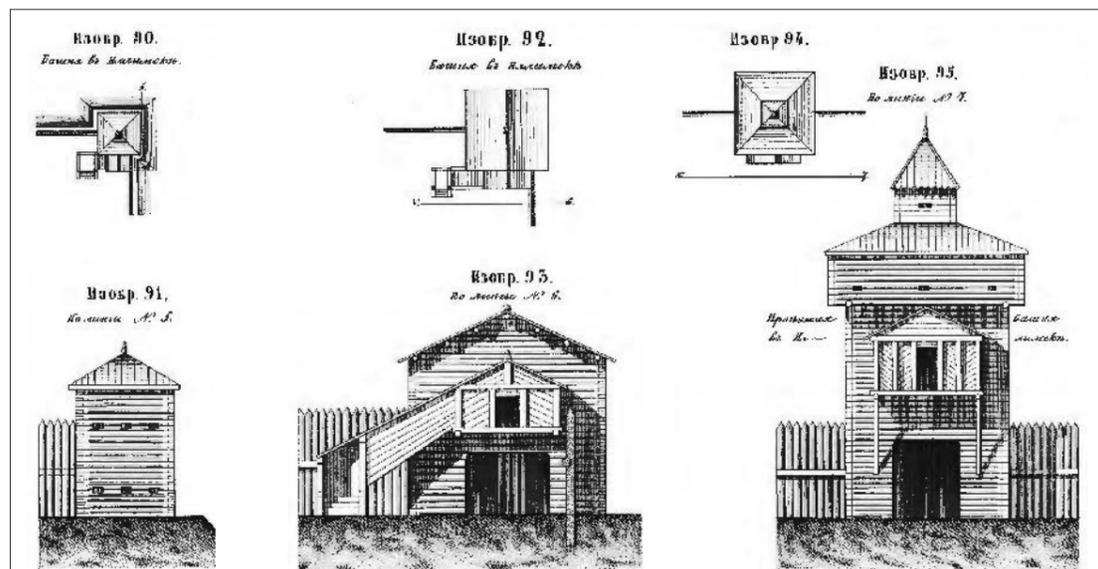
Башни Илимского острога в 1839 г.
(слева Знаменская башня, посредине Спасская, справа Никольская)

тежей не приходится сомневаться, поскольку учтены размеры башен в плане. Самая широкая Спасская башня — 7,81 м; Знаменская (Богоявленская) — 6,04 м; Никольская (Введенская) — 6,39 м. Очевидно, что две последние башни были разобраны почти в половину своей первоначальной высоты и перекрыты новыми кровлями. Интересно, что при общих близких габаритах башен (38 и 39 венцов) высота проема проезда в Знаменской башне, обращенной к Илимю, значительно ниже, чем в Спасской и Введенской, где высокие проемы, видимо, были предназначены для проезда всадников.

В 1852 г. иркутский губернатор К. К. Венцель, совершавший объезд вверенной ему в управление губернии, распорядился произвести хотя бы минимальный ремонт древних башен. Работы были частично выполнены, и в том же году мещанский староста докладывал: «Илимское мещанское общество озаботилось исправить из числа трех древних башен г. Илимска одну — а именно Спасскую — следующим образом: сняв орел, крышу и все ветхости заменяются новым устройством, а прочие две башни — Знаменская и Николаевская — остаются в прежнем безобразном виде и полуразрушенными. Общество же от исправления их отказывается по случаю крайней бедности, и при малочисленности в городе Илимск жителей считают крайним обременением и невозможностью...» [39].

В 1858 г. вышел в свет первый том фундаментального исследования русского военного инженера, ученого и историка генерал-лейтенанта Федора Федоровича Ласковского «Материалы для истории инженерного искусства в России» [40]. В прилагаемых таблицах приведены изображения трех башен Илимска. Чертежи явно выполнены с вышеприведенных иллюстраций Статистического отделения, при этом были допущены некоторые искажения. Так, Знаменская и Никольская башни показаны в плане как угловые, в то время как они стояли в середине острожных стен. Несколько изменены и пропорции всех трех построек с увеличением их высоты.

В 1868 г. киренский окружной исправник С. В. Попов составил первое подробное описание древних памятников Илимского острога, которое год спустя было опубликовано в «Записках и Трудах Иркутского губернского статистического Комитета». Автор описывает три башни — Спасскую, Знаменскую и

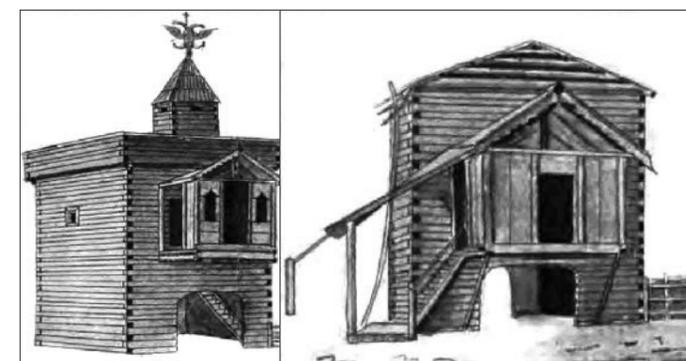

Илимские башни по Ласковскому: «Изобр. 90, 91. План и наружный фасад Знаменской башни в Илимске; Изобр. 92, 93. План и внутренний фасад Никольской башни в Илимске (а. Лестница, б. Сени, служащие во время обороны навесными стрельницами.); Изобр. 94, 95. План и внутренний фасад Спасской проезжей башни в Илимске (а. Выступ, служащий для обороны ворот со внутренней стороны)»

Никольскую. Все башни четырехугольные в плане с проезжими воротами на обе стороны. Далее он упоминает о наличии по обеим сторонам башен балконов, которые, по его предположению, являлись часовнями. Вероятно, он ошибочно отождествляет в двух башнях (Знаменской и Никольской) часовни на свесе и лестницы с рундуками, которые располагались с внутренней стороны острога. Обе башни первоначально имели часовни на свесе только с наружной стороны и ко времени изучения были значительно разрушены. «В городе Илимске есть три старинные башни: Спасская, Никольская и Знаменская; все они деревянные четырех-угольные и устроены в виде высоких огороженных дворов с воротами на обе стороны. По настоящее время сохранилась хорошо только одна Спасская башня; она построена в три этажа, два широких и один самый верхний узкий, законченный острообразно, на верш которого прикреплен двуглавый орел. ...По рассказам местных жителей старожил, башни эти составляли центральные пункты укрепления, обнесенного тыном, следы которого виднеются в некоторых местах города и теперь. ...При всех сохранившихся ныне башнях устроены были, как должно полагать, небольшие часовни по обеим сторонам башенных стен, имевшая вид балконов. Назначение двух башен, т. е. Никольской и Знаменской, не понятно, потому что внутри их на возвышении нельзя предполагать жилых помещений, а можно эти две башни считать воротами для входа в укрепление и выхода из него. В башне же Спасской во втором этаже нужно считать существование главной часовни, так как тут сохранилась и теперь большая доска, на которой была написана икона, но какая это была икона, за совершенным повреждением ее, определить нельзя; жители же, по преданию, объясняют, что она укреплена была по середине второго этажа; самый же верхний этаж, составляющий очень небольшое помещение, вероятно, служил сторожевым пунктом, откуда производились наблюдения за инородцами; а из первого этажа производилась стрельба по наступающим на укрепление. Только одна Спасская башня и сохранила свой

первоначальный вид, и то потому, что была поддерживаема поправками, остальные же две совершенно разрушаются» [41].

Береговая проезжая Богоявленская (Знаменская) башня просуществовала после этого совсем недолго и, вероятно, в 1869–1870 гг. была окончательно разрушена, поскольку побывавший в Илимске в 1871 г. член Императорского Русского географического общества П. А. Ровинский застал уцелевшими только две башни — Спасскую и Никольскую [42].

Спасская и Никольская башни по документам дел Технико-строительного комитета МВД. 1869 г.

В 1883 г. в «Иркутских епархиальных ведомостях» была опубликована обширная статья священника М. Сизого о древних памятниках Илимска. Несомненно, исследователь не только изучил архивные материалы, но и лично побывал в городе и тщательно осмотрел его достопримечательности. Он также отмечает, что к тому времени сохранялось две башни. «Обе существующие башни четырехугольные, имеющие в основании своем в длину и ширину до трех с небольшим сажень» [43]. Подробно описав сохранившуюся в первоначальном виде Спасскую башню, по Никольской (Введенской) он только сообщает, что в ней находится икона Николая Чудотворца, которую местные жители продолжали чтить. «При осмотре башен я имел приятный случай убедиться в этом: пред иконою Николая чудотворца, находящуюся в Никольской башне, в простом, сделанном из дерева и неокрашенном даже подсвечнике, стояло несколько обожженных свечек из белого воска» [44].

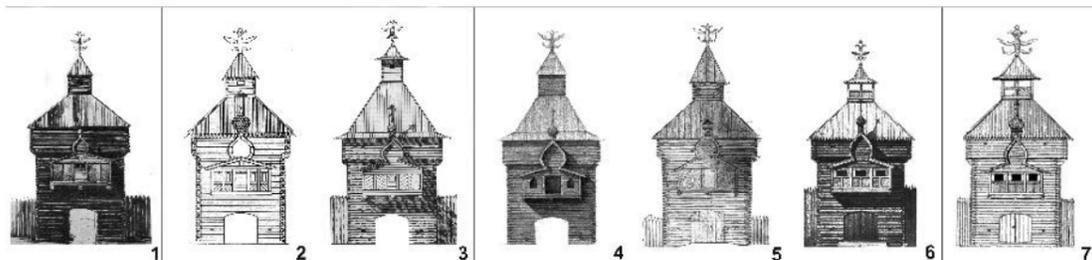
В 1900-е гг. (по одним данным, в 1903 г., по другим — в 1905 г.) Никольская (Введенская) башня сгорела. С того времени от острога оставалась лишь одна Спасская башня.

В 1913 г. в «Известиях Императорской археологической комиссии» [45] были повторно напечатаны рисунки и чертежи острожных башен, которые ранее публиковались в 1839 г. в «Материалах для статистики Российской империи». Позже об Илимской Спасской башне появлялись неоднократные публикации, снабженные фотографиями [46].

В 1967 г. и в 1973–1975 гг. на территории Илимского острога в связи со строительством Братской ГЭС и затоплением территории были проведены археологические раскопки [47]. В частности, исследовались две острожные башни: юго-восточная — угловая и южная — центральная (Богоявленская?). От обеих башен сохранялось по 3–4 венца. Раскопки, произведенные от Введенской башни к нагорной угловой башне, открыли остатки «стоячего острога» — укрепления острожной стены, состоящей из двух рядов вертикально

вбитых бревен диаметром 20–25 см с горизонтально лежащими бревнами между рядами. Один из рядов был двойным на расстоянии до 5 м от оклада Введенской башни, очевидно, для укрепления примыкающей к пропускной башне тыновой двухрядной стены. Стены башни выступали наружу тына примерно на одну треть. От самого оклада башни сохранились нижний лиственничный венец с диаметром бревна до 40 см и часть настила. Следы настила на окладе Введенской башни доказывают, что острожные башни использовались и под жилье или под служебные помещения.

В 1969–1973 гг. во вновь образованный музей под открытым небом «Тальцы» были перевезены Спасская башня и Казанская церковь Илимского острога. В течение нескольких лет Спасская башня хранилась на территории музея в специальном сарае в разобранном виде. К восстановлению Спасской башни приступили в 1982 г. Ее реставрация, проводившаяся под руководством московского архитектора Г. Н. Оранской, была завершена в 1984 г. На сегодняшний день известно несколько вариантов реставрации башни, выполненных известными исследователями деревянного зодчества И. В. Маковецким, С. Н. Баландиным, Г. Г. Оранской, А. В. Ополовниковым и другими учеными.

Варианты реставрации Илимской Спасской башни: 1 — И. В. Маковецкого; 2 — С. Н. Баландина; 3 — А. Я. Ковалева; 4 — Г. Г. Оранской, 1-й вариант; 5 — Г. Г. Оранской, 2-й вариант; 6 — А. В. Ополовникова; 7 — Н. П. Крадина

В настоящее время в АЭМ «Тальцы» кроме Спасской башни по проекту архитектора Е. А. Шутова [48] воссозданы две угловые башни — южная береговая (нижняя) и северная нагорная (нижняя).

Внешние оборонительные сооружения

В музее «Тальцы» предполагается воссоздание внешней системы укреплений Илимского острога, с этой целью был проведен сбор исторических материалов об оборонительных сооружениях русских крепостей. Сохранившиеся описания острогов и грамоты с воеводскими наказами свидетельствуют, что при постановке острогов предписывалось непременно делать внешние укрепления: «круг острогу бити чеснок и ставить надолбы» [49].

Остроги традиционно усиливались искусственными передовыми укреплениями: тыном, надолбами, частичком, чесноком, рагульками. Эти препятствия не только мешали противнику наступать, но и обеспечивали благополучное отступление при вылазках служилых из острогов. Устанавливались внешние укрепления на свободном пространстве перед стенами острога в 15–20 сажень (32–43 м).

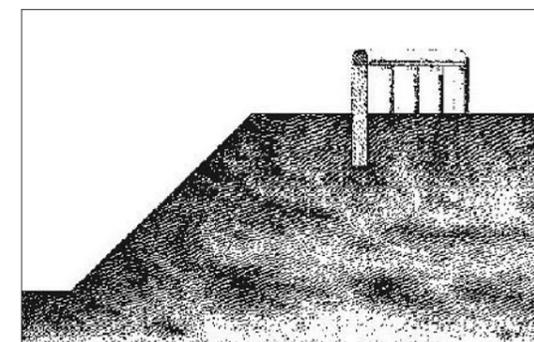
В первой линии защиты ставились надолбы и рогатки. Самым распространенным видом деревянных укреплений являлись надолбы, которые служили весьма эффективным препятствием для конницы неприятеля.

Надолбы могли быть двух типов: простые и сложные. Простые надолбы выполнялись из обрубков дерева и врывались в землю несколькими рядами

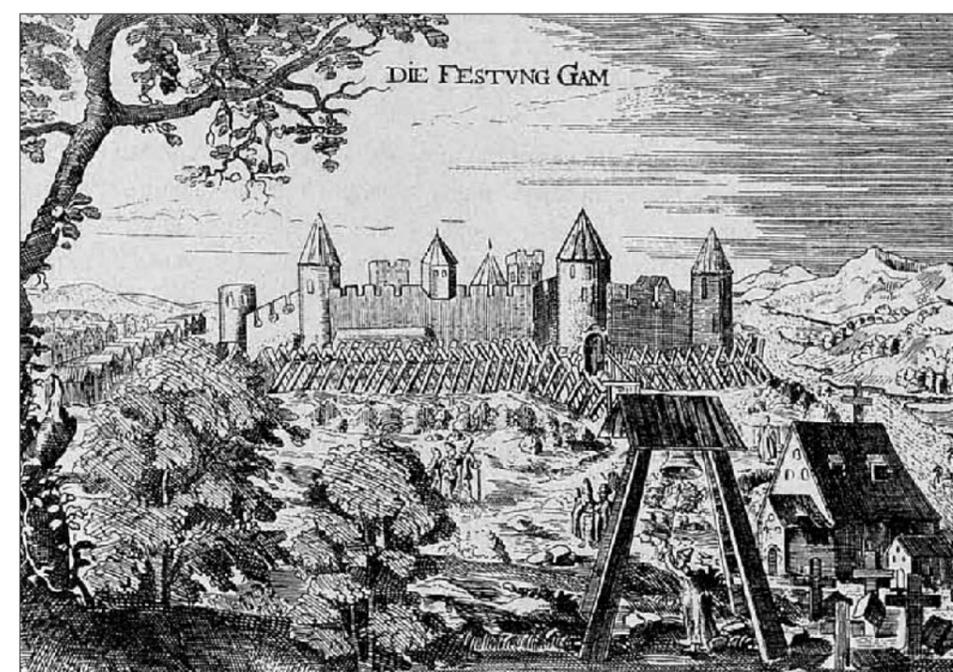
вертикально или с небольшим наклоном в сторону противника и выступали над поверхностью земли на 0,5–1,2 м [50]. Надолбы ставились в таком порядке, чтобы перед ними спешила конница. Простейшая надолба иногда называется в документах «надолбой в две кобылины». Это конструкция из двух бревен, вкопанных наклонно в землю, «наддолбленных» и соединенных крестом. Бревна для надолб использовались обычно такие же, как и для строительства острожной стены.

Из донесений по Енисейскому острогу видно, что там были установлены надолбы сложной конструкции: «...и круг острогу надолбы двойные и с наметными слегами» [51]. Ласковский предполагает, что двойные надолбы выполнялись в виде рядов, соединенных вдоль прогонов связью [52]. Другие исследователи считают, что надолбы имели более сложную конструкцию [53]. Историческое описание надолб XVII в. свидетельствует, что это были конструкции из нескольких бревен. Например, известны надолбы «в три кобылины», которые представляли собой соединение трех вкопанных в землю бревен. Иногда надолбы соединялись поперечными бревнами — «связями» или «наметами». Получался своеобразный забор, сделанный так, что в промежутки между бревнами не могла пройти лошадь.

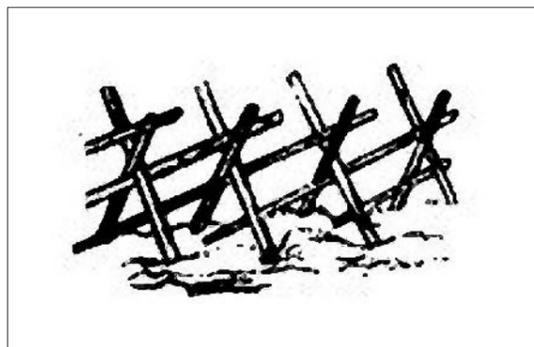
В Белгородской черте использовались крупные надолбы, которые представляли собой конструкцию из двух или нескольких бревен высотой до 3 м, наклонно вкопанных в землю и соединенных друг с другом поперечными бревенчатыми связями. Ставили их в шахматном порядке [54]. Конструкция полевых укре-

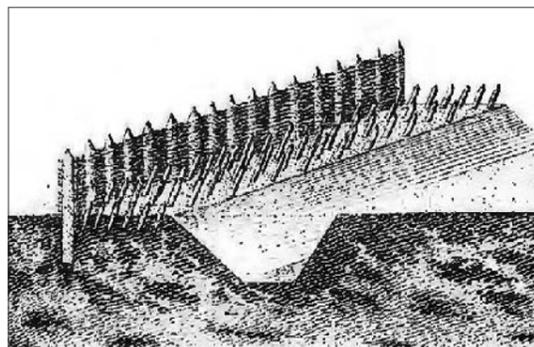
Двойные надолбы, соединенные связью, по Ласковскому

Надолбы на гравюре XVII в. Крепость Ям

Полевые укрепления (надолбы)

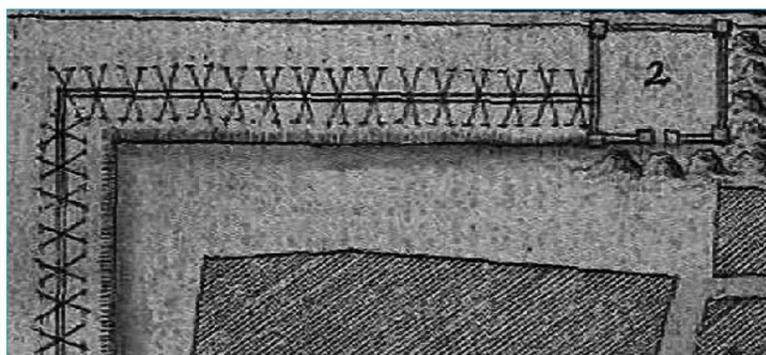
Частик по Ласковскому

плений, или надолб, «в три кобылины» приведена в работе В. Ф. Шперка [55]. Перекрещенные бревна вбиты в землю и соединены бревнами (или жердями), одним концом уложенными в развилку, а другим вкопанными в землю. В целом образуется непроходимая для конницы конструкция из «ощетинившихся», возможно заостренных на концах, бревен.

Изображения надолб встречаются на городских планах начала XVIII в. На плане г. Удинска (ныне г. Улан-Удэ) вокруг палисада обозначены укрепления, поименованные «рогатками». Изображение крестообразных элементов, нанизанных на ось, напоминает вышеприведенное описание «надолб в три кобылины». Такие же укрепления присутствуют на плане Иркутска.

Против неприятельской конницы использовалось также скрытое в земле укрепление в виде шипов, которое называлось «чесноком». Эту традиционную внешнюю защиту издавна использовали на Руси. В центральных областях изготавливали чеснок в виде железных шариков или пластин с длинными острыми зубцами, наподобие небольшого якоря. Чеснок, вонзаясь в ноги лошадям, производил смутнение и беспорядок в коннице. Известно, что в 1644 г. из Москвы было послано чугуевскому воеводе 20 тыс. железных шипов для размещения их на пути следования крымских татар. Использовался чеснок и при защите Троице-Сергиевой лавры во время осады ее поляками. В лавре до сих пор сохранилось несколько таких кованых шипов.

Чеснок ставили на пути, где должен был пройти конный неприятель, или между надолбами перед острогом. В Сибири чеснок выполняли из частых или крест-накрест расположенных железных спиц, укрепленных одним концом в доску. Чеснок маскировали рыхлой землей, хворостом или листьями, и таким образом он было скрыт от неприятеля. Ввиду дефицита железа для изготов-

Фрагмент плана г. Удинска. Надолбы за палисадом

Тын Илимского острога, воссозданный в АЭМ «Тальцы»

Помост с внутренней стороны тына Илимского острога, воссозданный в АЭМ «Тальцы»

ления чеснока иногда использовали наконечники от вражеских стрел и копий: «бить чеснок железной стрелной (из копейцев от стрел) опотайной» [56]. Чеснок мог быть и деревянным.

Ближе к острожным стенам, а также между надолбами ставили частик. Частиком называли небольшие заостренные колья длиной около 1 м и толщиной 6–8 см, вбитые в землю в шахматном порядке на близком между собою расстоянии — около 20 см [57].

Многие изобретения древней фортификации — рвы, засеки, надолбы, рогатки, с успехом продолжали использоваться даже в XX в. В музее «Тальцы» предполагается воссоздать полный комплекс оборонительных укреплений, свойственных русским деревянным острогам.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Зиннер Э. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. Иркутск, 1968. С. 168.
2. 1645 г. ранее мая 19. — Отписка приказного сына боярского Алексея Бедарева из Илимского острога якутскому воеводе Василию Пушкину с товарищами о полученных из Верхотурска вестях о восстании братских людей // Акты исторические [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://sibrelis.ucoz.ru/publ/akty_istoricheskie_1640_1649gg/akty_istoricheskie_1645g/1645_05_19_ganee/107-1-0-448 (дата обращения: 22.06.2017 г.).
3. Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. Сургут, 1993. С. 67.
4. Памятники сибирской истории [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sibrelis.ucoz.ru> (дата обращения: 22.06.2017 г.).
5. Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Т. 1: Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века. Иркутск, 1949. С. 41.
6. Там же.
7. Там же.
8. Там же. С. 42.
9. Там же. С. 42–43.
10. Там же. С. 41.
11. Там же. С. 43.
12. Опись Илимскому городскому и всякому строению нынешнего 1703 г. // Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Т. 1: Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века. С. 44–59.
13. Подсчет длины тыновых стен по описанию 1703 г. дает 302 сажени. Прибавив сюда длину башенных стен, которая составляет по фасадам 33 сажени 1 аршин, получаем 335 сажень 1 аршин, т. е. на 2 сажени больше, чем указано в описании. Возможно, в описи при суммировании была допущена ошибка.

14. Размер сажени принят 2,13 м. В XVII в. основной мерой длины была казенная сажень, равная 2,16 м. Метрологическая реформа, в результате которой сажень была приравнена к 7 английским футам, т. е. 2,1336 м, была проведена Петром I. Таким образом, в период составления описи в 1703 г. сажень равнялась 2,13 м.
15. Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Т. 1: Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века. С. 48.
16. 1636 г., не позднее декабря 31. — Отписка тобольских воевод князей Михаила Темкина-Ростовского и Андрея Волынского с приложением выписки о строительстве Березовского острога // Акты исторические [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://sibrelic.ucoz.ru/publ/akty_istoricheskie_1630_1639gg/akty_istoricheskie_1636g/1636_12_31_ranee/59-1-0-407 (дата обращения: 22.06.2017 г.).
17. Там же.
18. Василевский Р. С., Молодин В. И., Седякина Е. Ф. Исследования Илимского острога // Древние культуры Приангарья. Новосибирск, 1978. С. 228; Седякина Е. Ф. Раскопки Илимского острога // Археологические открытия 1971 года. М.: Наука, 1972. С. 305–306.
19. Баландин С. Н. Оборонная архитектура Сибири в XVII в. // Города Сибири. Новосибирск, 1974 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ostrog.ucoz.ru/publ/b/balandin_s_n/oboronna_arkhitektura_sibiri_v_xvii_v/151-1-0-244 (дата обращения: 01.07.2017 г.).
20. Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Т. 1: Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века. С. 48.
21. Ласковский Ф. Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. СПб., 1858. Ч. 1. С. 101–102.
22. Мильчик М. И. Каргополь. Деревянная крепость и остроги по реке Онеге. СПб.: Изд-во «Лики России», 2008. С. 16.
23. История Белгородской черты [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://beelgorod.ru/history-belgorod/history-of-the-belgorod-line/> (дата обращения: 23.06.2017 г.).
24. Мильчик М. И. Каргополь. Деревянная крепость и остроги по реке Онеге. С. 18.
25. По описи Дмитриевского острога 1701 г. на вооружении были: 2 пищали длиной по 2 аршина, весом 3 пуда 20 фунтов; 14 пищалей длиной по 2 аршина без двух вершков, весом 12 пудов 36 фунтов; 9 пищалей длиной 2,5 аршина, весом 6 пудов 14 фунтов.
26. Баландин С. Н. Оборонная архитектура Сибири в XVII в. // Города Сибири. Новосибирск, 1974 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ostrog.ucoz.ru/publ/b/balandin_s_n/oboronna_arkhitektura_sibiri_v_xvii_v/151-1-0-244 (дата обращения: 01.07.2017 г.).
27. Седякина Е. Ф. Раскопки Илимского острога. С. 305–306.
28. Ласковский Ф. Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. С. 98.
29. Василевский Р. С., Молодин В. И., Седякина Е. Ф. Исследования Илимского острога. С. 215–232; Молодин В. И., Добжанский В. Н. Система водоотводов Илимского острога // Древние культуры Приангарья. С. 233–236.
30. В описи, опубликованной в Интернете, указано 3 моста. См.: [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://sibrelic.ucoz.ru/publ/akty_istoricheskie_1700_1709gg/akty_istoricheskie_1703g/1703/125-1-0-677 (дата обращения: 02.07.2017 г.).
31. Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Т. 1: Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века. Иркутск, 1949. С. 46–47.
32. Овчинников М. П. Отчет о командировке в гор. Киренск для осмотра архивов // Труды Иркутской ученой архивной комиссии. Иркутск, 1916. Вып. 3. С. 352.
33. Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Т. 1: Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века. С. 49, примеч.
34. Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Т. 2: Илимский край во II–IV четвертях XVIII века. Иркутск, 1957. С. 14–18.
35. Зиннер Э. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. С. 167.
36. План города Илимска // Архив РАН. Ф. 21. Оп. 5. № 39/20. Копия: Архив АЭМ «Тальцы», инв. № ВС-АЭМ 582 (4).
37. Описание Иркутского наместничества 1792 года. Новосибирск, 1988. С. 75.
38. Материалы для статистики Российской империи. СПб., 1839. С. 121.
39. Цит. по: Шободоев Е. Первый опыт охраны памятников сибирской истории // Земля Иркутская. 2006. № 3 (31). С. 93.
40. Ласковский Ф. Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. 316 с. Карты, планы, чертежи. 28 л.

41. Султанов Н. В. Остатки Якутского острога и некоторых других памятников деревянного зодчества в Сибири // Известия Императорской Археологической комиссии. СПб., 1907. Вып. 24. С. 120–121.
42. Ровинский П. А. Между Ангарой и Леной // Известия СОИРГО (Иркутск). 1872. Т. 2, № 4. С. 10.
43. Сизой М. Заштатный город Илимск, его древние памятники и некоторые черты из его прежней церковной жизни, достойные примечания: (Историко-археологический очерк) // Иркутские епархиальные ведомости. 1883. 29 янв. (№ 5). Прибавления, с. 73.
44. Там же. С. 73–74.
45. Известия Императорской Археологической комиссии. СПб., 1913. Вып. 50. С. 131–132.
46. Пономарев Н. А. Поездка преосвященного епископа Евгения в Киренский уезд в июне-июле месяцах 1913 г. Иркутск, 2007. С. 34–37, 122–125, 128; Савватеев Н. Описание древних храмов, церковной утвари и башни, находящихся в заштатном городе Илимске Киренского уезда Иркутской губернии и его окрестностях // Иркутские епархиальные ведомости. 1915. 1 июля (№ 13). Прибавления, с. 476–477; Серебренников И. И. Памятники старинного деревянного зодчества в Иркутской губернии. Иркутск, 1915. С. 11, илл. 29–31; Овчинников М. П. Отчет о командировке в гор. Киренск для осмотра архивов. С. 349; Акт обследования исторических зданий в с. Илимске. 15 апреля 1948 г. Докладная записка Г. И. Дудина. Письмо Г. И. Дудина председателю Илимского сельсовета т. Оглоблину // Архив Иркутского областного художественного музея. Инв. № 248 ПИ-40, № 212 ПИ-35; Крадин Н. П. Русское деревянное оборонное зодчество. М., 1988. С. 109–115; Маковецкий И. В. Деревянное зодчество Среднего Приангарья // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1971. Приложения 6–7; Ковалев А. Я. Ангарский каскад. М., 1975. С. 241–252; Ополовников А. В., Ополовникова Е. А. Земля Иркутская, деревянная... М.: ОПОЛО, 2004. С. 185–230.
47. Седякина Е. Ф. Раскопки Илимского острога. С. 305–306; Василевский Р. С., Молодин В. И., Седякина Е. Ф. Исследования Илимского острога. С. 215–232; Молодин В. И., Добжанский В. Н. Система водоотводов Илимского острога. С. 233–236.
48. Малое научно-производственное предприятие «Венец». М., 1990.
49. Мильчик М. И. Каргополь. Деревянная крепость и остроги по реке Онеге. С. 17.
50. Большой энциклопедический словарь // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/207414/%D0%9D%D0%90%D0%94%D0%9E%D0%9B%D0%91%D0%AB> (дата обращения: 02.07.2017 г.).
51. Ласковский Ф. Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. С. 107.
52. Там же. С. 106–107, рис. 219–222.
53. История Белгородской черты [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://beelgorod.ru/history-belgorod/history-of-the-belgorod-line/> (дата обращения: 23.06.2017 г.).
54. Заготовский В. П. Белгородская черта. Воронеж, 1969. С. 82.
55. Шперк В. Ф. История фортификации (гл. I–V). М., 1957 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rusarch.ru/sperk1.htm> (дата обращения: 02.07.2017 г.).
56. Ласковский Ф. Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. С. 102.
57. Там же. С. 108; Шперк В. Ф. Фортификационный словарь. М., 1946 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rufort.info/library/shperk/shperk.html> (дата обращения: 02.07.2017 г.).

А. Ю. Исеев

ТРИЛИСТНИК В ПРОПИЛЬНОЙ РЕЗЬБЕ ИРКУТСКА

Великие Петровские реформы первой половины XVIII в. [1] с течением времени привели к кардинальным изменениям в областях, в которых они не планировались, не ожидались и даже не предполагались. Так, развитие железодельного производства и широкомасштабная выделка железа на основе использования древесных углей в течение полувека привели к почти полному уничтожению лесов вокруг столиц и крупных промышленных центров, вынесению подобных производств куда-нибудь подальше, интенсивному развитию лесопиления, запрету использования тесаного леса, изменению конструктивных особенностей русского деревянного зодчества.

Во второй половине XVIII в. практически полная замена теса тонким пиленным лесом, вкупе с широким распространением кровельного железа привели к смене столетиями привычных самцовых конструкций [2] стропильными. Развитие стеклоделия — к замене волоковых окон [3] косячатыми [4], солидному увеличению их размеров и появлению наличников [5]. Резной охранительный декор, столетиями украшавший только фронтоны [6] российских изб (охлупни [7], курицы [8], причелины [9] и полотенца [10] (рис. 1), оставшись на фронтонах, первоначально коснулся только подзоров [11] и наличников, но со временем украсил пилястры [12], подзоры фризов [13], подоконное пространство. При этом декор теперь исполнялся на тонком тесе с помощью уже не топора, а лучковой пилы, вернее, различных ее видов. Впрочем, разнообразие плотницких топоров на Руси тоже было достаточно широким.

В течение XIX в. пропильная резьба стала одним из наиболее распространенных мотивов в декоре русского деревянного зодчества, а с изобретением лобзика [15], ряда специальных видов пил и пилочек совершила своего рода революцию в декоре жилых построек, существенно изменив внешний вид города и деревни. Скупой и лаконичный декор предыдущих эпох сменила изумительная роскошь пропиловки, зачастую покрывавшая едва ли не всю поверхность фасадов деревянных строений.

Просто, несложно, недорого и в то же время изящно, нарядно, гармонично! Две взаимодополняющих ипостаси — красота и доступность — определили повсеместность распространения и всеохватность применения: пропильный декор протянулся горизонталями подзоров и вертикалями пилястр, причудливо заиграл в пышном оформлении наличников, растекся по плоскости стен и фронтонов, дотянулся до ворот, оград и хозяйственных построек!

Разумеется, начиналось все гораздо проще — с небольших усложнений и углублений привычных краевых порезок, известных еще со времен Киевско-Владимирской Руси, да с усложнения плоскостных порезок, долгие столетия представленных в основном сквозными одиночными отверстиями разного диаметра, выполненных с помощью коловорота [16]. А что до более сложных порезок — долгие века работы с тесаным лесом они были именно прорезями, а не пропилами. За два века существования пропильной резьбы русские Мастера создали бесчисленное множество сюжетов и вариаций различных видов орнамента: геометрического, растительного, зооморфного, антропоморфного и разной степени сочетания их деталей и элементов.

Наши Мастера довольно быстро выработали определенный набор постоянно используемых простейших пропилов-шаблонов, различное сочетание, объединение и дополнение которых создавало непередаваемой красоты пропильные узоры (кружки, розетки, городки, треугольные зубчики, овалы, S-образные завитки, кресты, зигзаги и другие несложные фигуры [17]). Со временем арсенал используемых Мастерами приемов, мотивов и порезок неизменно усложнялся, среди прочего включив в себя и изображение трилистника — достаточно простого, выразительного, известного с глубокой древности абриса, легко узнаваемого по сопоставлению с цветочными бутонами и листьями растений. Свободно свисающие с нижнего края подзорных досок, заключенные в округлые или сердечкообразные открытые и закрытые контуры, в простые и сложные геометрические формы и бесформицы, бесконечно варьируемые и видоизменяемые, порою стилизованные почти до неузнаваемости, они не только украшают внешний вид зданий, но и передают им какую-то свою, особую, лишь им присущую ауру, создают настроение и радуют глаз многих поколений.

В данной статье мы не будем утомлять читателя изложением техники, приемов и методов изготовления различных видов пропильной резьбы, мотивами и бесконечной вариативностью композиций с использованием трилистника, применяемыми для этого инструментами и прочими скучными подробностями. Не будем загружать голову повторением уже изложенного и опубликованного автором в предыдущих выпусках «Известий» и в других изданиях музея «Тальцы» [18]. Что с того, что в части статей объектом рассмотрения являлся не трилистник, а солярные навершия и подзоры карнизов. Все «скучные подробности» изложены там довольно подробно, а пропильная резьба остается пропильной резьбой, что бы там ни изображали Мастера! Наконец, не будем испытывать терпение наших уважаемых редакторов и заставлять их производить множественные сокращения с указанием на их недавнее подробное изложение, — уж они-то в курсе всего написанного и напечатанного в данном издании.

Только одно маленькое замечание. Подзоры делятся на подзоры фризов и карнизов. Последние — на подзоры карнизов крыш и подзоры карнизов наличников. Во избежание постоянного повторения слова «карниз» в различных его формах и простоты изложения воспользуемся следующей триединой формулой описания: «подзоры крыш — подзоры фризов — подзоры наличников».

Итак, каким же предстанет перед нами прекрасное многообразие растительного орнамента, выполненного с включением в сюжеты оформления мотивов трилистника, при самом беглом взгляде?

Рис. 1. Схема устройства крыши на самцах (по М. В. Красовскому):

а — желоба; б — охлупень; в — стамик;
г — слеги; д — огниво; е — князевая слега («кнес»); ж — повальная слега; з — самец;
и — повал; к — причелина; л — курица;
м — пропуск, н — бык; о — гнет [14]

Подзоры крыш и наличников вынесены достаточно далеко от поверхности стен и окон во избежание чрезмерного затекания на них воды. Поэтому если вам повезет увидеть тот или иной дом под соответствующим углом падения солнечного света... — А это, поверьте, очень даже не просто: то время неподходящее, то облака набегут, то вообще потоками дождя всю видимость размоет! — Так вот: если вам посчастливится увидеть дом в удачном ракурсе падения солнечных лучей, вы увидите не только великолепнейшее творение наших бессмертных Мастеров, но и его теневое дополнение-украшение Матерью-Природой! Если вам повезло — не торопитесь уходить, полюбуйтесь на игру светотени, на нескончаемое изменение ее образов и очертаний! Особенно если подзоры фризов тоже вынесены от стены и принимают деятельное участие в этом Театре теней!

Но с подзорами фризов, даже если выполнены они великолепно, бывает и не все ладно — ну вот не дают тени многие из них! Конечно, наши предки хорошо знали свое дело и хоть немного, да выносили фризы от стены. Но в Иркутске наряду с обшитыми тесом и бревенчатыми фасадами есть одна изюминка: достаточно большое количество домов, где тесом обшивались только фризы. Если новым хозяевам приходила в голову мысль обшить дом полностью, то тут возникали варианты расположения подзоров фризов относительно поверхности стен: либо

- 1) щель становилась в той или иной мере уже (тоньше), либо
- 2) зазора практически не оставалось, а последующие покраски довершали дело «сращения» плоскости стены со свесами фриза, либо
- 3) происходило своего рода «выравнивание» плоскости стен и подзоров фризов: свесы фризов как бы входили в специально вырезанные углубления верхних торцов досок обшивки. Здесь, кстати, тоже есть свои нюансы, вызванные последующими «подновлениями»: в ряде случаев очертания центральных свесов трилистников уже вообще не читаются, а бывает, что и сам-то фриз удается разглядеть далеко не с первого раза. Или даже вообще только поднимая «масштаб» фотографий на компьютере.

На навершиях сандриков трилистник также отдален от стены, дает тень на ее поверхность и удваивается. Но дуэт «тени и навершия» в силу незначительности их размеров не идет ни в какое сравнение с игрой светотени подзоров, изящной вязью протянувшихся от угла до угла, да в два ряда, да дополняющих друг друга. Однако трилистник на навершиях сандриков — явление достаточно редкое и, скорее всего, не более чем исключение из правил.

На фронтонах, пилястрах, плоскостях стен и лобнях наличников применяется уже накладная пропильная резьба. Игра светотени тут совсем незначительна. Замысловатых пропильных композиций с использованием трилистника немного, и сложностей с их описанием не возникает. Появляются они, когда приходится всю эту прелесть отрисовывать, но в данном случае мы ограничимся описанием и обработанными фото.

Как показали наши предыдущие работы, трилистник на подзорах Иркутска может быть:

- 1) свободно свисающим (рис. 2);

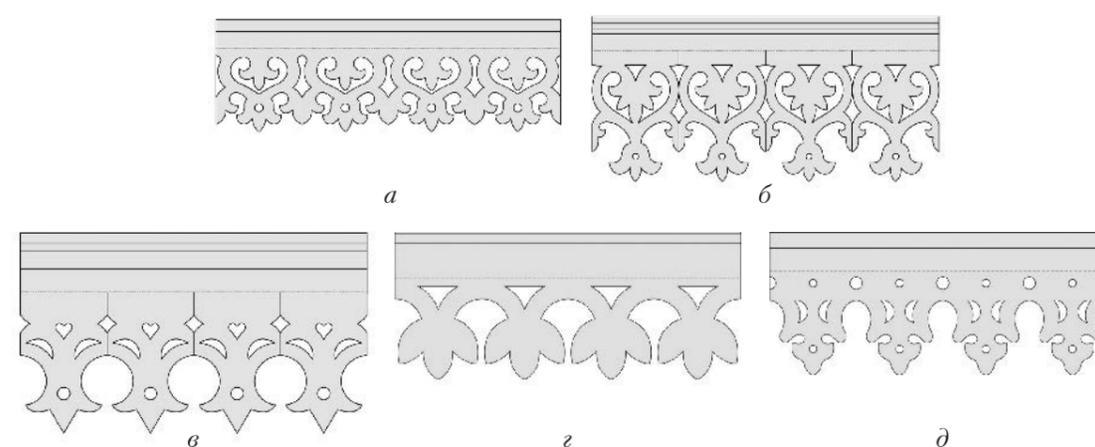

Рис. 2. Свободно свисающий трилистник на подзорах:
крыш: а — ул. Сарафановская, 35; фризов: б — ул. Бограда, 8;
в — ул. Франк-Каменецкого, 24; наличников: г — ул. Грязнова, 9д; д — ул. Дзержинского, 37а

- 2) заключенным в открытые снизу геометрические фигуры (рис. 3);

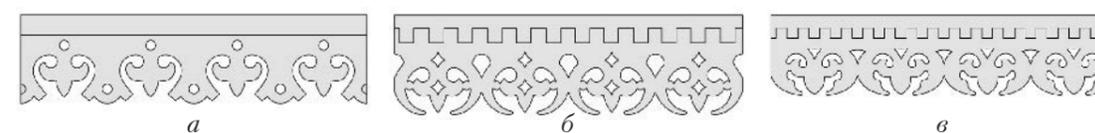

Рис. 3. Трилистник, заключенный в открытые снизу округлые геометрические фигуры,
подзоры крыш: а — ул. 6-я Советская, 88; б — ул. Красных Мадьяр, 40;
в — ул. Декабристов, 8

- 3) заключенным в закрытые округлые и сердечкообразные геометрические фигуры (рис. 4);

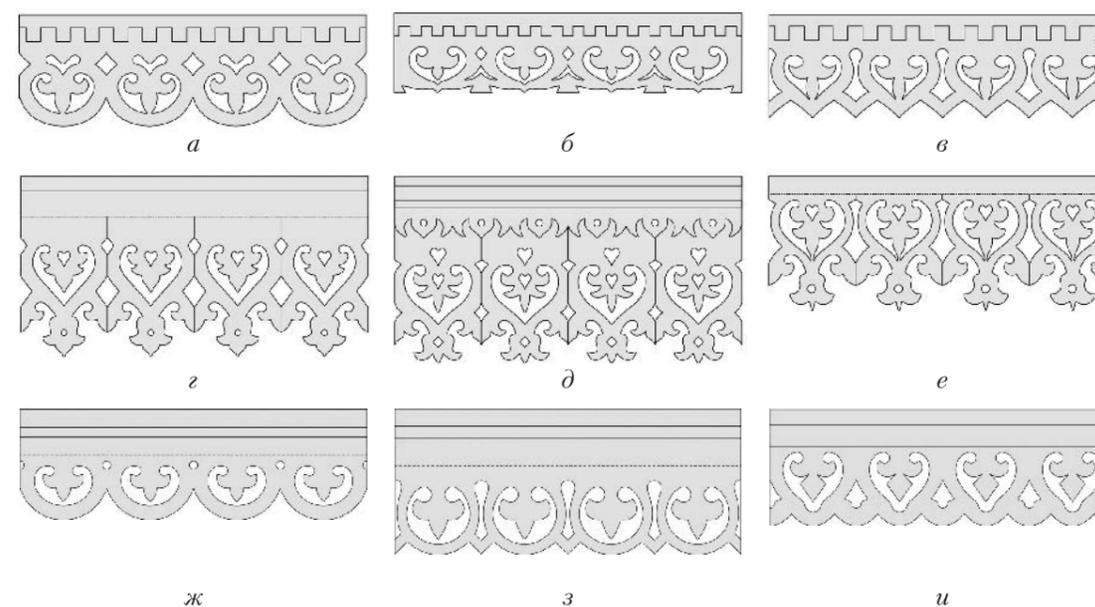

Рис. 4. Трилистник, вписанный в округлые и сердечкообразные геометрические фигуры:
подзоры крыш: а — ул. Некрасова, 14; б — ул. Напольная, 51; в — ул. Красноказачья, 15;
подзоры фризов: г — ул. 5-й Армии, 35; д — ул. Карла Либкнехта, 111;
е — ул. Марата, 30/2; подзоры наличников: ж — ул. Волжская, 15;
з — ул. Верхняя Набережная, 105; и — ул. Лесная, 26

4) специально не прорисованным, а рожденным фантазией Мастера и пропиленной парой округлых завитков (рис. 5);

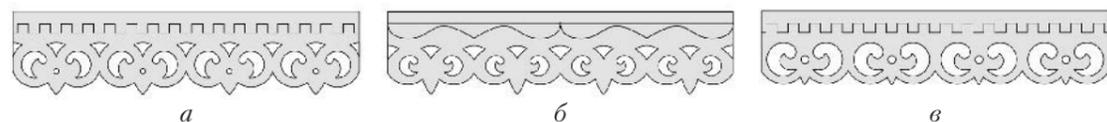

Рис. 5. Трилистник, рожденный фантазией и парой округлых завитков, подзоры крыши: а — ул. Дзержинского, 13; б — ул. Красных Мадьяр, 4; в — ул. Пискунова, 18

5) достаточно схематичным (рис. 6).

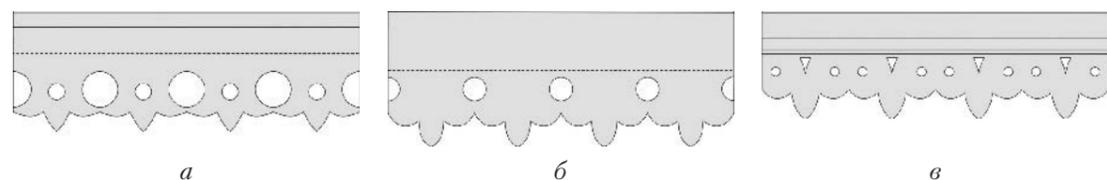

Рис. 6. Схематичное изображение трилистника, подзоры наличников: а — ул. Богдана Хмельницкого, 27; б — ул. Щапова, 45; в — ул. Грибоедова, 46

Трилистник может изображаться достаточно реалистично, очень похоже на существующие в Природе цветы и листья растений (рис. 7), однако чаще всего это просто фантазия Мастера, как сейчас модно говорить: «по мотивам увиденного» (рис. 8).

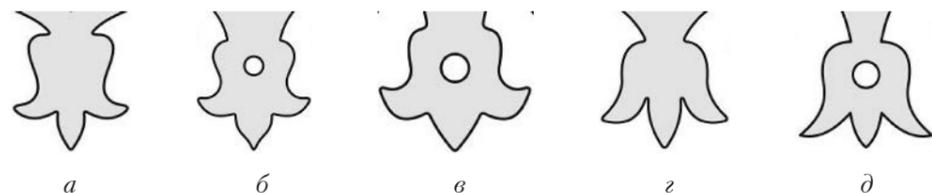

Рис. 7. Реалистичные изображения цветов и листьев в растительном декоре: а — ул. 3-го Июля, 1 (утрачен); б — ул. Партизанская, 26; в — ул. Рабочего Штаба, 73; г — ул. Франк-Каменецкого, 12; д — ул. Латвийская, 13

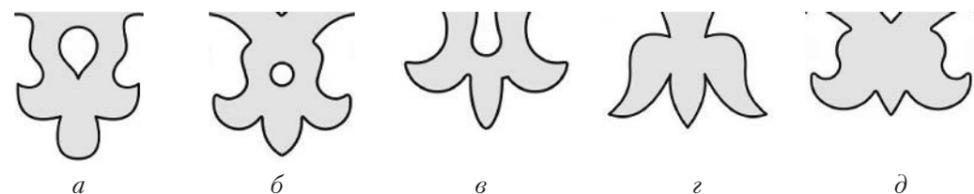

Рис. 8. Изображения цветов и листьев «по мотивам увиденного»: а — ул. Горная, 23; б — ул. Береговая, 47; в — пер. Пионерский, 9; г — ул. Уткина, 6; д — ул. Кожова, 13б

Иногда фантазии Мастеров переходят в стилизации, порою достаточно затейливые (рис. 9).

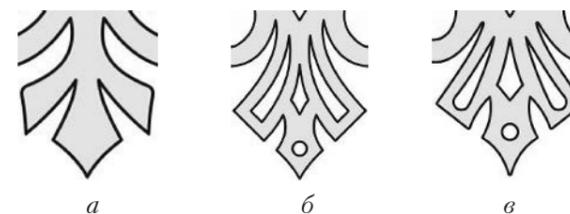

Рис. 9. Стилизации трилистника: а — ул. Александра Невского, 10 (утрачен); б — ул. Карла Либкнехта, 11а; в — ул. Аксакова, 2

В триединстве «подзоры крыши, фризов и наличников» самая незавидная роль у последних: и длина поменьше, и ширина... «маловато будет!» Поэтому и вариативность композиций, и манера исполнения достаточно просты и лаконичны — в какой-то мере упрощенная копия подзоров крыш, вплоть до полного соответствия, исключая, разумеется, размеры. Изредка подзоры крыши и наличников одного здания бывают идентичны до мелочей (рис. 10).

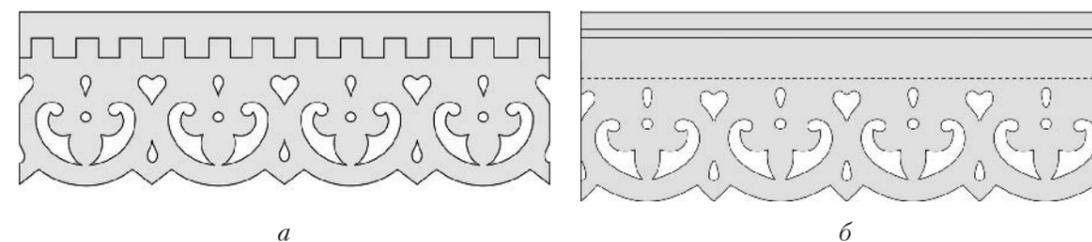

Рис. 10. Рисунок на подзорах крыши (а) и наличников (б) здания по ул. Горького, 12

Встречается идентичное оформление наличников крыши и фриза одного и того же здания (рис. 11).

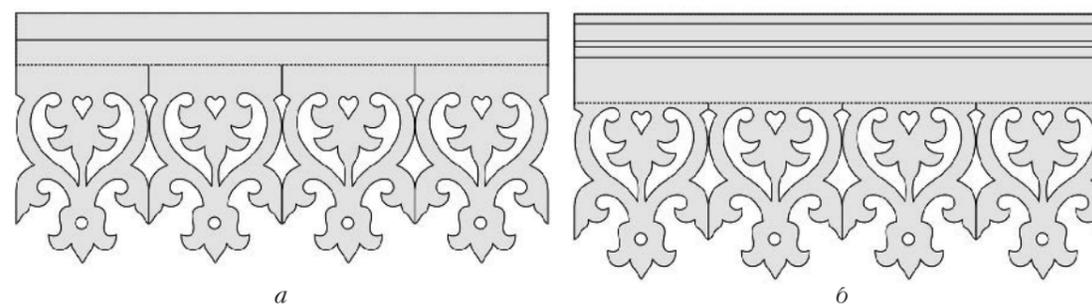

Рис. 11. Идентичное оформление подзоров крыши (а) и фриза (б) здания по ул. Степана Разина, 22

Однако в оформлении подзоров строений даже одной и той же усадьбы при достаточно большой идентичности полного сходства не существует никогда (рис. 12).

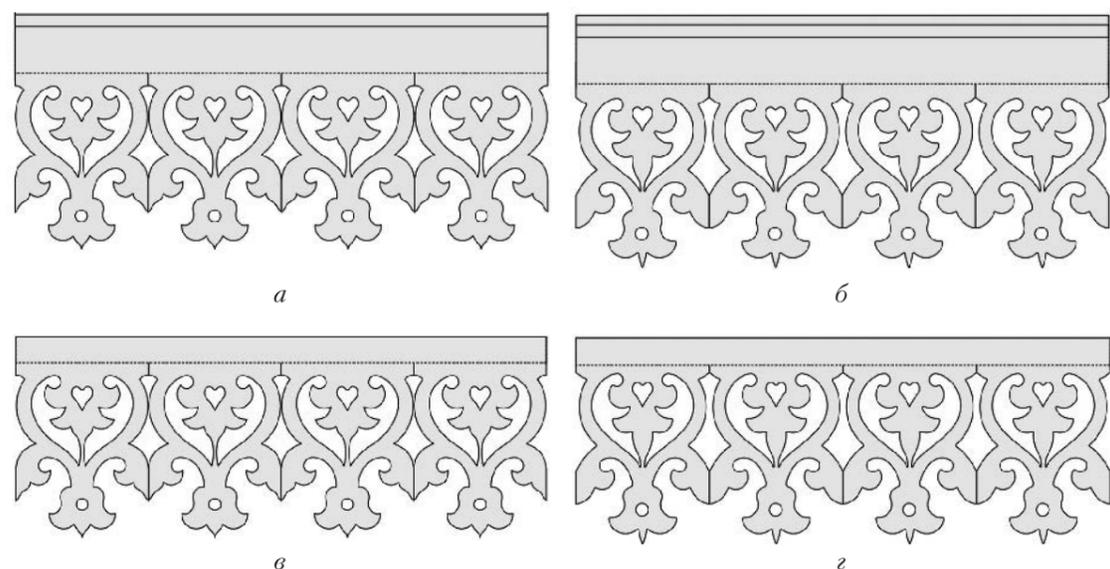

Рис. 12. Различия в оформлении деталей композиции подзоров крыш и фризозов зданий по ул. Марата, 30 (а, в) и ул. Марата, 30/2 (б, г)

Встречаются и варианты достаточно близкого оформления подзоров фризозов несоседствующих зданий (рис. 13).

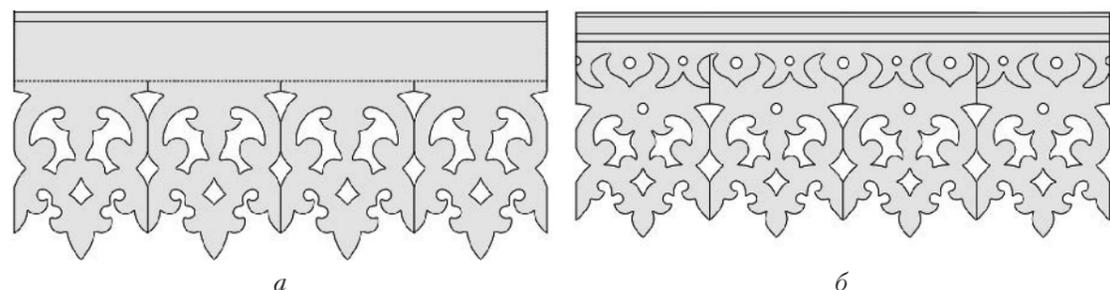

Рис. 13. Похожее оформление подзоров фризозов зданий по ул. Байкальской, 11а (а) и ул. Байкальской, 15а (б). На последнем декор недавно утрачен

Наиболее развиты и интересны композиции, выпиленные на вертикальных досках фризозов. При общем «ниспадении» изображений трилистника вниз — знака обилия, развитости, плодовитости, урожая — встречаются и антитезисные изображения пар «восходящих» и «ниспадающих» его изображений: начало — обилие, зарождение — развитость, посева — урожай (рис. 14).

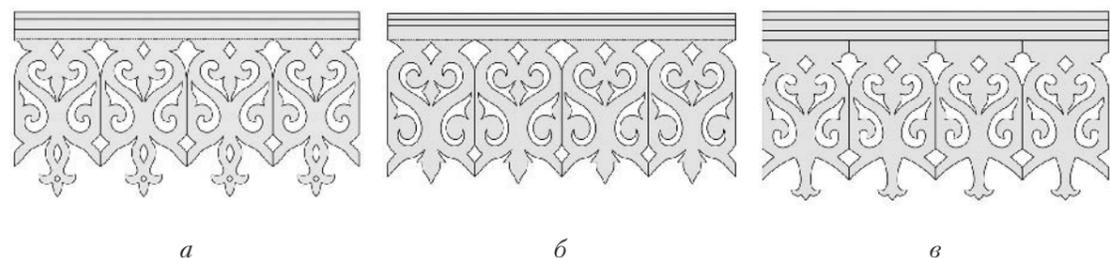

Рис. 14. Антитезисные изображения пар «восходящих» и «ниспадающих» изображений трилистника на подзорах фризозов по ул. Дзержинского, 44б (а); ул. Подгорной, 37 (б); ул. Тимирязева, 11а (в)

Вообще же «восходящие» изображения трилистника, кстати, весьма распространенные в пропиленной резьбе России, в Иркутске можно пересчитать по пальцам. Рассматривая композиции трилистника, включающие лишь «восхождение», можно привести только две (рис. 15). Причем если вторая имеет несколько аналогов, то первая в пропиленной резьбе Иркутска эксклюзивна.

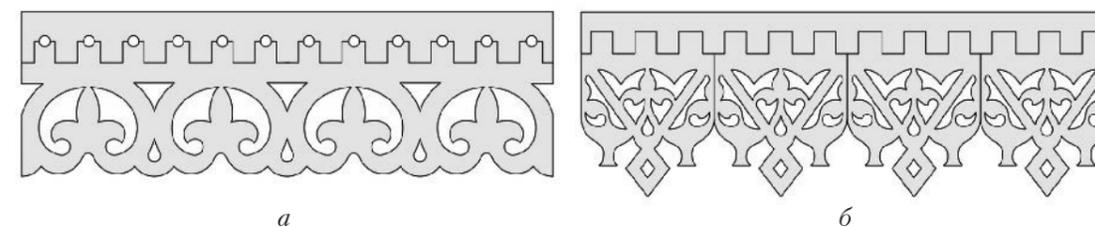

Рис. 15. Редкие примеры «восходящего» изображения трилистника в оформлении подзоров крыш зданий по ул. Красноказачьей, 20 (а) и ул. Седова, 70 (б)

На лобнях наличников трилистник тоже встречается, но не часто (рис. 16). Если иметь в виду обилие и плодородие, то предпочтение отдавалось идеограммам засеянного поля, которые имели воистину повсеместное распространение.

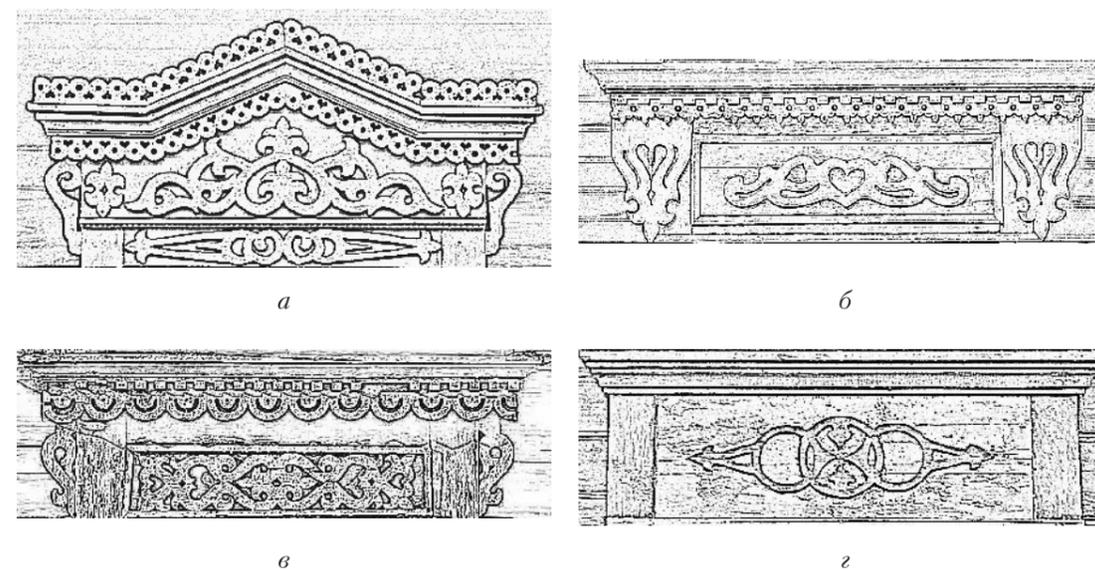

Рис. 16. Изображения трилистника на лобнях наличников: а — ул. Бестужева, 6; б — ул. Щапова, 45; в — ул. Красноказачья, 12; г — ул. Латвийская, 13

Декорированные фасады у нас тоже довольно большая редкость, тем интереснее обратить наше неизбалованное внимание на их оформление с использованием мотивов трилистника.

На улице Грязнова, 9 на стыке причелин фронтона на манер старинного полотенца размещена одна из резных досок фризоза, на соответствующей высоте ее плоскость подработана в стиле оформления причелин (рис. 17).

Там же на улице Грязнова на фронте известного «дома со змеями» в гирлянде вокруг солнечного знака «колесо Юпитера» трилистник является одной из составляющих орнамента (рис. 18).

Присутствует он и в весьма живописном декоре фронтона еще одного дома неподалеку (рис. 19).

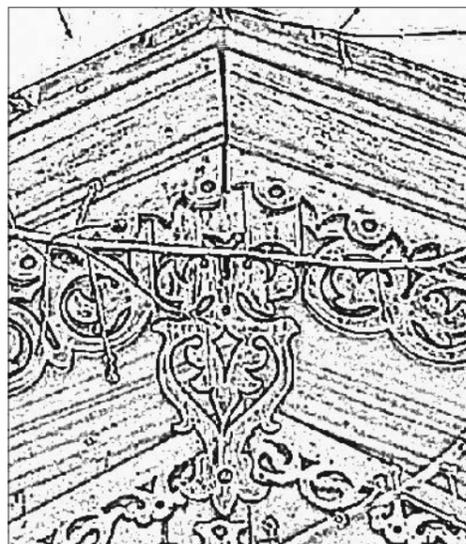

Рис. 17. Трилистник в декоре фронтона здания по ул. Грязнова, 9

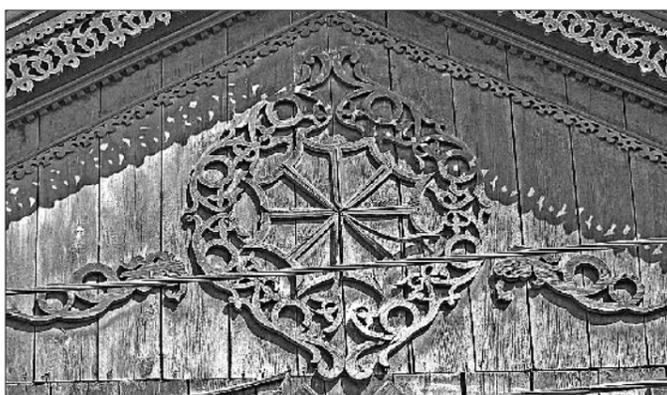

Рис. 18. Трилистник в декоре фронтона здания по ул. Грязнова, 19а

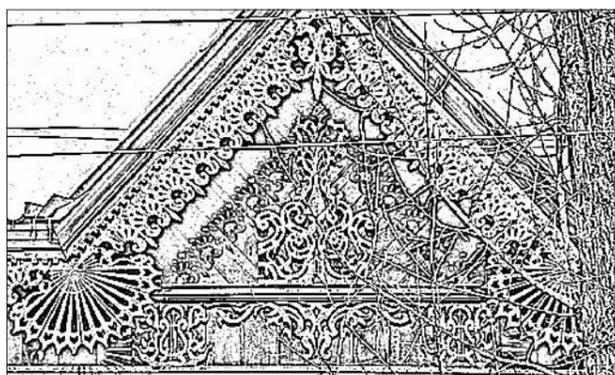

Рис. 19. Трилистник в декоре фронтона здания по ул. Богдана Хмельницкого, 24

И наконец, пилястры. В их декоре роль трилистника за редким исключением очень скромна — верхнее и нижнее, а порою только нижнее завершение причудливой вязи накладной пропильной резьбы (рис. 20). Впрочем, бывают и счастливые исключения, но не часто.

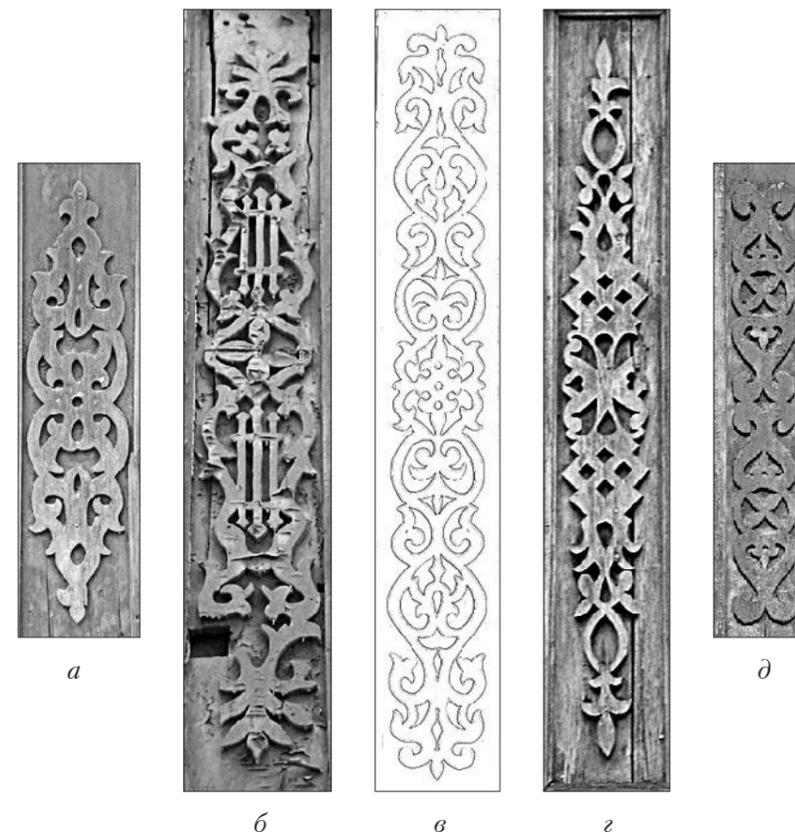

Рис. 20. Трилистник в растительном декоре пилястр: а — ул. Свердлова, 9; б — ул. Горького, 16а; в — ул. Фридриха Энгельса, 21; г — пер. Пионерский, 10а; д — ул. Байкальская, 11а

Таким образом, получив широкое распространение в декоре деревянного Иркутска, наибольшую красочность и выразительность трилистник получил на подзорах. Как говорится, сюжет и место нашли друг друга! Да как нашли! Безо всяких преувеличений можно сказать, что трилистник на подзорах деревянных домов — одна из характерных изюминок иркутского декора! И сколь значительны ни были потери последних десятилетий (естественная убыль, пожары и плановые сносы), в Иркутске все еще есть на что посмотреть и чем полюбоваться!

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В начале XVIII в. последний царь всея Руси (с 1682 г.) и первый император Всероссийский (с 1721 г.) Петр I Алексеевич, Великий (1672–1725) провел грандиозные реформы, затронувшие едва ли не все области российской жизни и имевшие далеко идущие последствия.
2. Самцовая конструкция — конструкция крыши, в которой тес укладывается на горизонтальные бревна — следи. Концы слег врубаются в поперечные бревна сужающихся торцов сруба, образующих фронтоны.
3. Волоковые окна — прорези в верхней и нижней частях соприкасающихся бревен сруба, врубленные в каждое менее чем наполовину. Служили для освещения, проветривания и выпуска дыма.
4. Косячатые окна — окна, имеющие круговое обрамление в виде деревянных косяков, выполненных из бруса или теса.
5. Наличник — декоративное оформление оконного или дверного проема в виде накладных фигурных профилированных планок.

6. Фронтон — треугольная или циркулярная верхняя часть здания, ограниченная двускатной крышей, а также подобное украшение над окнами и дверями.

7. Охлупень — тяжелое бревно, которым прижимают кровельный тес к коньковой слеге. Самая высокая точка постройки, в которой сходятся скаты крыши и линия фронтона.

8. Курица — жердь с корневищем в виде крюков, врубленных в слегу вдоль скатов крыши.

9. Причелина — доска, закрывающая наружные торцы подкровельных слег, обычно украшенная резьбой.

10. Полотенце — короткая резная доска, закрывающая стык причелин, обычно украшенная резьбой.

11. Подзоры — декорированные или цельные деревянные доски, окаймляющие свесы кровли, фризы, наличники окон и дверей.

12. Пилястра — четырехгранная полуколонна, одной гранью вделанная в стену.

13. Фриз — декоративная композиция в виде горизонтальной полосы или ленты, увенчивающей или обрамляющей ту или иную часть архитектурного сооружения.

14. Шангина И. М. Русский традиционный быт. СПб., 2003. С. 83.

15. Лобзик — ручной инструмент для криволинейного (узорного) выпиливания изделий из дерева или мягкого металла. Лобзиком также называется пневматическая или электрическая ручная машина с таким инструментом.

16. Коловорот — ручной инструмент для сверления отверстий, преимущественно в древесине, заворачивания шурупов и т. д. — изогнутая рукоятка (скоба) с устройством для зажима сверл и отверток.

17. Скворцов А. И. Русская народная пропильная резьба. Л., 1984. С. 25–29.

18. Исаев А. Ю. Солярные навершия прямоугольных наличников Иркутска, выполненных в технике пропильной резьбы // Известия Архитектурно-этнографического музея «Тальцы». Иркутск, 2013. Вып. 6. С. 128–151; Он же. «И душу радуга, и пользу принося»: основные мотивы пропильной резьбы на подзорах жилых зданий Иркутска // Архитектор и время: Материалы чтений, посвященных 100-летию со дня рождения Галины Геннадьевны Оранской (1913–1986). Иркутск, 2013. С. 96–133; Он же. Трилистник на подзорах Иркутска // Известия Архитектурно-этнографического музея «Тальцы». Иркутск, 2015. Вып. 7. С. 273–311; Он же. Трилистник на подзорах наличников Иркутска // Там же. Иркутск, 2016. Вып. 8. С. 171–191.

К МУЗЕЙНОМУ СТРОИТЕЛЬСТВУ

Е. Ю. Колганова

**СОЗДАНИЕ ЭКСПОЗИЦИЙ ПЕРВОЙ ОЧЕРЕДИ ИЛИМСКОГО ОСТРОГА
В АРХИТЕКТУРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ МУЗЕЕ «ТАЛЬЦЫ»**

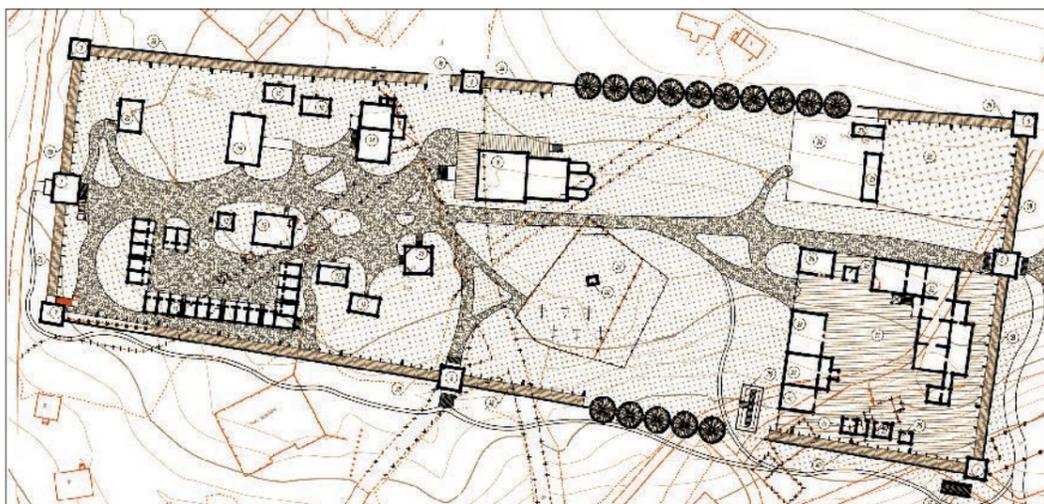
Сегодня перед музеем «Тальцы» стоит задача воссоздать Илимский острог XVII в., который завершит формирование центральной ангаро-илимской экспозиционной зоны музея, призванной отразить этнокультурное наследие старожильческого населения северо-западной территории современной Иркутской области, селившегося по долинам р. Илима и среднего течения р. Ангары. 2017 г. является для музея юбилейным: 350 лет назад по указу царя Алексея Михайловича Романова воеводой Силой Осиповичем Оничковым был заложен новый Илимский острог вместо сгоревшего первого Илимского, построенного в 1647 г. и просуществовавшего 19 лет. Второй острог был больше первого в несколько раз и возведен на новом более удобном месте (в 655 саженьях ниже по течению Илима). В нынешнем юбилейном году планируется завершить реконструкцию в музее первой очереди Илимского острога.

Илимский острог являлся военно-административным центром крупного воеводства, площадь которого немногим уступала площади современной Иркутской области. Острог имел важное стратегическое значение — находился на транзитном пути из Руси на Дальний Восток, через Илимск проходили торговые караваны из Монголии и Китая. После строительства Московского тракта в середине XVIII в., прошедшего южнее — через Иркутск, Илимск постепенно превратился в заштатный город, крепостные сооружения разрушались из-за функциональной невостребованности. К середине XX в. от древней крепости осталось только два строения: Спасская проезжая башня и Казанская привратная церковь. В начале 1960-х гг. объекты попали в зону затопления при строительстве Усть-Илимской ГЭС, к тому моменту они были объявлены памятниками государственного значения. С целью их спасения (а также других образцов деревянного зодчества, оказавшихся под угрозой уничтожения) начал формироваться в 47 км от Иркутска по Байкальскому тракту музей под открытым небом «Тальцы», куда и были перевезены объекты.

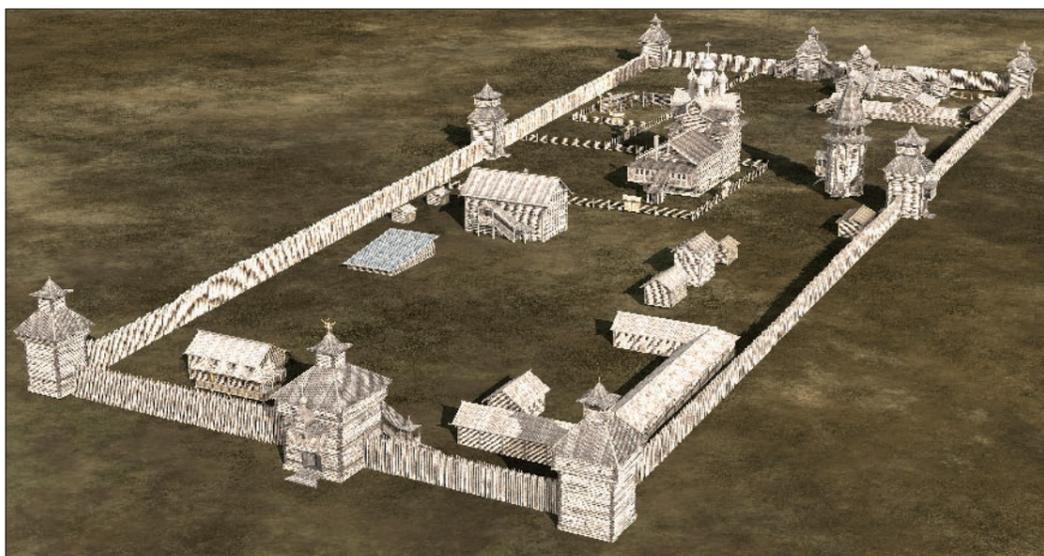
Идея воссоздания в музее Илимского острога у специалистов возникла давно — было достаточно научных данных, необходимых для достоверной реконструкции: архивные материалы (прежде всего подробные опись и план острога 1703 г., составленные при воеводе Ф. Р. Качанове); материалы археологических раскопок, проводимых на территории острога перед затоплением ложа Усть-Илимской ГЭС; научный труд В. Н. Шерстобоева «Илимская паш-

ня», основанный на изучении архива Илимской приказной избы до вывоза его в РГАДА. Кроме того, имелось вещественное составляющее острога, доступное для натурального обследования, — Спасская проезжая башня (одна из пяти острожных деревянных башен, сохранившихся в России). Но историческое значение этого ценнейшего объекта крепостной архитектуры вне стен острога, вырванного из исторического контекста, значительно снижено. Реконструкция же всей инфраструктуры острога дает возможность целостного его восприятия, погружения в атмосферу сибирского города XVII в.

В 1999–2000 гг. была воссоздана южная стена острога с наугольными башнями и заплотом. В 2011 г. составлен проект генерального плана острога, выполненный Сибирским научно-исследовательским проектно-реставрационным институтом «Наследие», в инфраструктуру которого согласно историческим описям вошли: восемь башен (три из которых проезжие); тыновая ограда; государевы амбары — соляной, соболиный, оружейный, угольный; приказная изба; торговые лавки гостиного двора; часовня; караульная изба; таможня; пороховой погреб; соборная церковь с колокольной; комплекс воеводского двора.

Генплан реконструкции Илимского острога, 2011 г.

Графическая реконструкция Илимского острога. Автор Н. П. Крадин

На сегодняшний день реконструкция первой очереди Илимского острога практически завершена. В эксплуатацию запущены пять экспозиций: приказная изба, караульная изба, гостиный двор, соляной амбар, соболиный амбар, на очереди часовня при гостином дворе.

Основная сложность при строительстве экспозиций заключалась в отсутствии экспонатов XVII в. в фондовом собрании АЭМ «Тальцы». Решением проблемы стало воспроизведение их по аналогам, находящимся в центральных музеях: Государственном Историческом музее, музее-заповеднике «Коломенское», Псковском и Новгородском музеях-заповедниках.

Центральная экспозиция комплекса «Илимский острог» была сдана в эксплуатацию в 2016 г. Она раскрывает тему воеводского управления сибирским краем в XVII — начале XVIII в., приказного делопроизводства, особенностей архитектуры и предметного ряда административного государственного учреждения XVII в. Приказная изба служила проводником внутренней политики государства, являлась помещением так называемого «присутствия», где воевода как полномочный представитель центральной власти решал вопросы военного, административного, хозяйственного и бытового характера, осуществлял судебные функции. Аппарат приказной избы помимо воеводы включал в себя подьячих, составлявших воеводскую канцелярию. В структуру здания приказной избы входит: помещение присутствия, где воевода с подьячими принимали челобитчиков; казенка для хранения денежной и товарной казны; сторожка; чулан для хранения архива приказной избы; сени для ожидающих своей очереди челобитчиков. Под основным зданием воссоздан государев винный подвал и по соседству — помещение для колодников (арестантов, закованных в кандалы).

При смене воевод все дела и казенное имущество передавались по передаточным ведомостям, которые явились главным источником информации при определении предметного ряда приказной избы.

Предметы, окружавшие воеводу, должны были подчеркивать значимость государственного учреждения, соответствовать высокому статусу воеводы. Отсюда в экспозиции представлены дорогие для XVII в. металлические предметы (светцы, подсвечники), обитые железом сундуки, резная мебель.

При археологических раскопках на месте Илимского острога были обнаружены слюдяные фрагменты, поэтому в экспозицию была введена имитация слюдяных окон из тонированного стекла. Форма расстекловки оконниц соответствует оригиналам слюдяных

Илимская приказная изба. Чертеж 1703 г.

Приказная изба Илимского острога в музее «Тальцы». Фото И. Ю. Бержинского, 2017 г.

Помещение «присутствия». Фото И. Ю. Бержинского, 2016 г.

окон XVII в. из Илимска, хранящимся в Иркутском краеведческом музее. Слюдяные окна не только подчеркивали статусность приказной избы, но и имели функциональное назначение: повседневный труд служилых людей, связанный с чтением и написанием документов, требовал хорошего освещения, чего окна в обычных избах, затянутые бычьими пузырями, обеспечить не могли.

Изразцовая печь в экспозиции «Приказная изба Илимского острога». Фото И. Ю. Бержинского, 2017 г.

Самым статусным предметом в экспозиции «Приказная изба» является печь из поливных зеленых (муравленных) изразцов. Такие печи, бытовавшие в приказных избах и (или) государевых дворах крупных военно-административных центров Сибири в XVII в., служили репутационным и престижным предметом интерьера ввиду своих эстетических свойств и дороговизны. Как правило, никто, кроме воевод, не мог позволить себе иметь такую вещь. На изразцах в нашей экспозиции преобладает растительный орнамент, есть и геральдические изображения — изразцы с двуглавым орлом. За образец для создания изразцов были взяты муравленные изразцы Томской приказной избы, хранящиеся в Томском краеведческом музее как наиболее подходящие по времени, на которое воссоздается Илимский острог (конец XVII — начало XVIII в.).

Главное административное здание не могло быть без знака государственной принадлежности, которым являлись знамена, имевшиеся даже в небольших острожках. В экспозиции «Приказная изба Илимского острога» за воеводским местом представлен аналог сибирского знамени 1690 г. с изображением двуглавого орла — символа российской государственной власти. В центре орла — изображение Знамени Пресвятой Богородицы, символизирующее заступничество Ею русских воинов и миссионерскую деятельность сибирских землепроходцев, связанную с распространением православия на языческих землях.

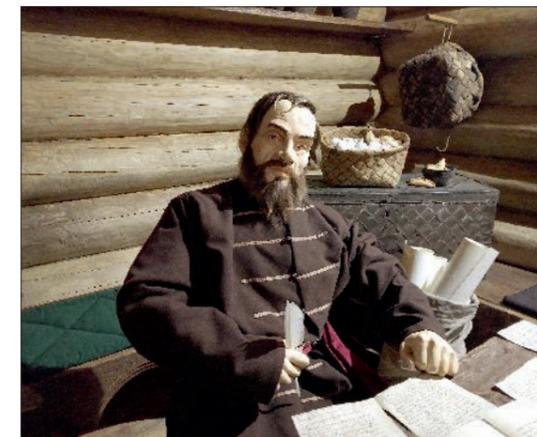
В экспозиции также представлены муляжи старинных книг, столбцов, государевых грамот, Соборное уложение 1649 г., выполненные на высоком профессиональном уровне региональным центром консервации библиотечных фондов Иркутской областной научной библиотеки им. И. И. Молчанова-Сибирского.

Оживила помещение присутствия группа оригинальных манекенов: воеводы и двух подьячих, выполненных специализированной организацией «Уральский региональный институт музейных проектов». Были сшиты исторические костюмы, подобраны образы (к сожалению, изображений илимских воевод и служилых не имеется). Персонажи стали частью экспозиционного сценария: воевода знакомится с челобитной, делает замечания, подьячий его внимательно слушает — ему готовить проект ответного документа. В помещении для арестантов представлен манекен кандалника в ручных кандалах.

Еще одна экспозиция — «Караульная изба Илимского острога» — открыла двери для посетителей в 2016 г. Караульные избы являлись разновидностью фортификационных сооружений и обязательно входили в состав инфраструктуры любого острога. Они ставились у главных острожных ворот, служили местом отдыха, принятия пищи, обогрева стражи, охранявшей стены и ворота острога. Помещение представляет собой рубленую избу, приспособленную для обстрела из нее пространства у острожных ворот через волоковые окна. С главного и бокового фасадов к караульной избе примыкает галерея — платформа, которая служила для развода караула. На галерее подвешено било — приспособление для оповещения о тревоге. Интерьер

Манекен воеводы. Фото Е. Ю. Колгановой, 2016 г.

Манекен подьячего. Фото Е. Ю. Колгановой, 2016 г.

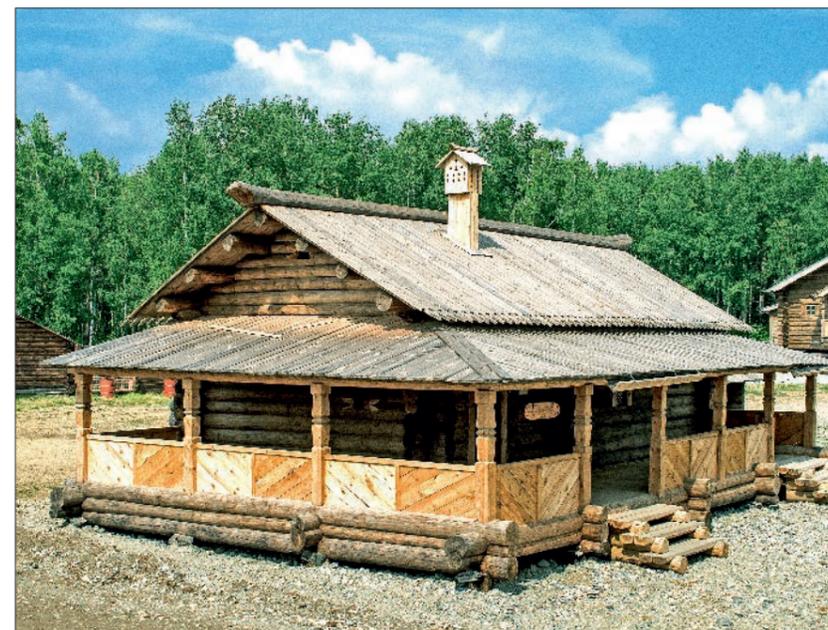
Государев винный подвал. Фото И. Ю. Бержинского, 2016 г.

Манекен кандальника в помещении для арестантов.
Фото Е. Ю. Колгановой, 2016 г.

музейной экспозиции схож с интерьером простого крестьянского дома: в наличии русская глинобитная печь, топившаяся по-черному, полки и лавки по стенам, полати и красный угол. Предметный ряд состоит из упряжи, сундуков, посуды, одежды, обуви из фондов музея. Оживил экспозицию оригинальный манекен казака в соответствующей времени экипировке: он одет в шаровары, заправленные в полусапоги, в бешмет с кафтаном, подпоясанные кушаком, на голове шапка с копаком. Поза казака отражает характер его службы — казак чистит ружье, а взгляд его устремлен в окно, в случае прорыва неприятеля в острог казак начнет стрельбу из волокового окна. Также представлены макеты холодного и огнестрельного оружия XVII — начала XVIII в.: копье, бердыш, кинжал, сабля, пищаль, мушкет. О наличии данных разновидностей оружия

свидетельствует опись 1694 г. [1]. На лавке рядом с казаком лежит берендейка — ремень (перевязь), носимый через левое плечо с подвешенными принадлежностями для зарядки ружья: деревянными пенальчиками с пороховыми зарядами.

Караульная изба Илимского острога в музее «Тальцы».
Фото И. Ю. Бержинского, 2017 г.

Интерьер караульной избы. Фото Е. Ю. Колгановой, 2016 г.

К торцовой части пристроено помещение тюрьмы, в которой кроме пленников содержались аманаты — заложники, взятые из местных племен для регулярной выплаты ими ясака (пушного налога). Известно, что в Илимском остроге аманатов содержали с самого основания острога. Помещение тюрьмы отличалось минимальным уровнем комфортности. В экспозиции представлены нары, печь-каменка, топившаяся по-черному, волоковое окно, стол. Истори-

ческие документы свидетельствуют, что пленники содержались в «железах», т. е. в железных кандалах, которые также представлены в экспозиции.

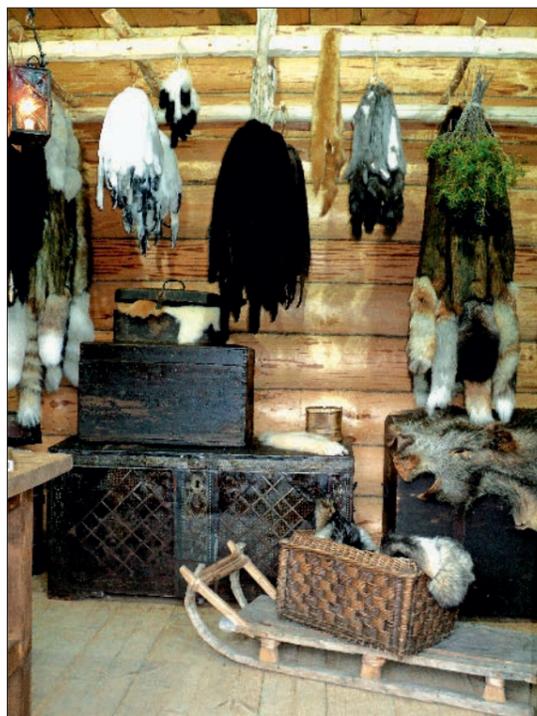
С ролью меховой торговли и ясака в освоении Сибири знакомит экспозиция «Государев соболиный амбар». Дать, собираемая с приведенных в покорность коренных народов, выплачивалась различными мехами (лисица, горностай, белка, выдра, рысь, куница), главное место занимал мех соболя. В помещении государева соболиного амбара скапливалась пушнина, разбиралась на партии по видам и сортам и раз в год отправлялась в Москву. На вешалах и в сундуках экспозиционного интерьера размещены муляжи и оригинальные шкурки ценных зверей.

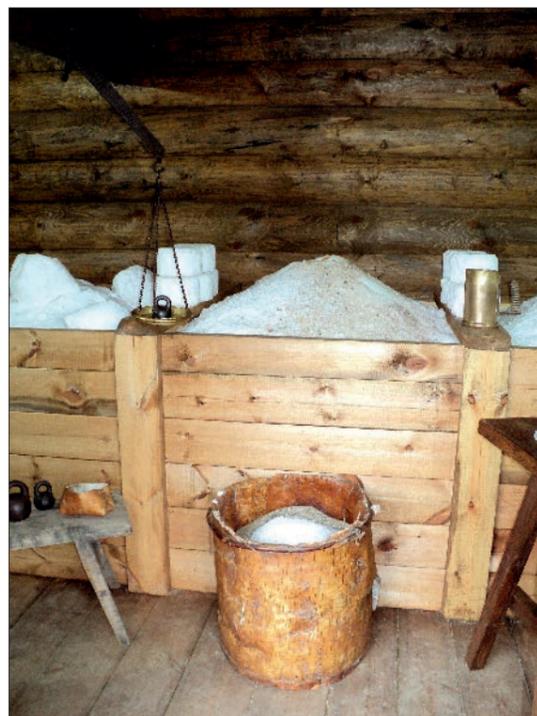
Соболиный амбар Илимского острога в музее «Тальцы». Фото И. Ю. Бержинского, 2017 г.

Соляной амбар Илимского острога в музее «Тальцы». Фото И. Ю. Бержинского, 2017 г.

Фрагмент экспозиции «Государев соболиный амбар». Фото О. Ю. Фроловой, 2015 г.

Фрагмент экспозиции «Государев соляной амбар». Фото О. Ю. Фроловой, 2015 г.

Рядом с соболиным амбаром воссоздано двухъярусное здание соляного амбара, в котором хранилась государева продажная соль, добытая на Усть-Кутском солевом заводе. Хранилась соль в сусеках первого яруса амбара, второй занимали казенные варовые веревки, пенька, паруса.

В XVII–XVIII вв. сибирская торговля проходила главным образом на территории острогов — в гостиных дворах. Таможенные ценные книги XVII в. дают нам представление об ассортименте товаров, завозимых купцами в сибирские остроги, основные среди которых: продукты питания (мука, крупы, мед, хмель); предметы одежды, ткани; посуда, сельскохозяйственный инвентарь, охотничьи и рыболовные снасти; предметы религиозного культа (иконы, настенные кресты, церковная литература, ладан); канцелярские принадлежности (бумага, чернила); хозяйственные товары (воск, мыло); металлические изделия (скобяные изделия, замки) и пр. Имеются данные о наличии среди иностранных товаров ткани китайского производства. Гостиный двор в «Тальцах» представляет собой комплекс из трех отдельно стоящих объемов — амбаров, набранных из сблокированных между собой секций [2]. Экспозиция, раскрывающая многообразие товаров гостинного двора в Илимском остроге в конце XVII — начале XVIII в., представлена в двухсекционном отдельно стоящем объеме. Остальные планируется приспособить под реализацию продукции местных мастеров. Экспозиция «Гостиный двор Илимского острога» вместе с соляным и соболиным амбарами открылась для посетителей в 2015 г.

Гостиный двор Илимского острога. Фото Е. Ю. Колгановой, 2017 г.

Из описей и плана Илимского острога 1703 г. известно, что рядом с гостиным двором находилась часовня, представляющая собою небольшую клетскую постройку, крытую конусообразной кровлей. Венчает строение обшитая лемехом главка с крестом. Судя по расположению часовни у гостинного двора, строили ее специально для торговых людей (традиция возведения храмов на торговых площадях известна с древних времен) [3]. В интерьере часовни будет представлен крест с написанным на нем распятием. С вводом в эксплуатацию часовни при гостинном дворе реконструкция первой очереди Илимского острога будет завершена.

Интерьеры торговых лавок в экспозиции «Гостиный двор Илимского острога». Фото О. Ю. Фроловой, 2015 г.

Часовня у гостиного двора. Музей «Тальцы». Фото Е. Ю. Колгановой, 2017 г.

Воссоздание исторических объектов имеет не только сторонников, но и противников. В последние годы мы видим качественные изменения в осмыслении этой проблемы. Ведь реконструкция, основанная на подлинных исторических материалах, дает возможность более полного погружения в историческую эпоху, является базой для применения самых разнообразных вариантов культурно-просветительской деятельности. Если говорить об Илимском остроге, то воссоздание его инфраструктуры позволит наглядно представить очень яркую, самобытную часть древнерусского деревянного зодчества, показать объекты, практически не сохранившиеся в России, раскрыть картину освоения земель Восточной Сибири. В музейном пространстве выстраивается хронологическая цепочка, представленная в материальных носителях, от периода освоения Сибири до начала XX в. Так как реконструируемый Илимский острог на сегодняшний день является единственной в мире деревянной крепостью XVII в., имеющей элементы-оригиналы, проект становится культурным продуктом поистине мирового масштаба, способным положительно повлиять на культурный и туристический имидж региона.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Т. 1: Пашни Илимского воеводства XVII и начала XVIII века. Иркутск: ОГИЗ, 1949. С. 49.
2. Агапитова Р. В. Торговля в Сибири в XVII — первой половине XVIII в.: историческая справка. Иркутск, 2014 // Архив АЭМ «Тальцы». Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 662. С. 15.
3. Калинина И. В. Часовня при гостином дворе в Илимском остроге: историческая справка. Иркутск, 2015 // Архив АЭМ «Тальцы». Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 707. С. 3.

А. В. Зиброва**КАБАК В ЭКСПОЗИЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ АЭМ «ТАЛЬЦЫ»**

Экспозиционная деятельность — основная составляющая работы АЭМ «Тальцы». В настоящее время в музее ведется очередное строительство новой экспозиционной зоны — трактовой, главная задача которой — отражение материальной и духовной культуры старожильского населения Предбайкалья, проживавшего вдоль линии Московского тракта в период с середины XIX до начала XX в. Воссоздание культурно-исторической среды происходит посредством демонстрации логически подобранных и структурированных объектов — отдельных крестьянских усадеб, внешний облик и инфраструктура которых характеризуют определенный вид занятий их хозяев.

Сегодня трактовая экспозиционная зона представлена несколькими объектами. Это дом Усова (конец XIX в.), входивший в усадебный комплекс постоянного двора, вывезен из с. Кимильтей Зиминского района, дом Горелова (конец XIX — начало XX в.) и дом-лавка (конец XIX в.), вывезенные из с. Тулюшки Куйтунского района, а также дом купца Воинова (вторая половина XIX в.) из пос. Кутулика Аларского района. Постройки именуются фамилиями их последних владельцев. Все дома отреставрированы. Финальный этап строительных работ являет собой обустройство чистых и хозяйственных дворов усадеб, реконструкционных — реставрация внутренних объемов их отдельных объектов (жилых и хозяйственных), что в конечном итоге сформирует полноценный облик каждой из них.

В перспективе реставрация и реконструкция иных немаловажных экспозиционных объектов — церкви, базарной площади, почтовой станции, нескольких крестьянских усадеб и этапной тюрьмы. Итогом масштабных работ станет фрагмент русского старожильского трактового села, воссозданный в музейном пространстве с исторической достоверностью посредством показа памятников деревянной архитектуры — культовых, жилых, хозяйственных, промысловых, насыщенных в соответствии со своим назначением — предметами быта, утвари, сельскохозяйственным инвентарем, транспортными средствами и прочими экспонатами.

Концепция создания трактовой экспозиционной зоны помимо музейной визуализации ключевых направлений хозяйственно-бытового уклада жизни населения региона* подразумевала освещение основного вида деятельности трактового населения — торговли, как розничной, так и мелкооптовой, на контрастном примере — сопоставлении крестьянской (дом-лавка) и купеческой (дом Воинова) торговых лавок. Причиной отказа от этой идеи послужила потенциальная схожесть экспозиций, поскольку ассортимент торговых лавок в обоих случаях во многом был одинаков, различались лишь объемы товарооборота и ассортимент продукции.

Выходом из ситуации стала возможность ввода в экспозиционное пространство трактовой зоны нового экспозиционного объекта — питейного заведения конца XIX в., попросту — кабака, некогда принадлежавшего частному лицу. Экспозиция планируется к размещению в стенах дома-лавки. Основанием для

* Занятие дворничеством, ямским извозом и междворовой гоньбой, а также сопутствующей им промысловой деятельностью (санно-тележный, колесный, бондарный промыслы и пр.); этапного следования арестантов.

принятого решения стала невозможность показа сохранившейся оригинальной постройки из-за отсутствия таковой в регионе. Однако имеющееся на территории музея здание полностью отвечает требованиям, необходимым для воссоздания музейного объекта.

Существовавшие питейные заведения — места проведения досуга в сельской местности Предбайкалья, а именно в трактовой историко-культурной зоне, в период с конца XIX до начала XX в. есть отличительный элемент материальной культуры старожильского населения региона. В сложившихся обстоятельствах вопросы, связанные непосредственно со структурной организацией отведенных под торговые нужды зданий, их возникновением и формированием, а также с организацией виноторговли в Восточной Сибири в целом, становятся актуальными. Спроектированный и частично реконструированный в этой зоне экспозиционный комплекс построек «Дом-лавка», ныне «Кабак», призван в первую очередь отразить функциональное назначение располагавшихся на главной государственной дороге и трактах второстепенного значения частных питейных домов посредством характеристики планировочных и архитектурно-конструктивных особенностей отдельных его объектов, а также детальной планировки внутренних объемов отдельных его построек.

Проведенный анализ научной литературы по данной тематике предоставил возможность наиболее полного осмысления того, как мог выглядеть кабак в Предбайкалье в указанный временной отрезок, на основе чего допустимо создание экспозиции «Кабак» в трактовой экспозиционной зоне музея.

В дореволюционной историографии следует отметить монографию русского историка, этнографа и публициста Ивана Гавриловича Прыжова (1827–1885) «История кабаков в России в связи с историей русского народа» [1]. Здесь взглядом современника охвачена история народного быта. Это первое и единственное обстоятельное исследование по истории питейного дела и пьянства как в России, так и в Украине и Белоруссии с XIII до конца XX в., содержащее исчерпывающую информацию, заимствованную из обширного круга отечественных и зарубежных источников и сочинений историков, а также собранных в ходе непосредственного участия в современной автору кабацкой жизни, знакомой ему не только как исследователю, но и как завсегдатаю питейных заведений.

Немаловажной является работа Афанасия Борисовича Петрищева (1872–1951) «Из истории кабаков в России» [2], где автором собран и систематизирован материал о состоянии питейного дела в стране (в том же временном отрезке, что и у предыдущего автора), приведены подробные описания внешнего облика кабаков.

Среди современных исследований стоит назвать несколько научно-популярных статей: Г. А. Жолобовой «Виды питейных заведений и правовой режим розничной торговли спиртными напитками в России в царствование Александра III» [3], П. В. Травера «История и образ кабака и трактира в русской культуре. Часть 1. Об истории кабака на Руси и трактира в России» [4], Н. В. Сметневой «Розничная торговля спиртными напитками в Прибайкалье в период действия акцизной системы (60-е годы XIX — начало XX века)» [5]. В указанных работах подробно рассматривается появление питейных заведений в России; на основе анализа законодательных актов предоставляется отечественная правовая ретроспектива классификации питейных заведений и особенностей режима розничной торговли спиртными напитками в регионе.

В данной статье автор, учитывая трудоемкость и кропотливость процесса экспозиционного строительства, предлагает первоначально обратиться к исто-

рии возникновения и развития кабаков как в России, так и в Предбайкалье в отведенных временных рамках. Сложившаяся картина в последующем позволит обозначить структуру и внешний облик сельских питейных торговых точек, на основе чего станет возможным претворение в жизнь музейной экспозиции.

Прототипом русского кабака «может считаться древнеславянская корчма, куда народ сходил для питья и еды, для бесед и попоек с песнями и музыкой... Начиная с XI века мы встречаем следы корчмы у всех почти славян... В каждом почти городе была одна корчма, а в иных по две и по четыре... Корчмы являлись вольными учреждениями, позже стали казенными — княжескими; из напитков в корчмах продавались исключительно «квас, пиво и мед» [6].

По свидетельству И. Г. Прыжова, «на пирах, на праздниках, при обрядах свадебных и погребальных народ пил свои истаринные напитки брагу, пиво, квас и бархатный мед... Вообще все пили питье домашнее, почти даровое, здоровое, а хотя и могли встретиться случаи неумеренного употребления питей, но пьянства совершенно не было, пьянство было немыслимо: ряды кабаков, вечно переполненных пьяным людом, не возмущали еще светлого потока народной жизни» [7].

В конце XIV в. в России появляется водка, и, соответственно, «корчмы стали размножаться, и явилось кое-где пьянство» [8]. «В XIV и в XV веках корчмы мы встречаем в Новгороде, в Твери, в Смоленске, в Пскове. В других городах корчем не было, а в селах и подавно, но и в упомянутых городах было не больше, как по одной или по две корчмы» [9].

Ситуация сохранялась вплоть до второй половины XVI в., именно до 1552 г. — времени взятия Казани. «Вдохновившись» татаро-монгольским способом реализации алкогольной продукции, по возвращении в Москву Иван Грозный издал указ, предписывающий уничтожение вольной и княжеской торговли спиртным и повсеместное заведение царских кабаков, где продавались хлебное вино (водка), мед и пиво. Первым таким царским кабаком стал кабак «на Балчуге», где «опричники могли пить и гулять, сколько им угодно» [10]. Предназначение кабака лишь опричнине являлось следствием поддерживаемой государством политики трезвости населения.

Новые питейные заведения функционировали по образу и подобию татарских. Кабаком у татар называлось сначала село, имение, позже постоянный двор, где помимо провианта постояльцам продавались спиртные напитки. За прилавок «ханского кабака» (царского кабака) вставали торговать чиновники либо же право кабацкой торговли сдавалось в аренду откупщикам [11].

Царские кабаки явились выгодным делом, чему в большей степени способствовал запрет на частное производство спиртных напитков. Пить в кабаках позволялось и крестьянам, и посадским, но только на Святой неделе и в Рождество Христово. Люди же других сословий — дворяне и бояре — получили привилегию распивать алкоголь у себя дома и имели право владения кабаками, а также право на получение дохода от них. Кроме царских кабаков существовали и «жалованные» — монастырям, имевшим помимо права распоряжения полученными доходами право владения собственными винокурнями.

После правления Ивана Грозного отношение к кабакам на законодательном уровне менялось, и не раз. Так, например, царь Федор Иванович, заботясь о чистоте помыслов и здоровье народной жизни, велел снести кабак на Балчуге. Борис Годунов, наоборот, вновь его открыл и присвоил статус большого царева кабака. При нем же откупные кабаки распространились по всем крупным городам. Царь Василий Шуйский наделил правом курения вина купеческое

сословие. В царствование Алексея Михайловича откупа были уничтожены, а кабаки стали называться кружечными дворами. По замечанию Прыжова, смена названия была связана с широким распространением кабаков и, как следствие, с увеличением повсеместного пьянства: «Народу сделалось противно самое имя кабака, и велено называть их кружечными дворами, и очень часто случалось, что отдают кабак на откуп, и в целом округе не оказывается ни одного откупщика» [12].

Новое столетие добавило свой виток в историю развития кабаков. С середины XVIII в. кабаки стали именоваться «питейными заведениями» по все той же причине ненавистного к ним отношения как государства, так и народа [13]. Питейные дома торговали распивочно и на вынос, а также предлагали хлеб и холодные закуски. Откупная система распространилась по всей территории государства, правительственную санкцию получила и Сибирь, «...где до тех пор Московских кабаков не знали... Кабаки начинают появляться по селам и деревням, чего прежде не было» [14].

С каждым десятилетием откупная система лишь увеличивала государственные доходы. В 1850 г. царская казна пополнилась 106 млн руб. серебром [15]. Стремясь к выгоде, государство и впредь запрещало частное производство алкоголя, уничтожив тем самым домашние пиво, мед, квас, наливки, настойки и т. д. Народ поневоле тянулся в кабаки, пьянство продолжалось. Но система дала сбой. Хоть откупщики и обязывались платить в казну установленную сумму, находились те, кто утаивал доход, и государство не получало своих денег полностью. Результатом сложившейся ситуации явилось введенное в действие «Положение об акцизе питей» от 4 июля 1861 г. [16], упразднявшее существовавшую ранее систему питейных откупов и заменявшее ее обложением спирта акцизом.

В 1861 г. акциз был установлен в 4 коп. с градуса безводного спирта за ведро, т. е. 4 рубля с ведра чистого алкоголя или 1 руб. 60 коп. с ведра водки в 40 градусов. Желая торговать водкой в розницу позволялось открывать питейные дома, заплатив при этом патентный сбор в казну и особый налог на кабатчиков, установленный городскими и сельскими обществами. Первое время закон работал отлаженно, однако и здесь стали процветать мошенничество и взяточничество. Кабатчики не гнушались разбавлять водку водой, за взятку стражам порядка алкоголь в ночное время отпускался в долг и под заклад, присутствовали азартные игры. Большая часть кабаков превратилась в притоны, где людей попросту обирали и спаивали.

Таким образом, к началу 1880-х гг. 20-летний опыт правового регулирования торговли алкоголем в условиях существовавшей акцизной системы его обложения выявил ряд серьезных проблем, требовавших неотложного решения. Государство стремилось сохранить свободную торговлю, но при этом, с одной стороны, желало увеличить свой доход и обеспечить развитие отечественного виноделия и сельскохозяйственного винокурения, с другой — старалось противодействовать усиливавшейся алкоголизации населения.

Новые правила розничной (розничной) торговли спиртным были подписаны императором Александром III и вступили в законную силу 1 января 1886 г. [17]. Согласно новому законодательству частное производство алкогольной продукции поощрялось. Питейный дом — кабак как заведение, признанное наиболее развращающим человека, был упразднен на всей территории действия закона. Теперь предписывалось, «...чтобы вино распивочно продавалось только из трактиров», в станционных домах и буфетах железнодорожных станций [18].

Розничная торговля могла также производиться в винных, ведерных и пивных лавках, в ренсковых погребах, в погребах русских виноградных вин, на временных выставках (ярмарках). Оптовая продажа крепких напитков (спирта, водки, вина, пива, меда) могла производиться только из заводских подвалов и с оптовых складов с отпуском в количестве не менее ведра.

Действие закона не распространялось на Иркутскую, Енисейскую, Тобольскую, Томскую губернии, Якутскую и Забайкальскую области, где сохраняли значение старые правила о продаже алкоголя [19].

В экономической жизни Предбайкалья виноторговля являлась важным звеном, приносящим существенную прибыль как местному, так и государственному бюджетам, а также составляла значимую часть восточносибирского и всероссийского рынков.

Структура виноторговли в Предбайкалье, как и по всей стране, была представлена оптовой и розничной. По «Сведениям о питейных сборах в России» в Предбайкалье на 1859 г. (до введения акцизной системы) было 399 питейных заведений [20]. Население Иркутской губернии на тот момент составляло 328 968 человек, из которых 188 028 — мужского пола. На них приходилось 342 015 ведер казенного алкоголя (полугара), т. е. 1,039 ведра на душу населения обоего пола. За это количество спиртного казна получила доход в 1 162 248 руб. серебром.

В работе Н. В. Сметневой указано, что в 1862 г. на 22 563 жителя приходилось четыре харчевни и пять ренсковых погребов, т. е. по одному питейному заведению на каждые 2 507 человек [21]. В 1877 г. на 32 512 жителей приходилось 29 ренсковых погребов, 100 трактиров и харчевен, 89 мест торговли крепкими напитками распивочно и на вынос, т. е. по одному питейному заведению на каждые 149 человек. Таким образом, за 15 лет количество городских питейных заведений на душу населения возросло в 16,8 раза. Это лишь подтверждает эффективность акцизной системы: право свободной торговли алкоголем привлекло в эту сферу большое количество частных предпринимателей и прежде всего купцов. На 1877 г. перечисленные выше питейные заведения принадлежали купцам (180), торговым домам (13), отставному поручику (13), мещанам (11), дворянам (10), австрийскому подданному (1), крестьянам (2), лицам военного звания (3) [22].

Для открытия питейного дома необходимо было приобрести патент, стоимость которого варьировалась от 15 до 200 руб. в зависимости от характера торговли в питейном заведении (распивочно, на вынос, с предложением холодных или горячих закусок и т. д.). Патент выдавался на год и на полгода. Цены на патенты ежегодно возрастали, что было связано, во-первых, с желанием государства повысить прибыль казны, во-вторых, с заботой о народной трезвости. По данным департамента неокладных сборов, в 1866 г. в стране было выкуплено 390 654 патента на право оптовой и розничной торговли общей стоимостью 7 598 965 руб., в 1875 г. — 192 399 патентов на 17 163 932 руб., в 1880 г. — 205 901 патент на 17 481 528 руб. [23]. Приведенные данные позволяют судить о сокращении мест торговли алкоголем, причем интересы царской казны, как видно, нисколько не пострадали.

В 1881 г. количество питейных домов (кабаков) в регионе достигло 880. Точки розничной продажи распределились следующим образом: Иркутск — 33, Иркутский округ — 254, Верхолениск — 3, Верхоленинский округ — 121, Балаганск — 7, Балаганский округ — 299, Илимск — 4, Киренск — 17, Киренский округ — 142 [24]. В упомянутых населенных пунктах общее число трактиров

составляло 137, ренсковых погребов — 43, выставок — 8, буфетов — 7, постоянных дворов — 2. Количество кабаков по сравнению с количеством остальных видов питейных заведений значительно преобладало и составляло 81,7 % от общего числа.

Дальнейшая ситуация на рынке розничной торговли спиртным в регионе складывалась так: в 1886 и в 1887 гг. было соответственно питейных домов 664 и 607, трактиров — 80 и 66, ренсковых погребов — 50 и 52, буфетов — 10 и 12, постоянных дворов — 2 и 1, выставки отсутствовали [25]. Таким образом, общее количество питейных заведений значительно сократилось (с 1 077 в 1881 г. до 788 в 1886 г. и 736 в 1887 г.), причем их процентное соотношение оставалось практически одинаковым (81,7, 81,7, 82,5 % соответственно), хотя фактическое их число уменьшилось в 1,5 раза (с 880 до 607). Сложившаяся ситуация явилась следствием ограничительных мероприятий местных органов власти и патентной политики государства. Алкоголь сбывался в основном в городах и в ограниченном количестве, а низкое его качество при относительно высокой цене не способствовало успешной продаже [26].

Цены на алкогольную продукцию устанавливались в зависимости от месторасположения питейного заведения, стоимости доставки и приобретаемого количества. На 1887 г. розничная цена водки в разных районах Предбайкалья варьировалась. В Иркутске стоимость ведра водки распивочно составляла 8–9 руб., на вынос до ведра — 7–8 руб., на вынос от ведра — 6,5–7 руб. Следуя этим критериям, водочный завод Понтовича в Иркутске отпускал водку за 9, 8 и 7 руб. соответственно; 1-й участок (Иркутский округ) — за 9, 9 и 8 руб.; 2-й участок (г. Верхолениск) — за 9, 8,5–9 и 8,5–9 руб.; Манзуровская и Верхоленинская волости, а также с. Качуг — за 9, 9, 8–9 руб.; Качугская волость — за 10, 7,5–10 и 7,5 руб.; 3-й участок (Иркутский округ) — 7–10, 7–11 и 7–11 руб.; Балаганский округ — 7–10, 7–12 и 7–12 руб.; 4-й участок (г. Балаганск) — 9, 10 и 9,6 руб.; Уриковская и Усть-Балейская волости, а также Иркутский округ — 10, 10–11, 9 руб.; 5-й участок (с. Витимское) — 10–16, 12–16 и 10–14 руб.; 6-й участок (Киренский округ) — 8–12, 8–12 и 7–10 руб. [27].

В отдаленных от Иркутска районах виноторговлей занимался ограниченный круг лиц. Так, например, в 1887 г. розничная и оптовая торговля спиртом в Верхолениском округе была почти целиком сосредоточена в руках трех фирм — Товарищества Ивано-Андреевского винокуренного завода, торгового дома «Братья Нечаевы» и купца Голдобина, диктовавших свои цены на местном рынке.

В 90-е гг. XIX столетия виноторговлю вновь затронули серьезные изменения: акцизное ведомство разделило места розничной продажи спиртного по принципу производимой ими торговли. Теперь правом торговать хлебным вином (водкой) были наделены исключительно частные и казенные винные лавки (для монопольных районов), питейные дома, ведерные лавки, постоянные дворы и выставки. По Положению от 5 июня 1895 г. для открытия в городах Иркутской губернии питейного заведения, производящего торговлю спиртным исключительно на вынос, был необходим лишь приобретенный патент, разрешение городской думы не требовалось. Число мест продажи алкогольных напитков фактически не ограничивалось, цена на напитки строго не регламентировалась. Заведения с продажей на вынос были попросту приравнены к обычным лавкам. Организация же распивочной торговли требовала разрешения местных властей.

Подводя итоги, отметим, что средний размер потребления водки на душу населения снизился с отметки 1,23 ведра в 1863 г. до отметки 0,5 ведра в 1900–1903 гг. Однако, несмотря на сей факт, акцизная система привела к повальному

пьянству среди населения страны с неблагоприятными материальными условиями и низким уровнем жизни. Здесь не была постигнута культура потребления алкоголя, водку пили и отмечая радость, и заливая горе.

По данным 1893 г. Восточная Сибирь занимала первое место в Российской империи по потреблению алкоголя: количество выпиваемой на душу населения водки составило 0,7 ведра. В Западной Сибири этот показатель был значительно ниже — 0,35 ведра. При этом плотность питейных заведений в Предбайкалье была в полтора раза ниже.

К 1899 г. уровень потребления алкоголя в Восточной Сибири достиг отметки 0,86 ведра на душу населения, в Западной Сибири — 0,49 ведра [28]. Такой рост был связан, во-первых, с возросшим потоком переселенцев, часть из которых так и не смогла освоиться на новом месте и обзавестись собственным хозяйством, а лишь стремилась за счет выпивки на короткое время забыть о жизненной неустроенности, во-вторых, с бурным развитием золотопромышленности и соответственно распространением пьянства среди приисковых рабочих.

Как отмечалось ранее, экспозиция «Кабак» должна разместиться в стенах отреставрированного дома-лавки. Строение представляет собой дом-крестовик. Здание торцом выходит на тракт и по уличному фасаду имеет пять окон, обрамленных наличниками. В дом ведут два крыльца. Одно — с улицы, по которому посетители попадали в кабак, второе — со двора — хозяйское. Дом разделен на две половины — торговую и жилую. В свою очередь, торговой половине отведены непосредственно сам кабак и подсобное помещение, жилой — комната владельцев дома и хозяйственное помещение — сени.

На сегодняшний день проведены реставрационные работы внутренних объемов дома-лавки. В помещении непосредственно самого кабака реконструированы печь-голландка, прилавок, полки для складирования стеклянной тары, а также две лавки, предназначавшиеся посетителям заведения. В подсобном помещении — непроходном — экспозиция займет всю площадь и будет видима взору посетителя как через дверной проем кабака, так и через дверной проем сеней. В жилой части установлены русская печь, рундук, заборка, восстановлена оригинальная роспись стен. В сенях разместится печь-буржуйка, здесь же установлена лестница, ведущая на чердак, полати, использовавшиеся для складирования хозяйственного инвентаря. Предполагается, что в «Кабак» будет произведена полная музеефикация интерьера под внутреннее убранство питейного дома конца XIX — начала XX в., когда-либо принадлежавшего частному лицу. Жилая часть дома отразит традиционный крестьянский интерьер. Логическим завершением экспозиции станет гипсовая ростовая фигура целовальника за прилавком, а также опознавательный знак всех питейных заведений страны — ель, крепившаяся на крыше.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Прыжов И. Г. История кабаков в России в связи с историей русского народа. СПб.; М.: Изд. М. О. Вольфа, 1868. 320 с.

2. Петрицев А. Б. Из истории кабаков в России. Пг.; М.: Тип. «Задруга», 1917. 30 с.

3. Жолобова Г. А. Виды питейных заведений и правовой режим розничной торговли спиртными напитками в России в царствование Александра III // Актуальные проблемы российского права. М., 2015. № 1 (50), янв. С. 18–24.

4. Траверс П. В. История и образ кабака и трактира в русской культуре. Ч. 1: Об истории кабака на Руси и трактира в России // История и современность. М., 2013. № 1, март. С. 90–109.

5. Сметнева Н. В. Розничная торговля спиртными напитками в Прибайкалье в период действия акцизной системы (60-е годы XIX — начало XX века) // Исторический ежегодник. Новосибирск, 2007. С. 72–87.

6. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. СПб., 1894. Т. 13а. С. 774–775.

7. Прыжов И. Г. История кабаков в России... С. 163.

8. Там же.

9. Там же.

10. Там же. С. 164.

11. Там же.

12. Там же.

13. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь.

14. Прыжов И. Г. История кабаков в России... С. 166–167.

15. Там же. С. 168.

16. Жолобова Г. А. Виды питейных заведений... С. 18.

17. Там же.

18. Петрицев А. Б. Из истории кабаков в России. С. 20.

19. Жолобова Г. А. Виды питейных заведений... С. 19.

20. Сметнева Н. В. Розничная торговля спиртными напитками... С. 78.

21. Там же.

22. Там же. С. 79.

23. Там же. С. 80.

24. Там же. С. 82.

25. Там же. С. 81.

26. Там же.

27. Там же. С. 83.

28. Там же. С. 86.

Р. В. Агатинова

ПОСТОЯЛЫЙ ДВОР КАК ЗНАКОВЫЙ ОБЪЕКТ ТРАКТОВОГО СЕЛА

История строительства Московско-Сибирского тракта в XVII–XIX вв. является составной частью истории Сибири и России в целом, так как именно создание транспортного гужевого пути способствовало более интенсивному освоению Сибири и Дальнего Востока, сближало Сибирь с Европейской Россией, более плотно соединяло ее с метрополией.

М. Н. Воробьев. Почтовый тракт зимой. 1830-е гг.

По всему тракту возникали поселения, население которых наряду с хлебопашеством и скотоводством занималось извозом.

Извоз не мог состояться без постоянных дворов. Они были необходимы ямщикам, чтобы согреться, поесть горячей пищи, накормить лошадей и дать им и себе небольшой отдых. Тракт предоставлял возможность получить дополнительный доход. Постоялые дворы являлись удобными пунктами сбыта сельскохозяйственных продуктов для местных и окрестных жителей.

Жить «с кнута и гужа», как говорили сибиряки, стало выгоднее, чем с сохи и ремесла. Недаром сибирские села вблизи тракта отличались добротностью и размером домов, количеством лошадей и скота [1].

Редактор и издатель газеты «Восточное обозрение», а также журнала «Сибирский сборник» И. И. Попов, неоднократно проезжавший по Московско-Сибирскому тракту, вспоминал: «Меня поразили зажиточность, широкое гостеприимство, независимость крестьян, чистота и относительно культурная обстановка крестьянских изб, с венскими стульями, скатертями, салфетками на столах, растениями на окнах и олеографиями на стенах. Избы — большие, крепкие, крытые тесом или железом. Соломенных крыш в Сибири совершенно не было. Сытость и довольство сказывались и в обстановке, и в количестве голов скота, и в выносливости лошадей, тройка которых с нагруженным тарантасом легко пробегала в два часа перегон в 25–30 верст» [2].

Ямщики, шедшие с обозом впервые, узнавали постоянные дворы по своеобразной вывеске — пучку сена или соломы, прикрепленному к воротам [3].

«Дворничеством занимаются почти все притрактовые жители. В с. Китое и с. Черемхово на время распутицы или рекостава дворничество прекращается, так как обозы идут в обход.

Дворы по количеству останавливающихся обозов делятся на большие, средние и малые. Большой продает до 3 тыс. пудов овса и до 1 тыс. пудов сена. Средний — вдвое меньше. Малый — 200–400 пудов сена и примерно 800 пудов овса.

На большом дворе было 2–3 работника, и двор давал по 500–700 рублей дохода. На среднем дворе и на малом обходятся 1 работником, а иногда и того не бывает» [4].

В некоторых селениях содержанием постоялого двора занимался каждый седьмой житель.

Во многих средних и малых дворах ямских изб не было, так как для большей части крестьян обслуживание ямщины было только сезонным занятием, приносящим дополнительный заработок. В период, когда крестьянин освобождался от сельскохозяйственных работ, он мог заняться обслуживанием обозников. В этом случае каких-либо дополнительных строений специально для ямщины не строили.

Содержатели специально устроенных постоянных дворов имели хорошие дома, часто двухэтажные. Постоялые дворы снабжались необходимыми постройками для удобного размещения проходящих обозов. Ямщикам отводилась просторная изба, лошади и товарные возы помещались под навесами. Сам двор часто устилался деревянным помостом. Для хранения запасов овса и сена строились отдельные амбары и сеновалы. Хотя иногда «если крестьянин содержит "постоялый", то передний двор делается еще обширнее, навесов для обозных лошадей не устраивается, они кормятся тут же, около повозок, в рядне, растянутом между оглоблями» [5].

Внутренняя обстановка ямщицкой избы была довольно простой: у стен стояли лавки или широкие скамьи, которые часто использовались как спальное место. У стены напротив входа устраивались широкие просторные нары. Стоял длинный широкий стол, за ним ямщики обедали. В углу рядом с дверью находилась печка [6].

Или другое описание ямщицкой: «"Обзаведенье" состояло из столов, скамеек и нар. Нары были просторные — длинные и широкие, чтобы удобно было на них усталому ямщику расправить утомленные члены. Многие ямщики спали, однако не на нарах, а прямо на полу, ссылаясь на сильный жар в избе: "как же жару не быть, коли варево день и ночь стоит". Изба и нары мылись часто, через день, через два дня, но грязи было много. С облепленных снегом пимов текло, солома, и навоз тоже заносились на ноги в избу. На нарах не спали и потому, что в них было много клопов и вшей "это уж как есть, — наберешься, сколько хошь"» [7].

«А *постояло-то* (постоялый двор) у нас же было. Заезжали по пятнадцать-по двадцать лошадей, на выстойку-то ставили. На этих лошадях привезут известку, а отсюда загружаются зерном, пшеницей. А у нас ограда большая была, дом большой был, всех коней загоняли в ограду. Выпрягут, оглобли завяжут, все развернут, чтоб завтра оглобли запрягать коней. Ямщик заезжат, сразу коня поворачиват, ставит к воротам, выпрягат, оглобли завязывают сверху. Другого коня заводят, разворачиваются, в ряд ставят сани, оглобли завяжут, поднимают сверху. Так друг за дружкой сани-то ставят, и мало занимало места.

Постоялый двор. Начало XX в.

А утром встали, первого коня подвели, оглобли развязали, они его запрягают. Второго подвели, оглобли развязывают, запрягают. Оне ведь не так, как попало заехали и бросили. Все порядком сани, у всех оглобельки были завязаны. Вот какой порядок был! И они подымут их кверху, не на земле лежат» [8].

«Ямщики ехали с Манзурки, Качуга по 30 повозок. На дугах колокольчики. Постоялые дворы: Качуг, Баяндай, Усть-Орда, Оек, Иркутск. Везли на продажу орехи, а обратно продукты. За постоялый двор в Усть-Орде платили 5 копеек. Ямщики оставляли пельмени, корм для лошадей, а на обратном пути забирали. Кто не хотел платить 5 копеек за постоялый двор, ночевали в повозках» [9].

Устройство двора, рассчитанного на помещение в течение года 100 и более обозов (от 40 до 60 возов в среднем на один обоз), обходилось от 500 до 700 руб., а на ежегодный ремонт требовалось 75–100 руб. Среднегодовой доход постоялого двора составлял от 500 до 1 000 руб. [10].

Доход дворников состоял из платы за ночлег и питание извозчиков, за постой лошадей, продажу овса и сена для обозных лошадей.

Во время дальних поездок ямщики кормили своих лошадей только овсом и хлебом. «К болтушке разной наши лошади не привычны, а кормили мы их овсом, да круглым хлебом» [11].

Чтобы привлечь побольше обозов, дворники бесплатно кормили подрядчиков или «объездных», которые заранее выезжали впереди обоза для подготовки места отдыха. Обоз останавливался на постоялом дворе для обеда на 5–6 часов и на завтрак на 2–3 часа. Хозяева-подрядчики или объездные помещались обычно отдельно от возчиков и обильно угощались бесплатно. Дворник при этом рассчитывал, что довольный угощением хозяин будет сговорчивее относительно цены на овес и платы за постой. Объездному подавался «господский» обед и ужин с графином водки, а более ловкие дворники, чтобы заманить к себе объездных, подавали им и «заграничные» вина. Возчики же получали на «выть» чай с «прикуской», стакан водки и обед из трех перемен, а при более продолжительных остановках чай предлагался два раза [12].

Каждый торопился использовать остановку для отдыха и, поев, укладывался спать под разговоры отъезжающих и вновь приезжающих ямщиков. Все спать обычно никогда не ложились. Один из «артели» оставался на ногах — смотрел за лошадьми и вещами. На постоялом хотя обычно воровства не бывало, но все-таки «шибко не разложишься». Поев, выспавшись, отогревшись, ямщики пускались в дальнейший путь [13]. Путешественники во время остановки на постоялом дворе также отдыхали и принимали пищу. Многие из них отмечали разнообразие блюд сибирской кухни: «Когда я и ямщик вошли в избу, хозяева уже сидели за столом и хлебали щи... В сибирских щах, кроме воды, мяса, соли и толстой крупы, нет никаких примесей. Класть капусту, лук и вообще какую бы то ни было зелень считается совершенно ненужным. За щами последовал студень, к которому подали незнакомую нашему (т. е. великорусскому) простонародью горчицу, разведенную квасом. Далее явился не то чтобы вареный и не то чтобы жареный, а скорее пареный поросенок, слегка просоленный и очень жирный. Четвертым блюдом был открытый пирог (растягай) с просоленной щукой. В пироге ели только начинку; края и сподку есть не принято. Наконец, явилось что-то вроде оладьев с творогом, жаренных в коровьем масле. Хлеб исключительно пшеничный... Квас, и даже очень хороший, в Сибири можно найти в каждом порядочно построенном доме. Где пекут хлеб из ржаной муки, там ее всегда сеют на сито» [14].

А. П. Чехов писал: «К чаю мне подают блинов из пшеничной муки, пирогов с творогом и яйцами, оладий, сдобных калачей... Хлеб везде по сибирскому тракту пекут вкуснейший; пекут его ежедневно и в большом количестве» [15].

Отправляясь в дорогу, сибиряки запасались большим количеством провизии. При огромных расстояниях, которые им приходилось преодолевать при поездках, продукты должны были занимать мало места и не портиться. Потому брали с собой целые мешки ватрушек и калачей (очень популярными были пшеничные калачи из Енисейска в форме буквы «Е», которые долго не черствели), намораживали целые горы пельменей. Брали с собой также копченые говяжьи языки, коровье и кедровое масло, кирпичный чай. Очевидец рассказывал: «"Мороженые щи", "мороженые пельмени" — такие в дороге удобные консервы, что едва ли можно подыскать им равные — по удобству, питательности и легкости перевозки зимою: отрубленный кусок "мороженых щей", горсть "мороженых пельменей", положенные в кипяток, через 10 минут дают вкусное горячее кушанье» [16].

Летом в дорогу брали нарезанное полосками и высушенное в печи сырое мясо, крупу и сухари.

Помимо того, что постоялые дворы служили местом отдыха для путешествующих и ямщиков, хозяйства дворников были еще и крупными торгово-предпринимательскими заведениями, основанными на производстве и перепродаже овса, сена и продовольствия. Многие дворники имели лавки, в которых продавали те товары, которые получали в уплату за постой от проходящих обозов. Тракт служил артерией, которая давала жизнь не только извозу, но и кустарным промыслам, обслуживавшим извоз. Полоса вдоль Московско-Сибирского тракта была одним из самых крупных промышленных районов Сибири.

Тракт влиял на земледелие и коневодство, способствуя специализации притрактовых районов на выращивании товарных культур для нужд тракта, а также развитию коневодства в степных притрактовых районах для нужд извоза, ямщины, почтовой гоньбы и всей хозяйственной деятельности притрактового населения [17].

Со временем первостепенное значение тракта уменьшилось, вначале в связи с установлением речного пароходного движения (1840-е гг.) и особенно после прокладки Транссибирской магистрали (1891–1916 гг.) — непрерывного рельсового пути между Санкт-Петербургом и Владивостоком.

Железная дорога уничтожила некоторые местные промыслы притрактового населения, а извозный промысел был значительно сокращен. Из-за этого осталось без заработков не только большое количество ямщиков, которые иногда занимались этим зимой для прокормления лошадей, но сократились и дворничество, приготовление сбури, зимних и летних экипажей, сидка дегтя, сенокосение, прежние запашки овса.

Таким образом, строительство Транссибирской магистрали изменило привычный ход жизни трактового населения. В конце XIX — начале XX в. количество постоянных дворов на территории, примыкавшей к Московско-Сибирскому тракту, стало значительно меньше, чем в прежние годы.

В настоящее время в Архитектурно-этнографическом музее «Тальцы» началось строительство трактовой экспозиционной зоны, которая отразит основные этапы жизни трактовых сел. Одним из главных объектов этого сектора будет постоянный двор.

Дом Усова в музее «Тальцы»

В музее «Тальцы» экспозиция постоянного двора разместится в усадьбе Усова. Центральное место в этом комплексе займет дом хозяина, архитектурная композиция которого, его конструктивное решение и наружное декоративное оформление (наличники с резьбой) являются характерными для трактовых сел Прибайкалья.

Постояльный двор был одним из наиболее знаковых объектов трактового села, поэтому воссоздание полного комплекса его построек позволит не только показать роль постоянных дворов в социально-экономической жизни притрактовых территорий во второй половине XIX — начале XX в., но также поможет рассказать о различных промыслах, сопровождавших извоз: колесном, тележном, бондарном. Экспозиции, посвященные им, планируется разместить на дворе усадьбы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бойко В. П. Роль Московско-Сибирского тракта в хозяйственном и культурном развитии Сибири XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 2 (18). С. 45.
2. Попов И. И. Минувшее и пережитое: Воспоминания за 50 лет. Л., 1924. С. 153–154.
3. Нефедьева А. К., Тихонов В. В. Московский тракт. Иркутск: ГУК АЭМ «Тальцы», 2010. С. 242.
4. Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. М.: Тип. В. В. Ислентьева, 1890. Т. 2, вып. 4: Иркутская губерния. С. 420.
5. Там же. С. 421.
6. Нефедьева А. К., Тихонов В. В. Московский тракт. С. 243.
7. Попов Н. Очерки старой ямщины в Прибайкалье // Жизнь Бурятии. 1925. № 5–6. С. 114.
8. Воспоминания Ларисы Георгиевны Коношановой (1932 г. р.), с. Коношаново, Жигаловский район Иркутской области // Архив Г. В. Афанасьевой-Медведевой.
9. Белобородова Н. М. Из истории заселения Предбайкалья русскими // Омский научный вестник. 2009. Вып. 6 (82). С. 61.
10. Катионов О. Н. Московско-Сибирский тракт и его жители в XVII–XIX вв. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2004. С. 452.
11. Попов Н. Очерки старой ямщины в Прибайкалье. С. 115.
12. Катионов О. Н. Московско-Сибирский тракт и его жители в XVII–XIX вв. С. 453.
13. Попов Н. Очерки старой ямщины в Прибайкалье. С. 114.
14. Турбин С. И. Старожил. Страна изгнания и исчезнувшие люди: Сибирские очерки. СПб., 1872. С. 59.
15. Чехов А. П. Из Сибири // Собр. соч.: в 18 т. М.: Наука, 1987. Т. 14. С. 14.
16. Чукмалдин Н. М. Записки о моей жизни. М., 1902. С. 169–170.
17. Катионов О. Н. Московско-Сибирский тракт и его жители в XVII–XIX вв. С. 425.

В. В. Тихонов

**ПРАКТИКА РЕКОНСТРУКЦИИ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ МУЗЕЯХ
ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ СИБИРИ**

В настоящее время скансенологическая практика в Российской Федерации полностью направлена на сохранение и реконструкцию историко-культурного наследия, относящегося к XIX в. и более раннему времени, в некоторых случаях затрагивая первую четверть XX в. При этом уникальные составляющие историко-культурного наследия советского времени, за исключением мемориальных усадеб, в экспозициях этнографических музейных комплексов под открытым небом страны не представлены. Специалисты в основном считают, что в этом периоде мало интересного и реконструировать его будет возможно в будущем, а сейчас все усилия следует направить на сохранение и реконструкцию объектов историко-культурного наследия досоветского времени.

Исследование этнографической ситуации советского периода в ходе проводимого в Иркутской области полного историко-культурного зонирования ее территории выявило значительный объем материальных носителей культуры, имеющих характерные именно для советского времени элементы-маркеры, отличающие его от предыдущего периода истории страны. Следует заметить, что если выделение основных десяти историко-культурных зон в регионе осуществлялось по этно-географо-экономико-хозяйственным признакам, то материальное историко-культурное наследие советского времени у различных этносов и на разных территориях характеризуется общим для них экономико-хозяйственным признаком.

Наиболее значительное количество объектов, имеющих элементы-маркеры советского времени, связано с колхозным строительством. Создание колхозных дворов происходило путем своза объектов из дворов раскулаченных крестьян, но велось и строительство новых объектов. Так возникала отличающаяся от прошлой новая инфраструктура в виде колхозных хозяйств, включающих значительное количество амбаров, кузниц, ток, МТС, сельпо, школы, дома коммуны, дома культуры, сельсоветы, почты и т. д.

Первая реконструкция этого периода предусмотрена в этнографическом музейном комплексе под открытым небом «Тальцы», где запланировано в верхоленской экспозиционной зоне создать экспозицию «Советская деревня 30–50-х годов XX века».

Аналогичную экспозицию автор также предложил создать в проектируемом на севере Иркутской области в районе БАМа этнографическом музее под открытым небом «Ленская деревня».

Реконструкция советской эпохи в экспозициях музеев под открытым небом не может быть осуществлена без освещения периода Великой Отечественной войны. Отражение этого периода в этнографических музейных комплексах под открытым небом Сибири невозможно через показ недвижимых оригинальных историко-культурных объектов — землянок, окопов, дзотов и т. д., так как на этой территории боевых действий не велось. Тем не менее возможно создание внутридомовых экспозиций, реконструирующих интерьер крестьянского дома того времени, интерьер административных зданий — сельсовета, правления колхоза (совхоза), почты, клуба, сельпо и т. д., а также строительство самостоятельных выставок, посвященных Великой Отечественной войне, из собраний фондов музея.

При этом не исключается реконструкция событий Великой Отечественной войны через недвижимые объекты-экспонаты с постройкой экспозиций в составе этнопарков (музеев, состоящих из новоделов).

К юбилейным датам в Архитектурно-этнографическом музее «Тальцы» с целью дать представление посетителям, как выглядел дом жителя деревни Иркутской области в годы Великой Отечественной войны, в усадьбе крестьянина Серышева постройки второй половины XIX в., наиболее типичной для деревень 20–40-х гг. XX в., сформирована экспозиция «Сибирская семья в военные и послевоенные годы». Дом Серышева — это дом-связь, т. е. дом, состоящий из двух одинаковых объемов, связанных между собой сенями. В хозяйственной половине помещены станок-кросна, еще используемый в это время, швейная ножная машинка, люлька для младенца, солдатская форма в открытом шкафу, телогрейка, тулуп, на стенах и над кроватью фотографии и т. д. В горнице — красный угол, радио (тарелка), грамоты, плакаты периода Великой Отечественной войны, трофейная посуда, гармонь, портреты деятелей партии (Сталина, Калинина и др.), бюст Сталина на этажерке, часы-ходики, зеркало, комод со статуэтками и вазочками и т. п.

Усиливают экспозиционный эффект интерпретаторы в солдатской форме, в хозяйственной части дома обучающие посетителей делать письма-треугольники, а в горнице под гармошку разучивающие песни периода Великой Отечественной войны.

В Архитектурно-этнографическом музее под открытым небом «Тальцы» для отражения периода Великой Отечественной войны в жизни страны используются и выставочные варианты. Во внутренних помещениях зданий, не занятых экспозициями, оборудуются выставочные залы. В этих залах формируются экспозиции, посвященные участникам войны, с использованием экспонатов как представленных самими участниками, так и их родственниками, что позволяет вспомнить и тех участников Великой Отечественной, которые уже ушли из жизни. Выставки формируются из картин, поделок участников Великой Отечественной войны с демонстрацией материалов, освещающих их боевой путь.

Так, в 2015 г. сформирована выставка поделок из корней деревьев, представленных родственниками участника Великой Отечественной войны. Эти поделки в свое время выставлялись в Варшаве, Праге, Братиславе, где воевал герой войны. Представлены карты-подлинники его боевого пути, награды, вещевые книжки и т. д. У молодежи особый интерес вызывает удостоверение героя — командира разведывательно-диверсионного батальона партизанского соединения им. Л. Берии.

Историки утверждают, что имя всесильного наркома партизанским отрядам в годы войны не присуждалось. И это так. Но все-таки одно партизанское соединение носило это имя. Все очень просто. В начале 1945 г. партизанское соединение им. А. Невского, пройдя путь по Украине, Белоруссии, Польше, Чехословакии, последним, уже в Венгрии, соединилось с частями Советской армии. Это было одно из наиболее успешных партизанских соединений. Фактически это был первый советский спецназ, костяк которого составляли бойцы Отдельной мотострелковой бригады особого назначения НКВД. И тогда в феврале 1945 г. кто-то решил сделать подарок всесильному наркому, переименовав соединение и присвоив ему имя Берии. В 1956 г. соединению вернули прежнее имя, тем не менее все это негативно сказалось на судьбах бойцов. Долгое время об этом соединении не принято было упоминать.

Эти события говорят нам о том, что память о героизме солдат и офицеров, участников Великой Отечественной войны не должна зависеть от политической конъюнктуры и в наше демократическое время не может быть забыта ни одна страница истории.

В. В. Тихонов

УЛУС-ЗИМНИК ЗАПАДНЫХ БУРЯТ

Самая многочисленная коренная народность Предбайкалья — западные буряты. По хозяйственно-бытовому укладу, культуре, языку и т. д. они имеют значительные отличия от восточных (забайкальских) бурят. Формирование западнобурятского этноса происходило за счет консолидации на рубеже XVI–XVII вв. местных племен, традиционная культура которых явилась симбиозом культур палеоазиатских племен, монголов, завоевательными походами проходивших по этой территории, и которая в последующем дополнялась культурой как русских, так и других народов, переселившихся в этот край. На период прихода русских первопроходцев в Предбайкалье общая численность населения, в последующем сформировавшего бурятский этнос, составляла около 10 тыс. человек [1]. К концу XIX в. численность бурят в Иркутской губернии достигала 120 тыс. человек [2].

До прихода в Предбайкалье русских основной хозяйственной деятельностью западных бурят было скотоводство. Земледелие и рыболовство (у бурят, живших на побережье оз. Байкал) носили вспомогательный характер.

Кочевое скотоводство основывалось на постоянном кочевании населения от пастбища к пастбищу по кочевому кругу, иногда достигавшему 60 км. В конце XVIII в. постепенно круг кочевания стал уменьшаться и в хозяйственном укладе западных бурят появились стационарные поселения — улусы-зимники, состоящие из утэгов (утэг, утэх, утэк — различная транскрипция одного и того же слова у населения разных местностей), т. е. усадеб, первоначально размещавшихся в плане по гнездовой схеме.

Улусы-зимники вначале формировались родственными группами, таким образом в последующем образуя родовые земли. Основными разноплеменными группами западных бурят были булагаты, эхириты, хондогоры, хоринцы. Все эти группы, в свою очередь, делились на подгруппы.

К концу XIX в. практически все западные буряты перешли на полуоседлый и оседлый образ ведения хозяйства. Круг кочевания к этому времени сократился до 4–10 км, цель кочевания заключалась в перегоне скота из улусов-зимников (зимних пастбищ на утэгах) на летники (летние пастбища). Для улусов-зимников западные буряты выбирали богатые травостоем места — степи, долины рек. Основными животными, разводимыми западными бурятами, были лошади, крупный рогатый скот, овцы. Разводили в небольшом количестве коз и верблюдов. Последних использовали главным образом как вьючных животных.

К приходу в Предбайкалье русских земледелие у западных бурят носило реликтовый характер, перенятый от прежней, домонгольской, более развитой в земледельческом плане цивилизации. Основная потребность в зерновых (просо и гречиха) обеспечивалась за счет обработки небольших наделов земли. К концу XIX в. земледелие наравне со скотоводством и рыболовством стало носить товарный характер. Так, уже в первой половине XIX в. в процесс интенсивного земледелия вовлекается треть балаганских, идинских, аларских и кудинских бурят [3].

Переход на товарное производство продукции происходил более ускоренными темпами у тех бурят, которые жили рядом с русскими поселениями или вблизи транзитных дорог.

Интенсификация товарного производства у западных бурят с начала XIX в. привела к укрупнению улусов-зимников и к переходу их на уличную планировку. В крупных улусах-зимниках уже наблюдался разнородный состав, иногда были и усадьбы представителей иных этносов, чаще всего русских.

Утэги формировались за счет размещения на утугах (зимних огороженных пастбищах) первоначально или деревянных юрт, или, что было чаще, небольших срубных домов по русскому образцу с последующим возведением вокруг них тех или иных, в зависимости от достатка, хозяйственных построек. Первые срубные дома, представлявшие собой объединенное помещение, состоящее из жилого и скотного отделений, отделявшихся друг от друга высоким помостом на жилой части, до настоящего времени почти не сохранились, хотя автор встречал в экспедициях дома, в которых вторая половина дома, отделенная жердевой перегородкой от жилой части, представляла собой помещение для содержания скота. Это дома в утэге (усадьбе) Бутухунова (улус Малые Голы Качугского района), Корнила Бураева и Александра Бураева (улус Загулан Качугского района) (фото 1).

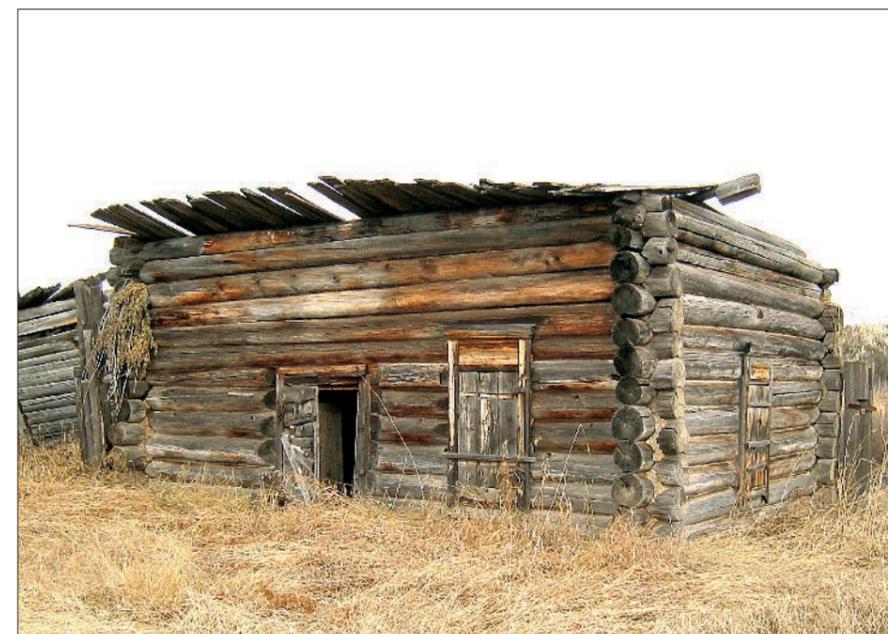

Фото 1. Старый дом Корнила Бураева. Улус Загулан Качугского района

Наиболее часто встречаемой планировочной структурой утэга было размещение домов в глубине чистого двора, за которым располагался утэг со скотными постройками, являвшийся продолжением усадьбы. В чистом дворе помимо домов размещались юрта, амбары и ледник. Домов могло быть несколько. Примером может служить утэг Корнила Бураева (схема 1, фото 2). У тайши Александрова из улуса Шухтулун домов было два, также было две юрты. Наиболее часто встречаемые варианты — когда в чистом дворе стояли старый и новый дома.

К настоящему времени единственный полностью сохранившийся улус-зимник с аутентичной гнездовой планировкой без современной дорожной сети выявлен автором в Качугском районе. Это улус Загулан, состоящий из семи утэгов.

Утэги в улусе Загулан располагаются на расстоянии 300–500 м друг от друга, что позволяет всему скоту свободно пастись и не создает конфликтов между соседями по поводу места выпаса. Значительный объем окружающих

Фото 2. Утэг Корнила Бураева. Улус Загулан Качугского района

Фото 3. Утэг Александра Бураева. Улус Загулан Качугского района

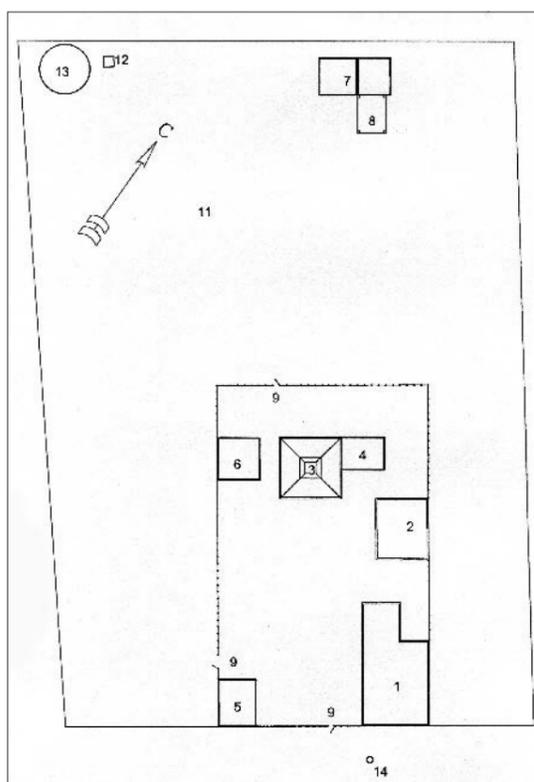

Схема 1. Утэг Корнила Бураева. Улус Загулан Качугского района.
1 — новый дом, 2 — старый дом,
3 — юрта, 4 — навес, 5 — баня,
6 — амбар, 7 — стайки, 8 — навес,
9 — ворота одностворчатые,
10 — чистый двор, 11 — утэг,
12 — овин, 13 — гумно, 14 — коновязь

улус пастбищ исключал необходимость перегона скота на летние пастбища и соответственно необходимость в улусе-летнике и в утугах. В настоящее время улус функционирует только в летнее время как летняя родовая дача. Законсервированная обстановка позволяет рассматривать его с музеологической точки зрения как этнографический музейный комплекс-резерват под открытым небом. Остальные единично встречаемые в Предбайкалье улусы-зимники с гнездовой планировкой уже в той или иной степени затронуты современными новациями и полного представления об улусах-зимниках с гнездовой планировкой не дают.

Из семи утэгов улуса-зимника Загулан для этнографической науки наиболее интересны два. Это наиболее удачный по планировке и комплектке утэг Корнила Бураева и классически характеризующий эволюцию предбайкальских утэгов утэг Александра Бураева.

Утэг Корнила Бураева состоит из старого срубного с двускатной самцовой кровлей дома второй половины XIX в., отапливаемого по-черному, с делением внутреннего объема на отде-

ление для молодого скота на зиму и жилую часть дома. Второй дом построен по городскому типу в начале XX в. В составе утэга имелись четырехстенная юрта и ледник. Строения, последовательно распределенные справа налево по противоположной от ворот стороне: новый дом — старый дом — ледник в углу и примыкающая к леднику со стороны ворот юрта. Баня на противоположной от юрты стороне была поставлена в 50-е гг. XX в.

Второй утэг из улуса Загулан, Александра Бураева, не только представляет полноту инфраструктуры усадьбы западных бурят, но и характеризует последовательность ее развития: деревянная четырехстенная юрта — старый дом — дома сыновей — новый дом (схема 2). Первоначально, примерно в середине XIX в., была поставлена четырехстенная деревянная юрта, в последующее время к ней пристроили срубный дом, сенями соприкасающийся с юртой (фото 3). При этом дальней стеной сеней служила стена юрты. Присоединение сеней дома к юрте происходило посредством укладки бревен стен дома в паз вертикально стоящих бревен, прислоненных к юрте. Дом отапливался по-черному, имел волоковое окно, выходящее на внешнюю сторону утэга. В конце XIX в. на удалении 100 м от основного дома на берегу небольшой речушки ставятся два срубных дома для сыновей (фото 4, 5). Дома с земляным

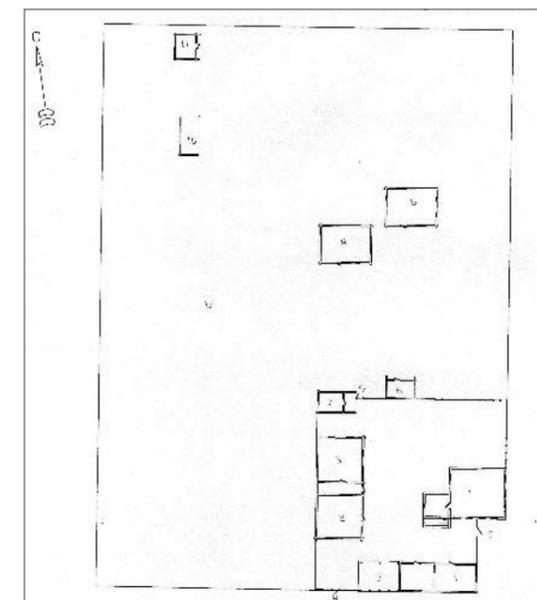

Схема 2. Утэг Александра Бураева. Улус Загулан Качугского района.
1 — новый дом, 2 — юрта, 3 — старый дом
встык к юрте, 4 — амбар,
5 — навес с ледником, 6 — амбар, 7 — баня,
8 — дома с отоплением по-черному,
9 — ворота одностворчатые, 10 — навес,
11 — стайка, 12 — утэг, 13 — коновязь

полом, поделенные на две половины — жилую и скотную, для молодняка, с двускатной кровлей. Дома отапливались по-черному, о чем свидетельствуют волоковые окна. В завершение развития усадьбы в 1924 г. ставится жилой дом по городскому типу с четырехскатной вальмовой крышей (фото 6). В состав утэга также входят четырехстенная большая, с подпирающими кровлю в центре столбами юрта, навесы, амбары двух- и односекционные. Даты постройки объектов хозяйственной инфраструктуры разнятся в пределах начала — второй половины XX в. Дата постройки бани — 40-е гг. XX в. В усадьбе имеется столб-сэргэ с датой установки 60–70-е гг. XX в.

Фото 4. Дом сына Александра Бураева. Улус Загулан Качугского района

Фото 5. Дом второго сына Александра Бураева. Улус Загулан Качугского района

Фото 6. Новый дом (1924 г.) Александра Бураева. Улус Загулан Качугского района

Набор построек у западных бурят в значительной мере определялся характером ведения хозяйства (полностью скотоводческое, скотоводческое, совмещенное с земледельческим и т. д.) и достатком хозяев. В 1819 г. при раскладке податей и повинностей было установлено разделение сельских и улусных жителей «по состоянию на четыре разряда»:

- к первому разряду были отнесены самые богатые, которые имели «изобилие в скотоводстве и хлебопашестве, сверх того занимаются извозом и прочим промыслом: тайши, шуленги, богатые нойоты»;
- ко второму разряду относились «достаточные, которые имеют умеренное скотоводство и земледелие и ни в чем не имеют недостатка: ноёты»;
- к третьему разряду причислялись те, кто «имеют только небольшое количество скота, пашен и сенокосов и пр., необходимые для покрытия нужд»;
- к четвертому разряду причисляли совершенно неимущих, «которые престарелые, неизлечимые в болезнях, малолетние и вместе не имеющие ни родственников, ни состояния: батраки, барлаги».

Различие в состоянии верхних и нижних слоев населения было огромным. Так, если тайша Александров (улус Шутхулун), по устным легендам, владел поголовьем скота от 10 до 19 тыс. голов, то средний западный бурят, по подворной переписи, проведенной в 1895 г. П. Е. Кулаковым, имел ездовых лошадей — 2,38 головы, рабочих лошадей — 1,82 головы, крупного рогатого скота — 10,48 головы. Ольхонские буряты были более зажиточными и имели по 30–40 голов крупного рогатого скота, 50–60 овец и коз, от 3 до 5 лошадей. К бедным бурятам относились безлошадные и те, кто имел 3–5 голов крупного рогатого скота. Последних на рубеже XIX–XX вв. было 17 % [4]. Бедные буряты в качестве жилья имели деревянную юрту, редко небольшой дом, отапливаемый по-черному.

Богатых утэгов в Предбайкалье было немного. Они, как правило, размещались в крупных улусах-зимниках, расположенных вблизи дорожных коммуникаций. Такие утэги были, к примеру, у тайши Александра в улусе Шутхулун. Особой масштабностью отличался утэг тайши И. И. Пирожкова в улусе Бохан.

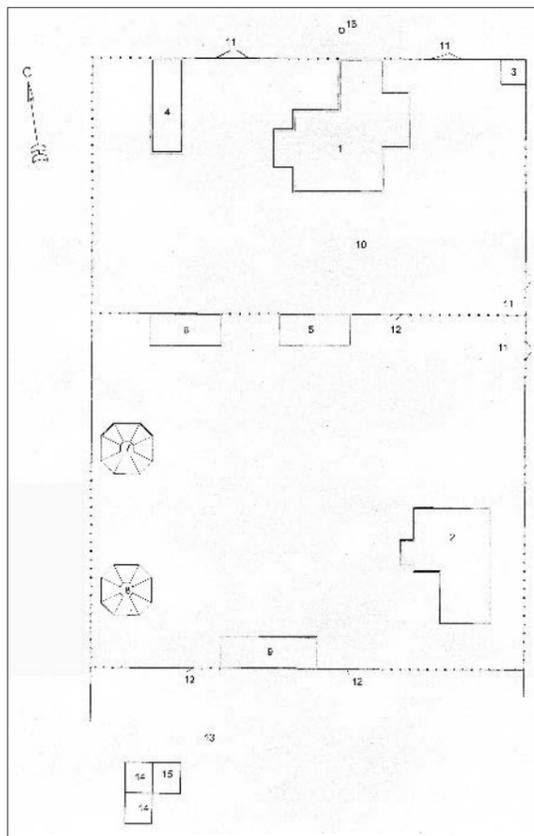

Схема 3. Утэг тайши Александра. Улус Шутхулун. 1 — основной дом, 2 — второй дом, 3 — баня, 4 — амбар, 5 — амбары, 6 — амбар, 7 — юрта, 8 — юрта, 9 — конюшня, 10 — чистый двор, 11 — ворота двустворчатые, 12 — ворота одностворчатые, 13 — утэг, 14 — стайка, 15 — навес, 16 — коновязь

Фото 7. Второй дом тайши Александра. Улус Шутхулун

Утэг тайши Александра состоял из двух домов городского типа, бани, конюшни, амбаров и двух больших восьмистенных юрт и по своей сути отражал типичное зажиточное хозяйство предбайкальских бурят, которое характеризовалось уже товарным производством (в основном скота) с небольшим объемом сельскохозяйственного производства (схема 3). Большие деревянные одноэтажные дома оформлялись барочной объемной и пропиленной резьбой. Внутренние объемы помещений имели оструганные стены, а в некоторых помещениях стены оклеивались обоями. Под обоями в качестве основы использовались газеты второй половины XIX в. Основной дом, хозяйский, строился в 1887 г. Внешнее оформление дома выполняли наемные рабочие — польские ссыльные.

Второй дом, поменьше, с отделкой фасадов аналогично первому, также городского типа, в основном предназначался для размещения многочисленных родственников, гостей и прислуги (фото 7).

Амбары в утэге были двухъярусные четырехкамерные и одноярусные двухкамерные. Восьмистенные большие юрты с подпорными по центру столбами строились из бревен, отесанных изнутри. Внутри юрт была встро-

Фото 8. Интерьер юрты. Улус Зун-Булак Эхирит-Булагатского района

Фото 9. Интерьер юрты. Улус Олой Эхирит-Булагатского района

енная мебель, по всей видимости, более позднего времени — начала XX в., а также имелись ширмы, все покрыто краской под дерево (фото 8, 9).

Кровля юрт покрывалась галтельной доской.

Наиболее богатым тайшой в Предбайкалье был И. И. Пирожков. Он имел городского типа двухэтажный дом, сохранившийся до настоящего времени в центре теперь уже районного центра пос. Бохан. По данным информаторов, при доме был двухэтажный флигель для прислуги, в наши дни используемый под квартиры. Вся остальная инфраструктура утэга не сохранилась.

Своеобразный набор построек, отражающий уклад западных бурят среднего достатка рубежа XIX–XX вв., наблюдается в утэге шамана Степанова (схема 4). Это, во-первых, жилой рубленый дом городского типа под четырехскатной вальмовой кровлей, пятистенный, поделенный Г-образной стеной на сени и теплую жилую часть. В составе утэга были также рубленый дом — зимовье для членов семьи с двускатной кровлей, навес с ледником, выполненный из жердей и примыкающий к основному дому со стороны сеней. В утэге размещался и скотный двор с Г-образным навесом для скота. В скотном дворе имелись стайки для телят, кошары для овец, открытый навес с загонem для крупного рогатого скота и отдельно огороженный поскотиной участок огорода для выращивания табака. Этот утэг не имел юрты.

Характеристику развития в Предбайкалье утэгов можно также рассмотреть и на примере утэга Янхоева в улусе Магдан Качугского района (схема 5). В утэге сохранились два архаичных срубных дома, один се-

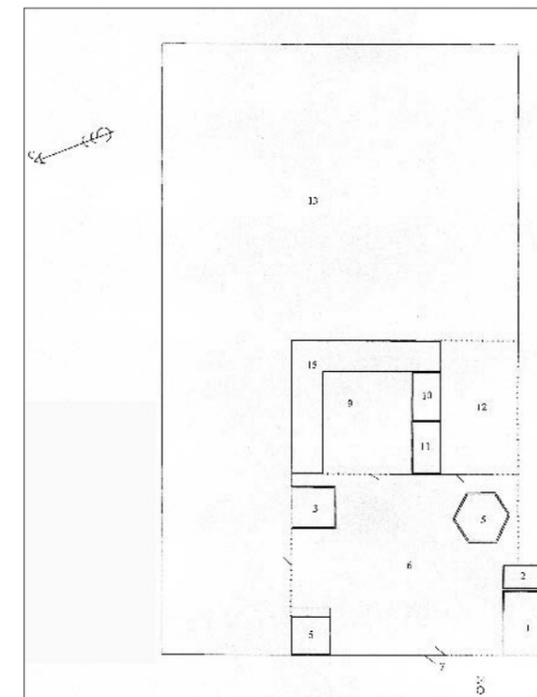

Схема 4. Утэг Степанова. Улус Баянгазуй. 1 — новый дом, 2 — ледник, 3 — старый дом, 4 — скотный двор, 5 — амбар, 6 — участок для табака, 7 — стайка для овец, 8 — навес для телят, 9 — утэг

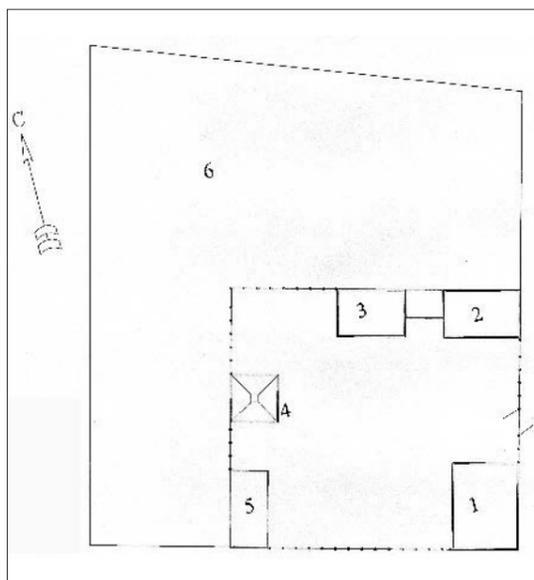

Схема 5. Утэг Янхоева. Улус Магдан.
1 — новый дом, 2 — старый дом, 3 — амбар, 4 — юрта, 5 — стайка, 6 — утуг

редины XIX в., по всей видимости, ставший основой утэга, второй, также рубленный, датируется концом XIX в. (фото 10). Дома поставлены рядом друг с другом и соединены между собой дощатым навесом. Дома с волоковыми окнами, выходившими наружу утэга, отапливались по-черному. Пол в обоих домах земляной. Небольшие окна в домах выходили только во двор. Стоящий посередине утэга новый дом по городскому типу построен уже в 40-е гг. XX в. В составе утэга по периметру идут деревянный двухкамерный амбар и большая четырехстенная юрта из круглых бревен с опорными столбами в центре (фото 11). Пол в юрте также земляной.

Фото 10. Два старых дома в утэге Янхоева. Улус Магдан Качугского района

Делая выводы по результатам экспедиционных исследований, автор предлагает разделить утэги Предбайкалья по их планировке на четыре основных характерных типа.

Первый тип. Один из домов размещается у дороги, второй — в глубине усадьбы напротив первого дома. хозяйственные постройки — юрта, навесы, амбары — стоят по периметру задней линии, формируя вместе с домами двор. За двором начинается утуг прямоугольной, иногда Г-образной формы. На нем устраивались стайки (схема расположения усадебных построек первого типа выполнена по усадьбе Янхоева).

Фото 11. Остатки большой четырехстенной юрты в утэге Янхоева. Улус Магдан Качугского района

Второй тип. Амбары с навесом выходят на улицу, стоят на одной линии с воротами. Два дома поставлены в глубине двора напротив амбаров. Между домами — юрта, двор огорожен жердевой оградой, за которой находится утуг, на нем стояли стайки — хотоны. По такому типу поставлена усадьба Бичиханова.

Третий тип. Оба дома выходят на улицу, амбары и другие хозяйственные постройки — по периметру задней линии, двор огорожен заплотом. Скотный двор находится на утуге, занимающем несколько гектаров (усадьба Александрова, улус Шутхулун Качугского района, улус Хиней) (фото 12).

Фото 12. Утэг в улусе Хиней

К четвертому типу можно отнести утэг Степанова из улуса Баянгазуй. В утэге отсутствует юрта, а стайки с загонами вошли в состав двора по линии ворот, как в рядом расположенных русских поселениях. В составе двора — утэга — огорожена покотиной аграрная часть — огород для выращивания табака.

В ходе экспедиционных исследований встречались и другие планировки усадеб, при этом основным принципом формирования усадьбы начала — первой половины XX в. является наличие старого и нового домов и юрты.

По схематичным планам, составленным в экспедициях, видно, что расстановка усадебных построек постоянно варьируется, неизменное место посреди утуга занимают только стойки для скота.

В местах, где селения русских соприкасались с бурятскими, стойки с загонами вошли в состав двора (утуг Степанова в улусе Баянгазуй). Особенностью домостроения у западных бурят (еще такой феномен можно наблюдать у некоторых алтайских народностей) стали деревянные срубные юрты. По количеству стен юрты делятся на четырех-, шести- и восьмистенные. В практике хозяйственной деятельности западных бурят в настоящее время довольно часто можно встретить четырех- и восьмистенные юрты. Шестистенную юрту, а именно этот тип юрт считается наиболее архаичным, их встречали в качестве жилья у западных бурят первые пришедшие в Предбайкалье русские, автор в ходе многочисленных экспедиционных исследований встретил только один раз — в улусе Большой Улун.

Восьми- и четырехстенные юрты встречаются различной конструкции и отличаются наличием или отсутствием поддерживающих кровлю столбов или иных элементов, таких как балко-стропильная и шатровая (фото 13, 14); материалом стен (бревна, полубревна, пятигранные плахи) (фото 15); характером стропильной системы кровли; материалом кровли (кора и дерн, дранье, галтельные доски) (фото 16); наличием или отсутствием в стенах окон; земляным или дощатым полом; прирубам к юрте сеней, кладовок, крылец и т. д.; размерами юрт.

На особенности размещения утэгов и их обустройства определенное влияние оказывали шаманистические верования западных бурят. Так, если в утэге, особенно в доме, случался пожар, то это значило, что духи гневаются и место, выбранное под утэг, неудачное, что означает необходимость переноса утэга на новое место. В качестве такого примера можно взять утэг Харнутовых

Фото 13. Балко-стропильная конструкция, поддерживающая кровлю. Улус Баянгазуй

Фото 14. Шатровая конструкция, поддерживающая кровлю. Этнографический музей народов Забайкалья «Верхняя Берёзовка», г. Улан-Удэ

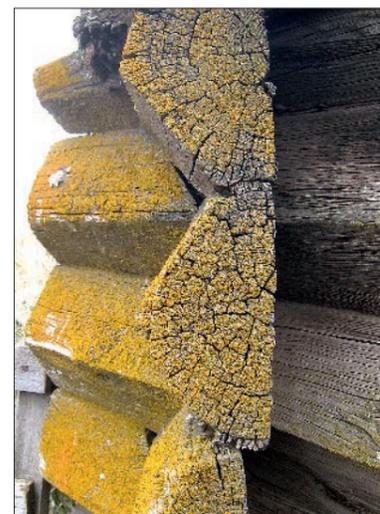

Фото 15. Так называемые трехгранные бревна в конструкции стен дома

Фото 16. Трехслойное покрытие крыши юрты: жерди — кора — дерн. Сверху два слоя досок

(о. Ольхон, улус Халгай). В 1898 г. после пожара в доме утэг перенесли из улуса Халгай в улус Будун (в настоящее время после укрупнения деревень в 1961 г. оба улуса носят общее название Халгай), где дом собрали со следами пожара на внешней стороне стен. Еще одна особенность утэгов, связанная с религиозными воззрениями бурят, зафиксирована автором в экспедициях — это размещение онгона (изображение духа), высушенной головы быка как символа плодородия скота, вверху на торце двухъярусного амбара (фото 17).

Значительное влияние на комплектовку утэгов оказали в 30-е гг. коллективизация и в начале 60-х гг. XX в. постановление об укрупнении хозяйств.

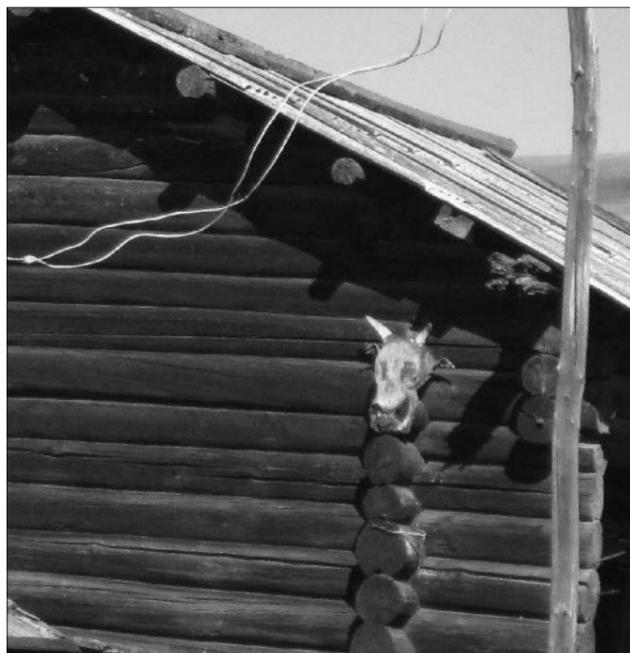

Фото 17. Онгон — голова быка на амбаре. Улус Баянгазуй

В 30-е гг. XX в. — в период коллективизации — практически перестали существовать улусы-летники. Их постройки частично перенесли в состав колхозных дворов, частично растащили по родовым утэгам. Поэтому сегодня в связи с давностью событий и отсутствием их свидетелей очень сложно определить, какие изменения в состав инфраструктуры утэга были привнесены в 30-е и 60-е гг. XX в.

Сохранение и музеефикация основного материального наследия западных бурят, каковым являются утэги, позволяет обеспечить культурную безопасность этноса. В настоящее время в Иркутской области музеефицированными по транслоцированному типу являются четыре утэга: один в составе Государственного национального музея Усть-Ордынского Бурятского автономного округа, еще один в составе Баяндаевского этнографического музея под открытым небом и два утэга в составе этнографического музея народов Забайкалья «Верхняя Берёзовка» (г. Улан-Удэ) (фото 18, 19). Объекты двух утэгов — основной дом тайши Александрова (из улуса Шутхулун) и дом и зимовье из утэга Степанова [5] — вывезены в Архитектурно-этнографический музей «Тальцы» для комплектования экспозиции будущего улуса-зимника. Такой объем музеефикации недостаточен для сохранения истинных элементов традиционной культуры западных бурят. Практика музейного дела показывает, что основной составляющей сохранения традиционной культуры любого этноса являются ее материальные носители. Для западных бурят это улусы-зимники и их составляющие — утэги, которые дают объемное и полноценное представление о жизни этноса. В качестве образца музеефикации объектов малых поселений можно взять Скандинавские страны, где только в одной Швеции музеев такого типа около 1 100 и основная часть их представлена музеефикацией отдельных усадеб. В поселках, состоящих из 5–10 дворов, одна из усадеб является локальным (усадебным) музеем под открытым небом, обслуживаемым на волонтерских началах.

Фото 18. Часть утэга — четырехстенная юрта. Этнографический музей народов Забайкалья «Верхняя Берёзовка», г. Улан-Удэ

Фото 19. Интерьер четырехстенной юрты. Этнографический музей народов Забайкалья «Верхняя Берёзовка», г. Улан-Удэ

В Иркутской области для сохранения традиционной культуры западнобурятского этноса такой вариант применим. Для его реализации необходимы политическая воля местной администрации и, конечно, без чего невозможно обойтись в таком деле, это искреннее участие населения в сохранении своих исторических корней.

ПРИМЕЧАНИЯ

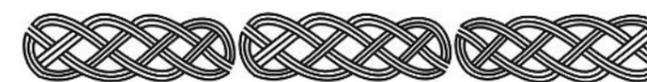
1. Залкинд Е. М. Присоединение бурят к России. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. 318 с.
2. Подгорбунский И. А. Буряты: (исторический очерк) // Прибавления к «Иркутским епархиальным ведомостям». 1902. № 13–14. С. 283.
3. Бураева О. В. Земледелие // Буряты. М.: Академкнига, 2004. С. 123.
4. Жамбаева С. Г. Скотоводство // Буряты. М.: Академкнига, 2004. С. 97.
5. Тихонов В. В. Улус-зимник бурят Предбайкалья в конце XIX — начале XX в.: Тематико-экспозиционный план. Иркутск, 2010 // Архив АЭМ «Тальцы». Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. № 537. Л. 4.

МУЗЕОЛОГИЯ

В. В. Тихонов

**ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ СКАНСЕНОЛОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Скансенологическое направление (создание и эксплуатация этнографических музеев под открытым небом) в музеологии берет свое начало в конце XVIII в., когда впервые была высказана идея о создании музейных этнографических комплексов под открытым небом на основе реальных историко-этнографических объектов. Только почти через столетие эта идея была воплощена в первом этнографическом музее под открытым небом Скансене (Швеция) в 1891 г. С момента создания Скансена вначале в Европе, а потом и по всему миру стали создавать аналогичные комплексы под открытым небом, по большей части копирующие по технологии создания и принципу построения экспозиционного пространства родоначальника данного направления в музеологии — Скансен.

Советское (российское) направление в скансенологии пошло по своему пути, хотя первоначально был опыт строительства экспозиций по типу Скансена с использованием такой новации, как включение в структуру экспозиций аниматоров (ремесленников) в народной одежде, рекламирующих народные промыслы. Здесь мы обогнали Скансен, так как на то время (20-е гг. XX в.) в зарубежных музеях под открытым небом в экспозициях практиковались ростовые фигуры, а аниматоры стали работать намного позже. Такая экспозиция в Советском Союзе, к сожалению временная, была создана в 1923 г. для Первой сельскохозяйственной ярмарки и состояла из новоделных копий крестьянских усадеб, соответствующих усадьбам из девяти центральных губерний европейской части СССР, где в домах был создан интерьер того времени [1]. Такой уровень аутентичности (достоверности) экспозиционной обстановки и вместе с тем ее оживления аниматорами в советских (российских) этнографических современных музеях под открытым небом отсутствует на сегодня. Да и в количественном отношении по такому типу музеев на сегодняшний день Российская Федерация катастрофически отстала от всего мира при таком соотношении числа музеев данного профиля: 25 — в Российской Федерации, 4 тыс. — в мире и более 2 тыс. — в Европе [2]. Отход в советской музеологии в послереволюционное время от этнографических экспозиций к краеведческим произошел по политическим мотивам. Крестьянские усадьбы, особенно богатых единоличников (кулаков), а именно они строили дома с вычурной архитектурой, богато украшенные резьбой, деревянные культовые объекты и т. д., входили в противоречие с нарождающимся колхозным строем, и поэтому в культурном строительстве

советского периода предпочтение было отдано историко-краеведческим музеям, где были представлены в основном первобытнообщинный строй, героическое революционное прошлое и последующая история страны. Этнографическая экспозиция, построенная на Первой сельхозвыставке в 1923 г., проработала только год и затем была разобрана.

В первых этнографических музеях под открытым небом Советского Союза, как и в мире на то время, в основном доминировал коллекционный подход при строительстве экспозиционного пространства с архитектурным уклоном. С разных мест с целью спасения уникального деревянного зодчества его вывозили в одно место под названием «музей» и ставили в эффектный видовой ряд. В 30-е гг. XX в. появилось даже предложение и прорабатывалась концепция о создании под Москвой на площади 200 га Музея архитектуры народов СССР [3], куда в район Коломенского предполагалось со всего Советского Союза свезти уникальные образцы деревянного зодчества и опять же по коллекционному принципу построить архитектурную экспозицию. До 80–90-х гг. XX в. коллекционный принцип построения экспозиций в этнографических музеях под открытым небом, формируемых по принципу транслоцирования, был основным. Этнографическая составляющая в экспозиционном пространстве в этнографических музеях под открытым небом в СССР стала появляться с середины 50-х гг. XX в., когда в период хрущевской оттепели было продекларировано, что в СССР начнется строительство около 40 музеев под открытым небом — деревянного зодчества, народного быта, народной культуры и т. д. [4]. Реально из этих планов в практическом воплощении оказалось не более девяти музеев данного типа. С 50-х гг. XX в. в Советском Союзе, а затем и в Российской Федерации в связи со значительным увеличением этнографической составляющей музей под открытым небом получили довольно широко распространенное название архитектурно-этнографических. Это было связано с тем, что основными идеологами создания такого типа музеев были в то время не музейщики и этнографы, а архитекторы. За рубежом данный тип музеев, независимо от доминирующей составляющей, именовался одним термином — этнографический. Ведь народная архитектура является составной частью более объемного направления этнографии.

В 50–60-е гг. XX в. в обиходе не только в СССР, но и в некоторых других странах, в основном соцлагеря, практически все этнографические музеи под открытым небом стали именовать скансенами. У некоторых обывателей такой подход встречается до настоящего времени. В научном плане это неправильно, так как музейный комплекс «скансен» — один из множества разнообразных, как по технологии создания (резерват, транслокационный тип, этнопарк), так и по принципу формирования экспозиционной инфраструктуры (коллекционный или этнографический подход), этнографических музеев под открытым небом. Поэтому характеризовать данным термином все музейное разнообразие этнографических музеев под открытым небом, не вдаваясь в вышеперечисленные детали, является ненаучным подходом [5].

Только во второй четверти XX в. произошел качественный скачок в российской скансенологии, т. е. обозначился переход в построении экспозиционного пространства от коллекционного (показа одиночных объектов, оторванных от исторической среды) к этнографическому принципу, т. е. к фрагментарному или полному аутентичному отражению исторической среды музеефицируемой территории, формируемой с применением научных подходов с научным обоснованием содержания экспозиционного пространства, каковым сегодня является

историко-культурное зонирование музеефицируемой территории, проводимое по этно-географо-экономико-хозяйственным признакам с выделением среди них этномаркирующих признаков (т. е. разноотличительных составляющих в материальных носителях культуры у этносов и этнических групп), которые при построении современного экспозиционного пространства берутся за основу формируемых экспозиций. В данной работе мы рассматриваем только этнографические музейные комплексы под открытым небом, формируемые по технологии транслоцирования (переноса объектов-оригиналов в одно новое место) или этнопарков (полностью новодельных экспозиций). Музеи под открытым небом, где технологией формирования экспозиционного пространства является резервационный тип (сохранение исторической среды на историческом месте), в обсуждение не включаются, так как при построении их экспозиционного пространства применяются совсем другие подходы.

Практика построения экспозиционного пространства советского (российского) периода, наблюдаемая в настоящее время, основывается на постепенном строительстве экспозиций в зависимости от объемов финансовых поступлений, проработки научного материала, достаточного в качестве основы для строительства той или иной экспозиции. Наличие на первом этапе научно проработанной концепции всего музея с распределением экспозиций на основе укрупненного историко-культурного зонирования по площади с возможной привязкой к приближенному историко-культурному ландшафту (лес, степь, река и т. д.), уже в последующем при строительстве экспозиций более детальная проработка каждой в отдельности строящейся экспозиции позволяет построить экспозиционную инфраструктуру на современной научной основе, без последующих переделок. Для этого должна соблюдаться последовательность в создании экспозиций — общая концепция, историческая справка, сформированная на основе детального историко-культурного зонирования, план детальной планировки и в завершение вышеперечисленных работ экспозиционное строительство [6]. Следует обратить внимание на то, что встречаются случаи, когда современные исследователи при составлении исторических справок (независимо от объема экспозиционного пространства) основные информационные доминанты, необходимые для последующего строительства экспозиционного пространства, затушевывают в массе неосновного информационного материала (который потребуется в последующем в процессе проведения экскурсии по готовым экспозициям), не понимая, что историческая справка — это не экскурсионная справка. Тем самым создается проблема для смежных специалистов, в частности, работающих над проектированием выделения основных этномаркирующих составляющих в строящемся экспозиционном пространстве.

Применение метода историко-культурного зонирования, в особенности детального, стало в основном спецификой скансенологической практики в Российской Федерации, связанной с необходимостью построения экспозиционного пространства современных этнографических музеев регионального, муниципального, а возможно, и общегосударственного уровня на территориях с полиэтничным составом населения, обеспечивающим многообразие дошедшего до нашего времени историко-культурного наследия. Гигантская территория страны, в том числе регионов Российской Федерации, сопоставимая с территориями некоторых европейских стран, в скансенологической практике РФ позволяет сформировать в целях систематизации классификационные ряды этнографических музеев под открытым небом по объему экспозиционного пространства формируемого музея в зависимости от масштабности музеефицируемой территории. Так, подход к

формированию экспозиционного пространства в зависимости от масштабности музеефицируемой территории для общегосударственных европейских этнографических музеев под открытым небом, музеефицирующих территорию всего государства, для Российской Федерации сопоставим с подходом при создании экспозиционного пространства в региональных музеях этого типа (общегосударственного музейного комплекса рассматриваемого типа в Российской Федерации до сих пор так и не создали). Такое сопоставление объясняется необходимостью отражения всего историко-культурного потенциала музеефицируемой территории, зачастую по масштабности, повторимся, сопоставимой с территориями многих зарубежных государств, что обусловлено наличием на ней значительного объема резкочуждого историко-культурного наследия в материальных носителях культуры. Это объясняется тем, что на некоторых территориях Российской Федерации дошедший до нашего времени историко-культурный потенциал, формировавшийся в результате постоянных миграций различных этнических групп населения, оказался значительно разнообразней историко-культурного потенциала материальных носителей культуры некоторых малых европейских стран. К примеру, знаменитый Скansen, музей общегосударственного масштаба, отражает на территории 30 га историко-культурный потенциал четырех провинций Швеции, включая объекты из поселений Скунса, Лапландии, Даллерия, Харьедаллеа, Далекардена, Хальянда, Хальсингальда, Накса, Вестерготланда, Стокгольма и объекты с приграничных территорий соседних государств, Норвегии и Финляндии. Весь этот историко-культурный потенциал, сформированный по коллекционному принципу на основе укрупненного историко-культурного зонирования, распределен по девяти экспозиционным зонам. В сравнении со Скansenом современные российские этнографические музеи под открытым небом, такие как «Малые Карелы» (Архангельск), музей «Тальцы» (Иркутск), имеют в своем экспозиционном пространстве соответственно четыре и десять экспозиционных зон (а по количеству экспозиционных объектов сопоставимы со Скansenом) с экспозиционным пространством, сформированным по этнографическому принципу, позволяющему как создавать фрагментарные экспозиции (для больших объемных поселений, волостных, трактовых сел и т. д.), так и полностью переносить в экспозиционное пространство инфраструктуру малых поселений (деревни-малодворки, заимки, охотничье-промысловые станы, погосты, каскады мельниц и т. д.) и за счет аутентичной реконструкции создать в экспозициях историко-культурную среду, при этом используя и уникальные, и средовые объекты и оригиналы, а при необходимости воссоздавать утраченные объекты для полноценного отражения историко-культурной среды. К сожалению, не во всех современных музеях под открытым небом нашей страны экспозиционное пространство формируется по принципу неповторимости объектов, как по архитектуре, так и по их функциональному предназначению. Повторяемость однотипных по содержанию и архитектуре объектов (зданий, культовых сооружений и т. д.) снижает в процессе экскурсионного осмотра интерес к получаемой информации.

Еще одним требованием сегодняшнего дня при построении общего экспозиционного пространства является отсутствие видимости для экскурсантов неэкспонированных объектов, отвлекающих их внимание. Необходима также стилизация под народное зодчество объектов непосредственного обслуживания туристического потока на пути экскурсионного маршрута (туалетов, кафе, информационных указателей и т. д.). Немаловажное значение при прохождении туристами по экспозициям имеет стилизация и создание всепогодности пешеходных

дорог, что позволяет не снижать значительно туристический поток в межсезонье и дождливую погоду. При создании экспозиций из объектов деревянного зодчества при реставрации или создании объектов за счет полного нововдела строители часто применяют современные, нетрадиционные материалы, а также применяют нетрадиционные способы обработки древесины, вследствие чего на бревнах остаются запылы бензопилы, «зебры» от электрорубанка, что видно не только специалисту, но и обыкновенному посетителю. Это не создает обстановку аутентичности в экспозициях.

Спецификой скансенологической практики СССР и в последующем Российской Федерации, связанной с постоянной нехваткой средств на реставрацию, является складирование, иногда на долгие годы, конструктивных элементов деревянных строений в штабеля, в лучшем случае с устройством над ними непромокаемой кровли. При таком хранении конструктивный материал иногда уже через три-пять лет приходит в полную негодность. Он гниет, деформируется на изгиб, в итоге становится непригодным для реставрационных работ. В последние годы в скансенологической практике Российской Федерации в целях создания потенциала для формирования экспозиций за счет строений-оригиналов производится их вывозка на специально отведенные площадки и хранение материала оригинала в виде временной сборки с покрытием объекта непромокаемой временной кровлей. Часто такие объекты во временной сборке эксплуатируются по временной схеме как выставочные залы, кафе, интерактивные мастерские и т. д. При реставрационных работах в целях продления срока службы конструктивных элементов объектов, в которых в основе конструктивного материала применяется дерево, еще с 70-х гг. XX в. стали для защиты деревянных элементов применять химические средства защиты, уничтожающие процесс гниения древесины. Первоначально применяли химическое вещество пентахлорфенолят натрия. В последующем практика показала, что данное вещество, уничтожая гнилостные бактерии, в то же время интенсивно разрушает структуру древесины. К тому же это вещество — сильный канцероген. От применения этого вещества в 90-е гг. XX в. отказались, тем не менее в современных условиях при реставрации деревянных конструкций различные фирмы навязывают другие так называемые антисептики. Аналогичное разрушающее действие на деревянные конструкции оказывают различного рода средства противопожарной обработки. По существующей в РФ законодательной базе нанесение ущерба (вреда) оригиналам (памятникам историко-культурного наследия) преследуется по закону. Применение различного рода химических обработок в целях исключения нанесения вреда объектам-памятникам необходимо согласовывать с органами охраны памятников истории и культуры, которые есть в каждом субъекте РФ, и получить письменное разрешение на применение того или иного препарата. Вместе с тем народная практика показывает, что самый лучший вариант продления срока жизни деревянных конструкций — это защита их от влаги и создание условий для их постоянного проветривания.

Формирование общей экспозиционной инфраструктуры музея происходит посредством распределения по территории общей экспозиции музея экспозиционных зон согласно логике ведения экскурсионного хода, а при выборе ландшафта под некоторые экспозиции для создания достоверности исторической обстановки производится подбор или искусственное создание исторического ландшафта (степь, берега реки, лес и т. д.), в пределах которого формировались как поселения, так и отдельные объекты. При переходе от одной экспозиционной зоны к другой экспозиции разделяются зелеными кулисами, желательным в варианте круглогодичной зелени (ели, сосны и т. д.).

В практике зарубежных музеев данного профиля широко используется анимация в виде живых персонажей, одетых в народную одежду, которые имитируют определенную хозяйственную деятельность или вовлекают посетителей в интерактивные игры. Конечно, это применимо и в российских музеях этнографического профиля, хотя и не во всех. При существующем законодательстве в РФ есть определенные запреты, которых нет в зарубежных музеях (продажа или включение в услугу спиртных напитков, разжигания открытого огня в каминах и печах домов и т. д.). В некоторых скансенологических музеях есть, к примеру, пекарни, где пекут хлеб и продают посетителям, при этом хлеб берется вместе с деньгами теми же руками! К сожалению, живые экспозиции требуют дополнительных штатов, а значит, и дополнительных средств, и это при том, что в большинстве российских этнографических музеях под открытым небом экспозиционная инфраструктура сформирована едва ли на 50 %, а в некоторых и того меньше. А недостаток штатных единиц чувствуется практически во всех музеях. В этом случае следует помнить о первоначальном опыте Скансена — ростовых фигурах. Некоторые музеи России этот опыт уже довольно успешно применяют.

В современной практике российских этнографических музеев под открытым небом широко применяется сувенирная торговля в экспозиционной части территории музея, на пути движения экскурсионного потока, что отвлекает посетителя при проведении экскурсионного процесса. Для сувенирной торговли возможно использование свободных пространств не в экспозициях, к примеру, в выставочных залах, либо нужно создавать специальные торговые площадки на въездной зоне музея, где сувенирная торговля, ко всему прочему, не отвлекает туристов во время проведения экскурсии. Практика показывает, что размещение в экспозициях стилизованных точек питания привлекает в музей 20 % турпотока, при этом увеличивается число видов обслуживания туристов. На имидж музея влияет объем представленной в музее сувенирной продукции с символикой музея, а также полиграфическая продукция о музее, включая научную литературу. Первое впечатление от музея турист получает от въездной зоны. Здесь тоже должны быть сосредоточены объекты только для обслуживания туристического потока, и эти объекты желательно стилизовать под тематику музея, не копируя имеющиеся в музее экспонируемые объекты [7].

В целом можно констатировать, что современная скансенологическая практика Российской Федерации показывает, что пока достаточно много экспозиций в этнографических музеях под открытым небом строится по принципу хаотичного подбора экспонатов, совершенно научно не обоснованно и определяется импульсивным желанием создателей экспозиций, а научный метод построения экспозиционного пространства, каковым является историко-культурное зонирование, внедряется в скансенологическую практику Российской Федерации с большим трудом. В помощь как создателям новых, так и формирующим свою экспозиционную инфраструктуру существующих этнографических музеев под открытым небом методический центр Сибири и Дальнего Востока по проблемам развития музеев под открытым небом выпустил в 2013 г. «Методические рекомендации по формированию и развитию этнографических музеев под открытым небом» [8].

Научное обоснование, а не волюнтаристское формирование экспозиционного пространства этнографических музеев под открытым небом позволяет обеспечить устойчивый туристический поток в музей, беспрепятственное существование музея без дополнительных переделок и значительных дополнительных

затрат, при этом адекватно и полноценно отражать в своих экспозициях историко-культурную среду этой территории, обеспечивая на будущее культурную безопасность этносов и этнических групп за счет сохранения и интерпретации на научной основе материальных носителей народной культуры населения музейфицируемой территории. А чтобы окончательно российская скансенология при построении экспозиционного пространства перешла на качественно новый научный уровень — от коллекционного подхода к этнографическому — при подборе специалистов, создающих экспозиционную инфраструктуру, необходимо обеспечить доминирование этнографов-музееведов и привлечение на отдельные направления экспозиционного строительства иных специалистов, включая архитекторов, проектировщиков, историков и т. д.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гнедовский Б. В. Методические рекомендации для подготовки предпроектной документации и проектирования музеев под открытым небом. Ч. 1: История создания и общая методика. М.: Изд-во ПИРПИ и К «Спецпроектреставрация», 1989. С. 18.
2. Чайковский Е. Музеям под открытым небом — 100 лет // На пути к музею XXI века. Музеи-заповедники. М., 1991. С. 13.
3. Тихонов В. В. К вопросу о создании в Коломенском историко-этнографического музея России // Тальцы. 1999. № 2 (6). С. 52.
4. Тихонов В. В. Анализ методической базы музеев под открытым небом России. Иркутск: Изд-во КП «Макаров С. Е.», 2003. С. 22.
5. Тихонов В. В. К вопросу актуальности дальнейшего развития скансенологического направления в музеологии // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 3 (23). С. 201.
6. Тихонов В. В. Методические рекомендации по формированию и развитию этнографических музеев под открытым небом. Иркутск: Репроцентр А1, 2013. С. 20–35.
7. Тихонов В. В. Вопросы формирования въездной зоны Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» // Археология Южной Сибири. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. С. 143–145.
8. Тихонов В. В. Методические рекомендации по формированию и развитию этнографических музеев под открытым небом. Иркутск: Репроцентр А1, 2013. 80 с.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЭМ	– архитектурно-этнографический музей
БАМ	– Байкало-Амурская магистраль
ВСОИРГО	– Восточно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества
ГАИО	– Государственный архив Иркутской области
ГУК АЭМ «Тальцы»	– государственное учреждение культуры Архитектурно-этнографический музей «Тальцы»
ГЭС	– гидроэлектростанция
ДАИ	– Дополнения к Актам историческим
ИЕВ	– Иркутские епархиальные ведомости
ИОГАУК АЭМ «Тальцы»	– Иркутское областное государственное автономное учреждение культуры Архитектурно-этнографический музей «Тальцы»
ИРГО	– Императорское Русское географическое общество
МВД	– Министерство внутренних дел
МПС	– Министерство путей сообщения
МТС	– машинно-тракторная станция
НБ ИГУ	– Научная библиотека Иркутского государственного университета
НГПУ	– Новосибирский государственный педагогический университет
НКВД	– Народный комиссариат внутренних дел
ПСЗРИ	– Полное собрание законов Российской империи
РАН	– Российская академия наук
РГАДА	– Российский государственный архив древних актов
РГИА	– Российский государственный исторический архив
РГНФ	– Российский гуманитарный научный фонд
РГО	– Русское географическое общество

РСФСР

РФ
СОИРГО

СО РАН

СССР
ЧОПИРГО

- Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
- Российская Федерация
- Сибирский отдел Императорского Русского географического общества
- Сибирское отделение Российской академии наук
- Союз Советских Социалистических Республик
- Читинское отделение Приамурского отдела Императорского Русского географического общества

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Агапитова Римма Валентиновна — главный научный сотрудник Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» (г. Иркутск). E-mail: agapitovarimma@mail.ru

Гузенков Сергей Васильевич — кандидат исторических наук (г. Иркутск).

Зиброва Анастасия Владимировна — старший научный сотрудник Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» (г. Иркутск). E-mail: zibrova_talci@mail.ru

Исаев Андрей Юрьевич — историк, археолог, краевед (г. Иркутск). E-mail: isaev65@rambler.ru

Калинина Ирина Васильевна — архитектор, старший научный сотрудник Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» (г. Иркутск). E-mail: kairina-v@mail.ru

Колганова Елена Юрьевна — кандидат культурологии, заместитель директора Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» по науке (г. Иркутск). E-mail: eukolganova@gmail.com

Красноштанов Георгий Борисович — исследователь (г. Москва). E-mail: krasnoshtanov.shura@mail.ru

Крючкова Тамара Александровна — кандидат исторических наук, главный библиотекарь отдела краеведения Иркутской областной государственной универсальной научной библиотеки им. И. И. Молчанова-Сибирского (г. Иркутск). E-mail: kruchkova-tamara@yandex.ru

Мельникова Лариса Владимировна — кандидат исторических наук (г. Иркутск). E-mail: vsnikolaev2008@yandex.ru

Никифоров Александр Леонидович — студент исторического факультета Иркутского государственного университета (г. Иркутск). E-mail: kaiser.wilhelm97@yandex.ru

Ометова Марина Леонидовна — главный хранитель фондов Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» (г. Иркутск). E-mail: fondi-talci@mail.ru

Суханова Наталья Николаевна — главный специалист отдела историко-культурного наследия Иркутской областной государственной универсаль-

ной научной библиотеки им. И. И. Молчанова-Сибирского (г. Иркутск). E-mail: redfond@irklib.ru

Тарасов Владимир Иванович — художник, историк, преподаватель Иркутской областной детской школы искусств, заслуженный работник культуры и искусства Иркутской области (г. Иркутск). E-mail: taraskartush55@yandex.ru

Тихонов Владимир Викторович — кандидат культурологии, директор Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» (г. Иркутск). E-mail: talci@irk.ru

Чивтаев Юрий Иванович — исследователь (г. Усть-Кут, Иркутская область). E-mail: yuchivt45@yandex.ru

Шинковой Анатолий Иванович — кандидат исторических наук, главный научный сотрудник Иркутского областного краеведческого музея (г. Иркутск). E-mail: anshin.789@gmail.com

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

- Красноштанов Г. Б.** Вновь обнаруженные документы о Ерофее Хабарове и его родственниках, загадки и предположения 7
- Чивтаев Ю. И. А. И.** Лосев о Киренском уезде: по материалам рукописи «Географическо-статистическое описание Иркутской губернии...» 45
- Тарасов В. И.** Военный эскорт российского посольства в Китай в 1805–1806 годах 62
- Крючкова Т. А., Суханова Н. Н.** Служил Богу, просвещению и науке: протоиерей Прокопий Васильевич Громов и его творческое наследие 69
- Ометова М. Л., Никифоров А. Л.** Учебные заведения духовного ведомства в Иркутской губернии. Одноклассные церковно-приходские школы Иркутского уезда. Материалы к словарю 79
- Шинковой А. И.** Николай Васильевич Кирилов и его вклад в изучение тибетской медицины в Забайкалье 117
- Мельникова Л. В.** Золотопромышленные компании в Бирюсинском горном округе (XIX — начало XX в.) 137
- Гузенков С. В.** Установление парового сообщения на Ангаре 167

АРХИТЕКТУРА

- Калинина И. В.** Тын, башни и внешние укрепления Илимского острога ..183
- Исаев А. Ю.** Трилистник в пропиленной резьбе Иркутска 208

К МУЗЕЙНОМУ СТРОИТЕЛЬСТВУ

- Колганова Е. Ю.** Создание экспозиций первой очереди Илимского острога в Архитектурно-этнографическом музее «Тальцы» 221
- Зиброва А. В.** Кабак в экспозиционном пространстве АЭМ «Тальцы» 232
- Агапитова Р. В.** Постоялый двор как знаковый объект трактового села ...240
- Тихонов В. В.** Практика реконструкции периода Великой Отечественной войны в этнографических музеях под открытым небом Сибири 246
- Тихонов В. В.** Улус-зимник западных бурят 248

МУЗЕОЛОГИЯ

- Тихонов В. В.** Вопросы современной скансенологической практики в Российской Федерации 265

CONTENTS

HISTORY

- Krasnoshtanov G. B.** Recently Discovered Documents about Erofei Khabarov and his Relatives, Mysteries and Hypotheses 7
- Tchivtaev Yu. I. A. I.** Losev about Kirensk District: based on materials of the manuscript «Geographic-Statistical Description of Irkutsk Province...» 45
- Tarasov V. I.** Military Escort of the Russian Embassy in China in 1805–1806..... 62
- Kryuchkova T. A., Sukhanova N. N.** He Served God, Enlightenment and Science: Archpriest Prokopii Vasilyevich Gromov and his Creative Heritage..... 69
- Ometova M. L., Nikiforov A. L.** Academic Institutions of the Seminary Department in Irkutsk Province. Single-Class Parish Schools in Irkutsk District. Materials for Dictionary..... 79
- Shinkovoi A. I.** Nikolai Vasilyevich Kirilov and his Contribution to Research of Tibetan Medicine in Lake Baikal Region 117
- Melnikova L. V.** Gold-Mining Companies in Biryusa Mining District (XIX — early XX Century) 137
- Guzenkov S. V.** Development of Steam Boat Navigation on the Angara 167

ARCHITECTURE

- Kalinina I. V.** Fence, Towers and External Reinforcements of Ilimskii Ostrog 183
- Isaev A. Yu.** Trefoil in Sawn Wood Decorations in Irkutsk 208

MUSEUM CONSTRUCTION

- Kolganova E. Yu.** Creation of First Line Exhibits of Ilimskii Ostrog in Architecture-Ethnographic Museum «Talci» 221
- Zibrova A. V.** Tavern in Exhibition Space of AEM «Talci» 232
- Agapitova R. V.** Ostlery as a Landmark Object of a Highway Settlement 240
- Tikhonov V. V.** Practice in Reconstruction of Great Patriotic War Period in Open-Air Ethnographic Museums of Siberia 246
- Tikhonov V. V.** Winter Settlement of West Buryats 248

MUSEOLOGY

- Tikhonov V. V.** Issues of Contemporary Scansenological Practice in the Russian Federation 265

Научное издание

**ИЗВЕСТИЯ
АРХИТЕКТУРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО
МУЗЕЯ «ТАЛЬЦЫ»**

Выпуск 9

Редактор и корректор: Г. Д. Лопатовская
Верстка: Ю. Д. Довбыш

Подписано в печать 24.11.2017 г. Формат 60*90 1/8. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 34.75. Тираж 200 экз. Заказ №. 35610.
Цена свободная.

Отпечатано в ООО «Репроцентр А1»,
664047, г. Иркутск, ул. Александра Невского, 99/2,
тел.: (3952) 540–940. www.printrepro.ru